

2 р. 20 к.

МАНГАЗЕЯ МАНГАЗЕЙСКИЙ МОРСКОЙ ХОД

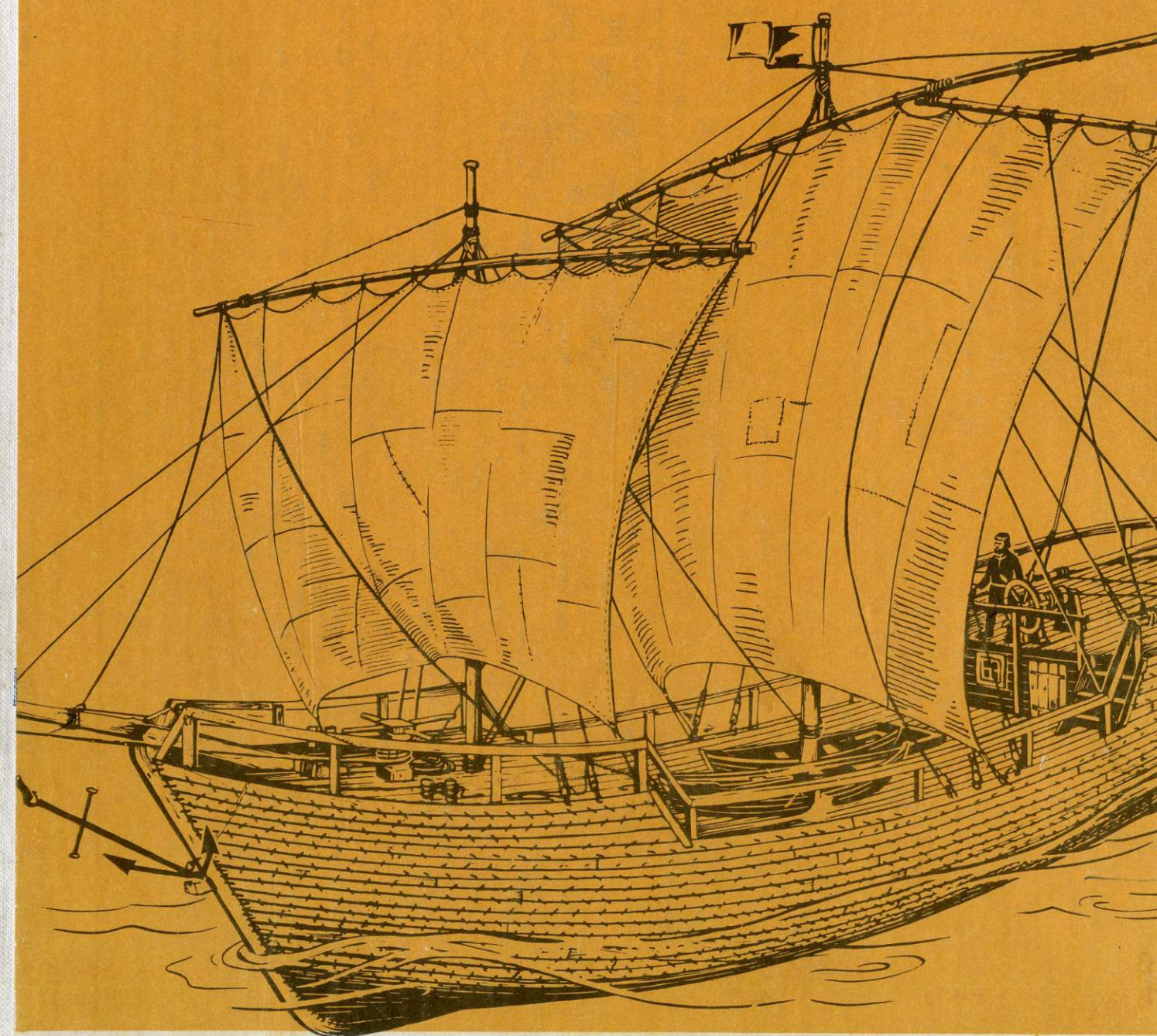
На основе архивных документов XVII в. и коллекции Мангазейской историко-географической экспедиции ААНИИ 1968—1973 гг. дается обобщенная характеристика одного из первых и крупнейших городских поселений за Полярным кругом — Мангазеи. Рассмотрены вопросы организации археологического изучения Мангазейского городища, методика историко-топографического изучения русского феодального города, результаты раскопок, развития полярного мореплавания в Обской и Тазовской губах, Мангазейский морской ход. Широко представлены графические материалы экспедиции, реконструкции крепостных и культовых сооружений.

ГИДРОМЕТЕОИЗДАТ 1980

М. И. БЕЛОВ
О. В. ОВСЯННИКОВ
В. Ф. СТАРКОВ

МАНГАЗЕЯ МАНГАЗЕЙСКИЙ МОРСКОЙ ХОД

К 902.6
Б 93
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР ПО ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИИ И КОНТРОЛЮ
ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ

ОРДЕНА ЛЕНИНА АРКТИЧЕСКИЙ И АНТАРКТИЧЕСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

М. И. БЕЛОВ МАНГАЗЕЯ
О. В. ОВСЯННИКОВ МАНГАЗЕЙСКИЙ
В. Ф. СТАРКОВ МОРСКОЙ
ХОД

ЧАСТЬ I

Под редакцией
д-ра истор. наук
проф. М. И. БЕЛОВА

ЛЕНИНГРАД ГИДРОМЕТЕОИЗДАТ 1980

УДК 947.045+930.26(571.12)

На основе архивных документов XVII в. и коллекции Мангазейской историко-географической экспедиции ААНИИ 1968—1973 гг. дается обобщенная характеристика одного из первых и крупнейших городских поселений за Полярным кругом — Мангазеи.

Рассмотрены вопросы организации археологического изучения Мангазейского городища, методика историко-топографического изучения русского феодального города, результаты раскопок, развития полярного мореплавания в Обской и Тазовской губах, Мангазейский морской ход.

Широко представлены графические материалы экспедиции, реконструкции крепостных и культовых сооружений.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4	роек в 20—30-е годы. Комплекс гостиного двора. Амбары гостиного двора нижнего горизонта. Комплекс таможенного двора. Итоги изучения поселений на торговой стороне. Ремесленный комплекс в центральной части посада. Жилые, административные и культовые постройки на западной окраине посада	
Введение (М. И. Белов, О. В. Овсянников)	5		
Глава 1. Результаты археологических раскопок на городище Мангазеи. (М. И. Белов, О. В. Овсянников, В. Ф. Старков)	9	Глава 5. На пути к заштатному городу (М. И. Белов)	80
Общая характеристика памятника. Характеристика культурного слоя. Оборонительные сооружения и гражданские постройки на территории Кремля. Культовые постройки на пустыре. Постройки в прибрежной (торговой) части посада. Постройки в центральной части посада. Постройки на северо-восточной, северной и восточной окраинах посада. Постройки на северо-западной окраине городища. Итоги исследования.		Четвертый этап истории городища. Восстановление гостиных и складских помещений. Расширение таможенного комплекса. Строительство в центре посада. О пожаре Мангазеи. Пятый этап истории городища. Восстановление крепостных укреплений. Строительство нового гостиного двора и амбаров таможенного комплекса. Возникновение литейного дела на посаде. Шестой этап истории городища. Вопрос о причинах оставления города. Итоги историко-топографического изучения Мангазеи.	
Глава 2. Методика историко-топографического изучения русского феодального города Мангазеи (М. И. Белов)	29	Глава 6. Датировка деревянных сооружений Мангазеи дендрохронологическим методом (С. Г. Шлятов)	93
Письменные и картографические источники. Краткая характеристика этапов истории Мангазеи.		Глава 7. Мангазейский морской ход. Коллекция судовых частей и их графических изображений (М. И. Белов)	108
Глава 3. Процесс перерастания поморского торгового городка на р. Таз в острожное поселение с посадом (1572—1606 гг.) (М. И. Белов)	33	Развитие полярного мореплавания в Обской и Тазовской губах. Мангазейский морской ход. Ямальский волоковый путь. Речной и волоковый Надым-Казымский путь. Мангазейское море. Его первая географическая карта. Этапы развития мангазейского судоходства. Характер, конструктивные особенности и грузоподъемность морских судов XVI—XVII вв. Графические изображения мангазейских судов. Детали мангазейских судов. Навигационные приборы. Солнечные часы-компасы	
Первый этап истории городища. Второй этап истории городища. Ранний воеводский двор. Административные постройки. Главное культовое сооружение. Караульная изба		Заключение (М. И. Белов)	128
Глава 4. Мангазея — город регулярной планировки (М. И. Белов)	50	Приложения	131
Третий этап истории городища. Планировка посада. Улицы. Письменные источники о постройках на посаде. Городовые оборонительные сооружения. Сооружение Кремля. Башни и городни. Расширение внутрикремлевских пост-			

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1968—1970 и 1973 гг. комплексная экспедиция, организованная Арктическим и антарктическим научно-исследовательским институтом Государственного комитета СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды с участием сотрудников Института археологии АН СССР изучала старинное городище в нижнем течении р. Таз, где в XVI—XVII вв., по преданиям, стояла Мангазея.

В данной монографии, выполненной на основе изучения археологических коллекций, а также анализа обнаруженных в государственных архивохранилищах письменных источников, подведены итоги исследования и сделаны выводы по различным аспектам проблемы изучения русского сибирского города эпохи позднего феодализма.

Опираясь на результаты стратиграфических данных и дендрохронологического анализа древесины, выполненного в Институте экологии растений и животных Уральского филиала АН СССР, установлено, что Мангазея являлась типичным позднефеодальным поселением городского типа и в своем динамическом развитии последовательно прошла все этапы: от поморского городка XVI в. до развитого города регулярной планировки, а затем превратилась в заштатный город.

Значительная археологическая коллекция вещей, привезенных в Ленинград, позволила сделать вывод о сравнительно высоком уровне развития русского населения, участвовавшего в географических открытиях и первоначальном освоении заполярных районов Азиатского континента.

На основе изучения первого чертежа Мангазейского моря, под которым в древности подразумевались Обская, Тазовская губы и южная часть Карского моря, находок частей парусных судов, а также их графических изображений по-новому освещен вопрос о Мангазейском морском ходе.

Анализ этапов застройки города, проведенный в тесном взаимодействии с письменными источниками, идентификация строительных комплексов (изучено более 80 построек жилого, торгового и административного типа) рисуют подлинную строительную и социальную историю Мангазеи.

В монографии применен метод реконструкции оборонительных сооружений и культовых зданий Мангазеи, иллюстрированный примерами, а также характеристика спилов археологической древесины и результаты ее датировки.

Ордена Ленина Арктический и антарктический научно-исследовательский институт

ВВЕДЕНИЕ

Изучение феодальных городов, возникших на окраинах Руси, в том числе и на территории Сибири, только начинается. В XVI—XVII вв. в Сибири появились десятки городских поселений, которые тогда назывались «непашенными». Созданные как опорные пункты для продвижения в глубь Сибири, они вскоре стали центрами торговли, промыслов и ремесел.

Создание «непашенных» городов в арктической и субарктической зонах было настоящим подвигом северных крестьян феодальной Руси. Они не только проложили первые тропы на далеком Севере, развили самобытную морскую культуру, которой не знало ни одно государство того времени, но и возвели в условиях вечной мерзлоты надежные оборонительные сооружения, деревянные города и храмы.

Накопление и изучение письменных источников по истории хозяйства и культуры русских феодальных городов Сибири относится к середине XVIII в. Они связаны с работой академического отряда Великой северной экспедиции, в частности, с деятельностью историка-археографа акад. Г. Ф. Миллера. Наряду с поисками документального материала, древних манускриптов и сибирских летописей, он принял широкое изучение старинных документов в Якутском и Туруханском архивах. Найденные письменные источники были скопированы прикомандированными к нему студентами Академии и подъячими провинциальных канцелярий.

Значение такой работы было исключительно велико, так как в дальнейшем архивы этих городов пострадали от частых пожаров. Так, до нас не дошел Туруханский архив, в котором после оставления Мангазеи находились документы и этого города. Большие потери понес и архив Якутской приказной избы XVII в., так что копии, снятые Миллером, по существу являются единственными документами той эпохи. Сейчас они сосредоточены в Архиве Академии наук СССР под общим шифром «Портфели Миллера»¹.

Дальнейшее накопление письменных источников происходило во второй половине XIX в. и в начале

XX в. Оно связано с именами П. Н. Бущинского¹ и Н. Н. Оглоблина². В эти годы появились специальные исследования о Мангазее и Мангазейском морском ходе³.

Настоящий расцвет исследований о жизни городов Северной Азии, в том числе и Мангазеи, произошел в советское время. Наиболее крупным событием советской историографии являются труды С. В. Бахрушина, перу которого принадлежит несколько капитальных работ. Городские поселения Сибири рассматривались выдающимся советским ученым с новых позиций. Особенно значительны его исследования о хозяйственной деятельности торговых и промышленных людей Сибири XVI—XVII вв., путях продвижения русских за Урал. Яркие страницы своих исследований С. В. Бахрушин посвятил мангазейской мирской общине и культу Василия Мангазейского⁴.

В своих выводах С. В. Бахрушин опирался на большой фактический материал, почерпнутый из столбцов и книг Казанского и Сибирского приказов. Особенно ценны обнаруженные им данные о торговле и промыслах в Мангазейском уезде, продвижении на восток торгово-промыслового люда. Очень интересен очерк о мангазейском воёводе Андрее Федоровиче Палицыне⁵.

Однако, изучив большой архивный материал, С. В. Бахрушин сделал противоречащие документальным данным выводы. Он считал, что «Мангазейский город был в сущности большой укрепленной факторией, служившей средоточием главной массы

¹ П. Н. Бущинский. К истории Сибири. Мангазея. Мангазейский уезд 1601—1645 гг.— «Записки Харьковского университета», кн. 1, Харьков, 1893, с. 33—98; П. Н. Бущинский. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889.

² Н. Н. Оглоблин. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.), т. 1—4, М., 1895—1902.

³ Б. Житков. Город Мангазея и торговый путь через Ямал.— «Естествознание и география», М., 1903, кн. 5, с. 1—15; Д. Н. Анучин. Город Мангазея и Мангазейская земля.— «Землеведение», 1903, кн. 4, т. X, с. 35—46; А. М. Филиппов. Еще о Мангазее и торговом пути через Ямал.— «Естествознание и география», М., 1903, кн. 8, с. 74—80; С. Ф. Платонов. Строгановы, Ермак и Мангазея.— «Русское прошлое», М., Петрогр., 1923, т. III, с. 3—8.

⁴ С. В. Бахрушин. Мангазейская мирская община в XVII в. Научные труды, т. III, ч. I, М., Изд-во АН СССР, 1955, с. 297—330; Легенда о Василии Мангазейском. Там же, с. 331—334.

⁵ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. I, с. 175—197.

¹ Многие из привезенных Г. Ф. Миллером в Петербург документов по истории Сибири были изданы в 1937—1941 гг. в «Приложениях» к его «Истории Сибири», т. I, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937, с. 329—464; т. II, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941, с. 117—546. Составители «Приложений»: С. В. Бахрушин, А. Н. Андреев и Н. А. Бакланова.

русского промышленного люда, шедшего на промыслы, и одной из главных задач небольшого сударева города, с его деревянными башнями и малопригодной к делу артиллерией, являлась защита торговых и промышленных людей и сбор с них десятой пошлины¹.

В другом месте С. В. Бахрушин писал, что «постоянного населения в городе не было, но из года в год в начале осени сюда прибывали морем караваны кочей, и безлюдный в обычное время город оживлялся. Под бревенчатыми стенами маленького острожка возникал промышленный поселок... Посад — подчеркивал ученый, — жил своеобразной жизнью: он существовал для приезда с Руси торговых и промышленных людей, оживал осенью... Посад, в обычное время насчитывающий не более десятка человек мужского населения, — зимой насчитывал до 300 жителей, которые останавливались здесь в ожидании времени, удобного для отправки на промыслы»².

«Мангазейский город — безлюдный острожек, закинутый в глубь «студеной гундры», почти под самый полярный круг, среди воинственных племен «кровавой самояды» и других «немирных иноземцев», отрезанный от Руси и даже от прочей Сибири бурями Мангазейского моря...»³, утверждал С. В. Бахрушин в одной из последних статей. И еще: «Мангазейский, или Тазовский, город — небольшой острожек, закинутый далеко в тундру, прилегающую к восточной части Обской губы, был в первой половине XVII в. важнейшим пунктом, откуда тянулись пути на Енисей через Туруханское и далее, правыми притоками Енисея на Лену»⁴.

Из приведенных высказываний с очевидностью следует непризнание Мангазеи городом. В результате выводов С. В. Бахрушина в советской историографии Мангазея до последнего времени оставалась большой факторией, маленьким острожком, всем чем угодно, только не центром торговли, промыслов и ремесла, т. е. типичным феодальным городом Сибири.

Существенных корректив в оценку роли и значения Мангазеи не внесли и исследователи, побывавшие во второй половине XIX в. и в начале XX в. на Мангазейском городище. Правда, среди них не было специалистов археологов и историков. Это были путешественники, занимавшиеся географическим изучением края. Первым на городище побывал в 1862 г. Ю. И. Кушелевский, который, следуя со стороны р. Таз на Енисей, в течение нескольких дней производил рекогносцировку. Он писал в отчете: «Я видел очень заметные следы некогда существовавших зданий города Мангазеи, а у обрушившегося берега реки Таз нависший над водой огромной величины гроб из шестенных досок. Здесь, у гроба, поставили крест»⁵.

Вторым городище Мангазеи посетил русский пу-

тешественник В. О. Маркграф, совершавший походы по Енисею, Оби и Уралу. В Географическое общество, снарядившее его экспедицию, он писал с дороги: «На месте, где значится «часовня», из высокого берега, подмываемого рекою, обнажаются бревна подвальных построек некогда бывшего здесь города Мангазеи. У подошвы берега жители находят изредка металлические предметы»⁶.

Попытку проникнуть в тайны Мангазеи предпринял в 1914 г. омский биолог И. Н. Шухов. В начале августа, путешествуя по р. Таз для пополнения зоологических коллекций, он посетил городище и даже пытался произвести раскопки. «В настоящее время, — писал он, — от города Мангазеи остались лишь одни развалины. На берегу торчат бревна построек, нижние оклады зданий, тянувшихся вдоль высокого обвалившегося берега до ручья. Сохранилось едва только одно строение, — судя по архитектуре, башня. Сохранилось три стены. В одной есть бойницы, архитектура аналогичная с башнями в Юльском городке на реке Казыме. Место, где была Мангазея, кочковатое, поросшее сорной травой и кустарниками. Берег обваливается и остаются мелкие предметы, как стрелы и ножи (металлические части). Я нашел наконец стрелы»⁷.

Первая поездка специалиста-археолога на городище относится к 1946 г. Возглавил первую археологическую экспедицию АНИИ известный специалист по неолиту и бронзе московский этнограф и археолог В. Н. Чернецов. Вместе с сотрудницей Института археологии В. И. Мошинской он соблашил трудностями достиг городища. Была уже осень, полевые работы начинать было поздно, и Чернецов ограничился глазомерной съемкой и составлением полевой карты городища. Попутно были собраны разные вещи — преимущественно керамика, обломки железных и костяных предметов. Изучение этого материала дало возможность сделать важный вывод, что «Мангазея не являлась... лишь военно-торговым форпостом. Это было прочно обжитое место, где русские стремились создать привычный для них уклад и хозяйство»⁸.

Исследование русского феодального города является в настоящее время серьезной проблемой, занявшей в советской исторической науке одно из центральных мест. Советскими археологами разработана методика полевого археологического исследования городских и сельских поселений Древней Руси. На конкретном вещевом материале сейчас решаются узловые вопросы, связанные с зарождением и развитием русского феодального города как административного, торгово-ремесленного и культурного центра. Советская историческая наука изучает зарождение и развитие городских центров

путем совокупного исследования археологических и письменных источников как большую историко-культурную проблему, тесно связанную с процессом консолидации русских земель и становлением древнерусского феодального государства.

Еще недавно изучение памятников XVI—XVII вв. считалось компетенцией скорее этнографов, чем археологов. Между тем совершенно ясно, что культурный слой памятников этой поры может служить полноценным и самостоятельным источником при решении историко-культурных проблем, связанных с возникновением и развитием позднефеодального города и материальной культурой Московского государства.

Историко-археологическое изучение русского средневекового города в Сибири имеет принципиально важное значение, ибо в освоении огромных зауральских пространств сибирские города сыграли первостепенную роль, являясь не только военно-административными форпостами, но экономическими и культурными центрами. Города и остроги, множество небольших опорных пунктов-зимовий с конца XVI в. и в XVII в. являлись ведущим типом русских поселений в арктической зоне Сибири. Поэтому изучение сибирского города равносильно исследованию огромного культурного пласта — истории материальной культуры русского населения Сибири XVI—XVII вв.

Археологическое изучение материальной культуры русского населения Сибири и, в первую очередь, культуры феодального города периода начального освоения зауральских земель только начинается. Правда, первые попытки археологического изучения памятников XVI—XVII вв. были сделаны еще в конце XIX — начале XX в., но эти работы велись в небольшом объеме, коллекция пополнялись главным образом за счет сбора подъемного материала и лишь изредка — в результате небольших раскопок⁹.

Наиболее крупные коллекции, в которых встречались вещи русского происхождения — это западносибирские городища Самарово (близ устья Иртыша), Искер, Барсов городок¹⁰. Комплекс вещей из этих памятников не являлся по своему происхождению русским, но в нем отчетливо выявлялся русский импорт, в первую очередь — железные изделия — топоры¹¹.

Археологические работы последних лет, правда, разведочного характера, в ряде сибирских городов (Братск, Зашиверск, Томск, Верхотурье, Лозьвинский городок, Илимск), усиливающееся внимание к острогам — небольшим поселениям русских в Сибири и к древним памятникам русской сибирской архитектуры — все это показывает возрастающий

интерес к русским позднесредневековым древностям в Сибири¹².

Предлагаемое монографическое исследование проблем русского феодального города Сибири выполнено на основе изучения письменных источников, хранящихся в фондах Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА) и Архива Академии наук, а также анализа большой археологической коллекции вещей Мангазейской историко-географической экспедиции 1968—1973 гг., снаряженной АНИИ с участием сотрудников Института археологии АН СССР.

В 1968 г., как бы продолжая незавершенные работы экспедиции 1946 г. В. Н. Чернецова, историческая группа отдела географии АНИИ организовала экспедицию на городище Мангазеи с целью начать развернутые полевые работы и в течение нескольких полевых сезонов окончательно решить вопрос о характере мангазейского поселения. Ввиду того, что одновременно предстояло решать и другие вопросы, в частности, изучение Ямало-Гыданского Севера, к которому вскоре присоединились биологические исследования в лесотундровой зоне Сибири и Урала, было принято решение считать экспедицию комплексной историко-географической. В дальнейшем она приобрела историко-археологический характер. Основные работы проводились на городище Мангазеи, а также на мангазейских волоках.

К экспедиции были прикомандированы и входили в ее состав сотрудники Института археологии Академии наук: в сезоны 1968 и 1969 гг. — мл. научный сотрудник Лен. отд. Института археологии канд. истор. наук О. В. Овсянников, в сезоны 1970 и 1973 гг. — мл. научный сотрудник Института археологии канд. истор. наук В. Ф. Старков.

Экспедицию с первого до последнего дня работы возглавлял, участвовал в раскопках и обследовании волоков руководитель исторической группы отдела географии полярных стран АНИИ, старший научный сотрудник, доктор исторических наук, профессор М. И. Белов.

В раскопках работ на городище и в рекогносцировке на волоках участвовали сотрудники АНИИ: Р. И. Юнак, С. С. Покровский (Музей Арктики и Антарктики), А. П. Балабаев, М. Е. Сулаков, К. К. Снарский, Е. П. Котрехов, А. А. Тарасов, Ф. А. Урусов, Ю. П. Ромашкин, В. Н. Николаев, П. И. Успенский, Л. С. Тарасов, В. П. Цветков; студенты архитектурного факультета

¹ А. В. Никитин. Братский острог. СА. 2. М., 1961, с. 213—226; В. Н. Матюшенко, Л. Н. Чиндига. Работы в Томской и Омской областях. — Археологические открытия (в дальнейшем АО) 1968 года. М., 1969, с. 197; В. Н. Денисов, В. А. Оборин. Исследование в Пермской и на севере Свердловской области. — АО 1967 года. М., 1968, с. 105—106; Е. Ф. Седякина. Раскопки Илимского острога. АО 1971 года. М., 1972, с. 306; В. В. Бурилов. Работы в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС. АО 1972 года. М., 1973, с. 200; А. П. Окладников, Р. С. Васильевский, В. И. Молодин. Раскопки Илимского острога. — АО 1974 года. М., 1975, с. 225—226; Я. И. Сунчугашев, Н. Ф. Сергеева. Раскопки в Хакасии и в Красноярском крае. — АО 1974 года. М., 1975, с. 234—235; Работы заполярной экспедиции. — АО 1974 года. М., 1975, с. 239—240.

¹¹ Н. А. Лыткин. Археологический отдел Тобольского губернского музея. Тобольск, 1890.

¹² В. Н. Пигнатти. Искер (Кучумово городище). — Ежегодник Тобольского губернского музея. 1915, вып. 25, с. 1—36.

¹³ В. П. Левашова. О городищах сибирского юрта. — Советская археология (в дальнейшем СА). М.—Л., 1950, 13, с. 343.

¹ Р. Е. Кольс. Река Таз. Л., Русск. геогр. об-во, 1930, с. 27.

² И. Н. Шухов. Общий обзор бассейна реки Таз. Ачинск, 1915, с. 9—10.

³ В. Н. Чернецов. Полевой отчет о работе археологической экспедиции в Мангазею в 1946 г. Л., Фонды АНИИ, 1946, с. 26; Он же. О работах Мангазейской экспедиции. Краткие сообщения Института истории материальной культуры (в дальнейшем: КСИИМК), XXI, 1947, с. 159—162.

¹ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. I, с. 334.

² Там же, с. 298.

³ Там же, с. 297.

⁴ Там же, с. 179.

⁵ Ю. И. Кушелевский. Путевые записки. Тобольск, 1864, с. 45. Надо полагать, что Ю. И. Кушелевский ошибался. За гроб он мог принять какое-то неясное деревянное дощатое сооружение.

Института живописи, скульптуры и архитектуры им И. Е. Репина: И. А. Шахов, В. Н. Меньшугин, Э. А. Тяхт, О. А. Харченко, Г. В. Мухин, В. Е. Ермолаев, Н. В. Дудин, Г. П. Демура, Е. А. Скуба; студенты Ленинградского университета: И. Е. Ильичев, В. И. Балаев, В. А. Козьмин, В. В. Остапенко, В. М. Грибенюк; студент Высшего художественно-промышленного училища Е. А. Смирнов; студент Педиатрического института А. Н. Юхно; студенты Ленинградского инженерно-строительного института: А. В. Шербинин, В. Д. Зайцев, Н. И. Явейн, В. М. Власов, А. П. Кошарный, Д. Н. Яковлев, А. М. Крылов, А. Г. Михайлов, В. А. Зенкевич.

Студентам-практикантам экспедиция обязана проведением широких и качественных полевых работ, графическим выполнением планов раскопок. Всего на городище площадью 3,1 га за четыре полевых сезона на вечномерзлом грунте удалось

вскрыть и изучить значительную площадь — 15 тыс. м².

Целью настоящей монографии является комплексная, по преимуществу историко-археологическая характеристика феодального города Сибири XVI—XVII вв. Мангазеи и Мангазейского морского хода. Монография иллюстрирована планами всех 24 раскопок, реконструкциями башен и стен крепости и двух культовых построек — соборной церкви Троицы и церкви Успения.

В подготовке иллюстраций и реконструкциях приняли участие художники Комбината графического искусства ЛО Художественного фонда РСФСР Н. Г. Раков, И. Г. Гай, Р. А. Лейкина, Т. А. Темкина, И. Н. Клебанова и Н. Н. Фузеева.

В подготовке рукописи к изданию участвовали сотрудники отдела географии ААНИИ Е. В. Травина и Е. Н. Шишкина.

ГЛАВА 1 РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК НА ГОРОДИЩЕ МАНГАЗЕИ

В главе изложены основные результаты археологических работ на Мангазейском городище. Полученные материалы, наряду с письменными документами, являются важнейшей частью той историко-археологической базы, которую использовали авторы монографии.

Археологическое изучение территории древнего Мангазейского поселения, начатое экспедицией в 1968 г., продолжалось четыре полевых сезона. За эти годы культурный слой и остатки деревянных сооружений были исследованы в 24 раскопах общей площадью 15 тыс. м², которые охватили наиболее важные участки древнего поселения: территории мангазейского кремля и посада. Были обнаружены, исследованы и интерпретированы остатки древних оборонительных сооружений; изучено около сорока деревянных построек жилого, хозяйственного, административного, торгового и культового назначения. Реальная же площадь раскопок была гораздо больше указанной, так как остатки деревянных сооружений часто залегали на нескольких строительных горизонтах.

Во все годы археологических работ нумерация раскопок, расположенных на территории кремля и посада, была сплошной. Нередко раскопы, начатые в один из полевых сезонов, были окончены лишь в последующие годы. Неоднократно осуществлялись прирезки к площадям раскопок, изучение которых было закончено в предыдущие сезоны. Поэтому признано целесообразным в ходе изложения материала не оговаривать (за небольшим исключением), в какие годы исследовался раскоп или часть большого раскопа.

Изложение материала в данной главе не следует строго порядковой нумерации раскопок, а основывается на территориальном принципе: 1) раскопы на территории мангазейского кремля; 2) раскопы на неукрепленной, посадской, части Мангазеи. В последнем случае, учитывая большую исследованную площадь мангазейского посада, описание раскопок дается с учетом характера исследованных комплексов (жилищно-хозяйственных, торгово-административных), т. е. с учетом специфики той или иной части Мангазейского поселения.

Такой принцип изложения основных результатов археологического исследования дает наиболее полное представление об объеме раскопочных работ, характере и исторической значимости полученного

материала на различных участках поселения и отражает основные черты сложившейся топографии Мангазеи.

Общая характеристика памятника

Городище древней Мангазеи находится в нижнем течении р. Таз, на его высоком правом берегу, у впадения реки Мангазейки (в древности — Осетровка), в 11 км к северу от пос. Сидоровск (Тюменская область, Ямало-Ненецкий национальный округ, Красноселькупский район).

Поселение вытянуто вдоль берега р. Таз на 270 м и занимает всю территорию мыса, образованного Тазом и Мангазейкой. Площадь памятника (около 3,1 га), покрытая мощным дерновым слоем, в значительной части поросла лесом (особенно территория «города») и кустарником. Границы культурного слоя четко прослеживаются по характеру растительности: береза и кустарники на культурном слое и тундровая растительность — за его пределами.

Многочисленный подъемный материал, встречающийся на песчаной кромке берега (бечевика), торчащие из обрывистого берега остатки деревянных сооружений, свидетельствуют об интенсивно продолжающемся разрушении древнего культурного слоя. Гибель культурного слоя вызвана размывом берега во время половодья и оползанием берегов. По нашим подсчетам, погибло около 25—30% территории памятника.

В самом начале работ на поселении была проведена инструментальная съемка, зафиксировавшая видимые следы древних строений на всей площади памятника (прилож. I). Для тщательного выявления плана каждой постройки приходилось расчищать и выжигать прошлогодний травяной покров. Во время съемки плана (ее проводила Р. И. Юнак) были обнаружены общие контуры мангазейского кремля (города) и около 70 построек (главным образом на посаде), задернованных, но еще прослеживающихся с поверхности по возвышению на месте верхних бревен. Последующие работы показали, что зафиксированные до начала раскопок контуры построек верхнего горизонта, чаще всего совпадали с тем планом, который был составлен после археологического исследования объекта.

Мангазея имела типичное для древнерусских городов деление на собственно «город» (кремль) и посад. Город располагался на более возвышенной части берега (перепад высот между городом и посадом составил 2,5 м), его южная сторона выходила непосредственно к р. Таз, западная — к Ратилловскому ложку, восточная — в сторону посада и северная, напольная сторона — в тундру. Западная и северная границы города четко прослеживались по характеру растительности.

Характеристика культурного слоя

Культурный слой городища залегает сразу же под дерновым покрытием и значительной мощности достигает лишь в границах жилищно-хозяйственных комплексов (до 2 м). Встречаются участки поселения, на которых культурный слой выражен слабо или почти отсутствует (например, значительная площадь, отделяющая посад от города). По своему характеру культурный слой Мангазеи — обычный культурный слой позднесредневекового города — интенсивно гумусированный, обильно насыщенный щепой, остатками деревянных сооружений, вещественными находками.

Характерной чертой памятника является кратковременность его существования (с 70-х годов XVI в. до начала 70-х годов XVII в.). Эти данные письменных источников блестяще подтвердились и археологическими раскопками. Таким образом, раскопки Мангазеи представляют собой большие археологические исследования позднесредневекового русского города, культурные напластования которого укладываются в узкие и четкие хронологические рамки.

Однако по насыщенности находками культурный слой Мангазеи неоднороден. Его своеобразная количественная стратиграфия объясняется двумя факторами: историческим и климатическим.

В 1672 г. Мангазея была окончательно оставлена жителями. Уменьшение строительства на городище в последние годы его существования, несомненно, способствовало ослаблению интенсивности отложения культурного слоя и насыщенности его находками. Переезд мангазейских жителей в Турханское зимовье привел к тому, что наиболее ценные и пригодные к употреблению вещи, уходящие горожане брали с собой. Поэтому основная масса находок приходится на нижнюю часть культурного слоя памятника — по времени соответствующую расцвету Мангазеи. Именно в тот период происходила основная застройка территории поселения, осуществлялись перестройки, вызванные пожарами и другими событиями. То обстоятельство, что город существовал всего 70 лет создало исключительные с точки зрения археологии условия для детального изучения его как памятника, по характеру близкого к закрытым комплексам.

Мерзлотные явления, характерные для данного района, создали немало трудностей для исследования памятника и требовали применения своеобразной методики археологического исследования.

После расчистки территории раскопов от леса и кустарников (рубка, пила и корчевание), снимался дерновый слой, как правило, уже протаяв-

ший. Под дерном находился пористый и рыхлый из-за насыщенности щепой культурный слой, в который легко проникала вода, способствовавшая его промерзанию. Этот слой после вскрытия дерна оставляли для протавивания, постепенно снимая оттаявшие пласты по 3—5 см. Искусственное протавивание грунта было признано нецелесообразным и в экспедиции не применялось. Ориентировка раскопов производилась не по странам света, а соотносясь с видимыми контурами построек (площадь раскопов, как правило, незначительно превышает площадь построек, так как каждый квадратный метр требовал многих дней работы).

Мерзлотные явления, которые значительно замедляли ход работ и затрудняли изучение культурного слоя на каждом этапе исследования, обеспечили хорошую сохранность остатков деревянных сооружений, предметов из дерева, кожи, тканей. Однако следует отметить, что дерево и другие органические остатки, находящиеся непосредственно под дерном, сохранились плохо, так как не имели постоянного режима влажности и ежегодно подвергались температурным колебаниям. Хорошо сохранилось лишь то дерево, которое было прикрито культурным слоем.

Первостепенное значение во время раскопок уделялось выяснению планировочной структуры и стратиграфии исследуемых деревянных построек, установлению относительной хронологии строительных горизонтов. Расчистка архитектурных остатков в условиях мерзлоты осложнялась большой плотностью строительных горизонтов: более поздние постройки зачастую сооружались непосредственно на венцах зданий предшествующего строительного горизонта, а также насыщенностью строительных развалов. В связи с тем, что при изучении архитектурно-археологических комплексов особо фиксировались случаи ремонтных работ того или иного сооружения или его части, было четко определено понятие «строительного горизонта» и «строительного этапа» в истории архитектурного комплекса.

«Строительный горизонт» характеризуется четкими стратиграфическими отметками по всей площади постройки или комплекса построек. «Строительный этап» может относиться лишь к части сооружения или комплекса (т. е. это достройки, перестройки во время ремонтных работ или расширение всего комплекса). Таким образом, в период существования одного строительного горизонта может быть отмечено несколько этапов строительных (ремонтных, достроечных) работ.

Стратиграфические наблюдения, сделанные непосредственно во время археологических исследований, позволили выявить и обосновать относительную хронологию строительных горизонтов и строительных этапов в большинстве раскопов кремля и посадской территории. Данные дендрохронологии полностью подтвердили правильность мангазейской относительной хронологии и позволили построить шкалу абсолютной хронологии большинства строительных горизонтов, даже отдельных построек, что, безусловно, повысило ценность полученного материала как исторического источника.

Оборонительные сооружения и гражданские постройки на территории Кремля

Территория мангазейского кремля располагалась в западной части поселения, занимая наиболее высокую часть верхней береговой террасы. С юга эта территория выходила непосредственно к р. Таз, с запада — почти граничила с Ратилловским ложком, а с севера — с тундрой.

С археологической точки зрения исследование кремля как комплекса оборонительных сооружений, административных, культовых и жилищно-хозяйственных построек представляло большой научный интерес.

Визуальное обследование территории крепости показало, что она не имела дополнительных земельных укреплений в виде рва и осыпи. Уже во время обмерных работ по характеру растительности, по возвышенностям, образовавшимся на месте деревянных стен, удалось установить принципы планировки древней мангазейской крепости, основные направления ее стен.

Крепостные укрепления были выявлены системой примыкающих друг к другу раскопов и шурфов. На тех участках, где сплошное вскрытие раскопа осуществить было невозможно, остатки деревянных сооружений оконтуривались. Оборонительные сооружения изучались в юго-западной их части (раскоп 2), в северо-западной — район Ратилловской башни (раскоп 3), а также по северной и восточной сторонам (раскоп 4). Сохранность деревянных военно-архитектурных сооружений в этих раскопах была далеко не равноценной: довольно хорошая в раскопе 2 и плохая в остальных раскопах (как правило, от бревен оставался лишь слой трухи).

Оборонительные сооружения были исследованы в раскопе 2. На этом участке из обрыва берега торчали массивные бревна и ряд вертикально стоящих столбов. Хорошая сохранность дерева позволила проследить здесь всю систему мангазейских военно-оборонительных сооружений.

После снятия дерна на протяжении более 10 м были детально прослежены нижние части вертикально врытых бревен диаметром 0,25—0,30 м.

Раскоп 3. Площадь раскопа 50,5 м² (прилож. II). За линией стен, прослеженных в кв. А—2, 3, 4, 5 исследовались остатки городской рубленой стены, которые почти примыкали к вертикально стоящим бревнам с восточной, внутренней стороны. На открытых бревнах городен видны следы перерубов.

В северной части раскопа после снятия дерна были обнаружены следы сгнившего дерева. Отчетливо прослеживался один из углов Ратилловской башни (размер башни 3,5×3,7 м). К юго-западной и восточной ее стенам примыкали остатки крепостной стены (внешняя ее часть) и ряд вертикально стоящих бревен (точнее, их оснований). Высота остатков до 30 см, диаметр 10—15 см). С юго-западной стороны они сохранились на протяжении 4 м, с восточной — 7 м. Любопытна стратиграфия участка башни: дерновый слой (10—12 см), остатки дерева (толщина 1—1,5 см), углистый слой (4—5 см), затем отложения глыны. К юго-востоку от Ратилловской башни обнаружены остат-

ки сгнивших бревен, положенных под прямым углом друг к другу — очевидно, настил какого-то крепостного сооружения.

Раскоп 4. (прилож. III). Исследовались остатки укреплений на северной и северо-восточной сторонах крепости.

Были обнаружены фрагменты сгнивших бревен и вертикальных столбиков. Это позволило установить точное направление северной стены кремля.

Изучались остатки восточной напольной Успенской башни (4,7×4,7 м) с примыкающими к ней городнями (ширина городни — 2,7—2,8 м), и с западной стороны — вертикально стоящие бревна. С северо-востока к Успенской башне примыкает разброс прогнивших бревен, которые могли остаться после ремонтных работ на башне.

Интересные результаты были получены на южном участке. Здесь удалось обнаружить не только остатки проезжей (Спасской) башни (ее размеры 6×6 м), но и часть вымостки внутри башни и внутри городен. Отчетливо видны следы перерубов городен. Культурный слой в раскопах 3 и 4 был очень незначителен.

Таким образом, системой раскопов и шурфов была выявлена планировка и структура мангазейских оборонительных сооружений и главным образом деревянной крепости. Найдены три башни (из пяти) — две угловые глухие и одна проезжая. Остальные две башни, выходившие к р. Таз, не сохранились — они упали в воду.

Полученные в ходе исследования данные показали в общем одинаковую на всех участках картину — сочетание вертикальной острожной стены и рубленой городской. Наблюдения, сделанные в отдельных раскопах, дают основание говорить о нескольких строительных этапах в истории мангазейской крепости, интерпретировать которые, однако, можно, лишь опираясь на сведения письменных источников.

Раскопки на территории крепости начались с участка, находящегося в подверженной наибольшему разрушению береговой части городища.

Раскоп 2/6 (прилож. IV). Раскоп 2 был заложен в юго-западной части кремля. Площадь раскопа — 800 м². В раскопе исследован большой и сложный комплекс построек, которые залегают в нескольких строительных горизонтах. Изучение строительных конструкций, обнаруженных в раскопе, а также стратиграфические наблюдения на всей площади раскопа дают основание четко видеть два строительных горизонта.

Нижний горизонт. Этот горизонт представлен рядом построек клеток: а, б, в, г, д, е, ж.

Клеть а. Сохранилась лишь северо-восточная часть сруба клетки (ширина 6,6 м, длина около 3,2 м). Бревна рублены в обло с остатком (диаметр 30 см), сруб сохранился в 3 венца. В северо-восточной части сруба обнаружен дверной проем. Внутри сруба на 4 лагах вымостка из досок. У северо-западного и северо-восточного углов — столбы с вертикальными пазами, в которые были забраны бревна, идущие в северо-восточном направлении. Помещение (очевидно, сени), образованное двумя этими стенками, примыкало с юго-запада к срубу б. Однако сени не были замкнуты — они имели свое-

образный задний коридор, вытянувшийся в северо-восточном направлении (квадрат Б-3). Выход из него был закрыт досками. Подобная конструкция сеней с задним коридором обнаружена в трехкамерной постройке верхнего горизонта.

Клеть б. Сохранилась полностью, размеры сруба 3,9×3,8 м, рубка бревен в обло с остатком (диаметр — 20 см). Под сруб положена одна длинная лага — подкладка. Пол вымощен тонкими бревнами (диаметр 14—15 см), концы которых забраны в паз между первым и вторым венцами сруба. В восточной стенке сруба имеется дверной проем. Почти против него — остатки вымостки крыльца: две продольные и две поперечные доски.

Срубы *а* и *б* вместе с располагающимися между ними сенями составляли трехкамерный дом, нижние этажи — подклеты построек *а* и *б* — служили хозяйственными помещениями.

У северо-восточного угла клетки *б* поставлен столб с пазом, в который забран стесанный конец бревна, положенный на доску внутри дворовой вымостки. В квадратах Г-3, 4 расположены еще семь столбов.

Клеть в. Сохранилась в два венца (срублены из бревен диаметром 20—22 см в обло с остатком). Размер сруба 3,8×3,75 м. В восточной стене сруба имеются следы дверного проема, к востоку от которого находилась крылечная вымостка.

Между северо-западным и юго-западным углами клеток *б* и *в* обнаружена глухая стена из вертикально врытых 12 столбов.

Клеть г. Завершает трехчастную постройку. Размеры сруба 5,3×5 м. От сруба сохранилось три венца. Внутри него обнаружены еще один сруб меньших размеров, сложенный из более тонких бревен. Размеры этого сруба — 3,8×3,8 м, внутри него фрагменты дощатой вымостки без лаг. Здесь же в северо-восточном углу фундамент печи с обводкой. В восточной стене клетки обнаружен дверной проем и мощный проход внутрь двора. Конструкция мощного прохода представлена четырьмя толстыми плашками, три из которых вплотную примыкали друг к другу и упирались торцами в стену сруба. Четвертая плашка была положена поперек. Ранее плашки были перекрыты досками. По обе стороны входа в клеть, в промежутке между стенами, прослежены основания дощатых перегородок.

Восточная стена сеней, расположенная между постройками *в* и *г*, имела особую конструкцию: горизонтально лежащее бревно имело паз, в который набирались вертикально стоящие бревна. Бревно, являющееся основанием задней стены сеней, продолжено на юг, в сторону западной спины клетки *в*. Следовательно, оно служило основанием стены второго в комплексе заднего коридора. Внутри северных сеней обнаружены два столба с пазами, между которыми находилась яма, что определяется перепадом уровней пола и самого углубления (15 см).

Клеть д. Очевидно, она была замыкающей комплекс. От ее средней части начиналась ограда. Ее конструкция уже знакома — врытые столбы с вертикальными пазами и забранными в них горизон-

тальными бревнами. Ограда заканчивалась проходом (вероятно, это была калитка), куда подходила вымостка из досок.

Клеть е. Почти не сохранилась. Остался один венец. Размеры сруба 5,7×5,7 м, углы срублены в обло с остатком. Вокруг клетки имеются фрагменты ограды. Северное бревно этой ограды состоит из двух частей — западной и восточной. Конец западной части бревна положен на большой брус, в который вмонтированы тетивы подъемной лестницы (сохранилась ее нижняя ступенька). Надо полагать, что сама лестница при подходе к восточной стене клетки *г* опиралась на столбы. В восточной части сохранилась узкая дощатая вымостка, которая в квадрате ЕЖ-6 вплотную подходит к калитке, ведущей за пределы двора.

Клеть ж. Сохранилась на три венца. Размеры ее 6×6,2 м. Внутри сруба по всей площади обнаружены остатки обгоревшего пола, на котором видно скопление глины красного оттенка, очевидно, остатки печи из кирпича-сырца. Сохранились и фрагменты обводки печи — столб с подом и часть вставленной в паз доски. На южной стене обнаружены остатки крылечной вымостки, хотя следов дверного проема не заметно.

В центральной части комплекса между двумя рядами построек (западный ряд: клетки *а*, *б* и сени, клетки *в* и *г* с сенями; восточный ряд: клетки *в* и *ж*) в квадратах Г-1,7 обнаружена дворовая вымостка, которая прослежена в северной части двора (в квадратах ГДЕ-6,7), где она вплотную подходила к калитке (квадраты ЕЖ-6). Здесь имеются также фрагменты мостовой, идущей от клетки *д* на юг. Как показывает конструкция вымостки в квадратах ГДЕЖ-1, 2, она имела форму сборного «шахматного» настила, причем по его краям стояли столбы небольшого размера.

Северо-восточный комплекс построек, расположенный в северо-западной части мангазейской крепости и вплотную примыкавший к ее западной стене, был огорожен. В круговую ограду входили западные стены срубов *а*, *б*, *в*, *г*, стена вертикально забранных столбов, развернутая между клетями *б* и *в*, а также ограда клетки *г*, состоявшая из березовых бревен, стыкованных в замок (северное оградительное бревно в квадрате Г-8 было соединено со следующим звеном круговой ограды врубкой в замок).

Обнаружены оградительные бревна, идущие вдоль восточной стены сруба *г*. Они состоят из трех фрагментов. Между северо-восточным и юго-западным углами клеток *г* и *д* оградительное бревно вставлено в паз вертикально стоящего столба, расположенного у переруба юго-западного угла.

В восточной части комплекса оградительная система разветвлялась. Стена ограды, начинавшаяся в центре южной стены клетки *г*, шла к столбу с пазом в клетю (квадрат Е-7), где вплиты к нему стояло еще три столба, один из которых с пазом. Отсюда стена ограды шла к столбу в квадрате Е-6, установленному у калитки. Другое направление ограды — от группы из трех столбов в квадрате Е-7 на юг, в сторону мощной дорожки, идущей от лестницы к калитке. К югу от калитки располагалась восточная стена ограды, от которой

в квадрате Е-5 сохранилось лишь небольшое бревно.

Общий итог раскопок в нижнем горизонте юго-западной части городища следующий: до возведения на строительной площадке первого (большого по мангазейским масштабам) комплекса, были построены временные сооружения, которые вскоре подверглись разрушению или были использованы при строительстве этого комплекса. Сам комплекс создавался по четко продуманному плану¹.

Он предусматривал создание двух до деталей схожих хором, предназначенных для проживания двух семей и прислуги. На это указывает планировка и одинаковые размеры зданий, одно из которых является как бы зеркальным отражением другого. Каждая из хором имела две клетки, разделенные сенями, с задним коридором, причем коридор в случае надобности мог использоваться для прохода из одного здания в другое. Все клетки имели различное назначение. Они создавались из массивных бревен, печи складывались на булыжном основании из кирпича-сырца. В меньших по размеру клетях (клетки *б* и *в*) размещались кухни и столовые, что доказывают обнаруженные здесь предметы кухонной утвари. Совсем иное назначение имели два здания в восточной стороне двора. Вероятно, это были служебные помещения, хотя не исключено, что частично они использовались под жилье, так как имели печи.

Верхний горизонт. Изучение верхнего строительного горизонта показало, что по всей строительной площадке был возобновлен, хотя и в меньших размерах, комплекс построек, в центре которого находилось трехкамерное здание, существовавшее ранее. Стратиграфически новый комплекс поднят над уровнем нижнего горизонта почти на 70 см. Он состоял из пяти клеток *а*, *б*, *в*, *г*, *д* и одних сеней. Сохранность строительной древесины неодинакова. Если в пределах трехкамерного жилища и клетки *а* ее можно считать вполне удовлетворительной, то в клетях *г* и *д* древесина сохранилась плохо, бревна сильно разрушены или сохранились фрагментарно, как, например, настилы полов.

Клеть а. Представляет собой сруб шириной 6 м, углы которого рублены из тонких бревен в обло с остатком. Внутри него сохранился, хотя и довольно плохо, ряд бревен, параллельных западной

и восточной стенам сруба. Здесь же были лестничные марши. Значительное количество навоза позволяет предположить, что нижняя часть здания использовалась как хлев. От северо-западного угла сруба в северо-восточном направлении, параллельно городской стене, идет ограда. В квадрате Б-5,6 сохранились фрагменты ограды (два столба, один с пазом и два рядом стоящих столбика, пространство между которыми, очевидно, забиралось бревнами).

Клеть б. Это сруб размером 4,2×4,3 м, выполненный из тонких бревен диаметром 6—8 см. От него сохранилось 2 венца, углы рублены в обло с остатком. Под западное и южное окладные бревна подложены два одинаковых по размерам бруска.

Между клетями *б* и *в* обнаружена конструкция сеней и заднего коридора, стены которых сложены из толстых лиственничных бревен (диаметром 20—25 см). Стены наборные — стесанные концы бревен вставлены в пазы вертикальных столбов (5 штук). Небольших размеров задний коридор имел выход на запад и был закрыт тонкой дощатой перегородкой точно так же, как в сенях нижнего горизонта. Для укрепления коридора с внешней стороны был поставлен столб. С этой же целью к северной стене сеней был поставлен другой вертикальный столб, а несколько поодаль — третий. Надо полагать, что к северу от столбов был положен настил, от которого сохранилось два маленьких столбика и фрагменты досок. Возможно, что этот настил был частью крылечной вымостки. Четыре столба внутри сеней замыкают огороженную квадратную площадку, забранную досками, которую можно принять за обводку печи и фрагменты пола, на котором стояла печь.

Клеть в. Срублена из толстых бревен в обло с остатком. Ее размеры 5,5×5,7 м. Сохранился только один венец. Конструктивной особенностью этой клетки являются двойные стены, благодаря чему она напоминает конструкцию клетки *г* нижнего горизонта. Различие их лишь в том, что вторая (внутренняя) клеть создана не перерубами в обло на четырех углах, а одним перерубом на каждом из двух бревен. Например, внешнее северное бревно перерублено в восточном углу и западным концом приставлено к западной стене, а внутреннее северное бревно перерублено на западном углу, но вплотную приставлено к восточному бревну. Такая же картина наблюдается и на южных углах. План подобной постройки, расположенной в открытых для ветра северных частях комплекса, встречается не однажды в ходе раскопок мангазейских жилищ.

Ко второму строительному периоду относятся еще две постройки.

Клеть г. От нее сохранилась лишь часть. Размеры помещения были 4,5×4,5 м. Внутри сруба вымостка из досок, положенных на лаги.

Клеть д. Это сруб размером 5×5 м с вымосткой из досок, положенных на лаги. Весь юго-западный угол клетки занят каменной печью. В квадрате Б-2, 3, 4, 5, 6 вдоль городской стены обнаружены остатки ограды. От нее сохранились столбы и бревна, забранные в пазы столбов. Не вполне понятна

¹ Для строительной истории первых больших комплексов Мангазеи немаловажную роль играют остатки построек, возведенных до первого крупного комплекса в юго-западной части кремля. Это — часть сруба в квадрате Б-1, остатки печи в клетю *а*. Основание этой ранней печи открылось во время оползня в районе берегового обрыва, где до начала раскопок помещалась клеть *а*. Здесь, на полуметровой глубине под полом клетки *а*, оказались фрагменты каменной печи. На существование какой-то ранней постройки в юго-западной части кремля указывает обнаружение бревна в квадрате Б-2, а также ранний культурный слой под илом и горелым слоем в северной части раскопа (разрез V—V). Особенно отчетливо стратиграфия этого древнейшего горизонта прослежена в квадрате БВ-1,2. Оказалось, что частично клеть *а* поставлена на более древние строительные остатки. Таким образом, можно предполагать, что на территории юго-западного комплекса кремля стратиграфически следует выделить строительный горизонт, предшествующий появлению построек 1601 г.

конструкция клетки e_1 , примыкающей к сеним клетки θ_1 .

Изучение конструкций построек верхнего горизонта комплекса подтверждает вывод о том, что и после пожара на юго-западе кремля продолжала существовать традиционная сложная в архитектурном плане постройка, рассчитанная на одну семью с прислугой, точнее хоромы, окруженные с северной и южной сторон зданиями жилого и служебного характера. После пожара хоромы пришлось огородить с западной стороны, тогда как с северной их по-прежнему защищала крепостная стена. Характерно, что план хором не претерпел существенных изменений. Он сохранил прежний вид — две клетки, одна из которых являлась главной, с двойным срубом, другая — вспомогательной. Между клетями располагались сени с задним коридором. Здание было развернуто с запада на восток, причиной чего явилась обстановка после пожара.

Внутри крепости было заложено еще четыре раскопа.

Раскоп 7 (прилож. V). Располагался почти в центре деревянного города (площадь 240 м²). Густо растущие деревья (березы) на этом участке в первый полевой сезон не позволили произвести сплошное вскрытие дерна, поэтому постройка, отмеченная на топографическом плане, была околочена, был выявлен ее строительный план и условия залегания (квадраты А-Г-1—6). В дальнейшем удалось установить, что здесь находилась постройка, рубленная из толстых кедровых бревен (диаметром 30 см). Она стояла на тонком углистом слое, что является доказательством существования здесь более раннего здания, уничтоженного пожаром. В строительном плане более поздняя постройка похожа на предыдущую.

Постройка состояла из трех помещений: северо-восточного, северо-западного и юго-западного срубов. Еще в первый полевой сезон при вскрытии и изучении культурного слоя удалось установить, что северо-западный сруб размером 4,9×3,4 м был вмонтирован в западную стену северо-восточного сруба (8×7,1 м). Северо-восточный и юго-западный срубы имели общую стену, нижнее бревно которой четырежды перерублено, с тем, чтобы придать зданию уступчатую форму. К южной стене юго-западного сруба примыкала постройка, от которой сохранились только фрагменты (квадраты БВ-1,2). Внутри сруба обнаружена деревянная обводка печи и часть настила пола, лежащего на суглинистой почве. Доски настила были обнаружены и в северо-восточной клетке. Под полом найдены три захоронения в двух гробах: № 4 и № 5 «парное». Последнее находилось в большом гробу, разделенном рейкой на две половины. Это погребения взрослых людей.

За северо-восточной стеной постройки в глинистом материке были открыты еще три захоронения: останки младенцев. Гроб трапециевидной формы, длиной 1,4 м, собранный на деревянных шпунтах и гвоздях. В гробу находилось тело девочки лет 12—14 (хорошо сохранились волосы, глазные яблоки, мышечные ткани и фрагменты женской рубашки).

Захоронения наводят на мысль, что, по всей вероятности, это была церковная постройка, в несохранившейся алтарной части которой были похоронены дети.

Раскоп 12 (прилож. VI). Заложена в юго-восточной части крепости, на краю обрыва. Значительная часть деревянных сооружений пострадала при оползнях. В раскопе (площадь около 270 м²) исследованы остатки нескольких построек.

Нижний горизонт. В квадратах БВГД-1,2 зачищена трехкамерная постройка. Восточная клеть (4,5×4,7 м) и сени (4,8×3 м) были срублены раньше (согласно дендрохронологическому анализу 1601 г.), а несколько позднее, в 1617 г., к ним присоединена или пристроена западная клеть (7,5×5 м). Однако из-за плохой сохранности древесины не все части трехкамерной постройки хорошо прослеживаются. Например, от сеней сохранилась лишь южная стена (бревно, вставленное в пазы двух столбов). От второй северной стены сеней — только бревно, являющееся «остатком» стены западной клетки. Если трехкамерная постройка имела именно такой план, то в ней по аналогии с трехкамерными постройками раскопа 2/6 должны были быть сени с задним коридором.

В полевые сезоны 1969—1970 гг. в раскопе 12 были обнаружены прогибы почвы, образовавшие как бы ямы (квадраты В-2 и Г-2). Из них были извлечены ценные вещи — серебряные монеты, резные шахматные фигурки, игральные кости, обувь из кожи.

Верхний горизонт. В 1 м от восточной стены трехкамерной постройки обнаружен забор, в виде вертикально поставленных мелких тесаных бревен. Он отгораживал постройку от однокамерного сруба, восточная стена которого почти вплотную подходила к городской стене кремля. Между трехкамерной и однокамерной постройками существовал мощный проход, развернутый по оси север — юг, от р. Таз на север, к Спасской воротной башне и культовой постройке в центре кремля.

В восточной части крепости исследовались две однокамерные постройки (раскопы 16, 17).

Раскоп 16 (прилож. VII). Открыта квадратная в плане постройка размером 5×5 м, рубленная из бревен диаметром 25—30 см. Виден один окладный венец. Рубка бревен по углам в обло с остатком. Внутри клетки сохранился настил из корабельных досок, положенных на поперечную лагу. В северо-восточном углу обнаружена дощатая обводка печи. Выход из помещения, очевидно, находился в юго-восточном углу, на что указывают два сочлененных столба — остатки дверной конструкции. В 2,2 м с северной и восточной сторон стояла бревенчатая стена вертикально забранных столбов. Строение сохранилось в двух стратиграфических планах, причем постройка верхнего горизонта почти копировала нижнюю. Сруб нижнего горизонта сохранился не полностью: у него не хватает южного бревна, хотя на восточном имеется чаша переруба. Пол положен на многочисленные лаги, концы которых вставлены в пазы окладных бревен.

Позади центральной кремлевской церковной постройки в сторону северной крепостной стены был

вскрыт дерн и произведены раскопки еще одного квадратного однокамерного сруба (5,4×5,6 м).

Раскоп 17 (прилож. VIII). На раскопе этот сруб представлен не полностью из-за плохой сохранности древесины. Перерубы в обло с остатком и сами окладные бревна едва укладывались при нанесении их на план. Сохранился настил из досок, положенных не на лаги, а на три ряда бревнышек, разделенных пятью столбиками.

В юго-восточном углу однокамерной клетки стояла печь, что подтверждается остатками печной обводки. В южной части сруба на полу разбросаны камни и обгорелые остатки дерева. У северо-восточной стены постройки, с ее внешней стороны, обнаружены остатки вымостки из мелких жердей. В западном и восточном направлениях досками застлан выход из помещения в сторону крепостной стены. Дендрохронологический анализ показал, что постройка относится к самому раннему периоду существования мангазейской крепости.

Культовые постройки на пустыре

Между восточной стеной кремля и западной границей посада расположен пустырь — не застроенная территория (35—40×100 м). Однако на северо-западной, южной и восточной ее границах обнаружены постройки культового назначения. На юге, у обрывистого берега обнаружен двухкамерный сруб, развернутый по оси юг — север (раскоп 11). На юго-западе, за густой полосой лиственных найден трехкамерный сруб, развернутый по оси юго-запад — северо-восток (раскоп 5). Наконец, на восточной границе пустыря зачищен еще один трехкамерный сруб, развернутый по оси запад — восток (раскоп 14). Таким образом, все четыре культовых строения, включая и кремлевскую культовую постройку, образуют треугольник, внутри которого находится свободное пространство — пустырь. Это дает основание рассматривать срубы, расположенные на периферии пустыря, в едином плане застройки Мангазейского городища.

Раскоп 5 (прилож. IX). Заложена к востоку от Успенской угловой башни города (площадь 240 м²). Участок порос кустарниками и лесом. Под сравнительно тонким слоем дерна и прослойкой песка на глубине 50—60 см была обнаружена постройка, состоящая из двух срубов с одной общей стеной. Юго-западный сруб (размером 8,5×8,7 м) и северо-восточный (7,6×6,8 м) срублены из кедровых бревен, по углам в обло с остатком. Сохранился один венец. Строение стояло на тонком слое щепы без примеси гумуса. В юго-западном срубе обнаружена вымостка из тонких бревен, лежащих на мощных лагах. С юго-западной и северо-восточной сторон к постройке примыкали какие-то сооружения, от которых сохранились лишь остатки. Сверху строение было перекрыто толстым слоем песка.

Культурный слой очень беден: несколько монет XVIII в., гвозди и около 10 голубых бусин.

По своей планировке постройка напоминала культовую. На это указывает архитектура строения: на общем окладном бревне сделано четыре переруба для четырех углов конструкции «в обло с остатком». Это позволяло иметь помещения различных

объемов, а углы создавали уступы. Таким образом, стороны здания имели в плане не прямые, а ломаные линии.

К двум помещениям с юго-запада примыкала конструкция прихода церкви.

Раскоп 11 (прилож. X) расположен в прибрежной, сильно разрушенной оползем части городища. Площадка раскопа поросла березами и кустарниками. Под дерном и толстой прослойкой песка на глубине 50—60 см были обнаружены остатки плохо сохранившегося нижнего венца двух срубов: северного, частично обвалившегося, и южного (6,5×9,2 м). Срубы имели одну общую стену, нижнее бревно которой на концах четырежды перерублено, как и в постройках, обнаруженных на раскопах 5 и 7. Это указывает на то, что постройка имеет архитектурный план церковного здания. Правда, развернута она не по оси юго-запад — северо-восток, а с юга на север. Срубы лежали на горелой прослойке.

В центре постройки вырыт к общему бревну, делящему строение на два сруба, обнаружены кости рук и ног человека без мышечных тканей. Останки скелета были завернуты в черного цвета малицу из хорошо обработанной тонкой оленьей кожи. Останки находились в небольшом деревянном гробу, сделанном из досок коча и небольших колышков. Во время осмотра городища в 1973 г. под обрывом, прямо под раскопом 11, был обнаружен скатившийся по склону череп. Культовая постройка располагалась на весьма бойком месте — на дороге из посада в кремль.

Раскоп 14 (западная сторона). В западной стороне обнаружена очень интересная постройка. Следы ее хорошо видны на поверхности и представляют собой завал закопченных и обожженных булыжных камней. Было высказано предположение о производственном характере постройки. Однако результат работ был неожиданным: открыто строение культового назначения, ориентированное с запада на восток. Оно состояло из нескольких квадратных срубов и в плане напоминало обнаруженные в 1968 г. церковные постройки в раскопах 5 и 7. Основной объем здания (квадраты А-3, А-2, 3,4) — квадратный сруб размером 5×5 м. Он имел одну общую стену с западным срубом размером 4,5×3,7 м.

Соединение двух строений в одно осуществлено обычным для церковных построек способом. В центре помещалось бревно с четырьмя перерубами. Внутри срубов весьма фрагментарно сохранились следы вымостки и подкладок. С востока к центральному срубам был пристроен другой размером 4,1×4 м. Срубы сохранились в весьма разрушенном состоянии и только благодаря тому, что окладный венец был как бы забран в каменную кладку. Скопления крупных камней находились в центральном и восточном срубах. Одно из них — это завал печи, сложенной из булыжника. О культовом характере постройки свидетельствовали находки — медная лампада, сосуды и детали бронзовых подсвечников.

Дальнейшее изучение культовой постройки показало, что она стояла на более раннем однокамерном срубе (квадраты А-2, А-3—3,4). Углы его

срублены из лиственничных бревен в обло с остатком. Внутри сруба сохранились фрагменты трех лаг, перекрытых досками настила. В северо-восточном углу клетки находилась печь. На полу было обнаружено большое количество рыболовных поплавков и ножи.

Постройки в прибрежной (торговой) части посада

На расстоянии 40 м от кремля, за пустырем, находятся самые западные постройки Мангазейского посада, тогда как самые восточные расположены на правом берегу р. Мангазейки. На расстоянии 170 м вдоль р. Таз и на 30—35 м в глубь берега было заложено шесть раскопов: раскопы 14, 1 («Гостинный двор»), раскол-комплекс А, раскопы 21, 22, 23. Площадь всех раскопов 5,250 м². На двух-трех строительных горизонтах обнаружено и изучено около 30 жилых, хозяйственных и общественных построек.

Раскоп 14 (прилож. XI) заложен на самой крайней западной прибрежной полосе обрывистого берега, возвышающегося над уровнем реки на 12 м. Этот раскоп интересен тем, что дает возможность проследить процесс застройки самой близкой к кремлю территории от появления первых срубов до оставления города в 70-е годы XVII в.

В начале раскопочных работ удалось выявить целый комплекс разновременных строений, отдельные части которых из-за интенсивного оползня уже успели обвалиться.

Нижний горизонт. Здесь находили фрагменты построек, разрушенных оползнем, а также при возведении конструкций верхнего горизонта. В районе обрывистого берега (квадраты АБ-1, 2) изучена часть хозяйственной постройки, относящейся к раннему периоду застройки городища. Это клеть с внутренним делением в виде перпендикулярно приставленных друг к другу бревен.

В квадрате Г-1—3 сохранились остатки южной части клетки — шириной 4,5 м (два венца и фрагмент пола), срубленной из бревен диаметром около 15 см. Как показал дендрохронологический анализ спилов, постройка сооружена в первый год существования Мангазеи.

Третья постройка расположена в квадратах ВГ-2, 3, 4. Она также датируется первыми годами существования города и сохранилась в двух венцах (второй — фрагментарно). Эта клеть срублена в обло с остатком. Имеет размеры 5,8×4 м. Пол представлен двумя рядами досок, под которыми обнаружено пять небольших столбов, один из которых — пень лиственницы. Западное перерубленное бревно в северной части имеет удлинение в 3 м, как бы продолжавшее постройку. Однако изучение участка возможного продолжения постройки результатов не дало. Очевидно, при строительстве срубов верхнего горизонта эта часть нижней постройки была уничтожена.

Раскоп 1 (прилож. XII). К востоку от построек, вскрытых раскопом 14, берег резко понижается до уровня 10—8 м. До начала работ на участке росли березы и кустарники. Изучение его представляло интерес, так как здесь предполагалось обнаружить конструкции гостинного двора. И хотя вначале не

удавалось ничего найти, раскопки продолжались три полевых сезона (начало в 1968 г., продолжение в 1969 и завершение в 1970 г.).

Стратиграфические исследования позволили выделить постройки, относящиеся к верхнему и нижнему строительным горизонтам.

В нижнем горизонте, как удалось установить впоследствии, был обнаружен большой общественный комплекс построек. В 1968 г. рядом с небольшой постройкой (квадрат Д-4), относящейся к верхнему строительному горизонту, была обнаружена часть более древнего сруба (квадраты Д-4—5). Тогда же у самого обрыва берега было открыто несколько необычное сооружение: часть сруба из толстых (диаметром около 30 см) бревен с мощными лагами для настила полов.

Только после работ 1969 г. стало ясно, что эти фрагменты построек принадлежат единому мощному архитектурному комплексу, которому полностью соответствует нижний горизонт.

Клеть а. К обнаруженной части постройки с северо-востока примыкало длинное сооружение, восточная стена которого состояла из бревен, набранных в вертикальные пазы врытых столбов.

Клеть б. С западной стороны она заканчивалась небольшим срубом почти квадратной формы (2,3×2 м), углы которого рублены в обло с остатком. Внутри это длинное и узкое помещение, размерами 6×2 м, было вымощено досками, положенными на длинные лаги. Позднее на вымостку положили длинные доски. Северо-восточной стеной этого помещения служила южная стена сруба в и стена из бревен, горизонтально положенных и вставленных в пазы врытых столбов.

Клеть в. Небольших размеров (3,2×3 м) почти квадратная, срублена из бревен диаметром 25—30 см, углы рублены в обло с остатком. Внутри клетки сохранились две лаги.

С северо-востока к клетке в примыкало помещение, длинные стены которого состояли из бревен, горизонтально положенных между тремя парами вертикально врытых столбов (квадраты Ж-4—5). Внутри помещение было вымощено досками коча, уложенными на лаги. С севера к этому помещению примыкала большая трехчастная постройка (клетки г, д).

Клеть г. Размеры 4,2×4,2 м. Вероятно, была разделена на две части. В юго-восточном углу южной части обнаружена вымостка из досок.

Клеть д. Сохранилась почти полностью. Ее размеры 5×5 м (квадрат Д-5), углы рублены в обло с остатком. Внутри клетки одна лага, восточный конец которой входит в паз восточной стены сруба.

Между клетями д и г находились сени (размеры 4,2×5 м). Северная и южная стены сеней сооружены в типичной для таких помещений технике: клещи горизонтально лежащих бревен забраны в вертикальные пазы врытых столбов. Внутри сеней открыта часть вымостки пола, доски которого были положены на лаги, лежавшие на земле (сохранилась лишь одна лага, у восточной стены).

Исследованный комплекс построек создан, по всей видимости, одновременно, по заранее составленному плану (дендрохронологический анализ спилов бревен из разных частей комплекса пока-

зал одну дату — 1617 г.). Единая структура открытого комплекса и характер найденных там вещей свидетельствуют о том, что это не обычное жилищно-хозяйственное сооружение, а строение иного характера.

В квадратах 3-5, 6 нижнего горизонта, как, впрочем, и верхнего, частично открыта вымостка, идущая вдоль восточной стены восточной клетки и соединенная с вымосткой, параллельной северной стене трехкамерной постройки.

Верхний горизонт. В квадратах БВ-1, 2 была обнаружена постройка с хорошо сохранившейся северной стеной длиной 5,3 м (четыре венца). Южная стена уже упала под откос. Внутри сруба найден пол пролета на лагах. Пазы для лаг отчетливо видны на третьем венце северной стены. К этому же строительному периоду относится сруб в квадратах Г-1, 2.

В 6—7 м от обрыва в квадратах А1Б-2, 3, 4 обнаружена большая трехкамерная постройка, ориентированная почти точно с севера на юг. Южная клеть (квадрат А-2) небольшая (4,7×2,3 м). В восточной части сруба обнаружены остатки печи. Сохранившаяся ее нижняя часть была сложена из слабо обожженной глины с небольшим вкраплением мелких камней. Конструкцию сеней из-за плохой сохранности определить не удалось (квадрат А-3).

Клеть, примыкавшая к сеням с севера, квадратная (4,5×4,5 м), углы рублены в обло с остатком (квадраты А1-3, 4). Внутри клетки сохранились фрагменты настила из досок, положенных на лаги.

В квадратах БВ-2, 3 обнаружена постройка, сложность изучения которой состояла в том, что в строение позднего периода (1654 г.) вошла часть более ранней конструкции (1638 г.). Размеры перестроенного сруба 5,8×4,6 м, углы рублены в обло с остатком. С восточной стороны к этой постройке примыкает почти распавшаяся пристройка, план которой определить невозможно. Может быть, это помещение для скота: внутри лежит толстый слой конского и коровьего навоза. У северного бревна обнаружена печь, сложенная из кирпича-сырца и мелких булыжников. Между двумя продольными лагами сохранилась обводка печи. В южной половине клетки сделано два выруба на бревне для размещения дверных косяков. Выходили из постройки через узкий коридор у южного бревна. Возможно, что существовал выход, находившийся вне строения, о чем говорят три поставленных в ряд столба, один из которых имел паз для доски, соединявшей крыльцо с внешней стороной. Находки, обнаруженные в срубе, позволяют предположить, что постройка принадлежала частному лицу, очевидно, торговцу, располагавшему стеклянной рисованной посудой и большим количеством товара для неэквивалентного обмена (одежды), в том числе мореходными инструментами (компасами).

К верхнему горизонту относятся два полностью сохранившихся сруба — постройка в квадрате ЖЗ-4, 5, постройка в квадрате ЕЖ-6, 7 и третья постройка в квадрате Ж-4, уцелевшая фрагментарно.

Раскоп комплекса А (квадраты ИКЛМН-1, 5). На участке, занимающем значительную площадь 22,5×15 м (прилож. XIII), берег продолжает пони-

жаться и в конце раскопа едва превышает 6 м над уровнем бечевника. В результате размывов берега и оползней от коренного берега открывались большие куски различных размеров, из-за чего бровка берега причудливо изогнулась.

Задачей раскопа на этом участке являлось определение типа деревянных строительных конструкций, расположенных вблизи изученного ранее большого архитектурного комплекса.

Всего в нижнем строительном горизонте обнаружено три постройки (размеры их: 4,9×4,9 м, 4,5×4,5 м и 4,9×5,8 м). По планировке они напоминают постройки верхнего горизонта. Прежним остается и характер построек: это нежилые общественные строения с бедным культурным слоем (квадраты ИК-4, 5; ЛМ-3, 4; О-4, 5).

У берегового обрыва (квадраты ЛМН-1, 2) обнаружены фрагменты уличной вымостки, представленной первым ярусом настила. В восточной половине он лежал на лаге-колодце, перекрытом досками.

В верхнем горизонте вскрыт большой комплекс построек, которые с северной, северо-восточной и восточной сторон имеют ограду: участки между срубами забраны в вертикальные пазы врытых столбов (огорожен замкнутый комплекс). В этот комплекс входят две постройки — западная и восточная. Западная — размерами 5,5×5,5 м представляет сруб из толстых бревен (диаметром 30—35 см), углы рублены в обло с остатком. Восточная — размерами 5,2×5 м сохранилась неполно: остались окладные венцы (углы рублены в обло с остатком), а также вымостка пола из толстых корабельных досок, положенных на четыре лаги.

Западная и южная части раскопа вымощены досками, уложенными на длинные лаги. Эта вымостка, вероятно, шла (квадраты ГДЕЖ-1—7) в направлении большого центрального комплекса. Вдоль берега развернута южная мостовая, соединенная с западной: она представлена (квадраты ИКЛМН-2, 3) двумя параллельными продольными лагами, забранными в доски кочевого набора. Лагами (квадраты Н-2, 3) служит маленькое квадратное сооружение размером 2×2 м — лага-колодец, перекрытый досками вымостки.

От южной стены западной и восточной построек к большой прибрежной мостовой подходят две вымостки, сохранившиеся (квадраты ИК-3, 4 и ЛМН-3) фрагментарно. Эти вымостки служили мощеными южными подступами к постройкам. Однако кроме них сохранились фрагменты вымостки, идущей параллельно, но севернее прибрежной вымостки между западной и восточной постройками комплекса (квадраты ИКЛМН-3, 4).

Сама береговая мостовая делала отступление и представлена двумя лагами, забранными толстыми кочевыми досками (квадраты МН-1, 2). Этот второй, более южный подход, шел на обрывистый берег. Уличный настил оборван разрушающимся берегом. Уже за оградой комплекса (квадраты НО-3), между восточной стеной ограды и западной стеной двухкамерного сруба (квадраты О-2—5), изученного в 1969 г. лишь частично, сохранились доски новой вымостки. Таким образом, на береговом участке раскопа комплекса А вскрыта

сложная, но логически объяснимая система мощения большой по площади территории: к большой мощеной улице, развернутой вдоль берега, выходили от каждой из двух построек, расположенных севернее нее, свои вымостки. Соединенная на западе с такой же вымосткой, проходившей параллельно восточной стене большого центрального комплекса — гостининого двора, — она уходила вдоль берега р. Таз на восток. Продолжение ее в раскопе 22.

Раскоп 22 (прилож. XIV). Разбит на прибрежной полосе посада, восточнее раскопа комплекса А и развернут от берегового обрыва в глубь посада на 30,6 м, по оси юго-восток — северо-запад. Ширина — 22,8 м. Почва — глина и суглинок. Поверхность кочковатая, свободная от растительности и древесного покрова. От берегового обрыва берег р. Таз повышается в сторону раскопа 18 и поднят над бечевником на 4—5 м. Общая площадь раскопа — 697 м². В двух горизонтах раскопа были обнаружены конструкции строений непроизводственного характера, что и подтвердил их анализ.

Нижний горизонт. По оси юго-восток — северо-запад (квадраты АБВ-2—4) развернута постройка. Она состоит из клетки, срубленной в обло с остатком (размеры 5,1×5,1 м). В центре этой клетки находится коридор, вымощенный досками. В южной стене обнаружен дверной проем, нижняя дверная колода, вставленная в квадратные стояки. Эта дверь выходила в сени, развернутые по оси запад — восток (размеры 5,4××2,7 м). Судя по фрагментам, сени имели пол, положенный прямо на землю.

В квадратах АБ-3 обнаружены остатки постройки, основные конструкции которых найдены в раскопе комплекса А.

В северной части раскопа открыты остатки сруба, разбросанные при возведении построек верхнего горизонта. В квадратах ВГ-6 была расчищена примыкавшая к крыльцу амбара конструкция из двух бревен с перерубом в обло с остатком.

В квадратах ДЕ-5 под толстым слоем конского навоза открыта уличная вымостка по оси запад — восток из кочевых килей, положенных на ребро. Один из них являлся одновременно и лагой, потому что в его внутренний паз вставлены доски настила. Такую же роль играл и кочевой киль в центре вымостки.

Верхний горизонт. В районе прибрежной четырехметровой полосы (квадрат БВГД-1) обнаружены две деревянные конструкции широкой (4 м) улицы, идущей вдоль берегового обрыва. Эти конструкции представлены в нижнем ярусе системы лаг-колодцев в форме двухъярусных квадратов почти одинаковых размеров, углы которых перерублены в обло с остатком. С запада к ним примыкает такая же рубленая клеть. В пространстве между вторым и третьим срубами-колодцами и расположенным севернее их строением, находится часток. Клеть-лаги во всех трех квадратных колодцах перекрыты кочевыми сосновыми досками. Размеры первой и второй клетей-колодцев — 2,8×2,8 м, третьей — 3,1×3,1 м. Такая система постройки уличных настилов встретилась также в конструкциях раскопа комплекса А.

В верхнем ярусе мостовой прямо на доски нижних срубов-лаг положен их второй ярус, но уже в виде обыкновенных бревен. Соответственно этому сделан набор досок, как бы в шахматном порядке.

В квадратах ВГ-2, 3 к северу от уличной вымостки обнаружена жилая постройка, сохранившаяся в два венца. Она срублена в обло с остатком и имеет размеры 5,2×5 м.

Изучена конструкция большого трехкамерного строения (квадраты А, Б—4). Оно состоит из северной клетки (5,4×5,2 м), срубленной в обло с остатком, трапезовидных сеней (короткая стена — 3,5 м, длинная — 4,9, боковые — 2,7 м) и южной клетки, фундамент которой составлен из кочевых сосновых килей, положенных на ребро.

Изучение западной части северной клетки (квадраты АБ-3, 4) относится к 1669 г., когда удалось снять кустарник и освободить клеть от дерна. От клетки сохранилось три венца, срубленных в обло с остатком. На уровне первого и второго венца находятся поперечные лаги, врубленные в пазы стен. Два других пазы в бревнах остались незаполненными. Между лагами стояла небольшая глинобитная печь, от которой остались фрагменты обводки из досок с обугленными поверхностями. Сохранился фрагмент пола из кочевых досок.

Впритык к южной клетке подходили сени трапезовидной формы, узкой стороной смыкавшиеся с клетью из кочевых килей (квадраты АБ-2, 3). От конструкции сеней остались три столба с пазами и вставленными в них двумя бревнами. Пол сеней сделан из кочевых досок.

Дендрохронологический анализ спилков-моделей, взятых с окладных венцов южной клетки, датирует сруб 1621 годом, а его перестройку — 1628 годом.

От южной клетки сохранилось лишь основание. Ее можно было бы принять за уличную лагу-колодец типа тех, что обнаружены восточнее на одном стратиграфическом уровне с ней, если бы ребра килей были развернуты внутрь клетки. Тогда было бы возможно вмонтировать в их пазы уличный настил, как это сделано в уличной вымостке, обнаруженной в квадрате Д-5 нижнего горизонта. Однако в южной клетке пазы килей развернуты во внешнюю сторону. Это показывает, что квадратная конструкция из килей не являлась частью уличной вымостки. В верхних слоях клетки были найдены остатки не вполне ясных деревянных конструкций, вероятно, внутренние переборки, а в юго-восточном углу — остатки большой глинобитной печи.

В квадратах БВГ-4—6 было зачищено странное в планиметрическом отношении строение из трех клетей, рубленных в чашу. В восточной клетке обнаружена большая печь из булыжников. Сохранилась дощатая обводка ее. Все три клетки, соединенные друг с другом, образовали внутренний двор, выход из которого найден в восточной части комплекса, в квадрате Г-5. Он представлен конструкцией калитки, состоящей из двух столбов с пазами, в которые вставлена доска, очевидно, порог калитки. К калитке и к восточной стене большого квадратного центрального сруба подходила вымостка (квадраты Г-4,5). На вымостке было обнаружено много деревянных вещей — бондарные из-

делия и целый «склад» березовых веников. Можно предположить, что данный комплекс является городской баней.

В крайней северной части раскопа (квадраты АБВГ-6, 7, 8) находится сложное по своей конструкции сооружение, разделенное на три части. Судя по найденным вещам, постройка являлась амбаром гостининого двора. У южной стены зачищена хорошо сохранившаяся конструкция крыльца (квадраты Г-6, 7), к которому вплотную подходит широкая уличная вымостка (квадраты АБВГД-7), выполненная из кочевых сосновых досок.

Перечисленные постройки верхнего горизонта на раскопе 22 заняли западную его часть. Восточная же его половина заполнена уличной вымосткой (квадраты ДЕ-2—6).

Обнаруженные на двух горизонтах строения из раскопа 22 — типичные постройки торговой стороны: административные, общественные (баня) и срубы амбарного типа.

Раскоп 21 (прилож. XV). Этот самый большой раскоп (площадь 860 м²) заложен в прибрежной части посада. Позднее был значительно расширен и развернут по оси юг—север. Поверхность раскопа кочковатая, покрытая высокой травой, в центральной части поросшая небольшими деревьями. В раскопе представлены постройки нижнего, среднего и верхнего горизонтов.

Нижний горизонт. В прибрежной полосе обнаружена полуразрушенная клеть (квадраты БВ-1—3). Длина северного бревна 5 м, диаметр — 40 см. Южная стена вообще не сохранилась, она обвалилась в реку.

Спилы с целевших бревен датируют постройку домангазейским периодом. Можно предположить, что в ходе строительства постройку разобрали, чтобы дать выход к р. Таз улице, идущей из глубины посада. Вплотную к этой постройке подходили лаги уличного настила (квадраты БВ-2, 3).

В квадратах АБ-6, 7 была зачищена постройка с вымосткой и двумя клетями. Одна из них — фундамент с околнуренной печкой, другая сохранилась фрагментарно — осталось лишь два восточных угла.

Южнее лежит целая клеть (квадраты АБ-4) необычной конструкции: половина срублена из бревен в обло с остатком, а половина свободными концами вставлена в пазы вертикальных столбов, расположенных в южной стене сруба. Такая конструкция встретилась при раскопках мангазейского городища еще на раскопе 22, где такая постройка выполняла роль сеней.

У восточной стены сруба в столб с пазами вставлено острым концом бревно, которое другим концом (тупым) впритык подогнано к уличному колоду-лаге (квадраты БВ-2, 3).

В квадратах БВГДЕ-4—9 нижний горизонт представлен рядом строительных конструкций, причем их особенно много в северной части квадрата. Было высказано предположение, что эти конструкции относятся к таможенному комплексу. Предположение базировалось на данных отписки воеводы А. Палицына, в которой есть сведения о том, что таможня стояла в 150 м (70 сажень) от Спасской

башни, т. е. как раз там, где развернут строительный комплекс.

Центральная постройка состоит из двух клетей и сеней. Южная клеть, срубленная в обло с остатком, сохранилась в двух венцах. Она имеет размеры 3,9×3,8 м. Вдоль южной и восточной стен найдены фрагменты ограждения (квадраты ВГ-3, 4). При постройке клетки среднего горизонта площадка была тщательно выровнена и освобождена от конструкции клетки нижнего горизонта. Поэтому в клетке нижнего горизонта не сохранилось внутренних делений — лаг и пола. Осталась лишь обводка печки, расположенная, как и в среднем горизонте, в юго-восточном углу. Клеть нижнего горизонта забита вязкой глиной. На западном бревне ее сделана двусторонняя выемка, очевидно, для установки дверных косяков. По окладному венцу сруб датирован 1611 годом. Примыкавшие к ней с севера сени представлены четырьмя столбами, в пазы которых вставлены массивные доски стенового переплета (квадраты ВГ-5). Столб с пазом у северо-западного угла выполнен из стоявшей здесь в XVII в. лиственницы. Использование местного леса в конструкциях мангазейских построек наблюдалось неоднократно, например, такой же столб обнаружен в уличной вымостке раскопа 22 (квадрат Д-6).

В сенях сохранилось несколько настилов из досок (квадрат В-5), между которыми обнаружена узкая прослойка из строительного мусора и глины.

В квадратах ВГ-5, 7 обнаружена северная клеть в форме удлиненного прямоугольника размерами 7,8×4,5 м. Как показали исследования, при постройке северной клетки среднего горизонта, занявшей лишь половину прямоугольника, вся строительная площадка была освобождена от деревянных конструкций нижнего горизонта. Оставлено было лишь мощное, не встречавшееся ранее ни в одной постройке Мангазеи, основание, выполненное из поставленных на ребро кочевых килей. Для выравнивания основания под углы прямоугольника были подложены ивовые брусья. Кили западной и восточной сторон равнялись 7,8 м, северной и южной — 4,5 м. По углам кили вставлены в прямоугольные пазы. Кроме того, в каждом продольном киле вырублено по четыре пазы для установки поперечных лаг настила пола. По одному пазу вырублено также в северном и южном киях. С внешней стороны на западном и южном киях вырублено по одному пазу, на восточном — два. Во внешний паз вставлен стояк сечением 25×20 см, а в центральной части на продольных киях установлены стояки меньших размеров. Из двух центральных поперечных лаг образовался узкий коридор, деливший прямоугольную конструкцию на две части — северную и южную. В северной части под поперечные лаги подведены три продольных, причем концы их не входят в пазы. В таком же состоянии находятся и продольные лаги в южной части конструкции. Система расположения лаг, перекрытых досками настила, встречается также на соседней, западной улице (квадраты БВ-6, 7).

На нижние ребра всех четырех килей поставлены также на ребро доски кочевого набора (30—35 см шириной). На западном киле постав-

лена на ребро доска длиной 7,8 м. В таком же порядке расположены доски и на других киях. Только на восточном, продольном киле доска трижды перерублена. Вероятно, в этих местах были двери и перерубленные части досок — это остатки дверного порога. Так выглядела прямоугольная конструкция. Однако осталось неясным, как на ней были возведены стены. Есть все основания считать, что они строились из досок, забранных в пазы больших стоек.

Вдоль всей восточной части основания клетки расположена вымостка из массивных лаг, перекрытых продольными кочевыми досками (квадраты БВГД-8). В центр восточной вымостки вмонтированы две массивных центральных лаги, имеющие по два вертикальных паза, один из которых врублен в восточный киль. Это обстоятельство указывает на то, что конструкция восточной вымостки, а, возможно и восточного коридора, создавалась одновременно с северной клетью. Можно полагать, что все четыре паза предназначались для установки вертикальных косяков, забранных в крыльцо, с выходом на восточную улицу. Этот выход представлен нижней дверной колодой.

С южной и северной стороны к крыльцу было подведено по бревну, положенному в пазы лаг. С этих бревен взят спил, показавший, что они положены в 1608 г., когда закладывалось основание строения. По дендрохронологическим данным можно судить, что ранняя постройка просуществовала около 30 лет, а затем на ее месте был построен трехкамерный сруб.

В 1637—1638 гг. на территории комплекса было создано еще три постройки — три однокамерных сруба. В квадратах А-7, 8 однокамерный сруб сохранился в один венец. Внутри лежат две лаги, перекрытые кочевыми досками. С запада, севера и юга к клетке примыкала ограда, концы которой выходили на северную вымостку (квадраты А-7, 8). У юго-восточного угла клетки вертикально поставлены два бревна: одно из них примкнуто к восточной стене этого сруба.

В квадратах ГД-8, 9 обнаружена вторая однокамерная постройка размерами 4,3×4,3 м. Из-за мерзлоты культурный слой изучался выборочно. В северной части постройки не сохранились, в южной — зачищен пол из кочевых досок. На полу обнаружена киноварная краска.

В квадратах АБВГД-7, 8 открыта северная вымостка, соединявшая центральную постройку с западным и северным однокамерными срубами. В квадратах ГД-7, 8 нижний ярус вымостки лежит на массивных сосновых лагах, одна из которых имеет продольный паз, предназначавшийся, очевидно, для набора дощатой стены между северным однокамерным срубом и центральным строением. Эта дощатая стена преграждала путь с восточной улицы на западную. Причину такой планировки понять сейчас трудно.

Северная вымостка в строительном плане соединяет западный однокамерный сруб с северным, подтверждением чему являются две продольные лаги. Первая упиралась концом в восточную стену западного однокамерного сруба, вторая — в ограду северного однокамерного сруба. Такая же плани-

ровка повторяется и на участке между западным однокамерным срубом и центральной постройкой. Восточный конец уличной лаги положен на продольный киль, а западный — упирается в однокамерное строение. На этом участке обнаружен квадратный сруб вымостки. У южного бревна его поставлено два столба, а вся конструкция забрана досками, лежащими в три яруса.

К северной вымостке вплотную примыкает конструкция западной улицы. В северной части она имеет три поперечных и четыре продольных лаги. Восточные концы продольных лаг положены на основание центральной постройки. На прибрежном участке западной улицы найден разброс уличного настила. В квадратах АБ-5, 6, в нижнем горизонте, обнаружены фрагменты вымостки, лаги и доски которой вмонтированы в настил западной улицы.

Третий однокамерный сруб в квадратах Е-7, 8, сохранился, как и предыдущий, в три венца (разрез Б—Б). Он имеет размеры 4×4 м. На дощатом полу в центре клетки сохранилась обводка печи. Она представлена двумя столбами и лагой, от которой к западной стене шел настил из досок. Рядом с печью обнаружена большая куча кочевых кованых скоб, а рядом — металлическая заготовка для их выделки.

С четырех сторон клеть обнесена оградой, причем в юго-западном углу она имеет два переруба, точнее, конец западного бревна вставлен в паз бревна восточной уличной вымостки, а конец южного — в паз другого бревна, идущего от однокамерной клетки вдоль улицы на юг. По результатам изучения сложной центральной строительной конструкции таможни и примыкавших к ней зданий нельзя было дать ответ на многие вопросы, но на помощь, как увидим в следующих главах, пришли документы (см. гл. 4).

Средний горизонт. В центральной и северной частях представлен трехкамерный сруб из лиственничных бревен диаметром 20—30 см (квадраты ВГ-4, 5, 6). В южной квадратной клетки размером 4×4,3 м сохранилась продольная лага, а в юго-восточном углу — обводка печи (квадраты ВГ-4, 5). Северное бревно обводки лежит на бондарном изделии. К юго-западному углу постройки примыкал квадратный сруб размером 1×1 м. Возможно, он служил основанием часовой башни.

Северная квадратная клеть (квадраты ВГ-5, 6) размером 4,3×4,3 м, срубленная, как и южная, в обло с остатком, сохранилась в одном венце (квадраты ВГ-6, 7). Она возведена прямо на постройке нижнего горизонта, занимая ее южную половину. В юго-восточном углу обнаружены фрагменты печной обводки. Пол лежал на двух лагах. Сохранились лишь фрагменты его настила. Сени-связка представлены настилом пола и четырьмя лагами. По расположению досок можно предположить, что выход в сени находился в восточной стене.

Постройки верхнего и среднего горизонта бедны находками вещей. Клетки забиты вязкой глиной, постройки среднего горизонта были разрушены при строительстве сруба верхнего горизонта. К моменту раскопок они уже превратились в труху.

Верхний горизонт. В квадратах АБ-1—3 вскрыты остатки двух клеток и сеней. Южная

часть прибрежной клетки обрушилась в реку, остальные элементы конструкции дома сохранились хорошо. Северная стена клетки имела длину 3,6 м, а западная и восточная — 3,2 м. Клеть рублена в обло с остатком. Внутри клетки частично сохранился пол в виде трех продольных лаг толщиной 18—20 см, на которые положены доски. Датирована клеть по восточному окладному венцу 1630 г.

Северная клеть имеет размеры 3,5×3,5 м. Сохранность окладных венцов относительно хорошая. Вероятно, обе клетки были соединены сенями, но уверенности в этом нет. При расчистке сеней на уровне пола под разрушенным настилом из кочевых досок обнаружена продольная лага.

К востоку от этой постройки странной планировки, вероятнее всего разобранной и использованной под мостовую, обнаружена еще одна клеть относительно хорошей сохранности, углы которой срублены в обло с остатком. Клеть сохранилась в один венец и имеет размеры 3,6×3,6 м. Внутри клетки (квадраты ГД-1, 2) обнаружен развал печи.

Между постройкой домангазейского периода (квадраты БВ-1—3) и ее восточным соседом обнаружена непонятная в плане конструкция. От нее дошли лишь два бревна северной стены и часть западного окладного венца с печью. Фундамент печи состоит из двух бревен, положенных в направлении с севера на юг и вымостки из досок между ними. Расстояние между бревнами 1 м. Выше залегает слой угля, просевший в средней части и распространившийся за пределы фундамента. Толщина этого слоя в середине печи — 20 см. Выше идет прослойка угля с золой, перекрытая слоем порошка красного цвета (вероятно, остатки кирпичного овода). За пределами фундамента находится развал камней.

В 2, 4 м севернее комплекса В на незастроенном участке обнаружена половина кочевого кия из сосны (квадраты ГД-3). На одной из его торцевых частей имеется прямоугольный вырез под руль, а на другой — полукруглый — под мачту. В верхней части видны пазы под шпангоуты и отверстия для крепления деталей судна.

Раскоп 23 (прилож. XVI). Разбит на прибрежной полосе р. Таз, на самом крайнем участке посада. Исследование пограничной полосы к востоку от раскопа выполнено с помощью шурфов. Результаты исследований показали, что в восточной пограничной полосе городища по существу не сохранилось построек, хотя то, что они были, подтверждается распавшимися деревянными конструкциями.

Главной задачей раскопа являлись поиски и изучение домангазейских построек. Почему поиски были предприняты именно в этом месте? Это объясняется топографическим положением участка, находящегося у самой оконечности мыса, при впадении р. Мангазейки в р. Таз, а также тем, что на соседнем участке (раскоп 21) были обнаружены остатки строений, датированных 1594 годом.

Раскоп разбит на площади 128 м². Почва — суглинок, сверху — песок.

Под постройкой верхнего горизонта, в том же квадрате, обнаружен однокамерный сруб, огороженный с четырех сторон мощными бревнами. Со-

хранился он также в два венца. В северо-западном углу найдена развалившаяся глинобитная печь. От нее осталась обводка из толстых досок. Рядом с обводкой стоят два небольших столба, от которых к северной стене идет половой настил.

Срубы верхнего горизонта были найдены под слоем суглинка толщиной 25—30 см. На глубине 1,5 м лежали фрагменты деревянных конструкций нижнего горизонта. Углы рублены в обло с остатком (квадраты АБ-1). Внутри сруба лежит лага, на которую положены доски набора пола. В северо-западном углу сруба под досками стоит столб, спил с которого показал дату 1590 г.

Таким образом, благодаря исследованию прибрежного участка посада удалось установить, что: 1) разрушение береговой полосы в течение более 300 лет не привело к полному исчезновению главнейших построек города — двух строительных комплексов в торговой части посада и основных городских мощеных улиц; 2) плановая структура и характер строений в наиболее заселенной части были разнообразны; 3) в прибрежной полосе сосредоточивались торговые и связанные с торговлей строения, среди которых были жилые дома чиновников, торговцев и промышленников; 4) в этой части посада (вдоль р. Таз) постройке ремесленников почти не было; 5) были обнаружены остатки построек домангазейского периода; 6) раскопки прибрежной части в сочетании с документальными данными позволяют вести обстоятельное изучение характера привозимых на городище товаров.

Постройки в центральной части посада

Наряду с раскопками прибрежной части посада значительное внимание уделялось исследованию построек, расположенных в его центральной части. В 1968—1969 гг. здесь было заложено четыре раскопа — 8, 9, 10 и 18.

Раскоп 8 (прилож. XVII). Развернут на возвышенности (отметка 8 м), поросшей березами и кустарником. Площадь раскопа 144 м². В центре возвышенности на поверхность выходили слегка задернованные срубы. После очищения площадки от древесной растительности и дерна появился большой комплекс жилых и хозяйственных построек единого плана на четырех строительных горизонтах.

Западная клеть (квадраты ЖЗ-1—3) представляет собой сруб размером 5,7×5,0 м, углы срублены в обло с остатком (горизонт IV). Внутри клеть вымощена досками, лежащими на поперечных лагах (пол подклета). Вход в помещение находился с южной стороны. Сохранился дверной проем и часть дверной колоды. На полу лежали упавшие при разрушении поперечные лаги и стропила. Как удалось выяснить позднее, сруб сохранился в пять венцов, причем верхний пол не был единственным. Конструкция дверей также неоднократно переделывалась, дверной проем перемещался по южной стене. Это указывает на то, что западный сруб неоднократно перестраивался. Первый раз он был построен, согласно дендрохронологическому

анализу, в начале XVII в. одновременно с самыми ранними постройками посада, около 1608 г. (горизонт I).

В процессе позднейшей перестройки и создания большого комплекса, эта центральная постройка всегда учитывалась. К сожалению, из-за мерзлоты не удалось изучить южные подступы к срубам, забитые щепой и строительным мусором.

Не удалось также до конца исследовать и ближайшие соседние постройки, состоящие из срубов позднейшего времени. Несмотря на то, что к большому центральному строению примыкает полоса щепы (18×6 м), местами путем выборочного разбора удалось установить, что на глубине 1,5 м вдоль западной и южной стен клетки расположено бревно ограды. Его южный конец имеет продольный паз, в который вставлены доски вымостки, развернутые вдоль южной стены. С северной стороны к срубам примыкали пристройки (квадраты Ж-1, 2), сооруженные уже после возведения жилой клетки (жесткого соединения с клетью они не имели). Датированы эти пристройки 1737 годом. К ним относится также, судя по архитектурному плану, пристройка в квадратах Ж-3, 4. Она создавалась в 1762 г. Следовательно, пристройки северной стороны возникли после оставления города и, очевидно, относятся ко времени существования Тазовского (Мангазейского) зимовья (см. главу V).

С восточной стороны к западной клетке примыкали сени, стены которых были набраны из бревен, торцами входившими в вертикальные пазы врытых столбов. Размеры сеней 4,6×3,1 м. Пол сеней выложен из досок, прослежены также два слоя настила.

С востока вплотную к сеням подходила клеть, в северо-западном углу которой обнаружены остатки печи, сложенной из булыжников на глине. В развале печи найдены целые тигли и их фрагменты. Эта клеть пережила два строительных периода. Первоначально ее размеры были 6×5 (т. е. такие же как западной клетки), затем они изменились и стали 5,2×5,1 м. При изучении участка, где размещалась нижняя конструкция восточной клетки, удалось установить, что она стояла на более древней постройке, от которой сохранился пол из толстых кочевых досок, смонтированными в него двумя разворотными кругами (квадрат Ж-5, горизонт II).

Печь в северо-западном углу восточной клетки имела в основании деревянную обводку из бревнышек, забранную в вертикальный столб. Сохранились и отдельные участки первоначального пола, который был прожжен и заменен новым. Об этом свидетельствуют обугленные плахи пола и лежащие на нем разбитые тигли.

В процессе строительства клетки верхнего горизонта, возникла необходимость несколько расширить сени между западной и восточной клетями, что и было сделано (рядом со старым столбом был поставлен новый и теперь уже в него забиралась южная стенка сеней). В последний период существования клетки в ней был настил еще один, третий, пол (квадраты 3-4, 5). Таким образом, восточная клеть и сени дважды перестраивались, первый раз в 40-е годы XVII в., второй — в XVIII в.

С северной стороны к трехкамерному дому примыкала небольшая постройка (квадраты ЕЖ-3). Она имела размер 3,5×3,5 м. Непосредственно к стене сеней она не прикасалась. Время ее возникновения то же, что и восточной клетки нижнего горизонта. Ее можно датировать по среднему западному срубам — сороковыми годами XVII в. В западном углу постройки находилась печь, сложенная из булыжников на глине и ограниченная с двух сторон стенами сруба, а с двух других — бревнышками. Под печью и около нее не было обнаружено пола. Пол располагался в восточной части постройки (доски положены прямо на грунт). На полу стоял деревянный ящик, наполненный белым песком. Обилие шлака, гари и тиглей позволяет считать эту постройку мастерской литейщика. Функционировала она довольно долго.

Дендрохронологический анализ срубов ремесленного литейного комплекса на раскопе 8 дал возможность определить время возникновения других построек, расположенных севернее трехкамерного строения.

К северу от центральной постройки (квадраты ДЕЖ-1, 2) открыт двухкамерный сруб (горизонт III). Он состоял из сеней и клетки, причем сени (2,5×3,0 м) вплотную подходили к северной стене трехкамерной постройки. Развернуты они, как и клеть, по оси север — юг. Клеть (квадраты ДН-1, 2) сооружена из бревен диаметром 25—30 см. Размеры ее — 3,6×3,6 м. Сохранилась она в два венца. С северной и западной сторон постройка огорожена: в клетке был зачищен пол, лежащий на поперечных лагах. В юго-западном углу четко видно место каменной печи: сохранилась обводка из мелких бревен и развал камней.

Вдоль западной стены ограды и в нижней части клетки прослежен плотный слой конского и коровьего навоза. Вдоль восточной стены клетки двухкамерного сруба проходила узкая вымостка (квадраты ДЕ-2, 3) из досок продольного и поперечного набора.

За этой вымосткой (квадраты ДЕ-3), к северо-востоку от указанного северного сруба находится квадратная клеть (4×4 м), срубленная по углам в обло с остатком (горизонт I). Квадратная клеть стратиграфически расположена ниже всех обнаруженных в раскопе 8 построек. Датруется она 1609—1614 гг. (спил 124). Судя по найденным здесь вещам она имела чисто хозяйственное назначение. В ней сохранился пол из кочевых досок, положенных на три продольные лаги, которые вставлены в пазы окладных бревен. Здесь, как и в северной двухкамерной постройке, под полом оказался толстый слой навоза. У северо-восточного, юго-западного и юго-восточного углов квадратной клетки стояли мощные столбы.

Если предыдущие находки срубов не вызвали сомнений, ни в строительном, ни в хозяйственном отношении, то исследования северо-восточной части раскопа принесли неожиданные результаты: здесь обнаружено несколько деревянных срубов, связанных стратиграфически с восточной клетью центрального строения.

Общая картина застройки к концу 20-х годов представляется в следующем виде: вначале на хол-

ме были построены западная клеть и сени центрального строения. К ним примыкали два хозяйственных помещения, представленных на раскопе полом из кочевых досок и смонтированными в него двумя воротами, а также конструкцией однокамерной клетки, оказавшейся под печью. Нам известны лишь ее северные углы.

В следующие годы одна за другой создавались хозяйственные постройки. В 1637 г. в северной части появилось двухкамерное помещение производственного назначения с большой каменной печью, на северо-востоке — двухкамерная постройка, сени которой примыкали к конструкции с воротами. Ворота необходимы были, очевидно, для завала руды.

В конце 40-х годов появились новые помещения для размещения плавильных печей: это восточная клеть главного строения, сооруженная на месте более ранней постройки, северная клеть, стоящая также на более ранней клетке. К 50-м годам на холме стояли: большая трехкамерная постройка в центре, двухкамерная клеть на северо-западе, однокамерное помещение с печью на севере и однокамерная клеть на северо-востоке.

Наиболее богатым находками участком, в раскопе оказался участок большого трехкамерного дома, где было найдено множество деревянных и металлических изделий ремесленников.

Раскоп 9 (прилож. XVII). Когда в южной части раскопа (квадраты ГД-1, 2) был обнаружен сруб, очевидно служивший мастерской литейщика, стал вопрос о его связи с южным литейным комплексом. В нем была обнаружена каменная печь, сложенная из булыжников на глине, и несколько керамических тиглей. Мастерская имеет размеры 4×4 м (горизонт III). От нее сохранился один венец, развернутый по оси северо-восток — юго-запад. Клеть разделена на два помещения. В северо-восточном углу находилась плавильная печь, а в западном — разброс тонких досок внутренних переборок. Стратиграфически клеть размещена на сравнительно высокой площадке (прилож. XVII разрез III). Мощный заброс камней не позволил произвести разведку нижнего яруса. Однако можно не сомневаться в том, что южная клеть с каменной печью в раскопе 9 — ранняя. Время ее постройки следует отнести к периоду создания литейной мастерской на раскопе 8, т. е. к 40-м годам XVII в.

Совершенно иная картина наблюдалась в северной части раскопа. По сравнению с всхолмленной поверхностью южной части, где находилось помещение с каменной печью, северная часть раскопа располагалась на более низменном участке. Здесь вскрыты две постройки — одна в верхнем, другая — в нижнем горизонте. При этом в том и другом случае строительная связь между ними и южным срубом с печью не обнаружена, хотя постройки частично повторяют друг друга.

Нижний горизонт. Вскрыта разобранная клеть, от которой сохранились северные бревна с перерубами на углах. Западное и восточное бревна дошли фрагментарно. Постройка возникла не позже 1629 г. В северо-западном углу обнаружены части печи, сложенной из булыжника на глине. Ря-

дом с печью находится столб и разбросанные доски настила пола.

Верхний горизонт. В квадратах АБВ-1, 2 удалось изучить трехкамерную постройку, развернутую по оси север — юг (горизонт III). Южная клеть срублена по углам в обло с остатком. Южное бревно отсутствует, остались лишь чаши перерубов на западном и южном бревнах. Клеть имеет размеры 3,8×3,8 м, сохранилась в один венец. В центре клетки доски настила пола лежат на бревне окладного венца нижней постройки. Вдоль восточной стены шла ограда, сохранилась часть вымостки в виде досок, в том числе и поставленных на ребро.

Удалось более полно определить условия стратиграфического залегания северной клетки (3,5×3,8 м), сооруженной в разной технике: углы северо-восточной стены рублены в обло с остатком, а концы бревен на юго-западной стене запущены в вертикальный паз врытого бревна. На северных углах этой клетки поставлено по столбу. Концы южного бревна продолжены на восток и завершены столбом. На этом конце положены доски настила. Сени несколько необычны: концы бревен восточной стены вставлены в пазы двух столбов, а бревна западной стены — в чашу южного бревна северной клетки.

Трехкамерная постройка датирована 1641 годом, однако в ее составе оказался северный сруб, датированный 1626 годом. Выяснено также, что в нижнем двухкамерном срубе северная клеть верхнего горизонта играла роль сеней. Сделано это с помощью такого конструктивного приема: концы бревен вставлены в пазы столба. Почти такая же конструкция встретилась в раскопе 21 (квадраты АБ-4, 3) и в раскопе 22 (квадраты БВ-2, 3), что свидетельствует о распространенности строительного приема, основанного на сочетании набора и рубки.

Раскоп 10 (прилож. XVII). Во время раскопок 1968 г. к востоку и северу от раскопов 8 и 9 зачищен отдельно стоящий сруб, причем из-за мерзлоты сразу не удалось вскрыть внутренних его частей.

Нижний горизонт. К нему относится двухкамерное строение (квадраты А₁АБВ-4, 5), развернутое по оси север — юг. Клеть сохранилась в двух-трех венцах, углы срублены в обло с остатком. Внутри находится дощатая обводка печи, стоявшая, как можно об этом судить по трем сохранившимся доскам, на дощатом полу. Южная стенка обводки ограничена столбом. Пять маленьких вертикально поставленных столбиков заглублены в мерзлый грунт. У восточной стены клетки обнаружен столб. Площадка, где размещались вертикальные столбики, сохранила следы гари. Система неравномерного расположения столбиков в районе печи встречалась и в других раскопах в районе посада (например, раскоп 22, квадраты АБ-2, 3). Можно высказать предположение, что вертикальные столбы внутри клетки и сопровождавшие их маленькие вертикальные столбики являются частью конструкции, на которой находились меха кузнечного горна.

Верхний горизонт. К нему относится часть сруба (квадраты АБ-3), впоследствии пере-

крытая плохо сохранившейся вымосткой из досок. Этот сруб (4,4×3,4 м), судя по характеру находок, являлся постройкой хозяйственного типа. Его особенностью является то, что его пол включал мощную систему лаг и датируется 1637 годом.

К северной стене клетки подходила конструкция обычных сеней: западная стена набрана из бревен, затесанные концы которых вставлены в пазы вертикально врытых столбов. Сохранилось два таких столба без пазов. Возможно, что пазы находились не у основания столбов, а несколько выше. Пол сеней был застлан досками.

Раскоп 18 (прилож. XVIII). Он был заложен в центральной части посада. Здесь обратил на себя внимание сруб, пожалуй, единственный на городище, еще не исчезнувший с поверхности, но сильно поросший кустарником. Внутри постройки хорошо видна груда камней. Вскрытие дернового покрова и дальнейшее исследование показало, что здесь стояли постройки разного характера, сооруженные в разное время существования мангазейского посада.

Нижний горизонт. В квадратах ВГДЕ-1—4 к нему относится большая пятичастная постройка (три клетки и двое сеней). Дом был срублен из толстых бревен (диаметром 45 см). Внутри сохранились фрагменты лаги и лежащий на лагах настил. Особенно хорошо удалось определить конструкцию печи — ее остатки обнаружены в юго-восточном углу западной клетки (а), основанием печи служила вымостка из досок, лежащих на подкладках, с двух сторон печь окружали стены сруба, с двух других она была обложена деревянными брусками.

Восточная клеть (б) представляла собой сруб размерами 3,9×3,5 м. Внутри сохранились весьма незначительные фрагменты настила. Между клетями а и б располагались сени. Конструкция их — типичная для жилых построек Мангазеи: двумя стенами служат стены клетей, две другие набраны из бревен, горизонтально уложенных в вертикальные пазы врытых столбов. Внутри сеней на лагах, положенных на землю, находилась вымостка из корабельных досок.

Верхний горизонт. Менее насыщен срубам, чем нижний. К нему относятся: однокамерный сруб в квадратах АБ-1, 3, два сруба в квадрате Д-3 и один сруб в квадратах ДЕ-1, 2. Сохранность построек верхнего горизонта по сравнению с нижним гораздо хуже. Они были выстроены на метровом слое строительной щепы и, как показала датировка западного здания (спил 139), относились к послемангазейскому периоду, очевидно к XVIII в.

Для обоих горизонтов характерно относительно бедное содержание культурного слоя.

Постройки на северо-восточной, северной и восточной окраинах посада

Заселение северо-восточной и северной, а также восточной окраин началось позже других участков на городище. Это подтвердили раскопы 13, 15, 23, 24.

Раскоп 13 (прилож. XIX) был заложен в северо-восточной части посада, площадь его 51 м². После снятия дерна была обнаружена постройка из

бревен, рубленных в обло с остатком, размерами 6,5×6 м. С северной стороны к постройке примыкало деревянное сооружение, остатки которого были обнаружены в квадратах Б-1, 2. Ремесленный характер постройки не вызывал сомнений. В культурном слое обнаружены различные изделия из кости — костяные детали оленьей упряжи, заготовки гробней и др.

Раскоп 15 (прилож. XX). Раскоп был заложен на берегу р. Мангазейки. После выкорчевки берез и вскрытия дерна обнажился мощный завал горелых булыжников, что давало основание предполагать, что постройка была производственным комплексом. Однако почти полное отсутствие вещей заставляет воздержаться от подобного мнения.

Почти полностью вскрыта большая клеть (квадраты АБВ-1—3) размерами 7×5,8 м. Бревна, из которых сооружена клеть, толстые (до 50 см), углы рублены в обло с остатком. В северной части клетки частично сохранилась вымостка из бревен под основанием печи.

От северо-западного угла клетки в северном направлении тянулся ряд бревен, забранных в вертикальные пазы врытых столбов. Возможно, это остатки больших сеней — длина западной стены — 5,5 м. В северной части раскопа обнаружена часть современной клетки (о ее размерах судить трудно). К западу от сеней находится развал другой каменной печи.

Раскоп 24 (прилож. XXI). Этот раскоп охватывает всю крайнюю северо-восточную часть городища — район прибрежной рощи. На севере расположен ложок Радужный. Обрывистый берег Мангазейки ограничивает его с юго-востока. С юго-запада к нему примыкают раскопы 8, 9, 10. Площадь раскопа свыше 600 м².

Под корнями берез были найдены частично распахившиеся деревянные строительные конструкции. В квадратах Д, Е-1—3 зачищен трехкамерный сруб и частично уцелевшая ограда, развернутая по оси север—юг. Южная клеть сохранилась в два венца, углы перерублены в обло с остатком. Ее площадь — 3,5×3,5 м. Судя по находкам, эта клеть — жилая. С северо-востока к ней примыкают сени (размеры 4,1×3,2 м), построенные из бревен, концы которых стесаны и вставлены в паз четырех столбов. Восточная стена не сохранилась. К сеням примыкала северная клеть (7,4×8 м), на северном бревне которой имеются три переруба: два на углах клетки и один — для бревна обводки каменной печи. Внутри клеть разделена на две части; в той, что примыкает к сеням, найдены остатки обгоревших кочевых досок, положенных на две лаги. К ним примыкали два столба. На полу разбросан шлак. Здесь же найдены разбитые тигли. В южной части клетки находилась печка, сложенная из небольших камней на глине красного цвета.

Северо-восточная трехкамерная постройка была отгорожена забором, от которого сохранилось бревно, стесанным концом вставленное в паз столба.

К северо-западу от первой трехкамерной постройки (квадраты ВГ-3—6) расположено второе трехкамерное строение, развернутое по оси север—

юг. Южная клеть, срубленная по углам в обло с остатком, имеет размеры 5×5,2 м. С севера к ней примыкали сени (5,2×3,4 м) и северная квадратная клеть, углы которой рублены в обло с остатком, площадью 5×5 м.

Южная клеть сохранилась в два венца. В ней обнаружены фрагменты пола, лежащие на двух лагах; около одной из них стоит столбик. Стены сеней выполнены в обыкновенной технике: два лиственничных бревна стесанными концами вставлены в пазы четырех столбов.

В северной (квадратной) клетки, сохранившейся в три венца, есть обводка печи, сложенной из кирпича-сырца. Около печи, прямо на почве, разбросаны заготовки из мамонтовой кости (21 шт.). Рядом лежали изделия из мамонтовой кости — накладка для рукоятки ножа и гробни. Характер деятельности ремесленника не оставляет сомнения: он был косторезом.

Особенностью северного сруба с печью и заготовками из мамонтовой кости являлось то, что он был двойной: внутри помещался меньший сруб, углы которого тоже рублены в обло с остатком.

Такие же срубы встречались в нижнем горизонте северных клетей юго-западного комплекса кремля. Характерно, что этот и другие двойные срубы расположены в северных частях городища. Очевидно, конструкция двойных стен создавалась для предохранения здания от резких ветров, господствующих зимой в этом районе.

Кроме того, северная клеть находилась за традиционной для построек феодального периода оградой, сохранившейся фрагментарно: у восточной стены бревна ограды вставлены в пазы двух столбов. У северо-восточного угла от столба ограды вдоль северной стены идет другое бревно.

В юго-западной стороне сруба (квадрат Г-4) лежат две массивные продольные доски и одна поперечная. Там же стоят два столба. Возможно, это конструкция крыльца.

В квадратах АБ-3—6 к северо-западу от второй трехкамерной постройки и параллельно ей, по оси юг—север вскрыта третья трехкамерная постройка, сохранившаяся в один венец плохой сохранности. Южная клеть (квадрат Б-3) имела печь, что подтверждается ее обводкой в северо-западном углу. Под клетью, заполненной вязкой глиной, лежат доски настила пола. Однако конструкция клетки нижнего горизонта, к которой относится настил, разрушена. Часть окладных бревен скрыта наочно при строительстве клетки верхнего горизонта.

В квадратах Б-4, 5 обнаружена большая каменная печь, впритык к которой подходит дощатый настил, под которым находится толстый слой шлака с окисью. Площадка со шлаком занимает все квадраты АБ-4, 5 и часть квадрата А-6. На юге границы этой площадки прослеживаются четко. Можно предположить, что шлак появился на раскопе раньше, чем был построен сруб, под полом которого он оказался. Рядом с мощным настилом находятся фрагменты деревянной обводки плавильной печи. Между деревянной обводкой и стеной сеней лежат доски настила пола, положенные под печь. Создается впечатление, что каменная печь стояла в сенях на мощном полу.

К северу от развала печи зачищена вторая клеть, срубленная по углам в обло с остатком. Она сохранилась в одном венце и имеет размеры 5,2×4,16 м. Внутри клетки лежат доски настила пола.

На северо-западе (квадраты А-5, 6) обнаружена третья каменная печь, к которой примыкала западная стена четвертого сруба. Удалось проследить два ее угловых переруба. Четвертый сруб, как и предыдущий, развернут по оси юг—север. Этот сруб размером 4×5 м заканчивается за пределами раскопа. Здесь, как и в третьем трехкамерном срубе, внутри клетки обнаружена плотная полоса шлака (20 см).

Находки во всех трех трехкамерных постройках необычные: большая каменная наковальня, фрагменты тиглей, металлические медные и железные изделия, ножи, фрагменты заготовок из бивня мамонта, обломки сосудов, топоры, подковки, кресало, изделия из бронзы, женские серебряные подвески, сердолики, рукоятки посоха, гробни, тусса, игральные кости, обручи от бондарных изделий и др. Находки свидетельствуют о том, что здесь находились две усадьбы ремесленников — костореза и плавильщика.

Постройки на северо-западной окраине городища

На северо-западной окраине Мангазейского посада было заложено два раскопа 19 и 20.

Раскоп 19 (прилож. XXII) разбит на территории посада, в 85 м к востоку от Успенской башни кремля и в 40 м к северу от гостинного двора.

Поверхность раскопа, как и всюду на городище, покрыта высокой травой и редким кустарником, в западной части площадки растут деревья. Остатки строительных конструкций обнаружены в среднем на глубине 20 см, сразу же после снятия дерна и зачистки.

На раскопе вскрыт комплекс построек, состоящий из пяти клетей, двух сеней и внутреннего двора. Планиграфически этот комплекс выглядит следующим образом: северную его часть составляет трехкамерная постройка, включающая в себя две клетки, соединенные между собой сенями, развернутыми по оси запад—восток. Параллельно ей с южной стороны размещается аналогичная трехкамерная постройка (две клетки и сени). С западной стороны обе постройки соединены клетью. Сохранность дерева, как и всюду на верхнем горизонте, плохая: сохранились лишь нижние венцы срубов и (довольно слабо) остатки пола в клетях.

В лучшем состоянии находится северо-восточная клеть. Она представляет собой четырехугольную постройку со стенами, имеющими размеры 4,3×4,1 м. Стены на углах рублены в обло с остатком. Все перерубы четко прослеживаются в плане. На уровне основания окладного венца внутри клетки прослежены три лаги, положенные в направлении север—юг, параллельно друг другу и стенам жилища. Западная лага отстоит от стены на 0,7 м, а восточная — на 0,6 м, третья лага лежит посередине между ними. На лаги постелен пол, покрывающий все пространство дома. Лишь в южной части две доски сохранились не целиком. В северо-запад-

ном углу клетки под полом на расстоянии 0,4 м от северной стены обнаружен фундамент печи прямоугольной формы. Его составляют части западной и центральной лаг и две плашки, положенные между ними на расстоянии 1,1 м друг от друга. Внутреннее пространство прямоугольника заложено дикими камнями.

Северо-западная клеть меньших размеров. Протяженность ее стен составляет: северной и южной — 3,4 м, западной и восточной — 2,8 м. Южные стены клеток находятся на одном уровне. Стены клетки рублены в обло с остатком, перерубы прослеживаются везде, хотя и не так четко, как в предыдущем случае. Внутри клетки заметны остатки пола из досок плохой сохранности. Его основанием служили, видимо, лаги, одна из которых сохранилась у северной стены сруба на расстоянии 0,4 м от нее.

Между клетями находились сени. О конструкции их стен судить довольно трудно ввиду плохой сохранности дерева. Особенно плохо просматривается северная (наружная) стена. Здесь в районе северо-западного переруба северо-восточной клетки зафиксированы 2 бревна: вертикально врытое и горизонтально лежащее, длиной 1 м на одном уровне с северной стеной северо-восточной клетки. Под прямым углом к нему идет еще одно бревно, смыкающееся с восточной стеной северо-западной клетки. Внутри сеней, по их центральной оси, стоят два вертикально врытых бревна.

Южная часть комплекса представлена также трехчастной постройкой, расположенной симметрично описанной выше. Она состоит из западной клетки, сеней и восточной клетки.

Восточная клеть самая большая. Стены рублены в обло с остатком. Все перерубы четко прослеживаются, несмотря на плохую сохранность дерева. Во внутренней клетке сохранились фрагменты пола, который представлял собой однородную вымостку из досок, положенных в направлении север—юг. Среди них имеются кочевые доски, но лаг нет.

Северо-западный угол клетки занят развалом печи, занимающим довольно большое пространство, а в северной части даже выходящим за пределы сруба. Основание печи обозначено в северном углу лагой, а в северо-восточном и юго-западном углах — вертикально поставленными столбами. С западной стороны печь вплотную примыкала к стене сруба. Этот четырехугольник заполнен дикими бутовыми камнями средней величины. Выше идет слой песка со следами прокалиненности и красный кирпичный порошок (остаток пода), на котором лежит черный углистый слой толщиной до 10 см. В северном направлении толщина этого слоя постепенно увеличивается и он выходит за пределы сруба. Мощная полоса угля толщиной до 20 см выходит за пределы забутовки и прослеживается по всей длине клетки. Выше углистого слоя находится прокаленный слой красного цвета в виде порошка и не крупных обломков кирпича с пятнами серого песка. Это, вероятно, остатки свода печи. В районе северного участка развала обнаружено скопление рыбьей чешуи.

Восточная клеть не только самая большая по площади, но и наиболее сложная по конструкции:

ее южная и западная стены — двойные, с внешними прирубам. Остаток восточного окладного венца перерублен с бревном внешнего оклада, который, в свою очередь, перерубается еще с одним — западным бревном. Последнее в северо-западном углу сооружения перерублено с остатком северного венца внутреннего сруба. С запада к этой двойной стене примыкают сени (что наводит на мысль о том, что восточная клеть была выше одного этажа): иначе не понятно — для чего нужно было утеплять (или укреплять) внутреннюю стену сооружения.

Сени имеют прямоугольную форму, настила там нет. С запада и востока они ограничены стенами клеток, а с юга — самостоятельной стеной, от которой сохранилось лишь одно горизонтально лежащее бревно. Северная часть сеней, обращенная внутрь комплекса, — открытая. Размеры сеней — 4,4×1,6 м.

Западная клеть узкая в плане, совпадает по длине с восточной (ширина 2,9 м). Углы рублены в обло с остатком, диаметр сохранившихся окладных бревен — 20 см. Основное пространство клетки занято мощным развалом печи в виде груды диких камней. В основании клетки прослеживается сложная система переплетов нетолстых бревен, составлявших в прошлом основание печи и пола. С юга на север по центральной оси клетки располагается лага. Перпендикулярно ей на расстоянии 40 см от южной стены сруба лежит вторая лага, параллельно которой на расстоянии 1 м от северной стены сруба — третья. Пространство между второй и третьей лагами выложено вымосткой из широких плах. Четвертая лага, параллельная третьей, положена под печью.

Остатки плах прослеживаются и в северной части клетки, где они, стыкуясь друг с другом, лежат параллельно северной, восточной и западной стенам. С запада к западной клетке примыкала вымостка, фрагменты которой сохранились в виде кусков досок.

С запада торцевой частью комплекса является пятая клеть (квадраты АБ-2, 3), которая замыкает периметр построек. Сооружение сохранилось плохо. Оклад сруба представлен довольно фрагментарно, а западная стена не сохранилась совсем. Ее следы угадываются по тлену, а также по положению других бревен сруба и пола. Также слабо заметен южный венец сруба. Восточный сохранился частично, а северный — почти целиком. Внутри клетки прослежены слабые следы пола в виде сильно трухлявых досок. Под настилом находился толстый слой навоза, что может свидетельствовать о том, что здесь был подклет хозяйственного назначения. Вероятно, и сама клеть служила в качестве хозяйственной постройки, о чем говорит ее положение в комплексе, отсутствие печи и бытовых находок.

Пространство между двумя полосами построек и пятой клетью являлось, видимо, внутренним двором. Он имеет вид правильного прямоугольника размерами 10,4×3,2 м. С внутренней стороны двор сохранил следы каких-то строительных конструкций, которые можно интерпретировать как остатки колонн галереи или основание перекрытия

двора. Здесь прослежено 12 вертикально стоящих столбов диаметром 15—50 см. Они размещаются по всему периметру двора: три столба — в западной части двора, один — у северо-западного угла западной клетки и два — в районе юго-западного угла северо-западной клетки; два столба — в южной части двора (возле северо-западного угла северо-западной клетки) и пять — по северной кромке двора.

Два столба обнаружены в восточной (открытой) части двора. Они находятся у его южного и северного пределов и являются, по всей вероятности, остатками столбов ворот.

Двор, вероятно, был выложен досками, о чем свидетельствуют их остатки, встречающиеся всюду на поверхности двора.

Заканчивая описание сооружений, нужно сказать, что под ними обнаружены следы нижнего строительного горизонта в виде сплошного монолитного косяка толщиной 20—25 см. Находок предметов на раскопе очень мало.

Исходя из характера построек и находок, можно констатировать, что рассмотренный комплекс представляет собой остатки жилых и хозяйственных построек, объединенных в общий ансамбль усадьбы.

Раскоп 20 (прилож. XXII). Он расположен в 45 м к востоку от кремлевской стены. Площадка раскопа сильно кочковатая, особенно в западной части — пониженной и заболоченной. Восточный край слегка всхолмлен. Весь участок покрыт высокой травой и деревьями различной величины. Площадь раскопа — 240 м². Раскопками обнажены остатки строительных сооружений оригинальной конструкции, объединенных в общий комплекс построек.

Основу комплекса составляет полоса сооружений, которые в виде прямоугольника простираются в генеральном направлении с запада на восток.

Крайняя восточная постройка оригинального вида. Возможно, это клеть, возможно, и сени. Строение имеет прямоугольную форму, несколько вытянутую с севера на юг. Размеры стен 3,1×3,3 м. Оригинальность конструкции состоит в том, что при ее строительстве применены два строительных приема: рубка углов в обло с остатком и крепление бревен в пазах вертикально поставленных бревен (западные углы). У постройки нет собственной западной стены: ее функции выполняет примыкающая к ней с востока стена соседнего сооружения. Диаметр бревен стен 20 см. Подобные конструкции построек обнаружены также на раскопе 22 (нижний горизонт), а в раскопе 21 вскрыта однокамерная постройка аналогичного типа с той разницей, что южная стена там состояла из бревен, забранных в пазы вертикальных столбов, стоявших парами на юго-западном и юго-восточном углах.

В плане площадь постройки делится на два участка: северный — без настила и южный — с бревенчатым полом. Пол вымощен бревнами диаметром 15—20 см. Все бревна лежат плотно друг к другу и имеют выруб с обеих сторон (вероятно, для скрепления). С восточной стороны находился вход, фиксированный вертикальным столбом.

Находок практически нет, за исключением фрагментов керамического горшка и одекуя.

С западной стороны, как уже упоминалось, вплотную к клетке примыкает другая довольно большая постройка, прямоугольная в плане, со сторонами 4×4 м. Углы рублены в обло с остатком. Внешние концы бревен довольно большие, с южной стороны выступают почти на 2 м и служат границей дощатой вымостки.

С западной стороны к торцам бревен приращены такого же диаметра бревна, служившие стенами еще одного смежного помещения. Его западный предел обнаружен по вырубам на южном бревне, нанесенном также на расстоянии 4 м. На северном бревне выруб не прослеживается ввиду плохой сохранности дерева. Западнее выруб также оставлен конец длиной 2 м. Стыки бревен с боков скреплены для жесткости двухметровыми плашками.

В пределах комплекса зафиксирована еще одна клеть в 0,8 м южнее восточного строения (квадраты ГД-1). Она имеет вытянутую с запада на восток трапециевидную форму длиной 4 м. Длина западной стены 2,1 м, а восточной — 1,6 м.

На расстоянии 0,5 м к северу от строения прослежен тын (квадрат Г-3), обозначающий границу комплекса. Он составлен из 17 толстых (диаметром 20—25 см) кедровых бревен, поставленных вплотную друг к другу. От крайнего восточного бревна тына перпендикулярно к нему лежит толстое бревно диаметром 22 см, примерно на уровне восточной стены южной постройки. Не исключено, что оно фиксирует восточную границу комплекса.

Исходя из характера построек и их размеров, а также состава находок, можно предположить, что комплекс построек раскопа 20 носит не жилой, а скорее, хозяйственный характер.

Итоги исследования

Археологический материал, полученный в результате четырехлетних работ Мангазейской экспедиции, явился одним из важнейших источников изучения первого города в сибирском Заполярье. По некоторым вопросам этот источник оказался единственным и достаточно надежным, чему способствует, наряду с указанными выше особенностями памятника (отсутствие перекрывающих слоев, хорошая сохранность материала в условиях вечной мерзлоты и др.), большая площадь вскрытия и надежная датировка практически всех архитектурных остатков города. Раскопками вскрыты все важнейшие сооружения Мангазеи (прилож. XXIV), кремль, включая отдельные участки стен и постройки внутри кремля, а также значительная часть посада, где обнаружены культовые сооружения, торговые комплексы, жилые дома, комплексы производственного (ремесленного) назначения и другие объекты. Все это значительно расширило имеющиеся сведения о социально-экономической жизни и характере исследуемого поселения.

Весьма важное значение приобретают три аспекта: 1) общая планировка города (кремль — посад — незастроенная полоса между ними); 2) планировка посада, где выделяется два района: административно-торговый и ремесленный; 3) характер

материальной культуры (комплексы построек и находки, входящие в их состав).

Два обособленных посадских района, которые были выявлены в результате археологических раскопок, существенно отличаются друг от друга по характеру построек, их планировке и составу основных находок.

Первый район расположен в прибрежной части р. Таз и занимает пространство между кремлем и р. Мангазейкой (раскопы 14, 21, 22, Гостиный двор, комплекс А). Это административно-торговый центр посада. Здесь расположены торговые, культовые сооружения и жилые дома административного персонала, промышленников, купцов. Постройки ремесленников отсутствуют совершенно.

С точки зрения планировки для этого района характерна значительная плотность построек, расположенных по обе стороны мощеных улиц и переулков.

Второй участок посада расположен в глубине мыса и в топографическом отношении тяготеет к берегу р. Мангазейки (раскопы 8, 9, 10, 13, 15, 24). Основной его особенностью является хорошо выраженный ремесленный характер построек в пределах всех перечисленных раскопов. Эти постройки представлены довольно сложными комплексами, куда наряду с жилыми помещениями входят сооружения производственного назначения с характерными предметами (тигли, развалы плавильных печей, литейные формы, шлак и заготовки изделий).

Планировка построек более свободная, повсеместно прослеживаются остатки изгородей, разделяющих соседние усадьбы. Другой особенностью планировки является группировка мастерских по производственному принципу: участок, непосредственно примыкающий к притазовским улицам, занимали литейщики, а в наиболее удаленной, периферийной части посада обнаружены две мастерские по обработке кости. Судя по находкам на городище большого количества однотипной деревянной посуды, изготовленной на токарном станке, можно говорить о существовании и такого вида промысла.

Приведенные данные говорят о довольно развитом ремесленном производстве, существовавшем в специфических условиях первоначального освоения севера Западной Сибири. Это наложило свой отпечаток на характер ремесленного производства

Мангазеи, которое в значительной степени было направлено на удовлетворение потребностей внутреннего рынка, что подтверждается находками местных изделий: посуды, нательных крестов, пуль и других предметов. Не исключается, конечно, и натуральный обмен с местным населением, но факт существования внутреннего рынка важен с той точки зрения, что он дает основание предполагать, что в Мангазее постоянно проживал определенный контингент населения. Об этом же говорят и некоторые данные стратиграфии, особенно наглядно проявившиеся при изучении жилого и ремесленного комплекса в раскопе 8.

Таким образом, общая планировка города с четко выраженными демаркациями между кремлем и посадом и внутри последнего, развитие ремесел и торговли, вероятность постоянного контингента населения — все это указывает, что Мангазее имела основные черты позднефеодального города с характерной социальной и экономической дифференциацией. Архитектура Мангазеи исследована достаточно полно: раскопаны остатки оборонительных сооружений различных типов, административные, культовые, торговые, производственные и жилые постройки, а также изгороди и деревянные мостовые.

Особенно интересен массовый материал по архитектуре жилых домов на посаде, в основе планировки которых лежит трехчастная постройка (клеть — сени — клеть), характерная для северорусских поморских городов.

Большое источниковедческое значение имеют различные находки изделий из дерева, ткани, кожи, кости, стекла, глины, камня и металлов. Среди них имеются многочисленные образцы домашней утвари, предметы ремесла, торговли, охоты, рыбной ловли, судоходства.

Одной из основных особенностей мангазейской археологии является надежная датировка всех раскопанных построек методом дендрохронологии. Это позволяет сопоставить результаты археологических раскопок с имеющимися данными письменных документов, что является надежным способом взаимопроверки источников и основой для получения объективной картины исторической действительности.

ГЛАВА 2

МЕТОДИКА ИСТОРИКО-ТОПОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ФЕОДАЛЬНОГО ГОРОДА МАНГАЗЕИ

Историко-топографическое изучение позднефеодальных русских городов ведется путем сопоставления и анализа письменных и археологических источников, причем трудно определить, который из них является главным. Это положение вряд ли нуждается в особых доказательствах. Значительно сложнее обстоит вопрос с выбором методики такого исследования, пока еще окончательно не сформулированной и не апробированной исследователями.

В предлагаемой главе, посвященной историко-топографической характеристике Мангазейского поселения XVI—XVII вв., принята методическая основа, состоящая из двух разделов. Вначале на основе материалов раскопок и исторической информации документов времени существования Мангазеи воссоздается пространственная характеристика поселения: каждая обнаруженная постройка или комплекс идентифицируется, а затем изучается история их создания, определяется датировка, анализируется заключенный в них культурный слой. Недостатком такой характеристики является ее статичность. Затем рассматривается вопрос о периодизации процесса заселения городища. Такое исследование носит динамический характер. Определяются отдельные этапы застройки города, отразившие как ход строительства феодального города, так и его развитие. Это позволяет на конкретном материале проследить моменты зарождения поселения, подъема и упадка жизни города.

В настоящей главе изложены общие итоги статического и динамического изучения поселения. Дана характеристика письменных и картографических источников, использованных в главах, а также кратко охарактеризованы этапы заселения и развития Мангазеи.

Письменные и картографические источники

Ценность письменных источников о Мангазее далеко не одинакова. Одни этапы застройки городища освещаются сравнительно полно, другие — крайне отрывочно; в целом же не создается достаточно ясной и полной картины того, как происходило заселение города. Значение мангазейских письменных источников в другом — они существенно дополняют археологический материал.

Известно, что ранние документы Мангазеи, как и все документальные материалы приказа Казанского дворца, погибли при пожаре Москвы 1626 г. Среди них были план-чертеж города, роспись острога и др. От раннего периода относительно полно сохранились документы воеводского управления и то лишь благодаря тому, что часть их была перевезена в Новую Мангазею, в новомангазейскую Съезжую избу. В 1712 г. Съезжая изба горела. В 1739 г. в Туруханске побывал академик Г. Ф. Миллер, который обнаружил и изучил остатки старомангазейских документов и снял с них копии. Ныне весь копийный материал хранится в Архиве Академии наук (Ленинград) в специальном «портфеле» огромного фонда Г. Ф. Миллера¹. Здесь наказные памяти мангазейским воеводам, от имени царя выданные Казанским, а затем, с 1637 г., Сибирским приказами. Некоторые из этих документов увидели свет в различных публикациях XIX в.²

В делах Сибирского приказа найдены некоторые списки наказных памятей, подлинники которых всегда оставались на руках их владельцев³. Изучение наказных памятей воеводам показало, что они не содержали сколько-нибудь полных сведений о застройке города.

Надо сказать несколько слов о летописи Мангазеи. В ней, бесспорно, имелись расположенные в хронологическом порядке систематические известия о возведении общественных зданий и оборонительных сооружений. О существовании в Мангазее своей местной летописи впервые сообщила мангазейская воеводская канцелярия, которую в 60-е годы XVIII в. запросила Академия наук по поводу состояния старого городища и летописания. В ответе Академии наук есть строки о том, что были предприняты специальные поиски летописи и что список с нее обнаружен Енисейской воеводской канцелярией «у новомангазейского жителя Александра Горохова».

Из текста видно, что в данном случае речь шла

¹ ЛОААН, ф. 21, оп. 4, л. 21.

² Русская историческая библиотека (в дальнейшем: РИБ), СПб, 1875, т. II, стб. 1051—1062.

³ ЦГАДА, ф. 21, кн. 2, стб. 30, 43, 131, 358, 242, 318. Здесь находятся наказные памяти мангазейским воеводам за 1601, 1635, 1641, 1647 и др. годы.

о «давних лет записке — списке старого летописца»¹. Судьба списка Горохова не прослежена, но о том, что в Мангазее имелось местное летописание, свидетельствует письмо мангазейского воеводы Андрея Палицына в Тобольск от 1630 г. Из письма Палицына явствует, что в создании новой редакции мангазейской летописи участвовали мангазейский троицкий священник Сосна и холмогорец Второй Владимиров.

Палицын писал: «А тот, господине, поп ведомый ведун и коренщик... А Вторка пишет ему, Григорию (Кокореву — М. Б.), богомерзкие еретические книги... Они (Сосна и Владимиров — М. Б.) и дела старые, на чем Мангазее основана, все перегубили... в перочернительное начертание привели...»².

Пока приходится сожалеть об отсутствии такого важного документа в руках исследователя.

Наиболее полно застройка и характер возникших на городище деревянных сооружений представлены в документах после 1626 г. Это, прежде всего, розыскное дело 1629—1633 гг. мангазейских воевод Григория Ивановича Кокорева и Андрея Федоровича Палицына. Розыск велся не только в Мангазее, куда были направлены специальные люди с соответствующими поручениями, но и в Тобольске. Завершился он в Москве. Туда в 1632—1633 гг. приехали опытные воеводы и там к этому времени были сосредоточены все розыскные материалы. Только благодаря этим обстоятельствам столь важные мангазейские документы сохранились и не погибли при пожаре Мангазеи, вспыхнувшем спустя несколько лет.

Сохранилось 17 столбцов розыскного дела, состоящего из нескольких сот документов³. Здесь многочисленные отписки и письма воевод Г. Кокорева и А. Палицына, челобитные торговых, промышленных и служилых людей, отчеты о результатах обследования разрушенных построек и т. п. И все же нужных сведений не так много. Следует упомянуть о некоторых из них. Во-первых, это отписка воеводы А. Палицына (январь 1630 г.) о нападении Г. Кокорева и его сторонников на посад. В отписке названы конкретные постройки и вычислены расстояния между ними и крепостью. Кстати, некоторые данные измерений А. Палицына были использованы при раскопках посада и целиком подтвердились. Во-вторых, другая отписка А. Палицына 1630 г., в которой он обвинил Г. Кокорева в использовании им и его семьей казенных построек в личных корыстных целях. В-третьих, это материалы расследования убийства Боглашки Филиппова на дворе таможенного головы Михаила Иванова Футина. В связи с этим событием опросу подверглось 248 жителей посада, проживавших в окрестностях дома Футина на 28 подворьях, 5 избах и 4 дворах. Некоторые из построек названы по имени их владельцев. Это событие произошло в ночь на рождество 1629 г.

Нельзя не отметить и другие документы розыска

¹ ЛОААН, ф. 21, оп. 10а, д. 113.

² ЦГАДА, ф. 141, стб. 86, л. 128.

³ Там же, стб. 10, 28, 36, 40, 46, 48, 52, 54, 55, 56, 62, 65, 71, 78, 79, 81, 86 (По реестру приказным делам старых лет, ч. I).

ного дела, в которых имеются данные об интерьерах построек, в частности, соборной церкви Троицы, а также приводятся исторические сведения.

Для привлечения дополнительных материалов к характеристике мангазейских жилых, общественных и оборонительных построек был просмотрен обширный фонд Сибирского приказа. Из 255 столбцов и книг этого фонда, содержащих документы о Мангазее, изучено 117 единиц хранения, но нужных материалов о градостроительстве оказалось очень мало, причем встретились они там, где их меньше всего можно было ожидать — в росписных и учетных списках, в счетных делах таможенных голов и даже в росписи мангазейским «тюремным сидельцам». Особенно следует отметить те столбцы, где были обнаружены сведения о строительстве домов в послепожарный период (стб. 408, 409, 597, 582, 583 и др.). Значительная часть изученных материалов Сибирского приказа относится к характеристике торговой и промышленной деятельности города.

Известно, сколь полезными являются картографические источники, но таких материалов конца XVI — первой половины XVII вв. вообще очень немного. В архивах и библиотеках до сих пор не обнаружены ранние чертежи сибирских городов и острогов. Исследователю приходится довольствоваться чертежами последней четверти XVII — начала XVIII вв., выполненными тобольским этнографом, географом и рисовальщиком С. У. Ремезовым¹, а также планами городов Сибири, изданными по русским подлинникам голландским этнографом и географом Сибири, амстердамским бургомистром Николаем Витсеном². Витсеновские планы городов относятся к тому же времени, что и ремезовские. Подобное состояние картографических источников времен существования Мангазеи поставило вопрос о необходимости дополнительных поисков их. Нам удалось опознать план города Мангазеи 1625 г., приложенный к известному «Росписному списку». Кстати, сделанная находка открывает путь к обнаружению планов ранних сибирских городов и урочищ, на основании которых составлялся первый чертеж Сибири³.

Краткая характеристика этапов истории Мангазеи

Материалы раскопок дают основания считать, что история городища Мангазеи продолжалась в течение столетия и прошла шесть этапов.

Первый этап приходится на последнюю четверть XVI в. В 1572 г. на территории треугольника, образованного впадением небольшой речки Осетровка в р. Таз, появились первые постройки поморов, проникших в столь отдаленный район по Мангазейскому морскому ходу и из бассейна реки Оби по ее

¹ Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским С. У. Ремезовым в 1701 г. СПб., 1882; Служебная чертежная книга С. У. Ремезова. Рукописное отделение Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Эрмитажное собрание, № 237.

² N. Witsen. Nord en Oost Tartaryen. Amsterdam, 1705. 968 p.

³ Автор намерен осуществить специальное исследование о первом чертеже Сибири.

правым притокам — Назыму и Казыму. Вскоре здесь уже существовал поморский городок. На месте его впоследствии выросло городское поселение. Таким образом, город Мангазее в отличие от других русских городов Сибири, основой которых были поселения местных племен, например, Тобольска (Кучумово городище)¹, Тюмени (городок Чимгин, Тура)², Березово (Остяцкий городок Сумгут Ваш)³, стоял на месте русского поселения. Следовательно, первым этапом заселения городища был поморский городок, генетически связанный со всем последующим ходом развития города.

Второй этап приходится на 1601—1606 гг., когда была заложена Мангазее. Однако прямой связи между городком и городом не существовало, потому что городок был использован под строительство острога, включая не только возведение крепостных оборонительных сооружений, но и первых строений внутри крепости и на посаде. Только на третьей стадии застройки появился город Мангазее.

Создание острога предусматривало прежде всего строительство служебных зданий — воеводского двора, съезжей избы, тюрьмы, церкви и караульного помещения. Служилые люди селились за пределами острога в новых постройках или в тех, которые остались со времен поморского городка. Таков первоначальный вид острожного поселения. Конечно, в нем проявились элементы, которые в дальнейшем использовались при создании города. Но острог — еще не город.

В эти годы по соседству с острожными и башнями возводятся городовые укрепления — стены, выполненные городнями, и башни мангазейского кремля. Так был сделан шаг в сторону превращения построек, расположенных за пределами крепости, в посад. Появилась и первая посадская церковь.

Третий этап, ознаменовавшийся самой интенсивной застройкой пришелся на 1607—1629 гг. В это время Мангазее в социально-экономическом и административном отношении приобрела те особые черты феодального «непащенного» города, которые не только позволили поставить его в один ряд с крупными городами Сибири — Тобольском, Тюменью и другими, но и придали ему характер северного городского поселения.

Черты эти особенно ярко проявились в создании большой торговой части, занявшей значительную часть посада. Мангазее впитала в себя все новое и лучшее, что знало русское зодчество на рубеже XVI—XVII вв. Это прежде всего сказалось во внедрении принципов регулярной планировки города. Мангазее была хорошо спланирована: крепость четко отделена от посада, а сам посад разделен на две части: собственно ремесленную и торговую. Между частными постройками появились мощеные сосновыми досками судовой обшивки узкие улицы и переулки.

¹ В. Н. Пиляти. Искер (Кучумово городище), с. 25.

² В. И. Кочеданов. Строительство Тюмени в XVI—XVII вв. Ежегодник Тюменского областного музея, вып. 3, 1963, с. 83.

³ Г. Ф. Миллер. т. I, с. 270; С. В. Бахрушин. Остяки и вогуличи княжества в XVI—XVII вв. Научные труды, т. III, ч. 2, М., Издательство АН СССР, 1955, с. 137.

Особое внимание уделялось застройке и благоустройству центральной части торговой стороны, где разместился большой гостиный двор в окружении сорока с лишним амбаров и таможня с амбарами. К западу от гостинного двора было возведено новое культовое сооружение — церковь поморских чудотворцев Михаила Маленна и Макария Желтоводского. К востоку разместились питейные заведения и городская торговая баня.

Расширилось строительство новых домов в кремле. Это прежде всего коснулось воеводского двора, за массивной круговой оградой которого в дополнение к уже построенным в начале века возникло еще два строения. Зодчие соединили новые постройки воеводского двора со старыми избами висячими закрытыми галереями. Так же были соединены воеводские хоромы с соседней съезжей избой. По существу была застроена вся селитбенная территория городища, за исключением самых отдаленных северо-восточных частей. Это было время кульминации застройки.

Четвертый этап датируется 1630—1642 гг. Наиболее важным событием его явилось начавшееся разрушение города. В результате двухлетней междоусобной борьбы тщеславных и вздорных воевод центральная часть города в районе гостинного двора превратилась в груду развалин. Сам гостиный двор и десятки амбаров, служивших пристанищем для приезжих торговых и промышленных людей, были разрушены, как и многие жилые дома. Длительная осада крепости нанесла ей значительный урон. В довершение летом 1642 г. разразился грандиозный пожар, во время которого сгорели крепостные сооружения — стены и башни, а также все внутрикремлевские постройки.

Пятый этап приходится на 1643—1652 гг. Его следует назвать восстановительным. Жители города на свои скудные средства восстановили сгоревший кремль, воеводский двор, Троицкую церковь, съезжую избу, тюрьму, караульное помещение. На посаде были заново выстроены гостиный двор и новая таможня. Правда, новые постройки уступали по размерам и красоте сгоревшим. Велись новые строительные работы и в ремесленной части посада. В связи с увеличением численности стрелцкого гарнизона были расширены стрелецкие избы и дворы.

Шестой этап датируется 1653—1672 гг. В этот период наиболее примечательными были постройки на посаде и прежде всего те, где располагались плавильные мастерские, изготовлявшие дефицитные металлические изделия. Количество каменных печей увеличилось вдвое. Плавильные печи появились на северо-восточной окраине городища, а в нижней части — жилые дома косторезов. Четко обозначен первый городской конец косторезов и литейщиков.

В те же годы Мангазее пережила трудные моменты своей истории. На р. Таз и на Нижней Тунгуске одно за другим вспыхивают восстания самодийских племен. Восставшие подступают к стенам города. Учитывая такие обстоятельства, старшая в Сибири, тобольская администрация направляет в Мангазее и на Енисей по Мангазейскому морскому ходу новые воинские отряды, главным

образом казачьей части, которым не удалось подавить восстание.

Тогда принимается давно вынашиваемое мангазейскими воеводами решение (со ссылкой на ухудшение условий мореплавания) о переводе стрелецкого гарнизона в Туруханское зимовье и постройке там Новой Мангазеи. Изучение документов не оставляет сомнений в том, что Мангазея была оставлена из-за реальной угрозы повсеместного восстания тазовских племен. Об этом свидетельствуют и сами мангазейские воеводы. «В прошлом 180-м году,— читаем в отписке воеводы Михаила Бекле-

мишева,— в грамоте в Мангазею написано к Даниле Наумову: велено город Мангазею поставить вновь на Турухане и прежнего города Мангазеи жителей людей в тот новый город перевести... А во 183 (ошибка — 1669—1672) году те служилые люди из прежнего города Мангазеи от **шатоги юрацкой самоеди** (подчеркнуто мной — *М.Б.*) выехали и город остался пуст»¹.

Решение оставить Мангазею положило конец успешно развивавшемуся поселению.

¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 731, л. 166—167.

ГЛАВА 3

ПРОЦЕСС ПЕРЕРАСТАНИЯ ПОМОРСКОГО ТОРГОВОГО ГОРОДКА НА р. ТАЗ В ОСТРОЖНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ С ПОСАДОМ

Одним из самых малоизученных вопросов раннего заселения Сибири русскими являются городки XVI в., выросшие на путях продвижения промысловых и торговых отрядов в ее глубинные районы. В письменных источниках более или менее обстоятельных сведений о них не сохранилось, а археологи располагают крайне скудными данными, собранными на раскопках городка Ляпина¹, являвшегося не столько торговым поселением, сколько ранней русской крепостью, и Казымского городка, тоже крепостного сооружения². Недавнее изучение Казымского городка показало, что он заложен во второй половине XVIII в.³ Словом, культурные слои «чистых» торговых городков XVI в. еще не вскрыты и не изучены. Тем больший интерес вызывает находка торгового поселения на городище Мангазеи, а также упоминание о таких поселениях в документах того времени. Я уже писал об одном из них — городке Надыме⁴. Более подробно о нем рассказывается в главе «Мангазейский морской ход».

К числу ранних русских торговых городков следует отнести Обдорский, или Носовой, городок в устье Оби и Пантуев городок в устье Пура. Об этих торговых городках говорилось также в наказ-

ных памятниках первым мангазейским воеводам, выданных в 1600—1601 гг.

Ранние русские городки впервые появились в северной полосе Сибири. Это свидетельствует об опережающем процессе поморского освоения зауральской «землицы». Причиной этого явления следует считать раннее проникновение крестьян-поморов в бассейн Оби и ее притоков, а также установление вследствие длительного общения с местным самодийским кочевым населением торгово-промысловых связей. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что задолго до основания города Мангазеи и прихода на р. Таз стрелецких войск поморы сумели войти в тесное общение с аборигенным населением, что позднее было нарушено феодальной администрацией.

Первые русские городки за Уралом, были ли они временными поселениями промышленных людей или торговыми опорными пунктами, как, например, «магазинны», остатки которых обнаружены на зырянской дороге между Ляпиным и Обью, сыграли еще не оцененную по своей важности роль в ходе начавшегося в 80-е годы XVI в. массового движения русских за Урал. Эти городки и «магазины» — по существу фактории — являлись своего рода плацдармами для дальнейшего освоения глубинных районов Сибири. Именно на этом историческом фоне можно правильно понять, а также оценить роль поморского городка на р. Таз, возникшего в первой четверти XVI в. и представлявшего первый этап истории городища.

Первый этап истории городища (1572—1600 гг.)

Обнаружение остатков раннего городка на городище Мангазеи является заслугой свердловских дендрохронологов, которыми в течение всех четырех полевых сезонов руководил С. Г. Шиятов. Вначале была обнаружена сильно разрушенная мангазейская постройка на раскопе 21 — окладный венец клетки, рубленной в обло с остатком. От нее сохранились три стены: северная, западная и восточная. Южная стена обрушилась с невысокого берега в реку Таз. Северная стена датирована 1593 годом. Позднее в посадочной части Мангазеи удалось зафиксировать еще пять домангазейских построек (рис. 1).

Сейчас трудно судить о характере сооружений городка, так как все они попали в полосу город-

¹ А. Ф. Полешников. Ляпинская крепость. Известия Омского отдела Географического общества, вып. 5(12), 1963, с. 153—159; В. И. Кочеданов. К вопросу о датировке первых русских построек в Сибири. Краткие сообщения Института археологии (в дальнейшем: КСИА), вып. 113, 1968, с. 67—73.

² И. Н. Шухов. Река Казым и ее обитатели. Ежегодник Тобольского губернского музея, вып. 25, Тобольск, 1916.

³ В 1969 г. студенты архитектурного факультета Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Э. А. Тяхт, И. А. Шахов и В. Н. Меньшугин совершили поездку на р. Казым. Им удалось исследовать городище Казымской крепости, точнее, то, что осталось от нее. Крепость была положена на план и с венцов северной башни и городской постройки взяты слои для дендрохронологического анализа. Результаты анализа показали, что в основание башни и внутренней постройки были положены сосновые бревна диаметром 20—21 см. Дата образования центральных колец — 1767 г., периферических — 1852 г. Следовательно, время постройки Казымского городка — середина XVIII в. А вместе с тем, из документов известно, что Казымская застава была основана в первой четверти XVII в. и могла представлять собой небольшую крепость. Что же касается Казымского торгового городка XVI—XVII вв., то он еще не обнаружен.

⁴ М. И. Белов. Пинежский летописец о разведочном походе поморов в Мангазею. — В кн.: Рукописное наследие древней Руси. Л., «Наука», 1972, с. 182—183.

ской застройки и сохранились лишь потому, что строители испытывали в них сиюминутную потребность.

Кроме упомянутой клетки до нас дошли: ограда, вмонтированная в здание культовой постройки (раскоп 20), опорный столб (раскоп 23), оказавшийся внутри небольшой клетки ранней городской постройки, остатки строительной конструкции в районе, где впоследствии стоял гостинный двор (раскоп 1) и торговые здания (раскоп 14).

Самая ранняя из обнаруженных домангазейских построек датируется 1572-м годом, а самая поздняя — 1594-м годом. Трудно принять эти даты за

турный слой, обнаруженный в домангазейских постройках и характеризующий занятия жителей городка, их быт и орудия труда.

Остановимся на одной из характерных домангазейских построек — постройке из раскопа 21. Она имела трехчастное деление: относительно большую жилую клетку, пристройку с печью и сени. Ранняя постройка удовлетворяла жителей посада, поэтому они и решили воспользоваться ею, заменив в 1601 г. некоторые бревна (спил 195-а).

Культурный слой этого строения содержал большое количество предметов, характеризующих различные стороны жизни его хозяев. Они занима-

лись пушным промыслом и, совершив тяжелый и далекий путь из Поморья на реку Таз, хотели получить вознаграждение в виде соболей, бобров и кунниц, окупавшее транспортные расходы. Среди обнаруженных вещей не удалось найти промысловых ловушек, но зато были найдены транспортные средства — копы от нарт, костяные детали оленьей упряжки, пальма. Кстати, согласно царской грамоте 1600 г., это холодное оружие запрещалось ввозить в Мангазейскую землю¹. Были здесь также пули и наконечники стрел. Значительно богаче представлены рыболовные снасти: грузила берестяные и свинцовые, поплавки, крючок.

Разнообразные находки домашней утвари — фрагменты стеклянной посуды, топор с разбитым обухом, бочки, замок, кожаная обувь, колодка, гребень, керамический сосуд в виде небольшой солонки, окрашенной по кирпичному цвету глазурью. Среди предметов домашнего ремесла — несколько мамонтовых костей со следами обработки, корыто, ведра, пояс, всевозможные керамические изделия. Нельзя не обратить внимания на то, что хозяин дома привез с собой товары для торговли. Это модные в то время светлосиние бусы — одекуй, пользовавшиеся большим спросом среди местного самодийского населения, а также серебряные деньги времен Ивана Грозного.

Перечисленные товары и вещи ничем не отличаются по своей номенклатуре от товаров, завозимых в Мангазею в XVII в.

Первые поселенцы на городище Мангазеи охотились на зверя, питались рыбой, которой было вдоволь в окружающих водоемах, торговали на местном рынке, выменивали на одекуй драгоценную пушнину. По данным мангазейского воеводы И. Ф. Танеева, именно эти люди, оказавшись в далеком необжитом краю, довольно быстро установили связи с местным населением. Жили в их семьях по 10—15 лет, женились на местных женщинах². К моменту прихода на р. Таз первых воевод, район, где стоял городок, был уже хорошо обжит.

В раскопе 20 обнаружено небольшое кладбище: найдено 2 человеческих черепа, очевидно, остатки более раннего некрополя. Они найдены на территории более позднего строения — на дворе тобольского архиепископа Макария. Двор этот был построен в 1601 г., а ограда, ставшая частью этого двора, датирована 1580 г. Вероятно, на месте архиепископского дома в период существования городка стоял скит или часовня.

Тазовский поморский городок возник до того, как в Сибирь отправился отряд во главе с Ермаком.

Второй этап истории городища (1601—1606 гг.)

Анализ сохранившихся документов, главным образом наказных памятей первым мангазейским воеводам, показал, что вопрос о постройке крепости на р. Таз решился не сразу. Еще в 1598 г. на рр. Пур, Таз и Енисей был направлен с небольшим

отрядом дьяк Казанского приказа Федор Дьяков¹, для которого в Верхотурье было приготовлено четыре коча. На них вместе с Дьяковым пошли знакомые с тамошним краем вымичи и зыряне. Результаты этой экспедиции неизвестны. Во всяком случае, поездка Дьякова не могла увенчаться сколько-нибудь большим успехом. Пройти к р. Таз по Мангазейскому морю ему вряд ли удалось. Скорее всего, он присоединился к отряду поморских промышленников во главе с Юрием Долгушиным, который в 1598 г. зазимовал в Надымском городке². А это означало, что в следующую навигацию Дьяков мог пройти на р. Таз, используя более южные волоки между Надымом и Пуром.

Именно эти районы и оказались в центре внимания Казанского приказа, когда в 1600 г. царь Борис Годунов вручил первому мангазейскому воеводе князю Миرونу Шаховскому наказную память³. Целиком она до нас не дошла, но сохранились те ее части, где шла речь о создании в устье р. Таз, в совершенно безлесной местности, острога или даже города. Нелепость такого задания стала очевидна, как только Шаховской с большими трудностями и боями пришел в район Обской и Тазовской губ.

Теперь стал известен новый документ, ранее не привлекавшийся к исследованию похода Мирона Шаховского в Мангазею. Это чертёж «Губа море Мангазейско», составленный в начале XVII в. и входивший, надо полагать, в состав Большого Чертежа⁴. Новый источник содержит неизвестные ранее сведения о продвижении Мирона Шаховского к устью р. Таз. В частности, в легенде есть указания о встрече войск Шаховского с местными воинственными племенами, известными в русских документах, как «юрацкая самоядь», кочевья которых располагались в нижних течениях Пура, Таза, Енисея.

На карте помечена крайняя точка продвижения воевод, обозначенная словами «стреча воеводам». Это произошло между Пурами сором (озером) и Караульным яром, в одном переходе от устья реки. К западу, в районе Черных гор, на чертеже имеются две другие надписи: «Седе(ли) в осаде... от самояди» и «Розбило кочи». На правом берегу губы показана река Кровавая и надпись: «Побойще казаков. Убито 8 члвк».

Если добавить к новому источнику старые сведения о том, что Шаховской был ранен, а в бою убито несколько казаков, то общая картина становится довольно ясной: «юрацкая самоядь» не пропустила стрелецкие и казачьи войска на р. Таз. Кстати, спустя 70 лет та же самая «юрацкая самоядь», восстав против угнетения и своеволия мангазейских воевод, сыграла главную роль в том, что Мангазея была брошена, а ее население переведено в Туруханск.

В августе же 1600 г. от устья р. Таз Шаховской

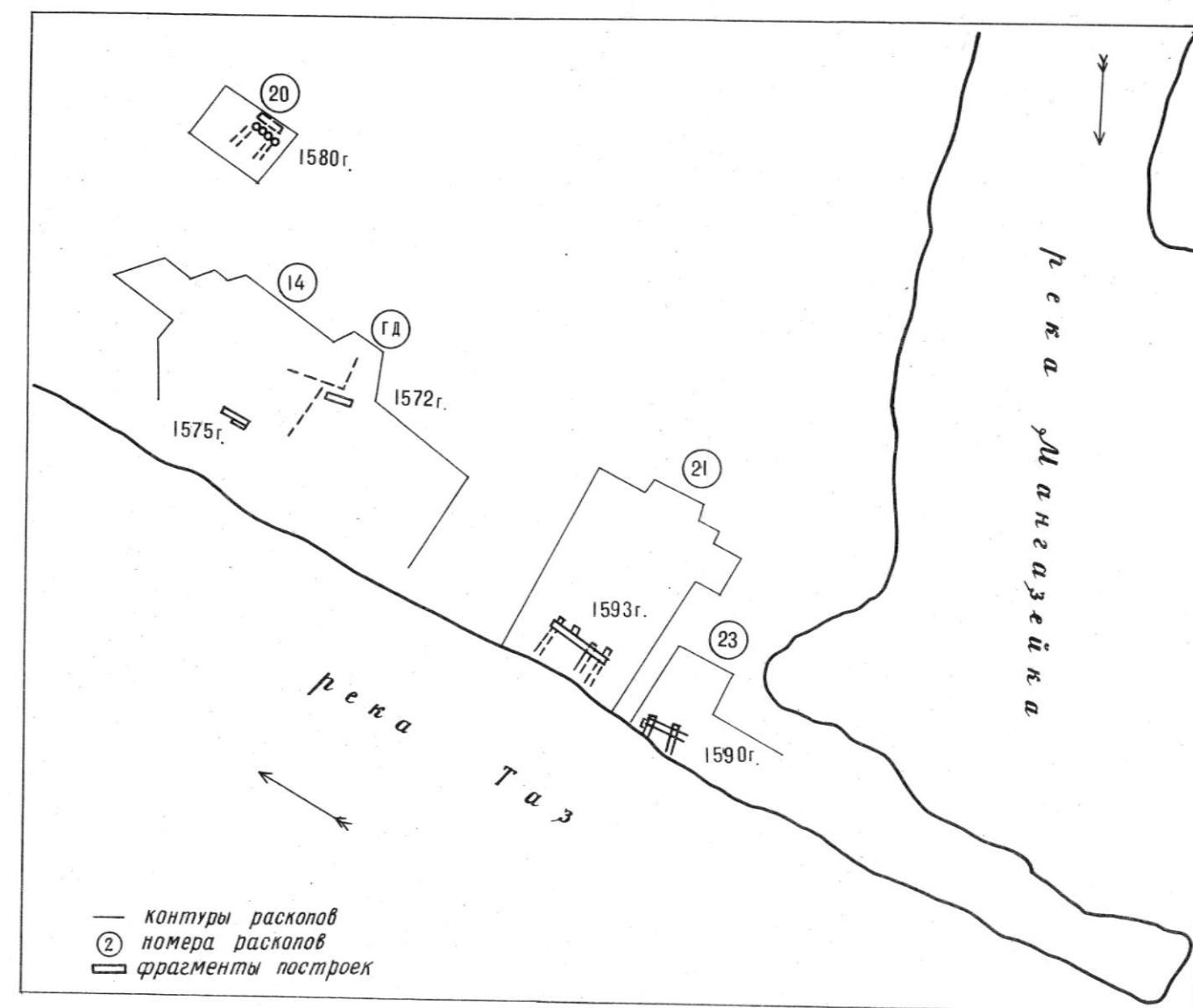

Рис. 1. Картограмма построек домангазейского периода (1572—1600 гг.).

хронологические границы жизни городка. Вероятно, он возник значительно раньше. Ведь поездки на Мангазейскую землю зафиксированы еще в начале XVI в.¹ Не раз упоминают о походах поморов в Мангазейскую землю и иностранные путешественники по России, в особенности англичане.² О реках Пур и Таз упоминается в «Книге Большого Чертежа»³.

Для нас наибольший интерес представляет куль-

¹ М. И. Белов. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. — В изд.: История открытия и освоения Северного морского пути, том I, изд-во Главсевморпути, М.—Л., 1956. (В дальнейшем — М. И. Белов. Арктическое мореплавание...).

² Ю. В. Готье. Английские путешественники в Московское государство в XVI в. М., 1937, с. 107.

³ Книга Большого Чертежа. М.—Л., 1950, с. 161.

¹ Акты исторические, т. II, СПб., 1841, с. 27—28.

² ЛО ААН, ф. 21, оп. 4, д. 2.

¹ Г. Ф. Миллер, т. I, с. 309, 505.

² М. И. Белов. Арктическое мореплавание..., с. 283.

³ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на северо-востоке Азии. Сб. документов. М., Изд-во Главсевморпути, 1951, с. 51—54.

⁴ The Atlas of Siberia of S. U. Remesow. Imago Mundi. Gravenhage, 1958, p. 115.

вынужден был повернуть назад, в Березов, так и не овладев тем районом, где ему надлежало построить острог или город.

В свое время нам удалось найти еще одно интересное сообщение, относящееся к походу князя Шаховского и стольника Хрипунова. Оно исходит от казака Саввы Аргунова, который спустя много лет, будучи ленским служилым человеком, подал царю Алексею Михайловичу челобитную о своих походах в Сибирь. В ней челобитчик отметил участие в экспедиции Шаховского и свой лыжный поход из Березова в Мангазею¹. Следовательно, если верить Аргунову, в осенне-зимнее время 1600 г. Шаховской и Хрипунов снова отправились в поход на р. Таз. На этот раз войско вели не кормишки, а люди, знавшие направление зимних мангазейских маршрутов. Вероятнее всего, они вывели князя к поморскому городку, который за четверть века до этих событий появился в нижнем течении р. Таз.

Об успехах Мирона Шаховского в Москве не было известно. Там считали, что его отряд, вероятно, не дошел до устья Таза и был разбит местными племенами². Одно ясно, что поставленная перед воеводами задача была слишком громадна и выполнение ее оказалось не реальным. Поэтому в 1601 г. в наказной памяти князю Василию Мосальскому приказано было построить не город, а острог и создать его не в устье реки Таз, а на самой реке Таз или даже Енисее. «...в Мангазею и в Енисей» — читаем мы в наказной памяти — притти до заморозов и... идучи не зимовать и рекою Обью и морем ити бережно, и ставиться в крепких местах бережно и осторожно на якорях, а у берегу одиночно не ставиться, и от погоды бечиса...»³. Совершенно по новому звучал параграф о строительстве крепости. Мосальскому надлежало построить не город, а острог. Но самое существенное здесь то, что князю вменялось в обязанность провести тщательную рекогносцировку крепости и обследование торговых городков на р. Таз, слухи о которых проникли в Казанский приказ. В наказной памяти по этому поводу сказано: «Да будет у торговых людей, который городок поставлен у места и государевым людям впредь жить в нем можно, того городка или острогу прибавить кругом»⁴.

Именно так и поступил Мирон Шаховской. С помощью березовских казаков и зырян зимней дорогой он прошел к Тазовскому поморскому городку и, обосновавшись в нем, немедленно приступил к строительству острога. Василий Мосальский прибыл на р. Таз в следующую навигацию в момент, когда этот острог был либо построен, либо его постройка завершалась.

Следовательно, документы вплотную подводят нас к началу второго этапа заселения мангазейско-

го городища — возведению тынообразного острога и постройке внутриострожных зданий. Так как древний архив Мангазеи до нас не дошел, то все, что мы знаем о первых годах строительства, можно почерпнуть только из данных раскопок.

Раскопки городища Мангазеи начались с изучения крепостных сооружений, расположенных на третьей, самой высокой речной террасе. Здесь было обнаружено несколько фрагментов крепости, сначала принятых за городовые укрепления. Вполне естественно, что первоначально были допущены некоторые неточности, к сожалению, просочившиеся в печать¹. Фрагменты западных и восточных тынообразных конструкций были приняты за острожные ранней крепости, тогда как на самом деле дендрохронологически они датируются 1649—1650 гг. (спилы 3—5). Не было обращено внимания на разницу в положении городен и острожен западной и северной стен крепости. Это противоречит утверждению о том, что в плане и размерах город почти полностью повторял острог. Из-за неточности дендрохронологического анализа не совсем правильно было определено время постройки раннего острога.

При дальнейшем изучении остатков острожен и городен определилась такая картина. В 1601 г. на городище Мангазеи был срублен острог «стоячий на углах». Его замысел и исполнение не дают основания выделить мангазейский острог из подавляющего числа крепостей Сибири, которые «носили ярко выраженный русский характер»². Но прежде всего следует уяснить, что было найдено во время раскопок и насколько эти материалы подтверждают документальные данные «Росписного списка города Мангазеи» 1625 г.

Как сказано выше, из числа ранних оборонительных сооружений надо исключить ряды тынообразных стен, обнаруженных в раскопах 2 и 4. Они относятся к позднему времени — к 40—50-м годам XVII в., когда на развалинах крепости создавался второй, новый острог.

Следовательно, для анализа остаются два объекта: нижние венцы и острожны северо-западной Ратилловской башни и примыкающие к ней с юга и с востока ряды острожен, сделанных из мелких листовидных бревен. В северо-восточной части раскопа 3 найдены острожны и разброс бревен какой-то другой постройки. Дендрохронологическая датировка данных объектов сейчас невозможна, потому что бревна острожен и башен утратили периферические и центровые кольца. И все же время их постройки можно определить методом относительной датировки на основе стратиграфических наблюдений.

Дендрохронологический анализ внутрикрепостных построек показал, что все они возведены в 1601 г. — в первый год существования Мангазеи. Наибольший интерес представляет одно из этих сооружений — караульное помещение. Нижний венец его датируется 1601 г. (спилы 114, 115). Сле-

довательно, косвенно подтверждается вывод о том, что крепость была поставлена в тот же год.

Спилы с бревен подтвердили, что, прибывшие на городище первые мангазейские воеводы Мирон Шаховской и Данила Хрипунов, немедленно (в октябре—ноябре 1600 г.) приступили к рубке деревьев для будущего острога¹. Через несколько месяцев с помощью населения поморского городка, торговых и промышленных людей, прибывших с правительственным отрядом, они начали строительство острога. Эти факты вряд ли можно поставить под сомнение.

Что касается стратиграфических наблюдений, то они также говорят в пользу настоящего предположения. Речь идет об обнаружении двух строительных горизонтов в районе северо-западной Ратилловской башни. Один из этих горизонтов, самый ранний, сохранил ярко выраженные следы пожара. Первый, окладный венец башни — подошва — сильно обуглен, это свидетельствует о том, что башня сгорела до основания. Второй горизонт представлен вторым нижним необугленным венцом, рубленным в обло с остатком. Следовательно, башня по старому пепелищу рубилась дважды: первый венец относится к допоярному времени, т. е. к периоду до 1642 г., когда башня вместе с другими частями кремля сгорела, а второй горизонт — к 40—50 годам — ко времени строительства второго острога.

Следует обратить внимание также и на второй объект раннего острога. Это ряд острожен в районе северо-восточной городской Успенской башни. Восточная часть этого ряда выходила к развалу оборонительной постройки, которая в ходе раскопок принималась за остатки ремонтных работ. Вероятнее всего, это и есть северо-восточная острожная башня. К югу от нее расположена городовая Успенская башня.

Еще большая уверенность в правильности подобного заключения появляется при определении северных острожной и городской стен. Во-первых, между ними обнаружено некоторое пространство, свидетельствующее, что в плане они не повторяют друг друга: острожная стена севернее южной. Несовпадение стен выясняется также при измерении их длин. Острожная стена имела 71,5 м, тогда как городовая, согласно Росписному списку 1625 г. — 62,5 м. Несовпадение параметров отмечено также при сопоставлении Ратилловских и Успенских острожных и городских башен. По Росписному списку 1625 г. все мангазейские угловые глухие башни имели одинаковый размер — 4,7×4,7 м. Совершенно иные размеры у обнаруженной в раскопе 3 северо-западной острожной Ратилловской башни — 3,5×3,5 м.

Следовательно, мы можем сказать, что в раскопе 3 экспедиция обнаружила развалины трех из четырех башен: двух острожных и одной городской. Они стояли на некотором расстоянии друг от друга.

Последующее изучение материалов раскопок позволило выявить местоположение четвертой — северо-западной городской Ратилловской башни. Она

обнаружена внутри острога, к юго-востоку от северо-западной острожной башни. Городовая Ратилловская башня представлена настилом бревен, положенных под прямым углом друг к другу (раскоп 3, квадрат А). При реконструкции удалось определить ее размеры. Они очень близки к упомянутому в Росписном списке параметрам.

В свою очередь, реконструкция башни и фрагментов северных острожных и городских стен позволила точно определить их местоположение. Они отстояли друг от друга приблизительно на 5 м. На таком же расстоянии находятся западные острожные и городовые стены.

Значительно сложнее обстояло дело с определением положения восточной стены крепости. По всей вероятности, восточная острожная стена вообще не сохранилась, так как на том месте, где она должна быть, не обнаружено ни одного фрагмента тына. Это показывает, что во время возведения восточной городской стены острожная была уничтожена: острожны убрали со строительной площадки, чтобы возвести на их месте городни.

Совокупность всех источников — археологических, дендрохронологических и письменных — дает основание заключить следующее: 1) на городище Мангазеи экспедиции удалось обнаружить остатки острожных и городских башен, тынообразные городовые стены, поэтому есть возможность воссоздать общую планировку острога и города: острог оказался более широким, чем город; 2) представить себе планы острога и города так, как они выглядели после сооружения городских укреплений (прилож. XXV).

В связи с тем, что острожные укрепления еще долгое время продолжали играть роль первой линии обороны мангазейского кремля, полезно рассмотреть вопрос, стыковались ли они друг с другом и каким образом. Ответ на это дает изучение сочленения острога и города в районе Успенской башни. Здесь северная стена острога вплотную примыкала к северной части западной стены городской башни. Даже острожная башня, оказавшаяся на площадке в северо-восточной части раскопа, на северо-восток от городской башни, стыковалась с последней. Возможно, в данном случае было и не так. Видимо, северо-восточная башня была разрушена в связи с постройкой городской башни. Поинному располагались другие острожные и городовые башни, например Ратилловские. Эти башни стояли раздельно, и стыковка их была невозможна.

О том, что острог существовал еще долгое время после постройки кремля, говорят многочисленные документы¹. Более того, об острожных соору-

¹ М. И. Белов. Арктическое мореплавание, с. 112.
² Впоследствии М. М. Шаховской не служил в Сибири. В 1616 и другие годы он упомянут в числе воевод русских городов (А. Барсуков. Списки городовых воевод. СПб., 1902, с. 94, 113, 149, 183, 184).
³ Г. Ф. Миллер. т. I, с. 396—397.
⁴ Там же, с. 401.

¹ О. В. Овсянников. Из истории русского оборонительного зодчества XVII в., КСИД, вып. 129, 1972, с. 39—40; М. И. Белов. Раскопки Мангазеи (к итогам первого полевого сезона). — «Проблемы Арктики и Антарктики», 1970, вып. 33, с. 89.
² Там же, с. 41.

¹ См. спилы 11, 48, 65, 66, 67, 80, 85, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 105, 114, 151, 153, 154, 155, 156.

жениях речь шла еще в 1632 г., когда в Мангазею прибыл воевода Василий Давыдов¹.

Итак, ранний острог возник в 1601 г. и сохранился, за исключением восточной стены, как первая линия обороны еще два-три десятилетия. Острожное дело в Сибири XVI—XVII вв. достаточно хорошо изучено в специальной историко-архитектурной литературе².

Мангазейский острог, а затем и город, существенно не отличались от других русских крепостных укреплений. Это деревянное оборонительное сооружение — стоячий острог «на иглах»³ без рвов. Последние не понадобились строителям потому, что мангазейское поселение с трех сторон было окружено естественной защитой: с запада к нему почти вплотную подходил Ратилковский ложок и, судя по задернованной ныне полосе озера, вытянувшихся с юга на север, он соединялся через систему протоков с рекой Ратилхой (Панчей), с востока — р. Осетровкой, а с юга — р. Тазом.

Использование естественных препятствий при строительстве сибирских острогов — тоже характерная черта. Например, строители Тюменского острога использовали развернутый узкий мыс, омываемый водами рр. Туры и Тюмени. Водные преграды использовались и при строительстве Красноярского, Томского, Березовского и Илимского острогов⁴.

Однако в острожном деле Мангазеи заметны особенности. Посад Мангазейского поселения не был огражден. Думается, в этом не имелось надобности, потому что посад был небольшой и его оборонять вполне могла острожная или городовая крепость. Южные же остроги, подтвержденные частым и мощным наступлением степных кочевников, нуждались в ограждении посадов, развернутых на значительной площади. Например, периметр Тюменского посада составлял 1,5 км, а Березовского — 2 км. На такие расстояния крепостная артиллерия XVII в. вообще не могла вести прицельный огонь. Поэтому приходилось создавать дополнительные оборонительные сооружения — остроги. У каждой городской крепости имелся свой острог, стены и башни которого по размерам намного превосходили городовые. Ниже приведены данные из архивных документов о таких посадочных острогах, почти

не замеченные специалистами-архитекторами (табл. 1).

Этого не было и не могло быть в Мангазее. Зато мангазейская крепость сохранила две линии обороны — ранний острог и город.

Таблица 1.
Острожные оборонительные сооружения городов Западной Сибири 1626—1629 гг.

Остроги	Количество входных башен и ворот					Форма в плане
	ворота в стенах	воротные башни	глухие башни	всего башен	всего ворот и башен	
Тюмень	3	2	2	4	7	клин
Тобольск	—	2	4	6	8	неправильный четырехугольник
Тара	1	3	2	5	6	круг
Пельым	2	1	—	1	3	разомкнутое кольцо
Томск	1	4	—	4	5	петля
Сургут	2	1	—	1	3	круг
Березов	2	4	2	6	8	клин

Примечание: Таблица составлена по материалам фонда Сибирского приказа, стб. 25.

Второй этап заселения Мангазейского городища, совпавший с постройкой острога и основанием самого долговременного поселения, ознаменовался постройкой жилых и общественных строений, без которых город не мог бы существовать. Изучение этих построек, исчезнувших уже в первые 20 лет XVII в. и вообще не упоминающихся в документах, представляет известный интерес.

Внутри крепости были построены важнейшие жилые и общественные здания: воеводский двор, съезжая изба, тюрьма, церковь.

Ранний воеводский двор

Установить местонахождение воеводского двора, построенного в 1601 г.¹, было нетрудно (см. прилож. II). Он находился у западной крепостной стены на площадке 800 м² и занимал треть территории кремля. В нижнем строительном горизонте на полторамертовой глубине вскрыты остатки комплекса построек. Изучение их показало, что здесь находилось единое в плане сооружение, разделенное на две части широкой лестницей. В документах эта постройка названа избой воеводского двора². Каждая половина здания имела трехчастное деление: большая жилая клеть, сени с задним коридором и малая клеть (рис. 2). Такая большая по площади и единая в плане постройка на городище встретила однажды. Всего в ней было четыре клетки и двое сеней с задними коридорами, развернутыми навстречу друг другу. Эта постройка была

¹ См. списки 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 151, 153—157, 171, 195, 218.
² ЦГАДА, ф. 141, стб. 79, л. 63.

рассчитана на проживание двух воевод с семьями, причем обе семьи занимали равные части дома.

В описании результатов раскопок (глава I) отмечено, что от раннего воеводского двора сохранились бревна трех венцов и остатки большой лестницы — задней стены, выполненной из вертикально забранных столбов. Из документов известно, что в жилых частях на верхних этажах располагались горницы, где жили воеводы и их семьи¹.

Оставалось невыясненным, на какую высоту поднимался второй этаж. Однако уже в конце четвертого полевого сезона удалось обнаружить некоторые важные детали в квадрате ГД-6. Там, где располагалась вымостка, идущая от калитки круговой оградой в северную часть избы, при разборе смерзшегося грунта показалось лестничное сооружение — тетивы и одна ступенька лестницы.

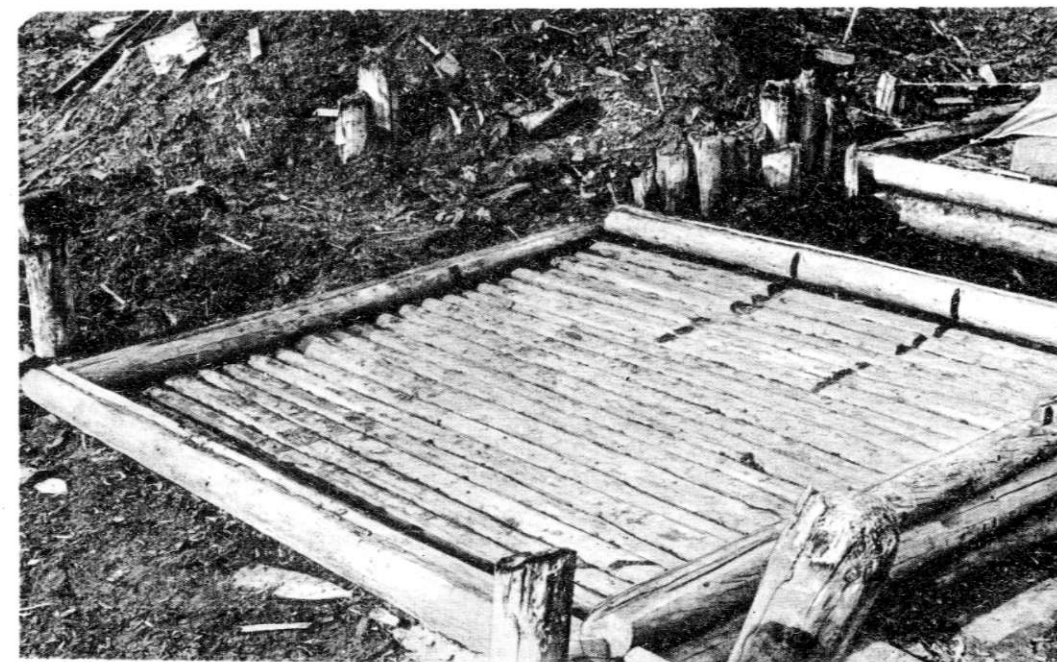

Рис. 2. Вид воеводского двора. Малая клеть б. (фото М. И. Белова, 1969 г.).

Лестничная площадка датируется 1606—1607 гг. (спилы 216 и 217). Расположена она на расстоянии 4 м от восточной стены «избы», а так как наклон тетивы равен 45°, то можно вычислить высоту подъема лестницы — она составила 4 м. Следовательно, пол второго этажа находился на уровне 4 м от поверхности земли, и, если принять во внимание, что второй этаж по высоте равен первому, то высота здания была около 8 м. Лестничную площадку снизу поддерживало 6 столбов, расположенных в два ряда на расстоянии 1,5 м от восточной стены избы. Они образовывали узкий проход по внутренней вымостке с юга на север к большой северной клетке.

Расширение Мангазейского воеводства и вышней административной власти немедленно отразилось на застройке воеводского двора. В 1616—

¹ Первое упоминание о горницах на воеводском дворе найдено в документах 1629—1630 гг. Упоминалась даже «старая горница» (ЦГАДА, ф. 141, стб. 79, л. 110).

1619 гг., в восточной его части появилось еще две клетки сравнительно большого размера (квадраты ДЕЖ-2—5)¹. Новая северная клеть имела второй внутренний сруб (как северная клеть «старой избы»). От южной клетки сохранилось три венца и хорошо сделанный пол из кочевых досок, на котором обнаружена обводка большой глинобитной печи. Это свидетельствовало о жилом характере подклета, что и подтвердил воевода Андрей Палицын. В одной из отписок он сообщил, что воевода Григорий Кокорев на незаконных основаниях пригласил к себе в новый дом двух посторонних для воеводского двора людей Чудинку и Алексея Леонтьева и что «жили Чудинка и Олешка на дворе Григория Кокорева в подклете недели четыре»².

После постройки еще двух клеток, воеводская усадьба превратилась в огромный по тому времени жи-

лой комплекс. Естественно, стал вопрос о соединении между собой всех построек. Сделано это было довольно оригинально — с помощью переходов, чему удалось найти соответствующие документальные подтверждения. Из них явствует, что еще до приезда Палицына и Кокорева в Мангазею между старым воеводским двором, т. е. западной частью построек, и новыми избами, расположенными в восточной части усадьбы, по распоряжению воевод были построены переходы, причем А. Палицын обвинил Г. Кокорева в создании новых переходов от дома, где он жил, к съезжей избе.

Из опросов воевод Г. Кокорева и А. Палицына явствует, что сооружение переходов — частная инициатива самих воевод и что они вынуждены были скрывать это. Вот один из ответов А. Палицына: «А к приказной же избе от воеводского двора, на котором стоял Григорий Кокорев, сделаны

¹ Списки 22, 83, 68, 96.
² ЦГАДА, ф. 141, стб. 79, л. 155.

двое переходы: одне при Тимофее Бобарыкине, а другие переходы сделал от того воеводского двора, от столовой горницы, Григорий Кокорев»¹.

Ответ Г. Кокорева: «А зделаны переходы у воеводского двора от новой избы к старой избе. А приведены те переходы на старые переходы, которые были зделаны от старой избы к съезжей избе до него, Григория»². Что представляли собой переходы, о которых шла речь в цитированных документах? По В. Дало, переходы — это узкая связь покоев одного дома или связанных зданий, галерея, коридор, перебраны, долгие сени³. Что конкретно было выстроено на воеводском дворе и какую строительную связь переходы выполняли, предстояло выяснить. Бесспорно лишь то, что речь в документах шла о висячих закрытых галереях.

Во время раскопок воеводского двора в районе внутридворовой вымостки встретились многочисленные столбы. Значительное количество их вскрыто в южной и центральной частях двора. Сначала это вызвало недоумение, так как было невозможно объяснить роль многочисленных столбов с точки зрения их строительного назначения. Обратил на себя внимание гигантский столб из ливневницы. Это дерево начало расти в 1103 г. (спил 12). О столбах южной части фашкопа — их всего 16 (квадраты Г-1—4) — будет сказано ниже, при характеристике съезжей избы, к которой вел один из переходов.

Что же касается столбов в центральной части двора, то изучение их было важно для выявления строительных связей между «старой» и «новой» избами. Среди них, казалось, особое значение имел столб с пазом, в который вставлено короткое бревно (спил 79). Вначале предположили, что он является деталью перегородки двора. Он датирован 1617—1618 гг. — т. е. временем постройки «новых изб». После же обнаружения цитированных письменных источников назначение столбов в районе вымостки стало ясно — столбы центральной части двора являлись ничем иным как поддержками расположенной здесь висячей закрытой галереи, соединившей новые и старые постройки, чтобы улучшить сообщение между различными частями воеводского двора на уровне второго этажа.

Через центральную лестницу можно было легко проникнуть из южной избы в северную, расположенную вблизи кремлевской стены, а через переходы попадать в новые постройки. Таким образом, воеводы могли наблюдать со второго этажа всю открывшуюся перед ними картину — громадную Давыдовскую башню и несущих службу на южной стене крепости стрельцов, р. Таз и стоящие на ней караваны кочей, Ратилевскую башню и своеобразный пейзаж сибирского редколесья.

Воеводский двор первоначально (нижний горизонт) просуществовал 41 год, вплоть до пожара, при котором погибли все его строения. Сгорела и клеть в квадратах ГДЕ-8, 9, вынесенная за пределы дворовой ограды. Она возникла, надо полагать, в «острожное время».

¹ ЦГАДА, ф. 141, стб. 79, л. 63.

² Там же, стб. 79, л. 120.

³ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. III, М., 1956, с. 98.

В Росписном списке Мангазеи за 1648 г. встретилась такая запись: «На старом воеводском дворе поварня, да погреб ветчаные»¹. Таким образом, письменный источник дал объяснение назначению седьмой клетки воеводского двора — это и есть упомянутая поварня. Данные документа подтверждаются содержанием культурного слоя, находящегося в срубе, и, прежде всего, разбросанным на полу толстым слоем рыбьей чешуи. Чешуя сосредоточена в районе глинобитной печи.

И еще одно предположение. На воеводском дворе имелся третий этаж — так называемая летняя беседка, что не совсем обычно для Сибири XVII в. Но была ли у плотников возможность создать такую беседку? Ведь два этажа воеводского двора по высоте составляли примерно 8 м. А надо было так срубить беседку, чтобы она была не выше западной стены кремля (9,23 м). В таком случае места для нее оставалось мало. И все же можно допустить существование третьего, хотя и низкого этажа.

Весьма важным для определения новых построек дендрохронологическим методом являлся учет двух моментов: 1) использование старой древесины в новых постройках и 2) новой древесины в старых постройках, что, как правило, было связано с ремонтными работами.

Можно привести два примера. На воеводском дворе в старой постройке 1601 г. спустя 20 лет появилась необходимость заменить третий венец западной клетки. Замена поперечного бревна была сделана столь искусно, что о ней сразу и не догадывались: новое бревно было составлено из двух частей и состыковано в лапу в середине. Дендрохронологический анализ датировал замененное бревно 1620 г. (спил 10). А так как в данном случае не были взяты другие спилы, то сложилось впечатление, что западная южная клеть заново построена в 20-е годы. Ошибка выявилась значительно позднее.

При строительстве клеток и сеней центральной постройки верхнего горизонта широко использовались бревна, срубленные в 20-е годы. Это было установлено дендрохронологическим анализом (спилы 95, 157, 13, 14, 15, 156, 106, 12, 64, 86, 63 и др.). И хотя факт повторного или позднего использования этих бревен не вызывал сомнений, можно было предполагать, что около 1625 г. воеводский двор (или часть его) сгорел и был заменен новыми постройками. В письменных источниках подтверждения этому не нашлось. Нет никаких достоверных сведений о пожаре на воеводском дворе в 1625 г. или в близкие к этому сроки.

Изучение документов и содержание культурного слоя в постройках воеводского двора показало, что в юго-восточной части крепости они не только являлись частью единого строительного комплекса, но и входили в состав одной феодальной усадьбы-вотчины.

В своих работах о мангазейских и сибирских воеводах С. В. Бахрушин лишь мельком рассмотрел социальное лицо сибирских вотчин-усадьб — привлечение торговых, промышленных и посад-

¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 322, л. 40.

ских, точнее жилищных, людей к обслуживанию воевод и воеводского двора. Осталась еще не изученной та часть вопроса, которая касалась деятельности проживавших на воеводском дворе людей, входивших в число прислуги и рабочих людей — холопов и крестьян. И хотя не сохранилось документов и не названы имена дворовых людей, на основе анализа вещественных находок можно дать общую характеристику хозяйства воеводского двора.

Воеводский двор должен быть соотнесен с общим понятием феодальной усадьбы, существовавшей рядом с емким и богатым мангазейским рынком. Это особенно важно, так как позднефеодальная воеводская усадьба, как бы она ни была обеспечена продовольствием и материалами, привезенными из России самими воеводами, находилась в постоянных торговых и обменных связях с посадом и ярмаркой.

Более того, из документов видно, что воевода держал на гостинном дворе специальные амбары и лавки, где шла торговля и где хранились товары, прибывшие в Мангазею и принадлежавшие царскому двору. Это так называемые «государевы амбары и лавки». Тесные связи с рынком иллюстрируют известный и хорошо аргументированный вывод советской исторической науки о товарно-денежном разложении феодальных усадьб, еще на исходе XVI в. укрепивших свои связи с формирующимся всероссийским рынком. И воевода как глава огромных, почти необъятных сибирских территорий через возникший и бурно развивавшийся мангазейский рынок опосредствовал расширению и всероссийского, включая в него все новые и новые районы.

Количество людей, живших на воеводском дворе, не установлено, но, учитывая, что это самое крупное в городе строение, можно предположить, что оно вмещало более 200 человек, как это и было в период борьбы воевод Г. И. Кокорева и А. Ф. Палицына. Надо сказать, что и в обычное время эта цифра была не на много меньше. Так, один лишь воевода Б. И. Пушкин в 1633 г. привез с собой в Мангазею и поселил на воеводском дворе 32 дворовых человека, которые приехали, естественно, с семьями. Поэтому воевода привез с собой большие запасы крупы, муки, овса, коровьего и конопляного масла, 150 «полтей» ветчины, 200 ведер вина и т. д. Но привезенного продовольствия хватало ненадолго. В последующем приходилось обращаться к посадку, на ярмарку, а главное налаживать обслуживание сложного феодального хозяйства.

Каковы основные черты этого хозяйства? В коллекциях мангазейской экспедиции имеется 629 вещей самого разнообразного характера. Наибольшее число их найдено на равнем воеводском дворе. Они сделаны из дерева, кости, меди, бронзы и железа. К этому надо добавить более 50 фрагментов разрисованной эмальевыми красками стеклянной и фаянсовой посуды, несколько десятков фрагментов кожаной обуви, сермяжной и суконной одежды, коллекцию серебряных и золотых монет.

Этот разнообразный материал можно разделить на две части. Одну часть составляют привозные вещи, другую — выполненные непосредственно

в Мангазее. Данный археологический материал характеризует развитие на воеводском дворе отдельных отраслей домашнего производства: рыболовных, сапожных, ткацких, столярных, срубных, бондарных и других ремесел.

Одним из основных ремесел на усадьбе являлось изготовление рыболовного снаряжения, вообще широко развитое в Мангазее. Оно представлено всеми видами рыболовных изделий: крючками, керамическими грузилами, деревянными и сделанными из коры поплавками, челноками для вязания сетей и т. п. Несмотря на то, что воеводская усадьба снабжалась рыбой, которую специально для оброчных людей и администрации добывала таможня, содержавшая с этой целью в городе артели, жители усадьбы сами занимались рыбным промыслом.

Прокормить большое количество людей было непросто. Особенно ценилась свежая рыба, необходимая не только для пищи, но и как противоягодное средство. Только свежая рыба могла обезопасить людей от распространенной на севере чумки. О ценности свежей рыбы как бы случайно, но довольно ярко сказано в жалобе воеводы Г. И. Кокорева на его противника воеводу А. Ф. Палицына. Кокорев писал, что Палицын перекрыл все выходы из кремля к реке с тем, чтобы изолировать в крепости гарнизон и ее жителей: «в осаде накрепко морить голодной смертью, ведая мангазейскую болезнь, что помирают многие люди без свежей рыбы цинножною болезнью»¹.

Материалы для вязания сетей, мереж и язов привозились из России и всегда имелись на рынке. Редко кто из приезжавших в Мангазею не вез с собой неводное прядено, уже готовые части сетей — неводные дели, семужьи обметы, семужьи переметы и т. п. Количество завозимых в Мангазею рыболовных снастей было огромно. Упомянувшийся воевода Б. И. Пушкин, зная о большом спросе на сети на мангазейском рынке, прихватил с собой на Таз «прядено неводное», «переметы семужьи», «неводные ветоши», «мотки прядена неводного пинежского»². На его коче пришли торговые и промышленные люди, у которых в общей сложности насчитывались сотни сажень неводного прядена, переметы, неводные дели, уды с удилами³.

Почти одновременно с ним в том же 1633 г. в Мангазею прибыло 19 кочей, на борту которых промышленники и торговые люди привезли более 600 мотов прядена неводного, свыше 80 делей неводных и т. д.⁴ Конечно, такого количества рыболовных снастей с избытком хватало на сравнительно небольшой тазовский водоем. Излишки снастей предназначались для тех артелей, которые собирались на промысел в бассейн Енисея, на Нижнюю и Среднюю Тунгуску.

В числе развитых на воеводском дворе ремесел надо назвать бондарное производство: изготовление бочек, бочонков, ушатов, ведер, а также деревянных

¹ ЦГАДА, ф. 141, кн. 46, ч. I, л. 176.

² Там же, кн. 82, л. 32.

³ Там же, л. 38—39 об.

⁴ Там же, ф. 214, кн. 45, л. 384—550.

изделий кухонного обихода. При раскопках встречены неплохо сохранившиеся туеса из бересты, железные дужки от ведер, деревянные ложки, в том числе с крестом для украшения пасхи, тарелки, миски, ковши, ушаты, коромысла, черпаки, вальки, формы для печеня, короба, ларчики. Некоторые из этих предметов художественно оформлены. Например, форма для пряников вырезана в виде рыбы с большими плавниками (рис. 3). На одной из ложек ножом вырезана надпись: «Степа».

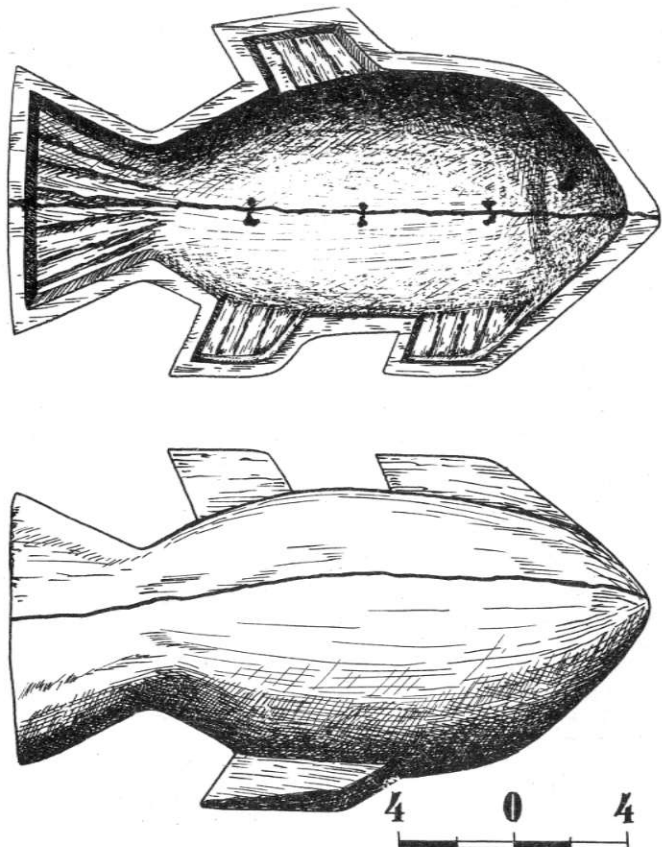

Рис. 3. Деревянная форма для печеня в виде рыбы.

Широко представлены вещи столярного производства и скобяные товары: фрагменты дверных железных накладок, топоры «малой», «средней» и «большой руки», ножи с орнаментированными рукоятками, сверла, зубила, долота, замки различных размеров, буравы, пробой, петли, дверные засовы, накладки, щеколды. Из столярных изделий, кроме посуды, обратила на себя внимание оконная рама, размерами 29×29 см, такие маленькие рамы характерны для XVII в. В раме сохранились значительные фрагменты слюды.

Найдены небольшие лавки-скамейки для горниц. Одна лавка длиной 55,5 см, другая — 67,5 см. Обнаружено массивное широкое кресло. Касаясь интерьеров горниц, надо назвать привозные, а возможно, и выполненные дворовыми ларцы, ларчики, сундуки, куда складывались наиболее ценные вещи и одежда.

Кроме сермяжной одежды, которая особенно была в ходу, найдены куски красной, зеленой и синей суконной ткани. До нас дошли фрагменты металлических накладок, застежек, ручек от сунду-

ков. На стенах горниц висели светцы разнообразной формы, подсвечники. Употреблялись восковые свечи. Обнаружено несколько щипцов, с помощью которых снимался нагар со свеч и лучин. На столах стояла бронзовая и фаянсовая посуда (обнаружены фрагменты). В кожаных мешочках лежали «штыли иглы».

В дополнение к характеристике горницы надо назвать находки предметов личного туалета, особенно женского: брошки, кольца, белые костяные бусы разных размеров, многочисленные костяные гребешки. В прихожих стояла добротная кожаная обувь — как привозная, так и изготовлявшаяся на месте. Найдено несколько фрагментов шил, целые колодки и среди них колодки для детской обуви (12,6×2,5×4,4), наборные и обшитые кожей деревянные каблучки. Деревянные каблучки с закаблучьем полусферической формы, удобной для пятки.

Материалы для сапожного ремесла имелись на самом воеводском дворе. Обувь всегда можно было найти на мангазейском рынке. Кожу завозились различных сортов. Воевода Б. И. Пушкин привез себе «кожи дубленой средней», «подшвы дубленые», «переды котовые»¹. На его коче привезли и представили мангазейской таможне подшвы из дубленой кожи «юфть сафьянов черчатых», «юфть телятинная», «сколоты подошвенные» и т. д.

Находка лошадиной сбруи — колокольчиков, бубенчиков и седла, а также наличие в нижних слоях сеней довольно толстого слоя навоза, говорит о том, что воеводский двор располагал некоторым количеством лошадей и, вероятно, мелким скотом. Отличные пастбища и санные покосы располагались непосредственно за городом, так что содержание незначительного количества скота не представляло большой трудности.

Но наиболее ярко представлена в коллекции воеводского двора оленья нартная гоньба, которая являлась основным транспортным средством для связи с тазовскими зимовьями и переездом на более далекие расстояния, в особенности в Туруханское зимовье. В документах и на чертежах-картах отмечено, что в зимнее время на нартный путь между Мангазеей и Туруханском уходило три дня. Существовала и летняя гоньба на нартах. В раскопках воеводского двора встречены фигурные копылы от нарт, крупные фрагменты самих нарт, тяги от упряжи, костяные накладки для оленьей упряжки, часто имеющие орнамент (рис. 4).

Разнообразно представлено косторезное ремесло, широко развитое на посаде. Дворовые воеводской усадьбы занимались изготовлением костяных поделок из мамонтовой кости. Здесь незавершенные детали — отпиленные для работы куски бивней мамонтов. В коллекции воеводского двора представлены, кроме того, поделки из бычьего и коровьего рога, медвежьих клыков, пластины из перепиленных надвое оленьих рогов для отбивания прибившего к сапогам снега. В ходу было изготовление женских бус. Одни такие бусы из 14 бусин стали достоянием мангазейской коллекции. Найдены скребки и другие инструменты для выделки кожи из звериных шкур, костяные иглы.

¹ ЦГАДА, ф. 214, кн. 82, л. 29—32.

Некоторое развитие получило домашнее ремесло, связанное с прядением и ткачеством. Была найдена деталь ткацкого станка (15,4×3 см), колесо от прялки.

Домашний характер носило и литейное ремесло. Обнаружена плавильная ложка и каменная форма для литья нательных крестиков (8,6×3,4; крест — 2,6×2,2 см). Однако время от времени отливали и небольшие детали, в особенности предметы культа и женские украшения.

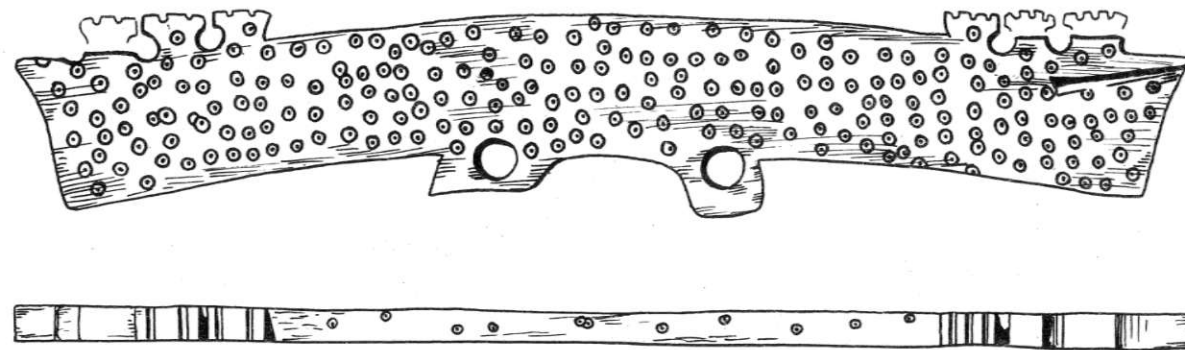

Рис. 4. Костяная орнаментированная накладка от оленьей упряжки.

Более широкое развитие получило ремесло, связанное с изготовлением настольных игр и детских игрушек. Обнаружено несколько деревянных шахматных фигур, две отлично выполненных шахматных доски, на оборотной стороне одной из них вырезаны знаки зодиака, в том числе и пятиконечной звезды. Найдены детали какой-то не совсем понятной игры — небольшие костяные пластинки, на каждой из которых имеется определенное количество кружков — от 6 до 3. Возможно, это домино.

Вполне естественными кажутся находки фрагментов музыкальных инструментов. В коллекции имеется два колка от щипкового инструмента. Из документов видно, что молодежь семей воевод обучалась не только игре на музыкальных инструментах, но и пению. Это стало известно случайно. Желая очертить своего противника Григория Кокорева, воевода Андрей Палицын написал частное письмо тобольским воеводам, в котором сообщил, что Кокорев приглашал к себе на двор пономаря Троицкой соборной церкви «еретика и уличенного татя» Второва Владимировича для того, чтобы «учить петь его григорьевых робят».

Не совсем понятно сообщение Палицына о каком-то музыкальном инструменте на воеводском дворе, который особенно его взволновал. Видимо, это был инструмент типа часов. Палицын назвал его «кудесами», «они бьют — кудесным мертвым волхованием, волхвуют». Воевода Кокорев и сам пользовался этим инструментом, потому что «сказывают ему, Григорию, они, кудеса, по своему бесовскому коварству всякие вести, где што не деица, то, государь, Григорий омрачен в их бесовской прелести — все надеется на их бесовскую

помощь и потому делает все противно государскому повелению»¹.

Находка застежек от книг указывает на то, что у воевод имелись библиотечки. Можно указать также на находку хорошо оформленных переплетов с красивым тисненным рисунком. На одном из них оттиснуто изображение женщины с лютней, а рядом с нею — олень. Тисненный рисунок покрыт золотом (рис. 5).

Широкое развитие получило специфическое ре-

месло выделки деревянных футляров для печатей. Оно возникло на воеводской усадьбе в связи с тем, что право выдачи печатей на многочисленные грамоты в приказной избе от имени царя имел только воевода². Наиболее распространены были печати к проезжим грамотам. Футляры же предохраняли печати от повреждений. Деревянные детали, назначение которых вначале не было понятно, попадались во всех культурных слоях на раскопе 2/6. Наконец, был найден целый деревянный футляр с законпанованной внутри восковой печатью со шнурками. Футляры эти выглядели как цилиндры, расколотые пополам. Внутри обеих половинок имеются выемки, куда вкладывалась печать, а по краям цилиндра шла круговая канавка, предназначенная для закрепления футляра бечевкой. Эта бечевка проходила по центру печати и выходила из узких отверстий по краям цилиндра.

Количество футляров, особенно к печатям проезжих грамот, было настолько велико, что оно исчисляется тысячами штук. Каждый промышленник и торговец, уплативший пошлину в таможне, приобретал печать, без которой проезжая грамота считалась недействительной. В раскопках найдены футляры различных размеров (рис. 6). Наиболее характерные размеры: 4,7×3 см, 5×2,6 см, 6,7×2 см, 9,8×3,6 см, 10×3,6 см, 11×4,8 см. Большие футляры предназначались для больших круглых печатей воеводских наказных памятей. Сами печати изготовлялись из сургуча и воска.

Известный интерес представляют деревянные и металлические изделия. Они представлены брон-

¹ ЦГАДА, ф. 141, стб. 86, л. 55, 128.

² Н. Н. Оглоблин. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа, т. I, с. 255—256.

зовыми пряжками и рукояткой ножа с растительным орнаментом, деревянными крышками.

Культурные слои воеводского двора против ожидания оказались на редкость бедны оружием. Найдены: замок, вероятно, от пищали, каменные ядра, которыми заряжались пушки в случае отсутствия

с рыночными отношениями. Это тем более интересно, что, во-первых, такое хозяйство создавалось в течение 60 лет сотнями дворовых людей, приезжавших и живших там очень короткое время. Во-вторых, оно существовало в особых специфических условиях полярной лесотундры, где все приходи-

Рис. 5. Кожаный переплет книги с золотым тиснением.

оловянных и железных, коллекция оловянных пуль. Но основные находки — это стрелы, наконечники железных стрел и древки. Многочисленные наконечники железных стрел, видимо, попали на воеводский двор извне. Отсутствие стрелкового оружия

лось добывать и использовать, преодолевая громадные трудности суровой арктической зимы, продолжительной весны, осени и короткого лета. В-третьих, несмотря на некоторые отмеченные особенности, удалось создать типичную для позднефеодалного периода усадьбу, черты которой проявились повсюду — в характере ремесла, организации быта, духовной жизни, планировке и постройке жилищ, обнесенных прочной оградой.

Административные постройки

Из документов было известно, что съезжая изба и тюрьма размещались в Мангазейской крепости. В системе воеводского управления съезжая изба занимала второе место после воеводского двора. Здесь находилась государственная казна, хранились важнейшие государственные документы.

Из практики застройки сибирских городских и острожных поселений известно, что в кремлях-детинцах размещались съезжая изба и тюрьма. Например, в Тюмени, как свидетельствует дозорная книга 1624 г., в кремле кроме съезжей избы находилась тюрьма, обнесенная тыном¹. В Илимском остроге рядом с государственной избой стояла съезжая изба. В описании острога сказано, что «воеводский двор поставлен был рядом со съезжей избой», а тюрьма размещалась «за стоячим тыном»².

Из приведенных примеров следуют, по крайней мере, три вывода: во-первых, съезжие избы примыкали к воеводским дворам, так как были связаны друг с другом по характеру административной дея-

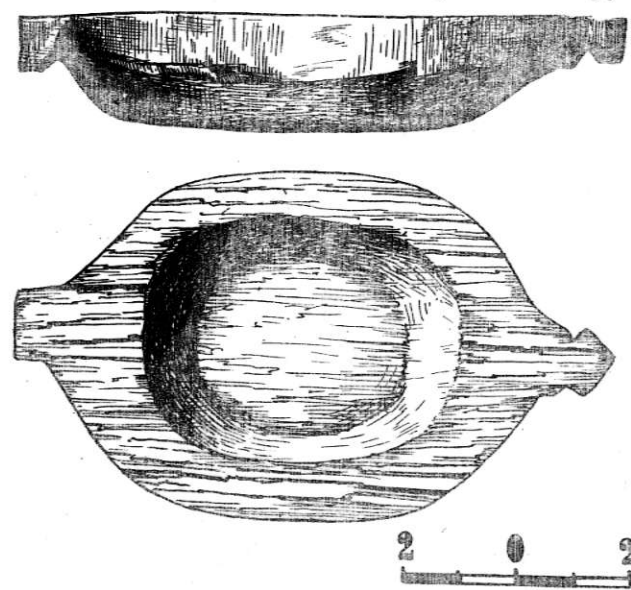

Рис. 6. Деревянный футляр для таможенной печати.

можно объяснить тем, что оно в основном располагалось на башнях и городнях. На воеводском дворе ему было не место.

Воеводский двор, судя по находкам вещей, обнаруженным главным образом в нижнем строительном горизонте, представлял собой большое разнотипное феодальное хозяйство, тесно связанное

¹ Тюмень в XVII веке. М., 1903, с. 17—33.

² ЦГАДА, ф. 214, кн. 306, л. 81—82.

тельности; во-вторых, вблизи съезжей избы и под ее охраной находилась тюрьма; в-третьих, тюрьмы были обнесены тыном. Всем этим признакам соответствовали съезжая изба и тюрьма Мангазейского кремля.

Сложность поисков этих построек заключалась в том, что расположенная у воеводского двора прибрежная площадка, где, по предположению, должны стоять съезжая изба и тюрьма, к началу археологических работ на городище уже была сильно разрушена оползем. И хотя трудно было ожидать положительных результатов, здесь был развернут раскоп 12.

Расчистные работы начались прямо на оползневой части берегового обрыва. Через несколько дней в 5—6 м от обрыва удалось обнаружить фрагменты построек, рубленных в обло с остатком. При изучении их было установлено, что это остатки сооружений разного времени, трех строительных горизонтов. В нижнем горизонте сохранилась небольшая клеть (квадраты ГД-1, 2), которая оказалась остатками съезжей избы острожного времени, датированной 1601 г. Позднее она была значительно расширена.

В северо-восточной части раскопа 12 были обнаружены спускавшиеся под речной откос вертикально стоявшие бревна, которые образовывали вблизи крепостной стены и съезжей избы два ряда тынообразных стен. В сечении бревна едва достигали 5—6 см. Тынообразное ограждение указывало на существование здесь тюрьмы, которую нетрудно отождествить с клетью в квадратах АБ-1, 2.

Датировка столбов тына дала удивительные результаты: восточная стена срублена в 1601 г. (спил 38), а западная — в 1473 г. (спил 168). Отсутствие значительного количества периферических колец на последнем бревне дает основание считать датировку 1473 г. ошибочной. Видимо, тюремную стену надо все-таки датировать 1601 г.

Трудно сейчас установить размеры тюремного помещения, потому что сруб сохранился лишь частично. Во всяком случае, в тюрьме помещалось сразу несколько десятков человек, как это видно из сохранившейся «Росписи мангазейским тюремным сидельцам»¹.

В срубе заключен небогатый культурный слой, что вполне естественно. Удалось найти несколько фрагментов керамики и небольшое число металлических предметов.

Главное культовое сооружение

Одним из важнейших объектов острога являлась соборная церковь. В мангазейских документах можно встретить частые упоминания о единственном в кремле-детинце Троицком Знаменском храме, являвшемся по своему господствующему положению старшей культовой постройкой. Троицкий священник считался главным в мангазейской церковной иерархии.

Кроме своих культовых обязанностей, Троицкая церковь выполняла функции займодавца, свое-

го рода кредитного банка¹. Известен случай подобного рода, относящийся к 1642 г., когда таможенный голова Иван Толстоухов обратился к церкви с просьбой «судить для государя 200 рублей, чтобы оплатить отпуск служилых людей»².

Так как раскопки церкви происходили после изучения воеводского двора, съезжей избы, острожных и тюрем, то найти ее было нетрудно: она находилась в центре крепости, на сравнительно небольшой площадке, ограниченной с юга съезжей избой, с востока — Спасскими воротами, с запада — воеводским двором, с севера — зданием острожных. Кстати, это строго очерченное узкое пространство определило разворот церкви по оси юго-запад — северо-восток. В противном случае, т. е. когда строители, следуя канонам русской православной церкви, развернули бы церковь по направлению запад — восток, выход из церкви оказался бы у дворовой ограды, а алтарь — у восточной крепостной стены. На площадке был разбит раскоп 7, а произведенные работы дали ожидаемый результат — здесь действительно стояла в XVII в. культовая постройка, остатки которой дошли до нас в виде сруба окладного венца.

Точное время закладки Троицкой церкви неизвестно. В 1603 г. в наказной памяти воеводам Федору Булгакову и Никифору Елчанинову есть упоминание о том, что с ними в Мангазею отправлено «церковное строение» — образа, книги и колокола³. Очевидно, к этому времени церковь уже была заложена.

Неизвестно также, кто ее строил. По церковной номенклатуре она была отнесена к разряду теплых шатровых храмов. Служба в ней шла круглый год.

От первого церковного строения не осталось никакого следа. Церковь сгорела при пожаре 1642 г., причем он был, видимо, настолько силен, что постройка выгорела до нижних венцов. Строители нового церковного здания отбросили в сторону горелые части. С большим трудом удалось проследить тонкий слой золы.

Так как новый храм воздвигался строго по плану старого, то есть основание остановиться на нем в описании построек «острожного времени».

О раннем храме рассказали местные старожилы, и с их помощью строителям удалось восстановить планировку постройки и ее приделов. Оказалось, что старая церковь имела два придела — Николая Чудотворца и Бориса и Глеба⁴. Поэтому Боярская дума и Сибирский приказ в 1652 г., приняв решение о закладке новой церкви, распорядились, чтобы она была также с двумя приделами⁵. Кстати, в 1670 г. церковь имела уже три придела — третий был посвящен Алексею божьему человеку, так как к этому времени на русском престоле утвердился царь Алексей Михайлович⁶.

¹ С. В. Бахрушин. Мангазейская мирская община в XVII веке. Научные труды, т. III, ч. I, с. 311.

² ЦГАДА, ф. 214, стб. 134, л. 459.

³ ИБ II, с. 834.

⁴ ЦГАДА, ф. 214, стб. 408, л. 356.

⁵ Там же, л. 482.

⁶ Там же, стб. 635, л. 124.

¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 408, л. 380—397.

Очевидно, вторую Троицкую церковь рубили из кедра.

В раскопе основание культового здания заняло 550 м². Церковь представляла собой трехчастную постройку прямоугольной формы, выполненную в необычной строительной манере. Среднее соединительное бревно между северо-восточным и юго-западным срубами перерублено четырежды для создания уступчатой формы. Кстати, именно по такому строительному плану рубились остальные культовые постройки Мангазеи. Вот почему их было сравнительно легко опознать.

При зачистке церковной постройки были обнаружены захоронения людей. В районе алтаря найдены три детских гробика, два из которых срублены в форме деревянных колод. Это захоронения грудных детей. Колоды плохо сохранились и спилы не брались, хотя сами костные останки уцелели более менее удовлетворительно. Третье детское захоронение — это сравнительно небольшой трапециевидный гроб, выполненный из тонких досок. В гробу находилась особь женского пола, одетая в саван с отстроченным воротом. По определению экспертов, возраст девочки — 12 лет.

В юго-восточном углу северо-восточного сруба обнаружено еще два трапециевидных гроба, где захоронены три взрослые особи. Костные остатки этих захоронений подверглись медицинской экспертизе в Первом ленинградском медицинском институте. Экспертиза показала, что в одном из гробов лежала умершая женщина, в другом — двое мужчин. Возраст захороненных людей — 27, 35 и 36 лет (см. приложение).

Установить время погребения и имена захороненных людей не удалось. Дендрохронологический анализ одного из гробов свидетельствует, что он был сделан в 1667—1668 гг. (спил 16). Бесспорно лишь одно: взрослые захоронения представляют собой погребения людей знатного происхождения.

Есть предположение, что обнаруженные на территории сгоревшей церкви Троицы захоронения связаны с трагическим походом отряда мангазейского воеводы дьяка Григория Теряева из Тобольска в Мангазею. Поход с караваном хлеба для голодающей Мангазеи осуществлялся осенью и зимой 1643/44 г. и завершился гибелью 70 человек. С Теряевым ехала в Мангазею его жена, две дочери и племянница¹. Всего в одном переходе до Мангазейского городища Григорий Теряев умер. Еще раньше умерли его две дочери и племянница. Прибывшая в город жена через некоторое время тоже скончалась.

Вероятнее всего, были обнаружены захоронения именно этих людей: дьяка Григория Теряева, какого-то близкого к нему мужчины, и, в отдельном гробу, жена Теряева. Вероятно, в детских гробах захоронены дети и племянница Теряева. Захоронения производились на открытой площадке, еще до строительства новой церкви, хотя уже тогда было известно, что она будет вновь возведена. Такова

традиция русской церкви. Позднее, когда церковь была построена, гробы оказались под полом храма, как и предполагалось.

По должности, которая привела его на р. Таз, дьяк Григорий Теряев являлся вторым мангазейским воеводой при князе Петре Михайловиче Ухтомском. Очевидно, захоронения на территории церкви произведены по распоряжению князя Ухтомского. Григорий Теряев в трудные годы Мангазеи, переживавшей третий год голода, пытался из Тобольска по Мангазейскому морскому пути доставить хлеб, пожертвовав ради этого не только своей жизнью, но и жизнью своих близких.

В районе захоронения и на самих умерших не обнаружено никаких ритуальных предметов и украшений. Ни на одном из них не было даже натурального креста. Единственное, что лежало в гробах — это покойничьи кожаные туфли.

Архитектуру церкви представить трудно. Первым, если так можно сказать, изображением церкви Троицы надо считать ее рисунок на плане-знаке Мангазеи, с карты Севера России Исаака Массы 1609 г.¹ На рисунке показано возвышающееся над крепостью деревянное строение. Вряд ли это было изображением Спасской башни, так как чертеж Массы составлен раньше 1609 г., когда башни еще не существовало. Скорее всего, на рисунке показана Троицкая церковь. Ее венчают три главы.

Второе изображение кремлевской церкви имеется на карте-чертеже Земли Туруханского города С. У. Ремезова². Ремезов изобразил ее трехчастной шатровой постройкой, причем в обычном для тобольского рисовальщика плане. Известно, что не вдаваясь в детали и особенности церковных построек, С. У. Ремезов отмечал их одинаковыми значками. Это целиком относилось к тем церковным постройкам, в особенности к периферийным, которые сам он никогда не видел. План и рисунок кремлевской церкви старой Мангазеи С. У. Ремезову вообще не могли быть известны.

Таким образом, ближе к истинному является изображение Троицкой церкви на русской карте И. Массы, так как оно было воспроизведено современником ранней церкви Мангазеи.

В рисунке И. Массы обращает на себя внимание значительная высота церкви, господствующей над всеми соседними постройками, в том числе и крепостными стенами. Эта высота достигается за счет значительной величины основного помещения, а не куполов. Трудно сказать, так ли это было на самом деле. Тюменский Благовещенский собор, например, имел высоко поднимающийся вверх шатер³.

Значительно больше материалов сохранилось о внутреннем убранстве церкви Троицы, которая называлась также церковью Знамения пресвятой богородицы⁴. Сведения о приделах, алтаре, расположении икон исходят от воеводы А. Палицына⁵. Обвиняя Г. Кокорева в использовании им ряда

важных икон, установленных в церкви в честь царя Михаила Федоровича и его семьи, он перечислил некоторые.

Главным образом считалась икона Успения пресвятой богородицы. Местные богомольцы поставили рядом с ней «образ государева ангела преподобного Михаила Маленна». По решению воеводы Г. Кокорева икона Михаила Маленна была перемещена в придел Николая Чудотворца, чем, якобы, было нанесено оскорбление царю. Этот придел располагался между северными дверями.

Самое святотатственное, с точки зрения А. Палицына, было то, что на место переставленной иконы Г. Кокорев повесил икону пречистой богородицы «своего моления». На этой почве и возникла вражда между воеводами. Чтобы восстановить прежний порядок в церкви, а точнее, показать свои верноподданнические и религиозные чувства, А. Палицын приказал тазовскому стрельцу Ивану Тотмее внести в храм икону «образ ангела благоверного царевича Олексея Михайловича преподобного Олексея человека божья», т. е. наследника царя. Более того, по его инициативе в церкви появилась икона «образ ангела благоверной царичи княжны Ирины Михайловны», дочери царя Михаила Федоровича. «И он де, Андрей, украся те образы окладом серебрянным и позолоты и устроив налож и поволок тот налож дорогами и поставил те образы на налож против старого места, где стоял государев ангел, повыше налож с образы Григория Кокорева». Но борьба после этого разгорелась еще сильнее. В день ангела царя и его дочери Кокорев якобы «велел поставить на левом клиросе у северных дверей» свою икону. У правого клироса уже находилась икона «моления Кокорева».

Оставаясь в стороне ссоры двух воевод, не постеснявшихся проявить свой крутой нрав на церковной паперти, подчеркнем лишь то, что становится ясным в плане внутренней части церкви. Придел Николая Чудотворца находился с левой стороны между северными воротами. Следовательно, с правой стороны был придел Бориса и Глеба. При раскопках удалось найти левый придел, о котором писал А. Палицын. Он был рубленным и располагался у западной стены служебного большого зала. Его окладные бревна положены на окладное бревно западной церковной стены. Выше пола имелся вход в придел Николая Чудотворца. Вероятно, правый придел помещался у восточной стены церковной постройки, но признаков его найти не удалось. Правда, во время проходки церковного восточного бревна были встречены сильно прогнившие части какого-то сооружения, но раскопки у восточной стены не производились, и поэтому можно только предполагать, что здесь помещался правый придел Троицкой церкви.

В юго-западном углу, у дверей притвора, находилась большая глинобитная печь, от которой осталась только деревянная обводка. Это подтверждает, что церковь Троицы действительно была теплым храмом. Как сказано выше, культурный слой на раскопе 7 не был богатым. Сохранились мелкие, почти бесформенные металлические кусочки, гвозди, фрагменты оплавленного при пожаре кирпича

или глины, ажурная иконка, на которой изображен библейский сюжет «Рождение Христа» (рис. 7).

Сохранилось более подробное описание церковной казны, доставленное «с Тазу, с старой Мангазеи в 184 (1676) году»¹.

Рис. 7. Металлическая иконка с изображением сюжета «Рождение Христа».

Вторая Троицкая церковь была выстроена в начале 50-х годов XVII в.

Согласно дендрохронологическому анализу спила, взятого с западной стены окладного бревна, церковь воздвигнута в 1654—1655 гг. (спил 17), хотя указание о ее постройке было дано значительно раньше, в 1642 г. В челобитной, которую направили в Москву мангазейские посадские люди, было написано: «В прошлом де во 150 (1642) году церковь живоначальные Троицы в городе сгорела». Поэтому мангазейцы просили царя «пожаловать велеть тое церковь с приделы состроить государственной казною»². Здесь же определено и количество приделов под старыми именами — «приделы Николая Чудотворца... да Бориса и Глеба». Однако прошло еще десять лет, пока последовало царское решение о возведении на казенный счет соборной

¹ Поражает обилие и богатство икон церкви Троицы. Перечислены лишь те, что были доставлены в Туруханск. Вот описание одной из них: «Образ живоначальной Троицы, оклад серебряной, по полям резной золочен. У той же иконы пять венцов серебряных три с корунами и с камнями простыми, а два венца золочены, три чаты серебряных чеканных, одна золочена. У той же иконы пантея, камень вниши в серебре, обнизан жемчугом на проволоке; два креста: один с мощми, а другой аспидной в золоте...» (л. 119). ЦГАДА, ф. 214, кн. 708, л. 117—127 об.
² ЦГАДА, ф. 214, стб. 408, л. 482.

¹ Н. Н. Оглоблин. Бытовые черты XVII в. — «Русская старина», 1892, 6, с. 687—689; С. В. Бахрушин. Пути в Сибирь в XVI—XVII вв. Научные труды, т. III, ч. I, с. 118.

¹ В. А. Кордт. Материалы по истории Русской картографии. Киев, 1906, с. 16.
² С. У. Ремезов. Чертежная книга Сибири, с. 15.
³ Рисунок Тюменского храма хранится в ЦГАДА, ф. 214, кн. 1451, л. 253.
⁴ ЦГАДА, ф. 141, стб. 79, л. 12, 29 и др.
⁵ Там же, л. 48.

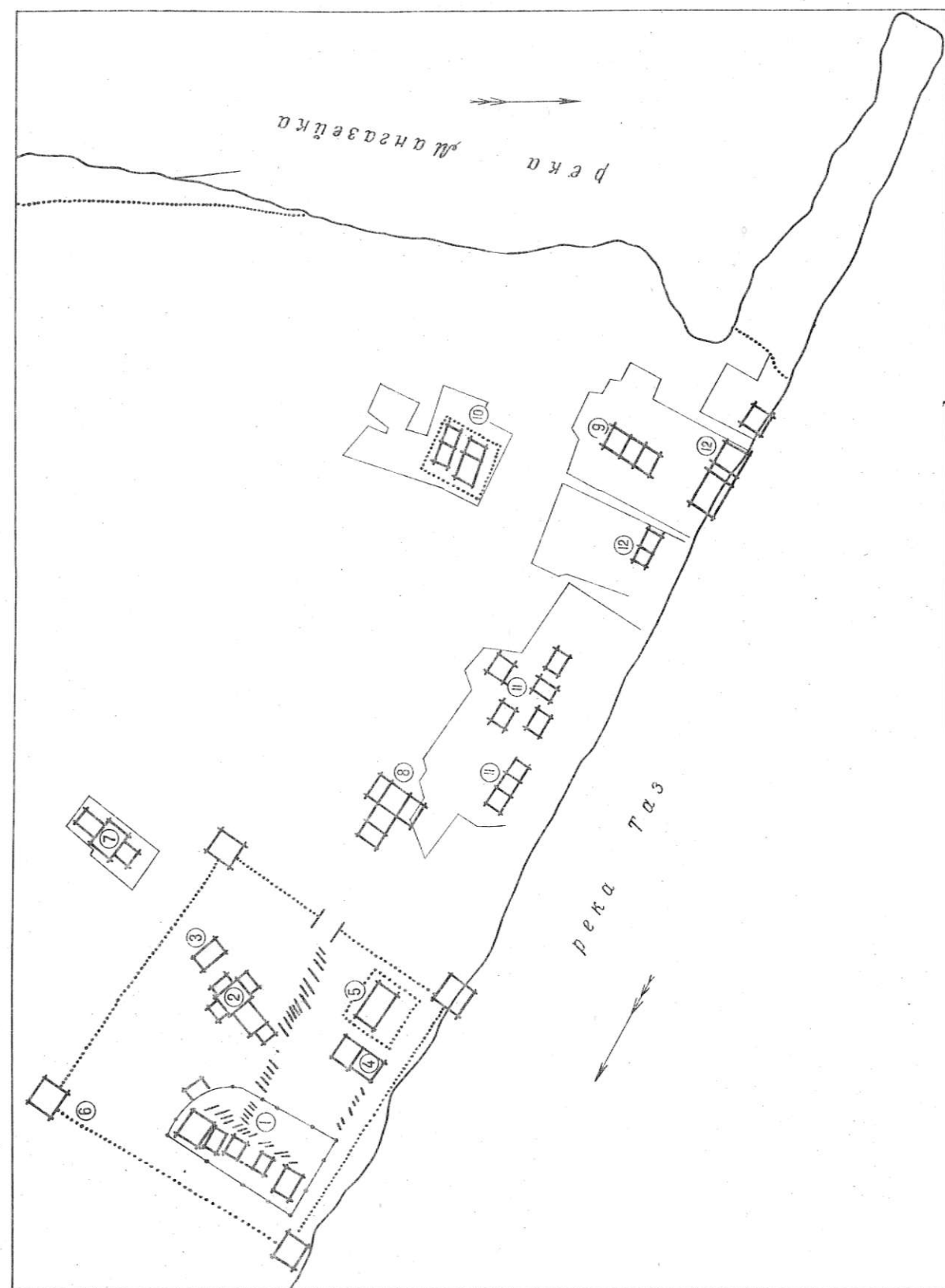

Рис. 8. Картограмма второго этапа истории городища (1601—1606 гг.)

1 — воеводский двор 1601 г.; 2 — Троицкая церковь 1601 г.; 3 — острок 1601 г.; 4 — ссылая изба 1601 г.; 5 — острок 1601 г.; 6 — острок 1601 г.; 7 — Успенская церковь 1601 г.; 8 — архиепископский двор 1601 г.; 9 — таможня 1607—1608 гг.; 10 — двор ренессанса 1607—1608 гг.; 11 — торговые постройки 1601 г.; 12 — жилые постройки 1601 г.

церкви. Решение Сибирского приказа таково: «Отписать в Мангазею к Корсакову, а велеть соборную церковь Троицы строить государевой казною...»¹.

В прилож. XXVI приводится план и реконструкция церкви Троицы по материалам раскопок (раскоп 7) и письменным источникам². Общая площадь строения и двух его приделов такова: длина от входа до алтаря 23 м, притвор — 7 м, два помещения для служб — 13 м, алтарь — 3 м. По ширине: притвор — неизвестно, первое служебное помещение — 8 м, второе служебное помещение — 10 м. Придел Николая Чудотворца — 6×3,7 м, придел Бориса и Глеба — неизвестно.

Так как на раскопе не найдено остатков колокольни, то можно предположить, что она была вмонтирована в верхнюю часть здания церкви.

Караульная изба

На территории острога, в раскопе 17, была обнаружена острожка — караульное помещение. Это однокамерное сооружение, датированное 1601 г. (спилы 114, 115). В караульной избе размещалась часть гарнизона, несущая охрану острога. Постройка имела пол, на котором стояла печь. С северной стороны находились узкие сени, от которых сохранилось мощное крыльцо, обращенное в сторону северной крепостной стены. В связи со служебным характером постройки ее культурный слой невелик: здесь найден простой топор, фрагмент боевого железного топора, железная пешня.

Застройкой внутренней части крепости не завершился второй этап строительства Мангазеи. Одновременно с постройкой воеводского двора, съезжей избы, тюрьмы, караульной избы и соборной церкви²

¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 408, л. 357.

² В основание реконструкции соборной церкви положены: 1) рисунок, сопровождавший Росписной список города Мангазеи от 1625 г. Этот рисунок воспроизведен на листе «Чертеж Земли Туроханской» из «Чертежной книги» С. У. Ремезова 1701 г.; 2) археологический план церкви; 3) документальные данные об интерьерах Троицкого храма.

велось строительство и на территории посада. Материалы раскопок позволяют утверждать, что эта территория обрисовалась уже в первые 6—7 лет застройки. Наиболее интенсивно строительство велось в крайней западной части. Самой ранней постройкой здесь является строение из шести клеток (раскоп 20), датированное 1601—1604 гг. (спилы 175, 176, 177, 178). Приблизительно в это же время появилось три постройки на раскопе 14 (квадраты БВГ-1, 2, АВ-1, 2 и БВГ-3, 4). К ним примыкала придвинутая почти к самой крепости однокамерная клетка, в которой проживала семья ремесленника (квадраты А₂А₃-2, 3, 4). По спилам с этой клетки постройка датируется 1611 годом. Приведенный материал позволяет сделать вывод, что западная сторона посада была застроена в первые годы.

В средней части посада на раскопе 1 (гостинный двор) первые срубы появились в 1605—1608 гг. Здесь обнаружены также остатки домангазейской постройки (спил 182), датированной 1578 годом. Одна из ранних построек — маленькая клетка (квадраты Е-2, 3) появилась раньше, чем был построен гостинный двор. В нижней части посада на раскопе 21 обнаружены остатки промысловой избы, построенной в 1601 г. (квадраты БВ-1, 2).

Самым примечательным является то, что постройки появились в центральной части посада, в районе возвышенности (раскопы 8, 9, 10). На раскопе 10 обнаружен сруб 1602—1603 гг., представляющий собой клетку, внутри которой срублена вторая клетка меньшего размера с печью (спил 148). На раскопе 8 под окладными венцами зачищенных здесь построек прослежена какая-то ранняя постройка, расположенная в квадратах ЕЖЗ-1, 2, 3. Ее удалось датировать по спилу бревна, вставленного в пазы двух вертикальных столбов (спил 120), 1604—1608 годами.

Таковы границы территории заселения мангазейского посада в первые 6—7 лет его существования и общая характеристика второго этапа застройки мангазейского поселения — этапа основания Мангазеи (рис. 8).

ГЛАВА 4

МАНГАЗЕЯ — ГОРОД РЕГУЛЯРНОЙ ПЛАНИРОВКИ

Через 6 лет после основания Мангазеи, на территории, где поселились воеводы и представители административно-управленческого аппарата нового воеводства, а также сотня стрельцов и десятки жильцов — оброчных и посадских людей, началась интенсивная застройка, которая еще через 20 лет завершилась образованием сибирского «непашенного» города, со всеми чертами и характером феодального городского поселения. Массы крестьян различных категорий крепостной зависимости, представители крупнейших торговых домов Руси — приказчики «гостей» Усовых, Ревякиных, Федотовых, Записи, Гусельниковых, Босовых и других — появились в пределах Мангазейской земли. Большой наплыв людей заставил мангазейские власти позаботиться о размещении их самих и доставленных ими с большим трудом товаров.

Это происходило в первые годы строительства Мангазеи. Именно в этот период появились деятики строений: амбары, культовые постройки и жилые дома для тех людей, которые оставались здесь жить на годы и работали на рыбных промыслах, по заготовке дичи и мяса, на многочисленных откупках, занимались выделкой промыслового снаряжения, косторезным, портняжным или кузнечным делом.

В настоящей главе сделана попытка показать, как протекал процесс застройки посада в годы его расцвета, как он формировался в архитектурно-строительном плане.

Глава включает планиграфический очерк, характеристику городских оборонительных сооружений и материал о заселении посада, причем охарактеризованы следующие комплексы построек: а) гостинный двор и таможня; б) центр ремесленного производства; в) жилые, административные и культовые сооружения.

Третий этап истории городища (1607—1629)

Застройка и расширение мангазейского посада пришлось на новый период истории русского градостроительства, когда в конце XVI—начале XVII вв. на Руси и в Сибири утверждались новые принципы городской планировки. Начался процесс усиления межобластных торговых и ремесленных связей, в основе которого лежало слияние всех ранее обособленных районов в один всероссийский рынок.

Этот процесс, по определению В. И. Ленина, начался примерно в XVII в.¹ В градостроительных планах новое проявилось во внедрении регулярной планировки, ставшей одним из важнейших принципов городской застройки. Следы рассчитанной планировки посада, по мнению известного историка архитектуры Л. М. Тверского, впервые явно проявились при застройке Тюменского посада². Регулярную планировку можно проследить также в застройке посадов Тобольска, Пельма, Томска и других городов Сибири.

Важный момент в регулярной планировке — это не только разбивка территории на кварталы, улицы и переулки, но и соблюдение определенных пропорций между размерами кремля-детинца и посада. В старых русских городах этого не наблюдалось: посад застраивался хаотично, чаще всего вокруг кремля. Но уже в XVI в. у строителей первых сибирских городов появилось стремление строить пропорционально, учитывая соотношение частей города между собой. Сопоставление с этой точки зрения кремлей и посадов ряда городов Сибири показало, что территория посада намного превышала территорию кремля. Обычно это выражалось в соотношении от 1:2 до 1:4. В 1624 г. периметр тюменского кремля-детинца и огороженного посада соотносился как 1:2 (485,78 м:1119 м)³. В 1637 г., по материалам описания Павла Хмелевского, соотношение периметров Березовского кремля и городской крепости было 1:4 (282,48 м:1335,1 м)⁴. С учетом разрушенной части городища в Мангазее это соотношение определялось как 1:2,7 (279 м:787 м).

Новое в застройке городов выразилось также и в том, что кремль и посад были отделены друг от друга свободной полосой. Размеры ее зависели от наличия свободной площади, но сам принцип проводился неуклонно. В Мангазее незастроенная полоса превышала 40 м в ширину и 100 м в длину, что надежно отгораживало кремль от посада.

Именно это обстоятельство в 1642 г. во время сильного пожара кремля спасло посад. Уместно будет привести наблюдение очевидца пожара Мат-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, с. 154.
² Л. М. Тверской. Русское градостроительство до конца XVII в. Планировка и застройка русских городов. Л.—М., 1953, с. 93.
³ ЦГАДА, ф. 214, стб. 25, л. 87.
⁴ Там же, стб. 176, л. 32, 34.

вее Бахтиярова. Будучи человеком немолодым, и, очевидно, не раз наблюдавшим подобные стихийные явления, он писал: «Волею божею, государь, половина города выгорела до тла, а из остальной половины ползут тараканы в поле. И видно быть и на той половине гневу божию, и долго ль коротко ли и той половине горети, что и от старых людей примечено»¹. Но, к счастью, благодаря свободной полосе, отгородившей посад от кремля, огонь не перенесся на городские постройки.

Планировка посада. Улицы.

В процессе застройки мангазейского посада возник план поселения, не нарушавшийся в течение 50—60 лет. Но как выглядел посад, был ли разделен на кварталы и улицы или заселен хаотически, ответить оказалось нелегко.

В начале раскопок, когда площадки только что освобождались от дернового покрытия, выявить планировку заселения не представлялось возможным. В течение двух последующих полевых сезонов также не удалось найти существенных материалов для суждения о внутренних транспортных коммуникациях. Более того, стало складываться мнение о хаотичной застройке Мангазеи. Высказывались также предположения, что планировку посада удастся обнаружить только тогда, когда будет изучено все городище. Но на это ушли бы годы.

И неожиданно ответ на все вопросы дали раскопки 1973 г., когда впервые в раскопе 22 был обнаружен участок мощеной улицы (улица № 1). Ее удалось проследить и в соседних раскопах. Оказалось, что уличные настилы продолжались и образовывали сравнительно длинную улицу, в течение многих лет связывавшую два общественных здания — гостинный двор и таможню. На раскопе 22 сохранился нижний настил, представленный колодцами-лагами, и верхний — в виде дощатого перекрытия квадратной формы. На раскопе комплекса А уличный настил оказался обычной дощатой вымосткой, ооконтуренной продольными лагами. По бокам дощатых настилов иногда ставились палисады и массивные уличные столбы (раскоп 22, квадраты ВГ-1, БВ-1).

Существование в течение долгого времени улиц, их систематическое замощение и традиционное местоположение указывают на четкую планировку города: раз возникнув, улицы уже не меняли своего положения, несмотря на перестройки зданий. Конечно, мощение улиц могло бы явиться важным источником для уточнения времени возникновения расположенных вдоль улиц строений, как это было сделано Новгородской археологической экспедицией. Но такой метод датировки ничего нового не дал бы, потому что датировка мангазейских построек основана на более точном методе — дендрохронологическом, который целиком себя оправдал.

Обнаружение в прибрежной полосе одной из главных мощеных улиц Мангазеи (№ 1), позволило проследить расположение параллельных уличных магистралей, в особенности тех, которые пересекали главную. От настилов этих улиц сохрани-

лись значительные фрагменты. Изучение их дало основание считать, что прибрежную улицу между гостинным двором и таможней пересекали по крайней мере четыре мощеные улицы в направлении с севера на юг. Параллельно первой, от таможни к северным постройкам гостинного двора и дальше в сторону кремля, шла вторая улица.

На рис. 9 представлен план мангазейских улиц. Улица № 3 соединяла берег р. Таз с отдаленными районами посада — двором воеводы А. Палицына и торговой баней. Улица № 4 начиналась от построек раскопа 18 и шла к берегу р. Таз. Улица № 5 связывала постройки в районе таможни с теми, которые располагались на возвышенности в центре посада. Улица № 6 шла от берега р. Таз вдоль восточной стены таможенного комплекса к центру посада. И, наконец, вероятно, существовала улица № 7, соединявшая нижнюю часть посада с полем.

Обнаружение мощеных улиц в торговой части города дало возможность предположить вероятное их продолжение, что и сделано на картосхеме.

Материалы археологических раскопок внутренних транспортных коммуникаций существенно подкрепляют данные письменных источников. Первый раз упоминание о мангазейских улицах встречается в коллективной челобитной торговых и промышленных людей от ноября 1630 г. В ней свыше 200 человек жаловались царю Михаилу Федоровичу на несогласованные действия воевод Кокорева и Палицына. Они писали, что им приходилось ходить «на оба двора», и что сами воеводы «непрестанно» отсутствуют на месте — «ходят по улицам, по посаду»¹.

Другой раз об улицах и переулках речь зашла в челобитной Андрея Палицына, когда он сообщил в Москву о постоянных вооруженных нападениях его противника (Г. Кокорева с единомышленниками) на посад. «Людей убивали как свиней, — писал воевода, — из пищалей с города, с башен... а иные по улицам и переулкам побивали»².

2 декабря 1632 г. Г. Кокорев пожаловался на противозаконные действия А. Палицына. Он сообщил такой факт: «Палицын де посылал своих племянников на улицы, чтобы розыскать и привести к нему для допроса троцкого попа Стефана»³.

В 1630 г. А. Палицын жаловался на Г. Кокорева, что тот открыл такую стрельбу по двору Палицына, что «не дал окна закрыть и по улицам пройти ни для водной нужи и на Таз реку выйти»⁴.

Вообще Г. Кокорев разорил посад: «У изб и у клетей окна выломали, — писал А. Палицын, — печи розбили. И, которые, государь, хоромы и амбары розобраны были и ими ставлены по улицам и переулкам. От его воровской стрельбы защиты и в избах и в клетешках убиваны стены, и то все велел он, Григорий, пересечь и на огне сжечь. И разорил до конца»⁵. Не остался в долгу и Кокорев. Он сообщил царю, что Палицын «.. избы и амбары разломал до основания. И сделаны были им, Андреем,

¹ ЦГАДА, ф. 141, стб. 79, л. 18; стб. 71, ч. I, л. 139—140.
² Там же, стб. 40, л. 199.
³ Там же, стб. 46, ч. I, л. 199.
⁴ Там же, л. 160.
⁵ Там же, стб. 40, л. 206.

¹ М. И. Белов. Мангазея. Л., 1969, с. 94.

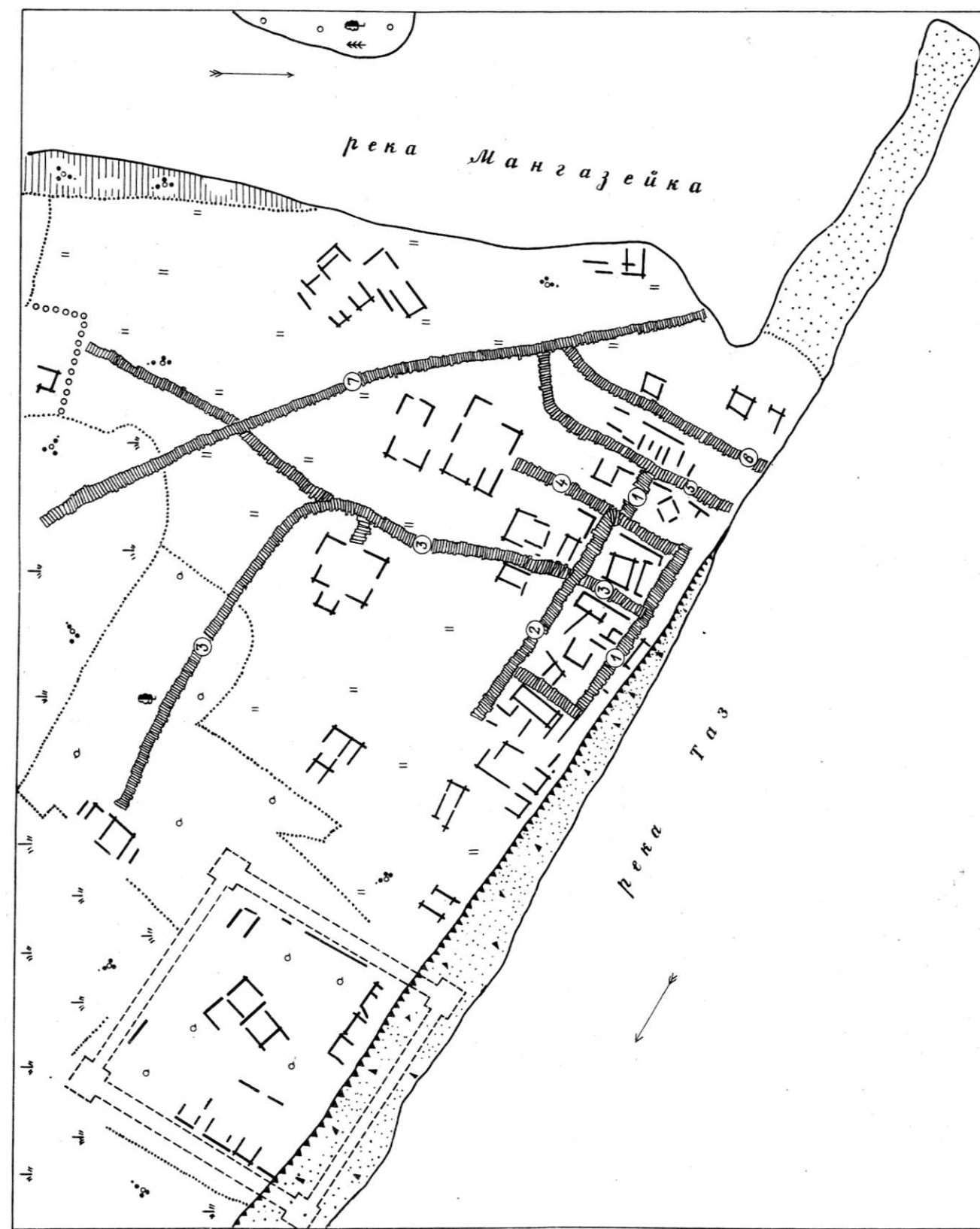

Рис. 9. Картограмма улиц внутренних магистралей. В кружках — номера улиц.

около города остроги. И всего иссечено и разломано изб и амбаров больше сорока»¹.

И все же письменные источники не давали точного представления, о каких конкретно улицах шла речь. Поэтому, кроме установленных на основании археологических данных местоположений некоторых уличных магистралей, необходимо было определить направление основных улиц города, без которых не могли обойтись горожане. Например, совершенно бесспорно, что ко двору Палицына (раскоп 19) вела одна из улиц. Она располагалась к востоку от двора воеводы, потому что выход с этого двора, по археологическим данным, находился на восточной стороне. По улице ходили люди Палицына к р. Таз. Но они не могли миновать улицу № 3 и дальше, следуя по ней, выходили к берегу. Именно эту важную для двора Палицына артерию перехватил воевода Г. Кокорев, и, обстреливая, преградил доступ к воде.

Очевидно, улицу № 3 следует продлить до пересечения ее параллельной улицей № 2. С южной стороны выход к р. Таз был закрыт амбарами го-стинного двора, в которых засели единомышленники Кокорева, обстреливавшие с близкого расстояния всех, кто там появлялся. Улица № 3 заканчивалась на раскопе комплекс А (квадраты МИ-2, 3) береговой лестницей (квадраты ЛМН-1, 2).

Не ясна, и поэтому не нанесена на план улицатропинка, по которой А. Палицын со своего двора ходил в кремль. В одном из документов есть беглое упоминание о том, что Палицын пользовался ею, когда ходил в съезжую избу².

Несколько труднее проследить местоположение улицы, которая вела от двора А. Палицына на север, в сторону поля. Но она, несомненно, была, потому что А. Палицын по служебным делам имел тесные связи с церковью Успения (раскоп 5) и игорным центром Мангазеи (раскоп 13). Из розыскного дела Г. Кокорева и А. Палицына видно, что дорога к Успенской церкви сразу же оказалась в руках А. Палицына. Она была выбрана в качестве плацдарма, откуда Палицын пытался организовать наступление на кремль. Именно в церкви Успения, собрав весь посад, он во всеуслышание объявил, что воевода Кокорев изменил царю. Сюда ходил Палицын молиться в субботние и воскресные дни. Учитывая это, Кокорев приказал тщательно следить за передвижением людей по дороге в Успенскую церковь и, увидев момент, пытался совершить нападение — застрелить Палицына. И, действительно, как явствует из опросов мангазейцев, несколько выстрелов раздалось в районе этой улицы.

Улица № 3 шла к игорному центру Мангазеи — откупной торговой бане, расположенной за оврагом. Ее Палицын также держал в своих руках, но и она обстреливалась из орудий. В отписке об обстреле посада А. Палицын особо упомянул, что из кремля стреляли по торговой бане, причем снаряды летели над его двором.

Двор Палицына был связан удобной прямой дорогой и с районом таможни. Он шел по улице

№ 2 до ее пересечения с улицей № 3, отсюда следовал к таможенному двору. Таможенный двор Палицын держал под своим контролем и всячески оберегал от нападения Кокорева, особенно со стороны р. Таз, откуда Кокорев намеревался обстреливать таможню, установив на «государевом коче» пушки и поставив судно на близком расстоянии, в районе нижней части посада. Остерегаясь нападения, Палицын приказал загородить таможню дощатыми щитами.

Палицын поставил свой двор на скрещении важных внутригородских артерий, господствуя над которыми, он мог чувствовать себя хозяином на посаде. Его стратегический талант проявился здесь особенно ярко. Только учитывая все указанные обстоятельства, можно понять, почему Палицын в 1629 г., едва сойдя с коча на берег, выбрал именно это место для постройки своего двора.

Без раскопок самой нижней части посада, между р. Осетровкой и постройками на центральной возвышенности, было трудно определить направление транспортных артерий. Вероятнее всего, через нижнюю часть посада шла среди тесно стоящих построек одна единственная улица — от р. Таз (в некотором отдалении от р. Осетровки) до ложка Радужного и далее — в поле. Кстати, до сих пор существует дорога из нижней части городища к нижнему течению р. Панчи (Ратилихи).

Письменные источники о постройках на посаде

Из-за отсутствия дозорных и переписных книг Мангазеи упомянутая отписка воеводы А. Палицына 1630 г. является ценным первоисточником. Вместе с опросом людей, ночевавших на посаде в рождественскую ночь 1630 г., она помогает восстановить картину заселения посада. Это как бы два снимка одного и того же объекта с разных сторон.

В своей отписке Палицын не задавался целью нарисовать общую картину поселения. Он руководствовался единственным желанием подтвердить сообщаемые им факты точными цифровыми измерениями, которые, как он ожидал, могут быть проверены при допросе свидетелей. И он не ошибся. В 1631 г. Казанский приказ распорядился послать в Мангазею доверенное лицо — тобольского сына боярского, ссыльного немца Данилу Баличева, который обстоятельно осмотрел разрушения, произведенные Кокоревым и Палицыным, и подробно донес о результатах своей поездки¹.

Андрей Палицын стремился к точности своих показаний, желая обоснованно обвинить своего противника в использовании огнестрельного оружия, в особенности артиллерийского, избрав отправной точкой отсчета орудия, стоявшие на Спасской башне. Это весьма важное обстоятельство необходимо учитывать при проверке расстояний, перечисленных в отписке Палицына. Вот несколько примеров: Палицын определяет расстояние между своим двором и городом так: «Будет более 50 сажень» (107 м). Если взять расстояние от ближайшего участка крепостной стены до двора, то оно не составит и 80 м, а расстояние от Спасской

¹ ЦГАДА, ф. 141, стб. 40, л. 175.

² Там же, стб. 79, л. 86—89.

¹ ЦГАДА, ф. 141, стб. 40, л. 96.

башни до двора Палицына — 105—107 м, причем угол обстрела превышает 30°.

Как производил вычисление расстояний Палицын? Вряд ли он делал это на глаз, ибо в таком случае нельзя было добиться точности. Всю жизнь Палицын занимался дипломатической и административной деятельностью, и, конечно, никогда не участвовал в землемерных работах. Следовательно, переданные им в Москву ответственные цифровые данные являются результатом чьих-то измерений. Вероятно, их выполнили помощники воеводы. Только этим и можно объяснить точность измерений. Палицын писал, что гостиный двор отстоит от кремля в 40 саженьях (85,2 м). Измеренное нами расстояние от Спасской башни до амбаров гостиного двора, действительно, составило около 82—85 м. По Палицыну, от крепости до таможи «из-

шед из города, сажень больше 70» (169,1 м). Как об этом будет сказано ниже, измеренное Палицыным расстояние помогло нам найти таможенный комплекс.

Заметим, цифры, переданные Палицыным, особенно точны в вычислениях по прямой. Если же постройка по отношению к Спасской башне находилась под углом, то в вычисления надо вносить коррективы.

Следует сделать несколько мелких замечаний. В отписке Палицына названы фамилии убитых и раненых людей. Как правило, это были известные люди — торговый человек Леонтий Толстоухов, торговый человек Клим Котельников, ценовальник Карп Степанов, торговый человек Василий Федотов и др.

И последнее наблюдение. Отписка Палицына

Таблица 2

Расстояния между различными постройками и Спасской башней кремля (по А. Палицыну) и соотношение их с раскопками			
Объект	Расстояние до Спасской башни, в саженьях и метрах по документу	Предполагаемый район размещения постройки	Номер раскопа
Гостиный двор	40(85,2)	Средняя прибрежная часть посада	1
Таможня	70(169,1)	Нижняя прибрежная часть посада	21
Откупная казенная баня	100(213)	Северо-восточная окраинная часть посада	13
Двор Даниила Дедова (Удальцова)	40(85,2)	Средняя прибрежная часть посада	14
Двор толмача Жука Борисова	50(106,5)	Средняя прибрежная часть посада	Комплекс А
Двор воеводы Андрея Палицына	50(106,5)	Средняя окраинная часть посада	19
Амбар Леонтия Толстоухова	100(213)	Нижняя часть посада	—
Двор Ивана Тотьмы	60(127,8)	Средняя прибрежная часть посада	22
Архиепископский двор	30—40(65,39—85,2)	Крайняя западная часть посада	20
Амбар Леонтия Толстоухова	40(85,2)	Верхняя прибрежная часть посада	14
Двор Шафрана	70(149,1)	Нижняя часть посада	21
Княжеский двор	100(213)	Нижняя часть посада	—
Заказчиков изба	40(85,2)	Средняя прибрежная часть посада	14
Откупная баня	60(127,8)	Средняя прибрежная часть посада	22

дошла до нас в двух редакциях. В черновой редакции воевода перечислил значительно большее число убитых и раненых людей, чем в подлиннике, который послал в Москву. Дело объясняется просто — при подготовке отписки Палицын изъясил описания нескольких случаев расправы, которые считал малозначительными по сравнению с другими, более крупными.

В табл. 2 приводятся названия строений на посаде и вычисленные расстояния между ними и Спасской башней. Здесь же назван предполагае-

мый район размещения построек и соответствующий раскоп. В таблице приведено 14 объектов, хотя в отписке указано 23 вычисленных расстояния, однако некоторые расстояния названы по 2—3 раза.

Методика соотношения объектов такова. Из отписки А. Палицына следует, что самыми западными он считал постройки, находящиеся на расстоянии 40 сажень (85,2 м). Только в двух случаях он указывает более близкие к кремлю объекты. Это новая церковь Михаила Маленна и Макария Желтоводского, которую одно время Кокорев захватил

и откуда стрелял по посаду, а также двор тобольского архиепископа Макария¹, откуда тоже шла пищальная и оружейная стрельба. Обе постройки, самые близкие к восточной кремлевской стене, расположены от нее в 30—40 м.

Городовые оборонительные сооружения

Прежде чем начать характеристику посадских построек 1607—1629 гг., необходимо вернуться к строительству оборонительных сооружений мангазейского кремля. Поскольку речь о соотношении кремлевских оборонительных и острожных сооружений уже шла, здесь необходимо остановиться на общей оценке источников, содержащих строительную характеристику кремлевских сооружений, предложить анализ текстов, сказать о находке единственной карты кремля, наконец, дать реконструкцию городов и башен — проезжей Спасской и угловой Успенской.

В 1606 г., отправляя на р. Таз Давыда Жеребцова и Курдюка Давыдова, Казанский приказ обязал их построить городские укрепления². Причина такого решения — усиленный нажим на новое Тазовское поселение со стороны соседних ненецких племен, нападения которых к этому времени участились. Неспokoйно стало и на далекой периферии воеводства. По словам березовского казака Нестерка Иванова, в 1604 г. «сидел он, Нестерко, на Енисее от самояды в осаде восемнадцать недель»³.

Характер и особенности городского оборонительного сооружения представлены в Росписном списке города Мангазеи Ефима Мышешского и Федора Волохова. Список опубликован в Русской исторической библиотеке по копии Г. Ф. Миллера⁴. Сличение копии с ее изданием оказалось не в пользу издателя, так как обнаружился ряд существенных ошибок. Изучение копии показало также, что росписной список сохранился не полностью — в нем отсутствует текст, где содержится характеристика «...и наряду, и зелью, и свинцу и всяким пушечным запасам», а также «и что кому им, мангазейским служилым людям, государева царева и великого князя Михаила Федоровича всея Руси оклад — денежное и хлебное жалованье». Утраченный копиистом текст удалось восстановить⁵.

¹ Церковная постройка обнаружена в крайней восточной части раскопа 14 и не вызывает никаких сомнений. Палицын неоднократно упоминает о церкви Маленна и Желтоводского в связи с обстрелом посада. Более того, Данила Баличев, расследовавший произведенные разрушения, свидетельствовал, что обстрел велся даже с маковик церкви, которые были превращены Кокоревым в гнезда артиллерийских орудий. Совсем иное дело с опознанием двора тобольского архиепископа. Двор стоял где-то в крайней западной части посада, а не у прибрежных амбаров, как это видно из отписки Палицына, в которой он писал, что Кокорев «засел твоего государева богомольца преосвященного Макария архиепископа сибирского и тобольского на дворе и амбары побережные и учал стрелять по посаду...» ЦГАДА, ф. 141, стб. 40, л. 96; стб. 79, л. 32. Из цитаты видно, что двор архиепископа Макария стоял севернее прибрежных амбаров.

² ЦГАДА, ф. 141, стб. 40, л. 200.

³ М. И. Белов в Мангазее, с. 46.

⁴ РИБ, II, 135, с. 430—433.

⁵ В столбце 25 (ф. 214) обнаружена «Роспись краткая мангазейского города» (л. 33—34). В ней есть такие объясняющие слова: «Князь Еуфимий Мышешский и Андрей Воло-

Заодно была уточнена и дата составления ценного документа — не позднее 28 августа 1625 г. Выяснено также и то, что одновременно с Росписным списком был вычерчен план крепости, причем Роспись и чертеж были доставлены в Тобольск. Это произошло только через 10 лет, в течение которых составлялись в городах и острогах новые росписные списки и чертежи. На протяжении этих 10 лет создавалась основа первого чертежа Сибири — чертежи уездов и урочищ с указанием расстояния в днях хода.

В 1634 г. тобольские воеводы Андрей Голицын, Данила Замыцкий, Семен Копылов и Леонтий Полуэктов переслали мангазейские материалы — росписной список и план крепости, очевидно, составленные в 1625 г., вместе с другими росписями и планами Сибири и его общим чертежом 1625—1633 гг. — в Москву. На обороте тобольской отписки, доставленной в Москву сыном боярским Максимом Егонским вместе с чертежами, планами и росписями, имеется дьячья помета о поступлении этих документов в приказ: «1 декабря 134 года»¹. Приходится пожалеть, что графического материала — общего чертежа Мангазеи и Тобольска в архиве не отыскалось².

Все упомянутые копии мало отличаются друг от друга и, следовательно, выполнены с недошед-

хов списка нынешнего 135 (1627—1628) году не прислали. А по мангазейскому же городу с списку прошлого 134 (1625—1626) году в Мангазее, в городе в стенах башни с ворота да четыре башни глухих». Это преамбула. Дальше цитируется подлинный опущенный текст списка 1625 г.: «На городе наряду девять пищалей затинных да тем пищалам 683 ядра железных до 160 ядер свинцовых. Да на государеве зеленом погребе пушечных запасов 134 году за расходом 7 пудов 31 фунт зелья, пять пудов 39 фунтов с четвертью фунта свинцу. В Мангазее же служилых людей: сотник стрелецкий, 48 человек стрельцов с пятидесятники и десятники. Да в стрельцах же 2 человека черкас, литвин, казак».

И всего в Мангазее служилых людей 53 человека. Да к тем же мангазейским служилым людям посылают на прибавку з Березова годовальщиков по 50 человека».

Другая часть утраченного текста отыскалась в Счетном списке Мангазеи. В нем записано: «И всего 134 году сентября с 1 числа по август по 28 число 134 году (28 августа 1625 года — время составления списка — МБ) мангазейским и березовским служилым людям на 134 и 135 жалованье (выдавалось вперед — МБ) ... вышло 334 рубля 25 алтын» (ЦГАДА, ф. 214, стб. 4(2), л. 453). Таков полный текст Росписного списка города Мангазеи от 28 августа 1625 г., часть которого опущена копиистом.

¹ Предварительное исследование доставленных Максимом Егонским документов (ЦГАДА, ф. 214, стб. 656, ч. 2, 431—434), ныне включенных в состав «Хорографической книги» С. У. Ремезова 1696 года (The Atlas of Siberia...) показало, что рисунки городов Мангазеи, Березова, Тюмени, Тары, Верхотурья, Туринска, Пельми, Тавды в 1701 г. были изданы С. У. Ремезовым в «Чертежной книге Сибири», (СПб., 1882), точнее перечерчены Ремезовым для издания.

² Обнаружение сведений о плане Мангазеи и пересылке его в Казанский приказ дало возможность наметить пути поиска Мангазейского чертежа. Копия Росписного списка 1625 г. отыскалась в делах Новомангазейской канцелярии. Там же лежала копия плана Мангазейского города, с которого Г. Ф. Миллер снял копию. Раньше Миллера копию плана Мангазеи имел С. У. Ремезов. А. И. Андреев и Л. А. Гольденберг установили, что в 1698 г. Ремезов по личному запросу получил эту копию (копию с копии) из Туруханской канцелярии.

А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири. вып. I. М.—Л., 1960, с. 107; Л. А. Гольденберг. Семен Ульянович Ремезов. М., 1965, с. 87—88.

шего до нас оригинала. Необходимо сказать несколько слов о копии чертежа Мангазеи С. У. Ремезова (рис. 10). Она дошла до нас в общем чертеже — карте Земли Туруханского города¹. Копия в целом соответствует Росписному списку 1625 г., но на чертеже показаны постройки в крепости и на посаде, о которых в Росписном списке нет сведений.

Рис. 10. Город старая Мангазея. Чертеж XVII в.

Ремезов же принял на себя ответственность за географическую ориентировку чертежа. Сделал он это не совсем точно. Крепость отодвинута от берега р. Таз на значительное расстояние, хотя на самом деле она стояла прямо на правом высоком берегу р. Таз («над Тазом рекою»). Развернута крепость в направлении также неверно, южные стены обращены на восток — запад. Несмотря на ошибки, извинительные для Ремезова, никогда не видевшего Мангазею и не бывавшего на р. Таз, его план-чертеж помогает воссоздать общий план древнего города.

Сооружение кремля. Башни и городни.

Время постройки городских укреплений относится к лету и осени 1607 г. Руководили постройкой воеводы Давыд Жеребцов и Курдюк Давыдов, что подтверждается сохранившейся выпиской из летописи Мангазеи: «Во 115,— читаем в ней,— зарублен город Мангазея на Тазу реке, а зарубил тот город Давыд Жеребцов»². Летописные сведения совпадают с результатами дендрохронологического анализа нижних городен, обнаруженных на раскопе 2 (квадраты А-1—5).

¹ С. У. Ремезов. Чертежная книга Сибири, л. 15.
² ЛО ААН, ф. 3, оп. 10а, д. 113.

Мангазейская крепость была срублена из стволов молодых елей, лиственниц и кедров, спиленных осенью 1606 г. и использованных при строительстве в следующем, 1607 г. (спилы 6, 7, 8).

Мангазейский кремль-детинец представлял собой типичную для Сибири городовую крепость, рассчитанную на оборону расположенных внутри него построек. Как видно из табл. 3, кремль Мангазеи можно отнести к разряду небольших городских крепостей Сибири.

Ниже приводятся его общие размеры:

Периметр крепости	279,06 м
„ башен	69 м
„ прясел	210,48 м
Площадь крепости с пристройками	3434,19 м ²
Площадь крепости без пристроек	3705,63 м ²
Площадь башен	146,96 м ²
„ прясел	596,40 м ²

Следовательно, город в 3,5 раза меньше ранней Тобольской крепости и Тюменского кремля, но больше города Томска, равен городу Березову, периметр стен которого, вместе с четырьмя башнями, составил 132 сажени с полусаженью (281,56 м²).

Что касается характеристики городской крепости, то по данным Росписного списка она имела ряд особенностей. Обращает на себя внимание различная высота стен и между башнями.

Спасская — Успенская	5,65 м
до облама	3,55 м
до кровли	2,1 м
Успенская — Ратилловская	5,91 м
до облама	3,78 м
до кровли	2,13 м
Ратилловская — Давыдовская	9,94 м
до облама	3,55 м
до кровли	6,39 м
Давыдовская — Зубцовская	5,68 м
до облама	3,55 м
до кровли	2,13 м

Западная стена кремля наиболее высокая, так как она обороняла важнейшую постройку — воеводский двор. Высоты других стен зависят от рельефа местности. В частности, северная и южная стены были возведены на сравнительно низких участках, выходивших в поле или на берег р. Таз, тогда как восточная стена проходила по более высокому месту. Следует отметить определенную толщину бревен, положенных в прясла и башни. Бревна оказались разного диаметра.

В трех глухих башнях диаметр бревен составил 17,5 см. Исключение сделано только для башен Спасской и Давыдовской — 19 см. Интересно, что в башнях от облама до кровли положены более толстые по сравнению с нижней частью бревна

Таблица 3

Параметры Мангазейского кремля

Параметры	Башни				
	Спасская	Успенская	Ратилловская	Давыдовская	Зубцовская
Высота до облама ¹ , м	8,52	6,39	5,68	7,1	6,39
Диаметр бревна, см	18	15,9	12,8	19	16,5
Высота до кровли, м	2,85	2,49	1,96	2,13	2,13
Диаметр бревна, см	21,5	20,9	21	21	20
Общая высота, м	11,37	8,88	7,64	9,23	8,52

Параметры	Прасла				
	1—2	2—3	3—4	4—5	5—1
Общая длина, м	34,08	65,62	57,51	62,35	14,91
Высота до облама, м	3,55	3,78	3,19	3,55	3,78
Диаметр бревна, см	17,7	22,7	14,6	17	18
Высота до кровли, м	2,13	2,13	6,39	2,13	2,13
Диаметр бревна, см	16,3	16	15	16	13
Общая высота, м	5,68	5,91	9,58	5,68	5,90

¹ Облам — выступ на городской кремлевской башне или стене для удобства защиты (В. Даль).

(диаметр — 21 см)¹. Такое положение подтверждается практикой строительства городов на Руси². Средняя площадь городен по Росписному списку во всех четырех стенах была «по сажени с аршином», т. е. 2,84×2,84 м, но эти данные раскопками не подтвердились. Действительно, если пересчитать городни в каждой стене, зная ее общую длину, то можно получить следующие данные: в стене между Спасской и Успенской башнями длина городен 3,1 м, между Успенской и Ратилловской — 2,9 м, Ратилловской и Давыдовской — 3,4 м, Давыдовской и Зубцовской — 3,4 м, между Зубцовской и Спасской — 2,1 м.

Принятую сортировку бревен в башнях надо объяснить особенностями вооружения. Чаще всего бойницы в башенных стенах располагались в пространстве до облама. Это были узкие окна размером от 30,4 до 45,6 см. Шеки амбразур вырубались отвесно, а само щелевое отверстие делалось в двух смежных венцах. Строителям необходимо было учитывать толщину деревянных стен, потому, что именно это обстоятельство во многом способствовало увеличению угла обстрела орудия. На Спасской башне, например, этот угол был 90°. Во время обстрела посада в 1630 г. выпущенные из пищалей снаряды падали на двор Палицына.

Совсем иная картина сортировки бревен в стенах. В них относительно крупные бревна — до облама, а мелкие — от облама до кровли. От подошвы до облама толщина бревен составила 17—22 см, причем мелкие размещались в промежутке от облама до кровли: 15—16 и даже 13 см. Это можно объяснить тем, что нижняя часть стены при нападении подвергалась наибольшему разрушению. Приблизительно такая же картина сортировки бревен наблюдалась при строительстве города Березова. Там в прясле до облама клались бревна диаметром 22 см, выше — мелкие (ШГАДА, ф. 214, стб. 176, л. 32).

² Ф. Ласковский. Материалы по истории инженерного искусства в России, т. I, с. 99.

ской — 3,9 м. Это средняя длина городен. Однако, на практике городни могли не соответствовать названным параметрам, потому что одни городни были длиннее, другие — короче. Конечно, общая ширина и длина прясел оставались неизменной.

При раскопках встретились фрагменты прясел городской стены (раскоп 2). Ширина их одинакова — 2,8 м, а длина разная: одна городня — 3,9 м, другая — 4,5 м, третья — 3,8 м. На раскопе 4 обнаружены три городни. Оказалось, что длина прясел также неодинакова. Крайняя к Спасской башне городня имела длину 2,2 м, следующая за ней 3,6 м, третья — 5,7 м. Чем объяснить появление разных по длине городен? Вероятно, прежде всего рельефом местности и характером строительного материала. На одном бревне могло расположиться две или даже три чаши, на других — меньше. Это наблюдалось не только при строительстве городен в Мангазее. Примером использования рельефа при строительстве города является строительство Березовского кремля в 1617 г.¹ Там длина городен достигала 4 и 5 м.

Следует исправить еще одну досадную ошибку печатного Росписного списка 1625 г., не позволявшую раньше установить параметры проезжей Спасской башни. И, хотя ошибка эта предполагалась, она оставалась не опровергнутой. В общем длина Спасской башни чаще всего называлась неверно². При сверке печатного текста с копией Г. Ф. Миллера выяснилось, что при издании выпущены важные слова: «...а стена у башни в ширину 3 сажени и кругом той башни 12 сажень...» вместо напечатанного «а стена у башни в сажень»³. Следовательно, Спасская башня соответствовала по величине Давыдовской.

Наиболее высокой башней была Спасская проезжая — 11 м 39 см, самой низкой — Ратилловская — 7 м 66,4 см. Это соответствует параметрам русских крепостей. На основании измерительных данных русских крепостей XVI—XVII вв., Ф. Ласковский смог назвать среднюю высоту проезжих башен — от 9 до 14 сажень⁴. Выводы Ф. Ласковского подтверждает практика строительства Мангазеи, как и его общее заключение о высоте и ширине проезжих ворот от 9 до 11 футов (2,70—3,74 м). Проезжие ворота Спасской башни имели ширину одну сажень, т. е. 2,13 м и такую же высоту (прилож. XXVII)⁵.

По аналогии с другими сибирскими городскими оборонительными сооружениями, можно сказать,

¹ ШГАДА, ф. 214, стб. 176, л. 29—32.

² С. Н. Баландин называет площадь Спасской башни — 4,3×4,3 (указ. соч., с. 20, 26). Кстати, в характеристике мангазейского кремля он допустил ряд неточностей. Так, в числе рубленых элементов неверно названо количество венцов, длина и ширина городен и даже время постройки города (не 1607, а 1625 г.). Периметр стен крепости показан в 210,4 м, тогда как он равнялся 230 м.

³ ААН, ф. 21, оп. 4, л. 21, с. 274.

⁴ Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России, т. I, с. 99.

⁵ Реконструкция башен Спасской и Успенской, а также примыкающих к ним городен выполнены: 1) на основании данных «Росписного списка Мангазеи» 1625 г.; 2) археологического плана башен и городен; 3) материалов реконструкции аналогичных оборонительных сооружений Сибири, выполненных Ф. Ласковским, С. Баландиным, Л. Тверским и др.

что кровля на стенах и башнях мангазейского кремля была тесовой. Крыши кремлевских башен были крутыми и имели высоту от 4 до 7,5 сажений¹.

Мангазейский кремль был вооружен девятью железными затинными пищальми и имел верхний бой. В момент переписи вооружения в 1625 г. на кремлевских башнях стояли пищали калибра от 8 до 12 золотников. На Спасской башне в трех боевых отверстиях находилось три затинных пищали, им были приданы ядра весом 50,4 г и 87,2 г. По данным Ф. Ласковского, на каждом этаже стояло в таких случаях по одному орудю. Вполне вероятно, что 11-метровая Спасская башня имела три этажа. Все три ее орудия смотрели на посад.

На других башнях орудия того же типа устанавливались в верхних этажах. На север смотрели орудия Успенской башни (прилож. XXVIII), туда же разворачивались орудия Ратилловской башни. На запад и на юг, на р. Таз, выходили орудия, стоявшие на верхнем и нижнем этажах Давыдовской башни. На юг и восток, т. е. на посад и вдоль берега р. Таз глядели стволы орудий двух этажей Зубцовской башни. Таким образом, башни мангазейской крепости могли производить круговой обстрел местности.

В истории Мангазеи обычно отмечается единственный случай, когда по-настоящему заговорили крепостные орудия: в 1630 г. воевода Г. Кокорев вел во время стычки обстрел посада из орудий Спасской башни, причем, как отмечается в документах, верхние орудия поражали цель на расстоянии 100 сажений и более, достигая отдаленных построек, возведенных на правом берегу р. Осетровки. Из документов видно, что не для военных целей к артиллерии в Мангазее прибегали довольно часто. Из орудий стреляли в честь важных для города событий. Пушечные залпы гремели в праздник богоявления и крещения, когда шли на «Иордан», во время прибытия в город представителей самодийских племен².

Несколько слов о названиях городских башен. Названия Спасской и Ратилловской башен появились еще в период строительства острога. Ратилловская башня названа по наименованию соседней речки Ратилихи, русло которой проходило в 1,5—2 км от северной и западной стен крепости. Название феки связано с появлением здесь русских войск, русской рати. На современных картах р. Ратилихи нет, хотя на чертежах XVII—XVIII вв. ее можно было отыскать. По исследованиям географов, участвовавших в экспедиции, Ратилихе соответствует современная река Панча, которая при впадении в р. Таз образовывала два рукава, — один из которых и ныне существует.

Воротная башня названа Спасской по традиции. В Сибири главные воротные башни чаще всего назывались Спасскими. Так названы они в городах Березове, Тюмени, Тобольске, Илимском остроге. Над воротами этих башен врезалась икона Христа Спасителя и несколько икон, представляющих

городские храмы³. Мангазейские священники объяснены были «у башни, что под городскими проезжими воротами, служить молебны за царское здравие»⁴.

Три другие башни названы: Успенской — в честь Успенской церкви, расположенной вблизи башни, Давыдовской — по имени строителей города Давыда Жеребцова и Курдюка Давыдова, Зубцовская же вероятнее всего обязана своим названием зубчатому деталям башни.

Ранняя мангазейская городская крепость просуществовала 35 лет — с 1607 по 1642 г. До 1630 г. она почти не ремонтировалась. Во время воеводской смуты кремлю был нанесен большой урон, о чем писал сын боярский Данила Баличев: «Приехали они в Мангазее, в пустой город — стены и башни иссечены, и сделаны бои во многих местах и подле Зубцовскую башню от Спасской проезжей башни городские обе стены просечены и сделаны ворота вылазные возле нового храма преподобных отец Михаила Маленина и да Макария Чудотворца...»⁵.

Пострадала не только восточная, но и южная стена кремля. Как доносил в Москву Андрей Палицын, Григорий Кокорев, закрыв проезжие ворота, сделал на южной стене трое открытых ворот⁶. Василий Давыдов и Дмитрий Клокачев, согласно наказной памяти, должны были заняться ремонтом и восстановить крепость⁷.

Расширение внутрикремлевских построек в 20—30-е годы

После возведения кремлевских оборонительных сооружений внутри крепости были сделаны некоторые перестройки. В восточной части воеводского двора были сооружены две клетки, по соседству с воеводским двором — «саженых в семи»⁸ почти заново построена съезжая изба.

Новая съезжая изба имела по две симметрично расположенные клетки, разделенные едиными сенями. Обращает на себя внимание время постройки — появления новых изб на воеводском дворе — 1616—1617 гг. Именно в эти годы воеводой в Мангазее был Иван Петрович Биркин. Еще раньше в Березове он участвовал в создании храма в Коде (1600 г.)⁹. Строительная деятельность Биркина в Мангазее развернулась еще шире. При нем построены два упоминавшихся дома на воеводском дворе, а также съезжая изба. Оказалось что в период его воеводства в 1616—1617 гг. строился и гостинный двор Мангазеи.

¹ Об этой интересной подробности известно из перечисления мангазейских икон, доставленных в 1680 г. в Новую Мангазее. На Спасской башне стояли: «Спас Нерукотворный, поставлен деисус Успенской церкви — пять икон, венцы и цаты серебряные резные. Да деисус церкви Макария Желтоводского и Михаила Маленина похвалы пресвятой богородицы, да пророк и праотец — десять икон». (ЦГАДА, ф. 214, кн. 708, л. 124).

² Там же, стб. 302—303—304, л. 25.

³ ЦГАДА, ф. 141, стб. 79, л. 132; ф. 214; стб. 322, л. 22.

⁴ Там же, стб. 40, л. 22.

⁵ Там же, л. 95.

⁶ Там же, стб. 79, л. 63.

⁷ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I, с. 154.

И. П. Биркин известен также как крупный сибирский администратор. В 1600 г. он участвовал в снаряжении экспедиции в Мангазее князя Мирона Шаховского. В 1615—1616 гг. ему пришлось отстаивать интересы торговых людей Поморья, выступить в защиту древнего Мангазейского морского хода через Ямальский волок. Его поддержало 170 торговых людей¹.

Уже в воеводство Т. В. Бобарыкина (1627—1629 гг.) съезжая изба переходами была соединена с постройками воеводского двора. О переходах говорилось в деле Палицына и Кокорева, когда по обвинению А. Палицына в незаконном возведении переходов от воеводского двора к съезжей избе Кокорев ответил: «А зделал переходы у воеводского двора от новой избы к старой избе. А приведены те переходы на старые переходы, которые были зделаны от старой избы к съезжей избе до него, Григория». Из короткого и не совсем понятного текста все же видно, что переходы, построенные Т. В. Бобарыкиным, связывали съезжую избу со старым воеводским двором, а Кокорев связал переходами новую избу со старой, т. е. весь воеводский двор со съезжей избой. Это подтвердили результаты раскопок.

На раскопах 2/6 и 12 при зачистке были обнаружены столбы-поддержки галерей, на раскопе 12 в квадратах ЕЖ-2, на воеводском дворе — в квадратах ГДЕ-2. На воеводском дворе они расположены в южной половине так, что ряд их идет от южной жилой клетки (квадраты БВ-2) вдоль берега на восток, минуя клетку «ж», т. е. новую избу, где жил Г. Кокорев, так как выход из нее находился у западной стены. Из этого следует, что Г. Кокорев действительно не создавал переходов, соединявших его помещение со съезжей избой. При нем съезжая изба соединялась через пустовавшую «старую избу», очевидно, предназначенную для А. Палицына, но где он не жил.

Следовательно, громадный комплекс воеводского двора был связан со съезжей избой, причем образовался единый комплекс, где съезжая изба играла роль канцелярии воеводы. Там велись судебные и расправные дела; она была одновременно и карательным органом и хранилищем государственной казны, учреждением, ведавшим взаимоотношениями воеводской власти с посадом.

В 20—40-е годы в съезжей избе жили должностные лица — подъячие, сторожа, денщики. В 1633 г. тобольские воеводы приказали едущему в Мангазее Данилу Баличеву, чтобы он в съезжей избе держал «для бережения» подъячих, сторожей и денщиков, «которые прежд того у государева дела бы-

¹ Г. Ф. Миллер, т. I, с. 125—132; РИБ, т. II, с. 1062; М. И. Белов. История открытия и освоения..., с. 119.

В 1967 г. в «Правде» была напечатана информация, полученная из Сибири о том, что представитель известного на р. Таз рода Кытких — Николай — нашел на бичевнике Мангазейского городища серебряный кубок, на котором было выгравировано имя мангазейского воеводы Ивана Биркина. Если это так, то надпись следовало читать: «Иван Биркин». К сожалению, переданный кому-то из прибывших на р. Таз туристов, этот кубок так и не поступил ни в один из государственных музеев.

ли»¹. В 1635 г. при описании событий в кремле, связанных с передачей дел от воеводы Бориса Пушкина дьяку Пятому Спиридонову, упомянут постоянный житель съезжей избы — целовальник Матюшка Михайлов, в обязанности которого входила охрана хранившихся в съезжей избе запечатанных сундуков с деньгами, а также и денег в казенных амбарах. «А в амбарах, — писал Пушкин, — всякая казна за целовальниковой печатью, да замки и ключи у него»².

Когда Борис Пушкин неожиданно покинул кремль, дьяк Спиридонов вызвал к себе Матвея Михайлова и караульщиков Надежду да Останку, которые жили в съезжей избе, и приказал им найти ключи от города и выяснить, цела ли денежная казна³.

Из событий 1649 г. выясняется, что в съезжей избе размещался и сысканой двор. В нем жило и два сторожа — тюремный и аманатский. Надо полагать, что в съезжей избе имелось несколько столов — судный (воевода Петр Ухтомский назвал съезжую избу сыским двором), личный стол для воеводы, причем во время приема людей воевода был отгорожен от них железной решеткой. В отдельной комнате хранилась денежная казна, имелся также стол, где рассматривались дела, связанные с содержанием аманатов-заложников, стол, который ведал продовольствием тюремных сидельцев, и отдельная комната — приемная служилых людей. Там выдавалось государеву денежное, хлебное и соляное жалование.

Делопроизводство съезжей избы не прекращалось ни на один день до того, как город был оставлен жителями.

Своеобразен и специфичен культурный слой съезжей избы 20—40-х годов. В нем найдено около 150 предметов, в том числе большое количество игральные кости, которые в XVII в. носили название «игра в зернь». Игральные кости имеют форму кубиков, на шести гранях которых сделаны от одной до пяти неглубоких выемок. В документах довольно обстоятельно изложена организация этой игры⁴.

¹ ЦГАДА, ф. 141, стб. 40, л. 121.

² ЦГАДА, ф. 214, стб. 43, л. 493.

³ Там же, л. 498—499.

⁴ Можно проследить, как в течение многих лет изменялась эта игра. В отрывке из распросных речей мангазейских служилых и посадских людей от 1633 г. о зерновой и картежной игре в Мангазее рассказывается, как съезжая изба и мангазейские воеводы занимались вопросами картежной игры, приносившей казне немалый доход. В документе сказано, что «зернички в зернь играли, как и было в прошлых годах про то ведомо служилым всяким людям, которые в 1641 году к Русе на море пошли и которые в Мангазее за морем остались, а по государеву указу зерновую и картенную игру велено в Мангазее оставить и наказание велено чинить большое и на играх и на тех людей, где зернь, выму... велено на государя иметь пеня. А верного збору с зерни выложено изо кладу по 300 рублей на год. А в прошлых годах с тех пор как зернь введена, и по 139 год покамест, как дьяк Богдан Обоуров от государевых дел от съезжей избы и от города отставил, были посланы к съезжей избе для выемки служилые люди и целовальники с государевою казною в Мангазее и как торговые и промышленные и всяких чинов люди съехали в Мангазее и на Енисейске и с Лены и с Тунгусом и с Турухана выемщиков и выемки не бывало и зернью играли в государевой торговой бане в тех местах повольно. И доведетца про-

¹ Ф. Ласковский, Указ, соч., т. I, с. 99.

² ЦГАДА, ф. 214, стб. 650, л. 80.

Официально зерновая игра сосредотачивалась в торговой бане, причем съезжая изба передавала на откуп торговые столы в торговой бане и брала с откупщиков оговоренную сумму, которая по окончании игры передавалась в государственную казну. Все, что было собрано сверх оговоренной в откупе суммы, шло в доход откупщику. В самом раннем из дошедших до нас счетов описке Мангазеи за 1625—1629 гг. специальной статьей отмечен сбор с игр, процветавших в те годы в Мангазее. Эта «статья» названа «статьей зерновой и картеной игры и закладной игры»¹.

В 1634 г. мангазейские жильцы, которые главным образом и откупали эти игры, уплатили зерновой годовой откуп 60 рублей 16 алтын $\frac{1}{2}$ деньга². В этот год в Мангазее имелись: зерновая изба и зерновой двор. Но и помимо официальных игорных учреждений, азартные игры проходили на подворьях. За этим следили специально отряженные служилые люди. В случае обнаружения тайной игры виновник наказывался штрафом и у него отбирали игральные кости. Так случилось с Михаилом Якимовым на его подворье, где тайно велась азартная игра. Якимов был оштрафован³.

На Мангазейский рынок ежегодно с прибытием торговых караванов поступало достаточное количество предметов для азартных игр⁴.

В раскопе 12 обнаружено относительно большое количество шахматных фигур. Объяснить это можно только зная отношение к шахматам в Московском государстве XVII в. Игра в шахматы преследовалась церковью. Известна, например, жалоба воскресенского подмосковного попа царю Алексею Михайловичу на прихожан его церкви, которые играли в шахматы с таким увлечением, что забывали посещать церковь в воскресные дни. Воскресенский поп называл шахматы «бесовской игрой». Возможно, что мангазейское духовенство также преследовало шахматную игру, добившись зачисления ее в разряд опасных. Съезжая изба Мангазеи, очевидно, отнесла шахматы к разряду «закладных игр». Если шахматы выходили за рамки обложенных пеней игр, то отбирались в пользу съезжей избы, в культурном слое которой они

тив отпуску на Миките Борятинском за зерно взять на те месяцы, которые позволил играть вместе по счету 120 рублей. А в статейной росписи князь Микитине сказал: зерно в прошлом в 139 году и по свой поезд из Мангазеи в Мангазее никакие зершников деньги ни во что он князь Микита играть не позволил. Да и зерно не бывало. И выемщики на то были учинены. И где зерно игравали, и тут зерно выемана и наказание зершником по государеву указу было учинено». (ЦГАДА, ф. 214, стб. 1316, л. 87).

¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 4 (ч. II), л. 448.

² Там же, стб. 46, л. 436 об.

³ Там же, стб. 4 (ч. II), л. 457.

⁴ Вот несколько примеров завоза игр. В 1634 г. один из крупнейших торговцев Мангазеи и Туруханского зимовья Иван Толстоухов доставил в Мангазее на коче Федора Митрофанова «100 игр костей зерновых», а Павел Артамонов — 50 игр зерни. В том же караване на коче торговых людей холмогорца Максима Михайлова и Евдокима Иевлева прибыло в Мангазее 100 пар «костей». Ввозились и карты. Игра в карты не запрещалась, в отличие от зерни. Например, мангазейский стрелец Мороз Марков привез на своем коче в 1634 г. из Тобольска две дюжины карт (ЦГАДА, ф. 214, кн. 82, л. 38—41, 52 об., 66 об.).

и были обнаружены вместе с игральными костями¹.

Надо сказать несколько слов и о других играх, орудия которых удалось встретить в культурных слоях раскопа 12. Например, игра в бабки. Эта игра была распространена в Сибири в позднейшее время. Удивительно, что сюда попала и среднеазиатская игра, для которой использовались суславные кости животных.

В раскопе 12 обнаружены канцелярские предметы — чернильница — керамический брусек прямоугольной формы, счетная треугольная бирка, футляры для печатей. В культурном слое встретились также кожаные футляры для компасов (рис. 11), хотя, к сожалению, самих компасов не оказалось. Все что осталось от них — это деревянная рамка, вставленная в кожаный футляр.

На городище Мангазеи обнаружено два костяных компаса и металлический циферблат третьего. По размерам эти предметы вполне соответствуют футлярам. После их реставрации и консервации документов АН СССР, рельефно выступил орнамент, которым украшались наружные стороны футляров.

Так на одном футляре был отгиснут растительный орнамент — раскидистые ветки, на которых сидят четыре маленькие птички, на втором — рисунок двух скрещенных линеек, заканчивающихся четырьмя полумесяцами, а в центре и по четырем полям — цветы. На третьем футляре изображены четырехугольники.

На раскопе 12 обнаружено сравнительно много серебряных московских денег (40—50 монет). Пожалуй, по находкам серебряных монет съезжая изба занимает первое место среди мангазейских раскопов. Кстати, здесь не встречено ни одной медной монеты: в нижних слоях их не могло быть, верхние же горизонты сохранились очень плохо, большая часть их упала в реку. Съезжая изба — главное хранилище государевой казны. Через нее шли денежные расчеты с откупщиками, производилась выдача окладных сумм.

Комплекс гостиного двора

В 1644 г. жители Мангазеи послали царю Михаилу Федоровичу челобитную об участии их в строительстве здания нового гостиного двора. Этому предшествовала наказная память мангазейского дьяка Богдана Обокурова от октября 1643 г. «всем торговым, промышленным и жилацким людям», которым по плану дьяка надлежало «выбрать меж собою... из лучших и из средних людей

¹ Шахматные фигуры и кости встретились не только на уровне нижнего строительного горизонта, но и в проглубах почвы, зафиксированных во время очистки раскопа 12 в квадратах 3-2 и Г-2. Создается впечатление, что это были специально устроенные под полом съезжей избы ямы, куда сбрасывали отобранные у игроков кости и шахматы. Вероятнее всего, о них знали ограниченное число лиц, работавших в съезжей избе.

См. М. И. Белов, О. В. Овсянников. Раскопки Мангазеи. (Некоторые итоги исследования 1968—1969 гг.). «Советская археология», 1972, № 1, с. 215—232.

10 человек для государева гостиного двора»¹. Понимая ответственность возложенного на мангазейцев задания, дьяк пообещал к 10 выбранным прибавить несколько служилых людей. Нужно было взамен разрушенных построек возвести новые, а те, которые возможно — восстановить. «К старым амбарам, — изложил свой план Обокурова, — на прибавку поставить 26 амбаров рубленых новых бревенчатых да две избы большие. А старые да четыре амбара переделать, которые испросечены при

в которых говорилось о еще не разрушенном гостином дворе. В 1630 г. о нем писал Григорий Кокорев следующее: «У него Ондreja (Палицына — М. Б.) идено к гостиному двору в двух местах, по обе стороны гостиного двора, просеканы избы и амбары...»². Следовательно, избы, по крайней мере две, входили в состав гостиного двора и располагались по его сторонам — на флангах. А амбары? Оказалось, что они тоже входили в комплекс гостиного двора. Это подтверждает отписка Андрея

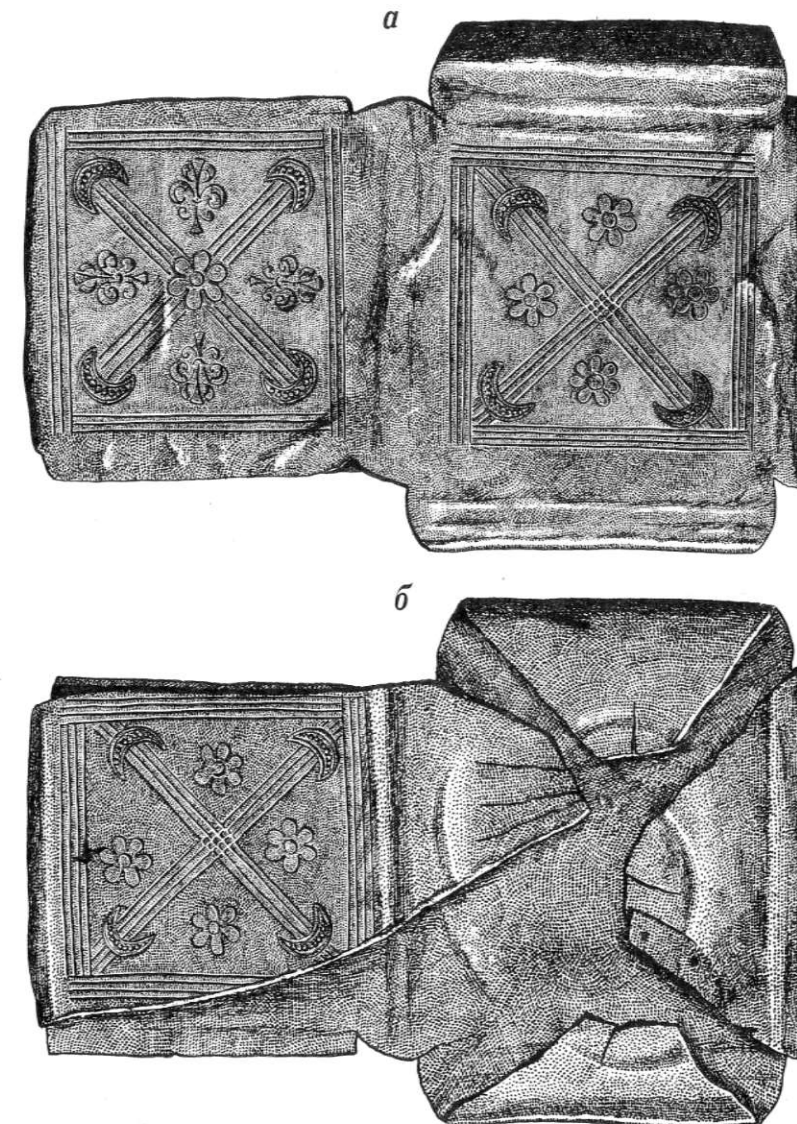

Рис. 11. Футляр для компаса:
а — лицевая сторона; б — внутренняя сторона.

Григория Кокорева да при Андрее Палицыне». Цитированный текст для современников не совсем понятен — к нему требуются пояснения.

Прежде всего, на основании каких соображений дьяк считал необходимым построить 26 новых амбаров, не больше и не меньше? А что это за четыре старых амбара, какое отношение они имели к общему замыслу Обокурова? Не понятно также, о каких двух избах шла речь.

Обратимся к документам раннего периода,

Палицына, составленная в том же 1630 г. В ней он писал: «Да марта в 5-й день Григорий Кокорев высек (вырубил — М. Б.) на гостином дворе у твоих государевых амбаров стены и стрелял по посаду...»². Обокурова, говоря о них, указывает, что их было четыре. Выходит, что 26 амбаров, которые в 1644 г. предстояло заново построить, были периферийными амбарами гостиного двора. В письменных источниках о них неоднократно упоминалось.

¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 146(1), л. 138.

² ЦГАДА, ф. 141, стб. 40, л. 199.

¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 139, л. 62—65.

Так, Андрей Палицын назвал целую группу амбаров, расположенных между его двором и стеной северной избы гостиного двора. Именно этими амбарами, расчищая себе путь ко двору Палицына через проломы в стенах, пытался Кокорев пройти к жилищу своего противника и поджечь его.

Сколько амбаров располагалось в пространстве между гостинным двором и двором Палицына, сейчас сказать трудно. Можно лишь высчитать приблизительную площадь, где они стояли, считая ее западной границей дом архиепископа Макария и церковь Михаила Маленна, а восточной — постройки на раскопе 18. Тогда застроенная площадь

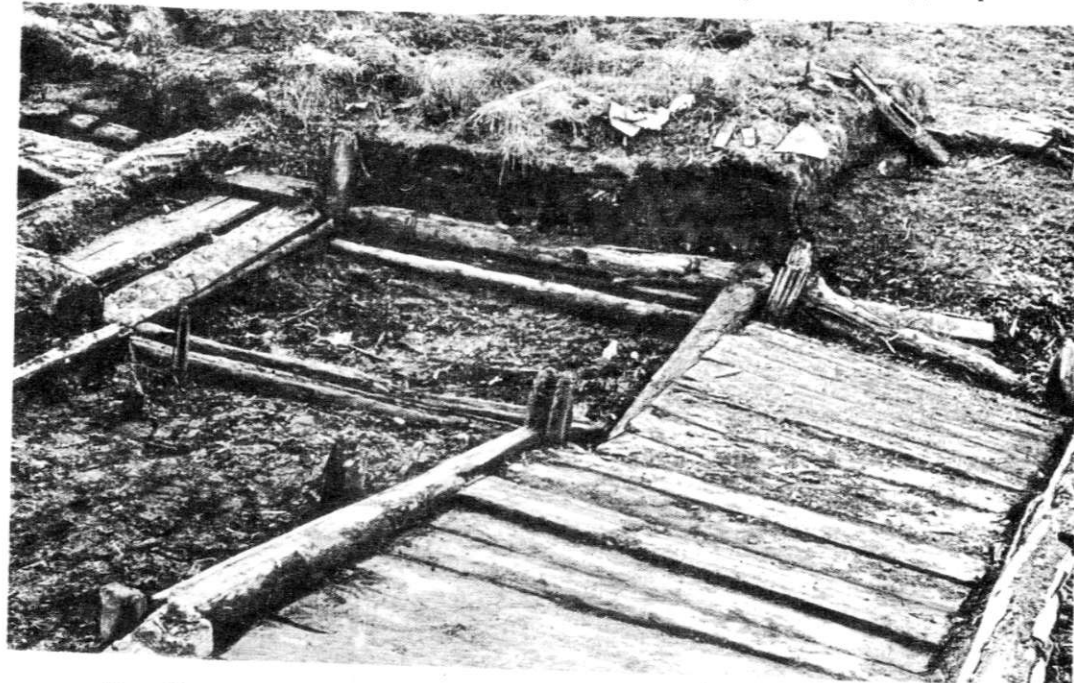

Рис. 12. Вид раскопа гостинный двор. Северная клеть (фото М. И. Белога).

составит 50×30 м. Если принять амбар с пристройкой площадью 8×8 м за единицу измерения, то на вычисленной площади можно разместить 20—22 амбара. Отсюда следует, что основная часть амбаров гостинного двора располагалась к северу от него.

Нельзя не принять во внимание указание письменных источников на то, что часть амбаров находилась к востоку и западу от главного здания. Например, Палицын называет «споречные амбары», имея в виду амбары к югу, западу и востоку от главного строения¹. Это и есть те 26 амбаров, о которых писал Обоуров. К этой цифре следует прибавить еще сохранившиеся в то время «старые амбары».

Таковы сведения, которые следуют из анализа письменных источников.

Были ли обнаружены гостинный двор и его амбары на городище?

Поиски гостинного двора начались еще в первый полевой сезон и проходили на трех раскопках: на самой крайней западной прибрежной полосе посада (раскоп 14), в центре прибрежной полосы (раскоп 1) и восточнее (раскоп комп-

лекс А). В дальнейшем все три раскопа слились в единую, значительную по размеру площадку, превышавшую 100×40 м.

В первый полевой сезон экспедиции удалось зачистить несколько срубов разной архитектуры, но здание гостинного двора выявлено не было. В следующем году на раскопе 1 в нижних слоях встретилось необычное для мангазейских построек сооружение. Сначала показалась отлично вымощенная площадка, затем, после снятия настила, новые мощеные части (рис. 12). Это были небольшие клетки, рубленные в обло с остатком, а также постройки (вероятно, сени), образованные из вер-

тикальных столбцов с пазами, в которые затесаны концами вставлены бревна. Постройки замощены досками.

Дальше развернулась трехчастная постройка (клеть — сени — клеть). Ничего особенного она не представляла — рублена в обло с остатком, сени сооружены в технике набора стен в пазы столбов. Впоследствии выяснилось, что она являлась последней в комплексе и являлась северной избой гостинного двора. Когда, наконец, зачистили всю площадку, стало ясно, что упомянутая в документальных источниках южная изба на городище отсутствует. Вместе с разрушившимся берегом она обвалилась в реку. Сохранилась лишь треть примыкавшей к ней с севера клетки.

За два сезона удалось зачистить и другие сооружения гостинного двора — одну из двух упомянутых Обоуровым изб — северную, замыкающую комплекс гостинного двора, и все четыре амбара, входивших в состав здания. Кроме того, третий амбар, от которого сохранилась вымостка, завершился маленькой клетью, которая как бы продолжала выступ (квадраты Е-2, 3). Западная клеть оказалась пустой: в ее культурном слое не обнаружено ни одного предмета. Однако, рядом с ней оказались детали башенных часов (рис. 13), поэто-

му вполне обосновано предположение, что клеть — это остатки сруба часовой башни, резко выделявшейся как своеобразный ориентир для всех идущих в гостинный двор. Кстати говоря, ни в одном из мангазейских документов не удалось найти даже упоминания о часовых башнях, хотя они были и у других зданий, в частности, у таможи.

Если представить себе гостинный двор с учетом данных письменных источников и археологических раскопок, то он представляется в форме печатной

так: «Гостинного двора в городе нет... стоит опустошен по-прежнему»¹.

В чем состояла особенность и важность мангазейского гостинного двора? В особых условиях запольного города при осуществлении крупных торговых операций, чем с первых лет славилась Мангазея — большой гостинный двор представлялся исключительно важным.

Это было не только строение, в котором производилась купля и продажа, но и целая система

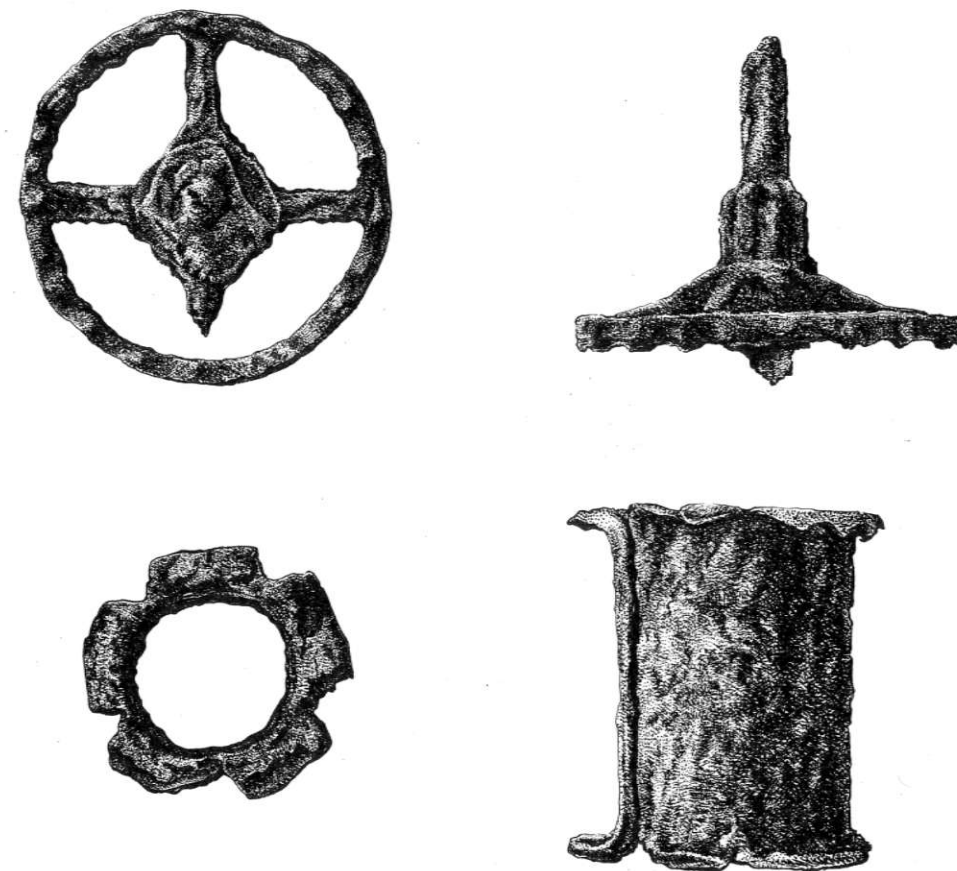

Рис. 13. Детали башенных часов гостинного двора.

русской буквы Е в зеркальном изображении (см. реконструкцию плана, рис. 14). Здание двора занимало 520 м^2 и по размерам могло считаться вторым на городище после воеводского двора. В составе двора, по данным П. И. Третьякова, насчитывалось 20 лавок¹.

Раньше чем охарактеризовать культурный слой гостинного двора, необходимо сказать несколько слов о роли и значении его самого. Мангазейский гостинный двор отличался от своих южных «собратей» не только размерами, но и ролью, которую он сыграл в жизни городского поселения. Не случайно сюда был направлен главный удар воевод Григория Кокорева и Андрея Палицына, пытавшихся захватить его и владевших попеременно этим богатым учреждением. В результате двор и окружающие его постройки были сильно разрушены и не восстанавливались в последующие двадцать лет. Обычно в документах на запросы писали

складских помещений и построек гостиничного типа. Действительно, без предоставления массе торговых людей самых элементарных условий для временного проживания на территории, где не было других населенных пунктов в радиусе более тысячи километров, без гарантированного места хранения товаров — крупная торговля на Севере производиться не могла. И когда созданный торговцами, промышленными и жителями людьми гостинный комплекс был разрушен, они прямо заявили в упомянутой челобитной царю Михаилу Федоровичу, что именно это обстоятельство заставило их «разбредиться из Мангазеи и Турухана на Лену и в Енисейский острог»².

Чтобы понять, какую огромную работу проводил гостинный двор по организации торговли на Обь-Енисейском Севере, достаточно сказать, что в течение 15 лет он успешно справлялся с любым наплывом торговых караванов и перерабатывал

¹ П. И. Третьяков. Туруханский край, его природа и жители. СПб., 1871, с. 135.

¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 139, л. 59.

² Там же, л. 65.

массу грузов и товаров, предназначенных не только для города, но и его огромной периферии.

А в Мангазее «проходило, — писали челобитчики, — человек по шести и семи сот и больше, и торги и промыслы были большие, — у одного человека в торгу тысячи по три и по четыре и по пяти

пришло 387 человек на 12 кочах. Большинство расселилось на посадке, а некоторая часть поместилась в районе гостиного двора. 25 декабря 1629 г. в рождественскую ночь на дворе таможенного головы Михаила Футина, ушедшего к заутрене, было совершено убийство проживавшего там человека. В связи

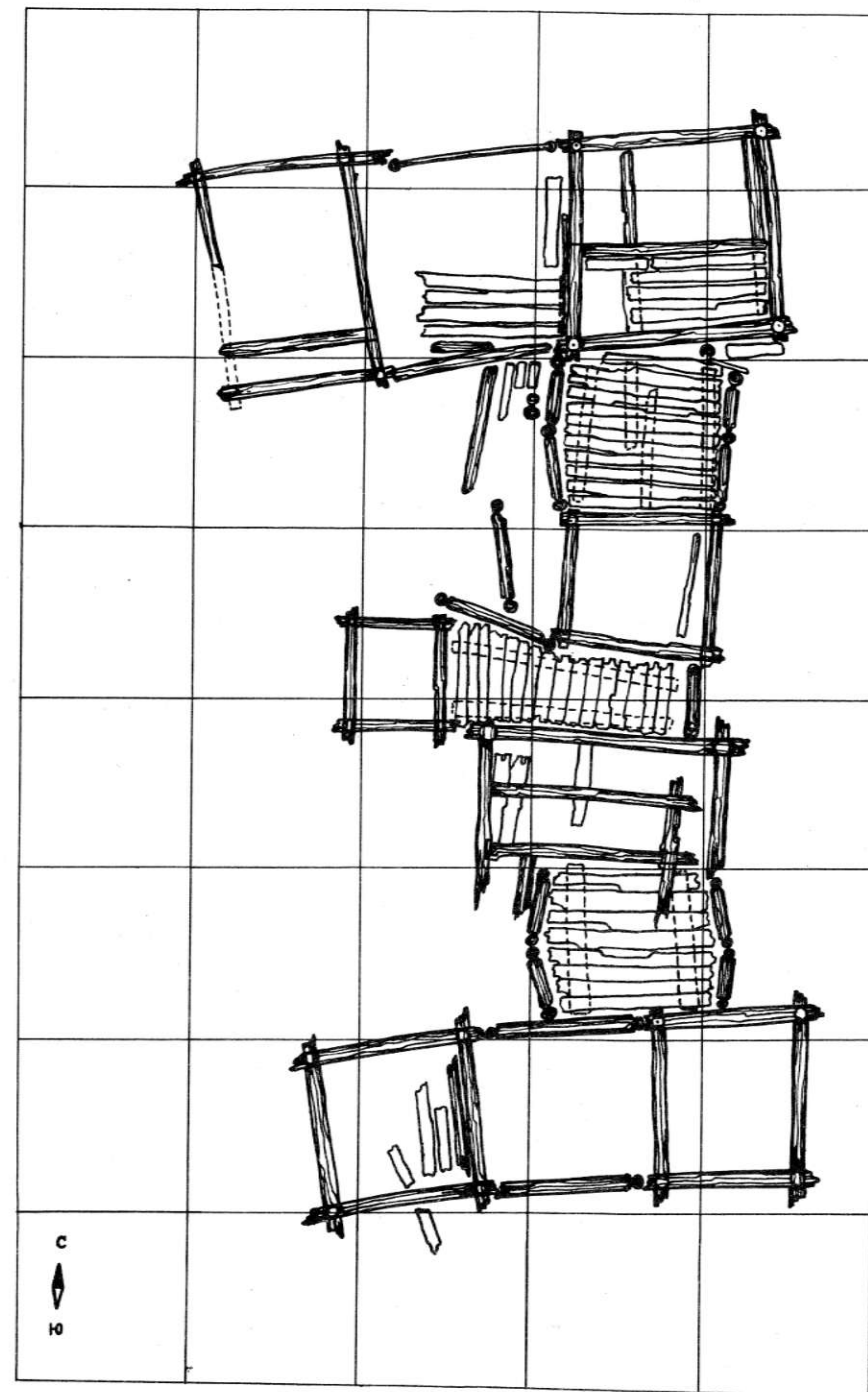

Рис. 14. Гостинный двор (плановая реконструкция).

и больше и промыслу у одного человека ужин по 50 и больше»¹.

До нас дошел интересный документ, в котором нарисована яркая картина жизни прибывших в Мангазее торговых и промышленных людей и их размещения в районе гостиного двора. В 1629 г.

с убийством на следующий день был произведен опрос всех бывших в утренние часы людей, чтобы получить сведения об убийцах. Были опрошены жители 5 изб, 28 подворьев и 4 дворов¹. Оказалось, что прибывшие жили скученно, человек по 8—10, восемь промышленных людей проживало на самом

¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 139, л. 65.

¹ ЦГАДА, ф. 141, стб. 56, л. 6—18.

гостином дворе. Многих из опрошенных не было дома, они ушли к заутрене, оставшиеся либо спали, либо готовили «ести», т. е. пищу. Обращает на себя внимание не только скученность людей, но и обилие жилых построек в близком соседстве с гостинным двором. Думается, что в состав подворьев входили и амбары. Они строились бревенчатыми, какими хотел видеть их Обоуборов. Действительно, среди изученных на раскопах построек не раз обращали на себя внимание вместительные, добротные, но почти пустые срубы. Это и есть амбары гостиного двора. Вероятно, часть их использовалась под жилье людей.

Впервые о постройке гостиного двора упомянуто в наказной памяти воеводам Федору Булгакову и Никифору Елчанинову. Это было в 1603 г. Воеводам было приказано срубить гостинный двор и перевести в него всю мангазейскую торговлю. Производить торговлю вне гостиного двора запрещалось. «А преж сего, — говорилось в наказной памяти, — приходили в Мангазее и в Енисее с Руси многие торговые люди — пермячи и вятчане, и вымичи и пустоозерцы, и усольцы и важане, и каргопольцы и двивяне, и вологжане — и всех московских городов торговые люди со всякими товары. И торговали по всей Мангазее и в Енисее, ездя по городкам и по водостям и по юртам и по зимовьям и по селам... А, сторговався, ездил на Русь, а государеву десятинную пошлину со своих товаров не платили»¹. Гостинный двор строили торговые, промышленные и жилецкие люди Мангазеи «без ослушания». Но точное время постройки гостиного двора неизвестно. Построили ли его при воеводе Федоре Булгакове, — неясно. В процессе раскопок с нижних венцов гостиного двора было взято 22 спиля, которые датировали постройку 1616—1618 гг. Дендрохронологически были определены срубы раннего времени, в частности некоторые амбары гостиного двора рубились из лиственниц 1605—1613 гг. (спиля 162, 165, 166, 167, 151).

Гостинный двор просуществовал сравнительно недолго. В 1631 г. он уже был разрушен. На месте разрушенных амбаров и изб постепенно возникали новые постройки.

Характеристика товаров, поступающих на гостинный двор, сложна, во-первых потому, что многие ценные вещи исчезли из его лавок еще в период после разрушения, а затем в течение 350 лет, когда части гостиного двора обрушивались с берега реки и размывались водой; во-вторых, сейчас непросто определить характер самих товаров — привозные они или местные; и в-третьих, не совсем ясны исходные пункты, откуда товары попадали в Мангазее.

Описание тех находок, которые характеризуют не только размах торговых операций, но и их ареал, надо начать с установления фактов внешних связей Мангазеи.

Обратили на себя внимание две вещи, которые непосредственно имеют отношение к развитию мангазейской торговли. Это торговая свинцовая пломба с надписью по кругу «Amsterdam ander Halest».

Доставка в Мангазее свинцовой пломбы известной амстердамской компании (рис. 15), корабли

¹ РИБ, II, с. 844.

Рис. 15. Свинцовая пломба голландской компании с надписью «Amsterdam ander Halest» («Амстердам и другие дома»).

которой с середины XVI в. приходили в Холмогоры, а затем и в Архангельск, кажется не случайной и, в какой-то мере, загадочной. Загадочной потому, что с 80-х годов XVI в., еще при Иване Грозном, любым иностранным компаниям запрещено было ездить за Уральские горы. Это запрещение с 1616 г. распространилось и на Мангазейский морской ход. Возникает вопрос, как же оказалась эта иностранная пломба в гостинном дворе? Сейчас можно лишь с достаточным основанием предположить, что она доставлена туда русскими поморскими купцами, следовавшими в Сибирь, в Мангазее. Следовательно, через поморские города осуществлялась опосредованная связь иностранных купцов с Мангазеей. Этот важный вывод выходит за рамки настоящего исследования¹.

К числу иностранных товаров, ввезенных в Мангазее, относятся найденные на городище Мангазеи изделия из золота: золотой перстень с аквамарином, золотой полуталер 1558 г. и позолоченная пуговица от кафтана. Золотыми вещами на Руси не торговали. Пути следования золотых предметов в Мангазее вероятно были такими же, как и пломбы амстердамской компании. Бесспорно, что упомянутые золотые вещи попали в Мангазее, предварительно побывав в руках русских и западноевропейских купцов.

О связях Мангазеи со Средней Азией уже упоминалось, когда речь шла о перенесенной оттуда в Сибирь азартной игре.

Привозные русские товары особенно многочисленны. Среди них в культурном слое найдены рез-

¹ Можно предположить, что приобретение русскими купцами иностранных («немецких») товаров на архангельском рынке происходило не только за наличный расчет. Возможно, что иностранные компании представляли купцам кредит для покупки пушных товаров. Это положение распространялось и на «немецкие товары», завозимые русскими купцами в Сибирь.

ные ларчики с красивым рисунком, ларчики с надписями: «Харитон», «Кирилл Тимохов Проголокищев», «Ондрей Трофимов» (рис. 16).

О связях мангазейских промышленников с местным рынком говорят обнаруженные на гостинином дворе различные изделия. Среди деревянных вещей следует упомянуть заготовки для самодийских чумов из бересты с прошивкой по краям, тисненую бересту для украшения деревянных изделий (на некоторых кусках бересты имелись надписи) (рис.

зонте оказался незаконченный костяной игровой кубик, шахматные фигурки, коровы и олени рога со следами обработки, костяные накладки, гребни.

В большом количестве встречались металлические (в основном медные и бронзовые) предметы. В раскопах на посаде обнаружены каменные формы фигурного литья, а в культурных слоях гостининого двора — сами отливки. Это бронзовые орнаментированные наконечники, бронзовая обоймочка, фрагмент бронзовой серьги. На бечевнике найдены брон-

Рис. 16. Боковая стенка ларчика с надписью: Кирила Тимохова Проголокищева Ондрия Трофимова.

17), прялки, детали ловушек на пушного зверя, приспособления для просушки кож, иглы для плетения сетей, плетеные сумки, туеса, кожаная нашивка (рис. 18), детские игрушки, деревянные поплавки и берестяные грузила, сапожные колодки, колотушки, лыжи, детали нарт (полозы, копылы), деревянные шахматные фигурки, шахматная доска.

Богато представлены местные костяные промыслы — детали оленьей упряжи, многие из которых орнаментированы рисунком в виде мелких концентрических окружностей, с маленьким углублением в центре. Такой орнамент встречен и в других раскопах, что свидетельствует о местном производстве этих изделий. Здесь же найдены куски мамонтового бивня, служившие заготовками. В нижнем гор-

зовые булавки, пинцет, женские серьги с голубой бусиной, очевидно, предназначенные для продажи местному населению, звенья медной витой проволоки, бронзовая шумящая подвеска (рис. 19), медные трубочки, бронзовые и свинцовые пуговицы. Находки медных и оловянных вещей составили солидную коллекцию, ничуть не уступающую другим собраниям металлических вещей.

Не удивительно, что в гостинином дворе продавались глиняные и каменные тигли, очень напоминающие найденные в районе литейных мастерских. Конечно, трудно отделить местные товары от привозных, перечень которых удалось выяснить, проанализировав списки товаров, составленные целоваль-

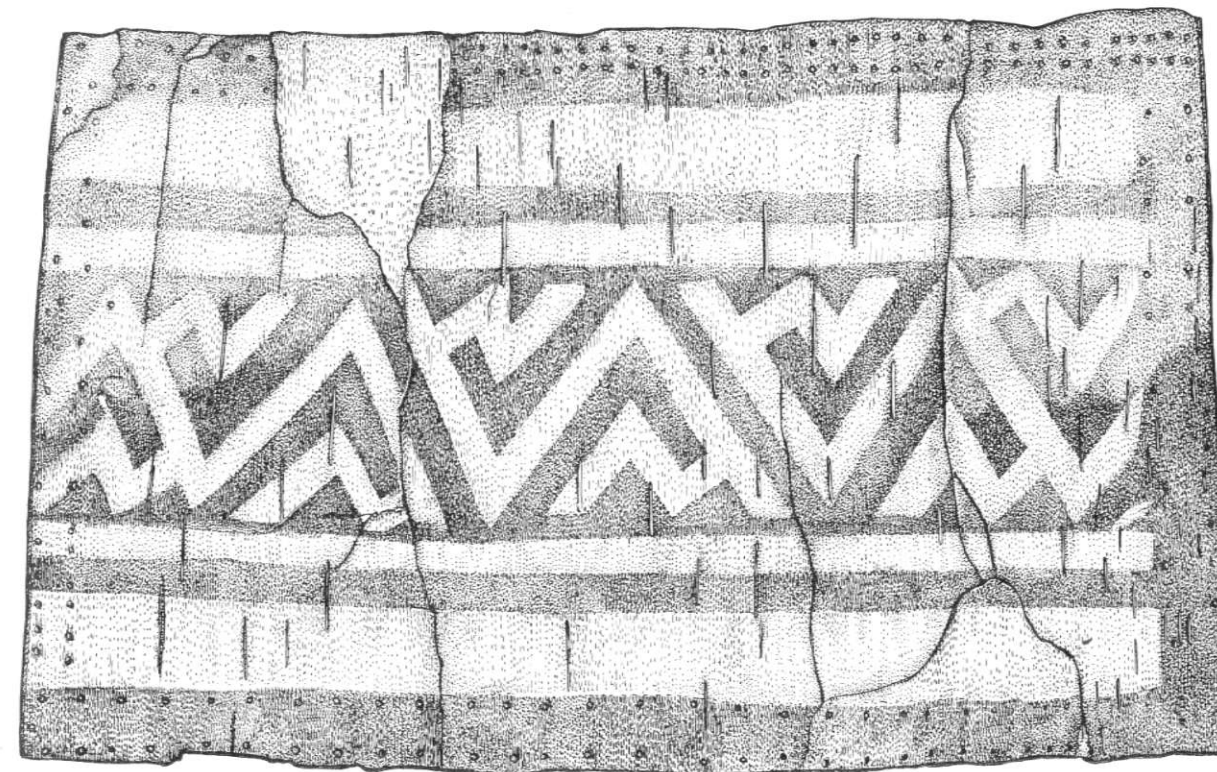

Рис. 17. Фрагмент тисненой бересты.

никами во время прибытия караванов в 1630, 1633 и 1635 гг.

Постоянными покупателями в гостинином дворе были местные жители — ненцы. Для них всегда

дворе — сапожное. Это колодки, причем среди них детские, сапожный нож, подковки.

Таковы предметы местного ремесла, найденные в гостинином дворе. Конечно, они далеко не исчерпы-

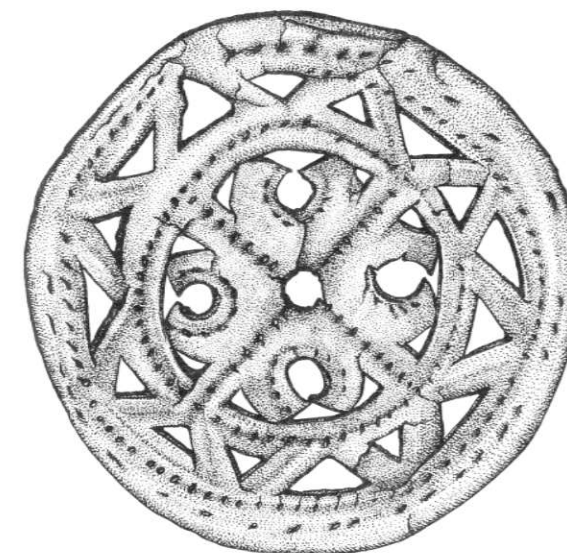

Рис. 18. Кожаная фигурная нашивка.

Рис. 19. Бронзовая шумящая подвеска.

в продаже имелись одекуй и бисер, которые высоко ценились на рынке. За десяток светло-синих бусиненец готов был отдать соболя. Вот почему, вероятно, в бронзовые женские серьги, сделанные в Мангазее, были вставлены одекуины. Они ценились наравне с драгоценными камнями.

И еще одно ремесло представлено на гостинином

вают номенклатуру изделий, изготовлявшихся мангазейскими промышленниками, она была гораздо шире. Взять хотя бы организацию ловли и срочной обработки пушнины, для чего ремесленники создали десятки приспособлений — от кулем и замысловатых лопаточек до правильев для очистки мездры.

Амбары гостиного двора нижнего горизонта

Выше уже говорилось об амбарах гостиного двора, куда свозились привезенные в Мангазею товары и где, возможно, временно проживали торговые и промышленные люди. Такие амбары обнаружены на раскопах 14, 22 и комплекса А.

В основу поиска и идентификации срубов может быть положен принцип строительной оценки. Амбарами называли однокамерные постройки без печей. Именно такие четыре однокамерные сооружения входили в состав гостиного двора. Стены их сделаны из бревен, полы настланы на толстых подкладках — лагах — из судовых сосновых досок. В полах не обнаружено ни одного фрагмента печей. Совсем по-другому выглядела северная изба гостиного двора. В юго-западном углу ее восточной клетки стояла печь, от которой сохранилась обводка.

Труднее всего определить значение периферийных амбаров на раскопе 14 к северу от гостиного двора.

Здесь не найдено ни одного сруба, который можно было бы назвать жилым строением или определить характер деятельности его обитателей. Однако эта занятая постройками полоса к западу от гостиного двора лежала на пути в кремль. Здесь же находилась церковь. Можно предполагать, что на приречной полосе селились люди богатые, тесно связанные с гостинным двором. Их было немало в Мангазее.

Когда в 1640 г. воеводе Никите Борятинскому потребовалось оценить соболиную и таможенную казну, он без труда смог составить представительную комиссию из приказчиков московских гостей, которых в государстве всего-то было не больше пятидесяти. В комиссию вошли приказчики гостей Надея Святешникова (его приказчик Михайло Иванов был убит в 1630 г. при перестрелке на посаде), Осипа Елизова, Василия Гусельникова (амбар его приказчика Василия Федотова находился в 40 сажнях от гостиного двора), Петра Унбина, Кирилла Босова, Исаака Ревякина и Иохима Юсова¹. В 40 сажнях к западу от гостиного двора стоял амбар богатого торговца Леонтия Толстоухова.

И все же изучение срубов не дало ожидаемых результатов.

К западу от гостиного двора оказались сооружения явно не жилого типа. В однокамерных срубах отсутствовали печи или их обводки, мало было также построек двух или трехкамерного типа. Следовательно, западная площадка застраивалась преимущественно до 30-х годов амбарами гостиного двора. Это подтверждает анализ строительных остатков нижнего горизонта. В квадрате Б-2 найден однокамерный сруб, датированный 1616—1617 гг. (спил 111). В нескольких метрах к западу от него располагалась другая клеть, срубленная в 1607—1608 гг. (спил 169), причем в строительстве использовались бревна 1601 г. (спил 141). Сохранилась часть пола и три столба, не несущих строительной нагрузки, а в восточной половине клетки — толстая

прослойка навоза. Если принять сруб за помещение амбарного типа, то не совсем понятно появление там навоза. Впрочем, вполне возможно, что в амбаре стоял скот.

К югу от этих двух срубов на самом речном обрыве обнаружена ранняя однокамерная постройка (квадрат ГД-1), датированная 1601 г. (спилы 23, 24), южная половина которой упала под откос. Здесь найдены борт коча и перо руля.

Остатки строения нижнего горизонта зафиксированы и в западной части раскопа (квадраты А₁АБ-2, 3), где стоят без всякой строительной связи три столба. Один из столбов датирован 1615—1618 гг. (спил 113), т. е. временем постройки гостиного двора. Однако рядом с ним находился еще один амбар, остатки которого оказались затем под срубами церкви Михаила Маленна и Макария Желтоводского (1629 г.). Он представлял собой однокамерный сруб (квадрат А₂А₂-3), который можно было признать жилищем рыбака, но, скорее всего, это было помещение амбарного типа, так как в нем обнаружены остатки склада поплавков и грузил. Здесь, видимо, хранились рыболовные снасти. Постройка датируется 1617 годом. Бесспорно, что два из этих амбаров принадлежали Леонтию Толстоухову и Василию Федотову, о чем писал воевода А. Палицын. Эти торговцы приехали в Мангазею одними из первых.

Амбары находились к востоку и северо-востоку от гостиного двора. На востоке, на улице № 1, протянувшейся вдоль восточной стороны двора с юга на север, стояло два одинаковых сооружения, которые после разрушения в 1631 г. были восстановлены (раскоп комплекса АНК-4, 5 и МИ-4, 5).

И, наконец, на раскопе 22, под амбаром верхнего горизонта, о котором речь пойдет дальше, найден разброс ранней амбарной конструкции (квадраты АБВГД-7, 8). От амбара, датированного 1627 г. (спил 204), остались фрагменты трех стен. Таким образом, удалось установить конструкции нижнего горизонта и время создания семи амбаров гостиного двора. Это подтверждает данные письменных источников о том, что гостинный двор был большим комплексом сооружений и состоял не только из двухэтажных помещений единого здания Е-образной формы, как предполагалось раньше, но и значительного количества построек амбарного типа, которые, судя по анализу культурного слоя, могли использоваться под временное жилье.

Культурный слой всех изученных срубов нижнего горизонта представлен традиционными деревянными изделиями — частями бондарных конструкций, футлярами от печатей, колотушками-киями, лопаточками; железными изделиями — светцами, корабельными скобами, ножнами, сапожными подковами, коловоротами, шилом, стрелами; костяными изделиями — накладками от оленьей упряжи, рукоятками ножей, бусами; здесь были найдены фрагменты рисованных штофов, рыболовные снасти. Эти предметы, предназначенные на продажу, подтверждают предположение о складском характере этих построек.

Комплекс таможенного двора

Таможенная изба как торгово-административное учреждение играла значительную роль в хозяйственной жизни городского населения Руси. Со стороны государства она осуществляла финансовый контроль над всеми видами промысловой и торговой деятельности. В Сибири в ее ведение входили такие дела, которые в других районах выполняли учреждения хозяйственного типа. В Мангазее таможенная изба ведала снабжением города рыбой, дичью и мясом. С этой целью она нанимала артели, в задачу которых входила доставка весной и осенью куропаток, зайцев и «рыбьей кости» (юколы), а также рыбы (чирков, муксунов, осетров). Среди таможенных документов сохранились десятки книг о приеме добычи и улова. В Туруханске артель из 29 рыбаков выловила в 1652 г. 12950 муксунов, 340 осетров и доставила на продажу 18 пудов черной икры¹. Огромное количество рыбы, дичи и мяса заготавливалось для воевод и их семей, подьячих съезжей избы и таможи, стрельцов мангазейского гарнизона. Немалая доля улова шла на рынок. Таможня нанимала «вожей» (проводников) на дороге между Мангазеей и Туруханском, заведовала откупом и т. д.

Таможенные избы Сибири находились в кремле или остроге. В Илимском остроге, например, таможня находилась рядом со съезжей избой². В Мангазее таможня помещалась на посаде, в гуще посадских застроек. Это давало ей некоторое преимущество перед теми, которые находились в крепости, рядом со своенравными воеводами.

Поиски таможенной избы прошли два этапа. Первый связан с работой на комплексе А. Здесь, в средней части, был обнаружен сруб какой-то жилой постройки, лежащей в нижнем горизонте и датированной 1617 г. (спил 130). Постройка эта однокамерная, но внутри поделена на три части — в центре мощный коридор, а при выходе — небольшое крылечко. Однако размеры этого сруба внушали недоверие — знаменитая мангазейская таможня не могла помещаться в таком небольшом помещении.

При подготовке к экспедиции 1970 г. удалось познакомиться с текстом неоднократно упоминавшейся отписки Андрея Палицына, который указал расстояние между кремлем и таможней — 70 сажней, т. е. 149 м (см. табл. 2). Это и предредило вопрос о выборе места для раскопа.

А так как таможенная изба представлялась большим строением, в нижней части мангазейского посада был разбит большой раскоп 21 (36×27 м) для поисков таможни. В главе I дана подробная археологическая характеристика построек на раскопе 21, поэтому здесь следует лишь отметить, что на поиски здания таможни было затрачено почти три полевых сезона.

О существовании документального описания таможенного комплекса стало известно уже после окончания раскопок 1973 г., когда археологическое изучение городища завершилось. «В 7144 (1635)

году декабря в день, — читаем в документе о приеме таможни, — таможенные головы устюжанин Иван Филиппов Кокорин да тотмянин Петр Герасимов Брагин приняли у прежнего таможенного головы у Дмитрия Макеева свияжанина таможенную избы на подклете жилом, а против таможенной избы повалуша на амбаре... В таможенной избе нерукотворный Спасов образ пяднища на прозелени...»¹.

Следует отметить, что в Илимском остроге таможня была срублена в той же технике, описание ее сохранилось, и поэтому можно сравнить эти таможни. В описании строений Илимского острога 1652 г. о съезжей избе говорилось: «Таможенная изба. Против избы повалуша. Меж избой и повалушей сени. Под избой и повалушей и под сенями три амбара: государев казенный, новый амбар, да зеленой погреб. Строение прошлых годов»². Разница между таможнями Мангазеи и Илимского острога заключалась в том, что мангазейская повалуша стояла за пределами сеней.

В северной русской деревянной архитектуре известны постройки повалуш на амбарах и поэтому нетрудно представить себе мангазейскую повалушу и амбар, на котором она стояла. Исходя из общих сведений о повалушах и ее нижней части — амбаре — нелегко было догадаться, что на раскопе 21 стояло именно это сооружение. Когда шли раскопки, речи о повалуше еще не было. Пришлось затратить много усилий, чтобы представить себе, что же собой представляло то строение, основание которого было обнаружено в северо-восточном углу раскопа.

Таможенная изба оказалась небольшим квадратным зданием (квадраты ВГ-4,5) с печью в юго-восточном углу. Обратил на себя внимание замысел строителей таможни и амбара, сооруженного из частей коча. На амбаре стояла изба-повалуша. Складывалось впечатление, что постройка не только создавалась из корабельного материала, но и что ей хотели придать облик корабля, причем, повалуша изображала как бы каюту. В среде мореходов и корабелов, какими были поморы-мангазейцы, такая мысль вполне могла возникнуть.

И еще несколько наблюдений. Окрестные уличные лаги были срублены по-особому. Это лаги-колодцы. Такой колодец встретился на западной улице. Здесь стыковались уличные настилы, развернутые в двух направлениях — на запад, в сторону гостиного двора, и на юг, к берегу р. Таз (квадраты БВ-5,6). Следует отметить, что клетки-колодцы на мостовых — это особенность мангазейской строительной техники.

Вход в повалушу располагался с восточной стены амбара, на восточной вымостке. Вероятно, это была лестничная площадка с четырьмя вертикальными лазами, через которые заглублялись стояжки (квадраты ГД-6,7). Выглядело все это, опять же, как корабельная лестница. Вход в амбар отмечен колодой дверного проема. Внутренние лаги прямоугольного строения, сооруженного из килей, менялись по мере износа. Сохранились лаги 1625—1626 гг. (спил 211). Последний спил на лагах показывал, что они положены в 1648—1649 гг. (спил 200),

¹ М. И. Белов. Мангазея, с. 73—74.

¹ ЦГАДА, ф. 214, кн. 297, л. 2—10.

² Там же, кн. 306, л. 81.

¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 51, л. 100.

² Там же, кн. 306, л. 81.

перед тем как возводилась рубленая трехчастная постройка.

К сожалению, на раскопе не найдено частей деревянных конструкций, которые могли бы подсказать, как выглядела мангазейская повалуша. Не совсем понятно назначение маленького квадратного сруба, поставленного у юго-западного угла таможи (квадрат В-4). По размерам он мог быть лагой-колодцем или основанием башни, аналогичной часовой башне гостиного двора.

Нужно остановиться и на транспортных связях таможенной избы с остальными постройками посада. От нее можно было пройти или проехать на лошадях по мощеной мостовой. Конский навоз в изобилии встречается на многих ее участках. В северную часть гостиного двора вела улица № 2, а в центральную часть посада проходили по мощным улицам № 5 и 6.

Так как таможня являлась торгово-административным комплексом, ее культурный слой не сохранил определенных категорий вещей. Единственное, что отличало таможню от других административных учреждений — это предметы, перечисленные в акте передачи таможенной избы в декабре 1635 г. Среди них названы «фриз головашек окованный железом, железный контарь (обычно весом в два с половиной пуда — М. Б.), пять гирь тюремных железных и весу в них пуд, да безмен», семь собольих пятипалых трубок. В сундуке, окованном железом, лежала роспись таможенных дел и многочисленные таможенные списки. Среди списков «Книга Ерофея Павлова (Хабарова — М. Б.) Пясицкого зимовья», книги сборов пошлин с амбаров гостиного двора, выписки и среди них 80, «писанных на картах», явки и указания на то, что таможенные головы Иван Кокорин и Петр Брагин свидетельствовали: «перед прежними годами таможенных дел прибыло много»¹. В документах упомянуто, что в таможе к моменту передачи, находилось всего два подъячих и «что писать некому». Об этом упомянуто потому, что Андрей Палицын в 1632 г. увез с собой подъячих таможи².

Среди предметов, найденных в клетке и сенях съезжей избы, игральные кости, обработанный кусок бивня мамонта, узкая деревянная доска с надписью: «Мангазея», вероятно, висевшая над входом в таможню, хорошо сохранившиеся лыжи, футляры от печатей и даже деревянные детские игрушки. Таковы материалы, характеризующие собственно таможню.

Однако, в документах есть упоминание об амбарах таможенной избы, куда принимали жильцов и брали с них подворные деньги. Так, в 1631 г. в таможе стояли «Иван заказчик Прокофьев Казанец з братом, Шестой Казанец, а денег взято подворный четыре рубли и те деньги даны в мирские издержки»³.

В археологической характеристике раскопа упомянуты не совсем ясные в плане постройки, окружавшие с юга полукольцом центральный таможенный комплекс. В квадратах АБВГД-1, 2, 3 находи-

лись срубы, скорее амбарного, а не жилого типа.

Один из них срублен необычно — концы бревен забраны в пазы трех вертикально стоящих столбов, хотя на других углах бревна срублены в обло с остатком (квадрат АБ-4). Это постройка амбарного типа, поставленная в прибрежной части еще в 1619 г. В северо-западном углу также найдены остатки сруба. Рядом с ним стояла каменная печь, ооконтуренная печной оградой — указание на то, что это было жилое помещение.

Однако в таможенный комплекс входили не только жилые и складские строения. Важным объектом его являлся двор таможенного головы, упомянутый в документах. Таможенные головы Мангазеи назначались не воеводами или выборным путем, а приказами. В архиве Казанского приказа сохранились наказные памяти таможенным головам «из поморских устюжской четверти городов, которые были в сибирских городах кабацкими и таможенными головами»⁴. В Мангазею чаще всего назначались купцы из Устюга, Тотмы и Свиляги, в основном по два купца, с расчетом, чтобы один из них обслуживал город Мангазею, а другой — Туруханское зимовье. Но было и так, что таможенный голова работал в обоих пунктах, переезжая за 5—6 дней по окончании сбора пошлин из одного в другой.

О существовании мангазейского двора таможенных голов упомянуто дважды. Первый раз в 1629 г., когда таможенный голова Михаил Иванов Футин дал знать в съезжую избу о том, что на его дворе в рождественскую ночь был убит приглашенный им человек. Второй раз двор таможенного головы назван в 1634 г. и связан с именем Ивана Кокорина⁵. Но ни в одном из документов нет никакого упоминания о местоположении двора. Можно предполагать, что двор располагался где-то между гостиним двором и таможей, но где именно — неизвестно.

В прибрежной части посада между гостиним двором и таможей находилось не так много построек, чтобы затрудниться в выборе объекта, который мог быть таможенным двором. Внимание привлекли два сруба, обнаруженные поблизости от улицы № 1. В раскопе 22 (квадраты ВГ-2, 3) большая часть сруба попала на бровку и осталась неисследованной. Это однокамерная постройка, которая вряд ли могла быть жилищем важного таможенного чиновника. Больше подходил соседний двухкамерный сруб в нижнем горизонте, над которым в верхнем горизонте размещался трехкамерный сруб (квадраты АБВ-1—4). Двухкамерная постройка выглядела необычно: клеть разделена на четыре части, а в середине расположен мощный коридор, где была найдена шахматная доска со знаками на оборотной стороне.

В сенях остались фрагменты мощеного пола и лежали части бондарных изделий. Один из фрагментов особенно бросился в глаза — это часть бочки полутораметровой высоты. Поразило то, что на днищах бочек режущим инструментом были вырезаны рисунки кочей. Бесспорно, в этом срубе когда-

то жил богатый человек. Датирована постройка 1617 годом (спил 208). Через 11 лет в верхнем горизонте возникла новая постройка, в плане напоминающая раннюю. В ней оказалась обширная клеть одинакового размера с нижней. У южной стены клетки находилась печь в мощной деревянной обводке. В плане не совпадали лишь сени. В ранней постройке они были срублены в своеобразной технике: южные углы — в обло с остатком, а северные — столбы с пазами. При квадратной клетке сени имели прямоугольную форму и были несколько шире. Сени же строения верхнего горизонта имели наборные стены из мелких бревен, концы которых были вставлены в пазы вертикальных столбов, и имели форму трапеции. Пол в сенях вымощен отлично сохранившимися кочевыми сосновыми досками.

К сеням примыкала необыкновенная клеть: квадратная в плане она была выполнена из кочевых килей, положенных на ребро точно так же, как в амбаре таможенной избы, на котором стояла повалуша. Кили замкнуты в пазы других килей. Внутри сруба в беспорядке лежали деревянные конструкции. Над клетью зачищен почти развалившийся сруб.

По манере строительного исполнения трехкамерная постройка во многом напоминала таможенный комплекс и в чем-то его повторяла. Поэтому логично предположить, что на квадратном основании южной клетки, составленной из килей, стоял амбар, как в таможе, а на амбаре — повалуша. Совпадение плана и конструкции трехкамерной постройки из раскопа 22, датированной 1628 г. (спил 207) и строения из раскопа 21 дает основание считать, что это изба таможенного головы, где жили Михаил Футин и Иван Кокорин. Второй вывод заключается в следующем: нижняя двухкамерная постройка рубки 1617—1618 гг. тоже была домом таможенных чиновников, что в общем согласуется с анализом заключенного в нем культурного слоя. По соседству с берегом, куда подходили торговые караваны, где разгружались товары и откуда суда уходили на реку Обь, таможенный дозор и контроль были необходимы. Поэтому здесь и расположился двор таможенного головы, своеобразный второй таможенный центр. Не случайно, что по соседству с ним жили таможенные чиновники — ценовальники, подъячие и др.

Кстати следует заметить, что таможня не только предоставляла голове столь обширное по мангазейским понятиям помещение, но и оплачивала все расходы. В одном таможенном документе есть упоминание о расходах по таможе, и в числе их назван двор таможенного головы.

Обнаруженные в доме Футина предметы подтверждают высказанное мнение, что это была постройка торгово-административного типа. Здесь найдена и чернильница красивой формы, один из важнейших атрибутов деятельности таможенного чиновника, и футляры для печатей к проезжим грамотам, и рифленая линейка. Сохранилось также много бытовых предметов, характерных для богатого владельца — фрагменты рисованного штофа, изделия из бронзы, стрелка часов, шахматные фигуры, узорчатая тесьма, изящные ложки и миски, аккуратно

сшитые рукавицы, скребки для очистки мездры от кожи, копылы от нарт и лыжи и даже архитектурные украшения — баясины.

В документах дом Футина назван двором⁶. Следовательно, внутри дворовой ограды размещались и другие постройки. Сколько их было? При опросе людей в рождественскую ночь на дворе Футина названо, кроме его дома, еще две избы: Кобылкина изба, в которой жили Демка Серебряник с тремя жильцами, из них один жилец и повар Верига «варил ести на подворье», а Демка был «в заутрене». И «на том же дворе другая изба (выделено мною — М. Б.) — в ней Бориска Иванов, Пашка Чаша, Пашка Оникеев». Первые «варили ести», а последний был «у заутрени»⁷.

В письменном источнике речь идет не об амбарах и даже не об однокамерных срубах, а об избах. По мангазейским представлениям в каждой избе должны быть, по крайней мере, клеть и сени. Но подтверждают ли археологические материалы раскопа 22 данные письменных источников? Да, подтверждают, если вернуться к анализу соседних с домом Футина построек, обнаруженных в квадратах ВГ-1, 2 и ВГ-4, 5. На плане раскопа они показаны однокамерными срубами.

Но так ли было на самом деле? Сруб в квадратах ВГ-1, 2 не изучен полностью. Он прилежал к широкой бровке и ооконтурен по окладному венцу. Соседняя площадка не раскапывалась вообще, но вблизи нее в 1970 г. прошла широкая траншея, соединившая раскоп 21 и раскоп комплекс А. В траншее (квадраты ВГ-1, 2 раскопа 22) в верхнем горизонте замечена вымостка. С нее взят спил и определены даты 1629 и 1630 гг. (спил 186). Правда, ниже вымостки лежит более ранняя конструкция — три небольшого диаметра бревна, датированные 1601 г. (спил 185). Однако нижняя конструкция прямого отношения к делу не имеет, так как сейчас речь идет об однокамерной постройке верхнего горизонта, и о том, чем являлась для однокамерного сруба вымостка.

Бесспорно, в развернутом плане вымостка — это вымощенные сени. Дополнительное изучение показало, что в прибрежной части раскопа 22 (квадрат ВГ-1, 2) стояла двухкамерная изба с клетью и сенями.

Относительно постройки в квадратах ВГ-4, 5 можно сказать, что хотя на плане показана однокамерная постройка, но при зачистке обратили внимание на столб, находившийся к востоку от нее, свободно лежащее бревно и настил пола. Тогда они были приняты за уличную вымостку. Вероятнее же, что это тоже конструкция сеней с полом. Следовательно, это тоже двухкамерный сруб — изба. Итак, данные археологических раскопок подтверждают письменный источник — двор Михаила Футина состоял из трех изб — трехкамерного таможенного дома и двух двухкамерных изб, одна из которых названа Кобылкиной.

Характер последних определяется найденными в них предметами. В прибрежной части двора в двухкамерной избе найдены части детской кро-

¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 51, л. 100—107.

² ЦГАДА, ф. 141, стб. 40, л. 96.

³ ЦГАДА, ф. 141, стб. 40, л. 50.

⁴ ЦГАДА, ф. 141, оп. 141(2), стб. 2.

⁵ ЦГАДА, ф. 214, стб. 82, л. 170.

⁶ ЦГАДА, ф. 214, кн. 46, л. 431—435.

⁷ ЦГАДА, ф. 141, стб. 56, л. 5.

ватки, сермяжный кафтан, столярный инструмент (втулочное долото, деревянная ручка от сверла, пробой). В культурном слое избы в северной части двора обнаружены ножи, ключ, гвозди, точильные камни, обшивка из узорчатой бересты, каблук, керамика, рыболовные крючки, костяное приспособление для отбивки снега с сапог, часть деревянной рамы с остатками слюды.

Несколько удивило, что вблизи второго дома встретилась седельная лука. Трудно сказать, как она попала сюда, хотя, конечно, лошади в Мангазее были. Обнаруженный по соседству с избой на мощеной улице толстый слой конского навоза дает основание высказать предположение, что северная изба на дворе Футина не случайно носила название Кобылкиной избы. В ее культурном слое обнаружены также ковши, железный замок, половик из грубой ткани, стелька от сапог, металлический грузик, формочка из песчаника.

Содержание культурного слоя двух двухкамерных построек показывает, что в 1629 г. в них проживали ремесленники-промысловики. Ремесленники занимались рыболовством, может быть, портняжным делом. В северной избе жили оброчники — люди, главным занятием которых являлся извоз, следовательно, они держали лошадей.

Гостиный двор и таможенная изба по своей экономической значимости являлись ведущими комплексами Мангазеи. Естественно, им принадлежала большая часть строений на торговой стороне, главным образом амбаров разных типов — от частных, находившихся в собственности торговых людей, до государственных. По своей строительной планировке и, надо полагать, исполнению, а также необычности замысла, они выделялись из массы одноэтажных построек.

Двух- или трехэтажные сооружения с часовыми и смотровой башнями, высоко поднимавшиеся над кровлями медких жилых и складских строений, вместе с двухэтажным домом таможенного головы, резко доминировали над большинством городских построек. Под стать им были только некоторые соседние здания, известные нам лишь по названиям. Это торговая откупная баня (на северо-восточной окраине была еще одна торговая баня), двор влиятельного толмача Жука Борисова, игравшего важную роль во время местнического столкновения воевод, двор стрельца Ивана Тотьмы, заказчикова изба, горностайкова изба, зерновой двор с питейным домом — кабаком.

Прежде всего о торговой откупной бане. Андрей Палицын указывает, что она стояла в 60 саженьях от кремля. Действительно, к северу от двора Футина и к западу от Кобылкиной избы раскопано необычное в плане сооружение из трех клеток (раскоп 22, квадраты АБ-4, 5). В центральной продолговатой клетки прямо на земле стояла развалившаяся каменная печь, занимавшая $\frac{2}{3}$ помещения. С двух сторон к центральной клетке примыкали еще две клетки небольшого размера. Все три постройки образовывали как бы большое подворье, замкнутое в восточном направлении калиткой, при выходе из которой на мощеную улицу № 4 лежала куча березовых веников и деревянные черпаки. Вероятно, эта трехкамерная постройка и есть городская ман-

газейская баня с тремя отделениями. В одном из них помещался предбанник, в другом — игральные столы. Это предположение подтверждают материалы ночного опроса, в которых сказано, что рядом с двором Футина на большом подворье в рождественскую ночь заночевало 12 человек, из них «Петрушка Батеев, Петрушка Лошкин ночевали для зерни, в бани не ходили некуда». В документе речь шла о городской откупной бане и жилых с большим подворья, которые намеревались ночью и утром играть в зернь. С этой целью они заночевали вблизи бани. Играть в азартные игры по мангазейским законам можно было только в специально отведенных помещениях, в число которых входила и городская баня.

В рождественском опросе двор Ивана Тотьмы шел сразу за Кобылкиной избой и баней. Расположен он был, по данным Палицына, в 60 саженьях от кремля. Вероятно, это расчищенный в комплексе А сруб в квадрате 0—4,5.

Третьей названа изба Горностайки Семенова, которая стояла еще ближе к гостинному двору, недалеко от дома Михаила Футина. На раскопе комплекса А в нижнем горизонте найдено несколько бревен, побывавших в строительном деле (квадрат Н-3). Рядом с ними лежит настил пола. С севера постройка подходила к мощеной части продольной улицы № 1. Вероятно о ней и шла речь.

Но самым сложным оказался поиск двора Жука Борисова. Он мог быть на раскопе комплекс А по пути к гостинному двору. Но по соседству с гостинным двором оказалось три постройки — одна в квадрате ЛМ-3, 4, две других в виде развала бревен в квадратах МК-3, 4, 5. Первая постройка, о которой уже упоминалось в связи с первоначальными предположениями о таможене, имела узкий внутренний коридор, который делил ее на две части. Это строение можно принять за казенное здание, предназначенное для приема посетителей. Построено оно в 1617—1618 гг., т. е. в годы постройки гостинного двора (спилы 130, 131, 184). Это и есть заказчикова изба, под которой понимались специальные помещения, где происходило распределение заказов и где работал таможенный чиновник — заказчик. Есть упоминание о заказчике Иване Прокофьеве Казанце, который в 1633 г. вместе с братом жил на таможенном подворье, платя за жилье 4 рубля «подворных денег»¹.

Два других западных сруба, один из которых сохранился в форме развала бревен, по данным Палицына, находились еще ближе к гостинному двору. В 40 саженьях от кремля удалось обнаружить ограду этих помещений, следовательно, здания составляли единый двор, о котором упоминалось в ночном опросе — двор Жука Борисова.

Нижний горизонт построек комплекса А богат представлен находками разнообразных вещей, характеризующих как сами казенные постройки, так и поступающие на рынок изделия местного производства и привозные товары. Бесспорно, что части изделий из кости и мелкие предметы местного литейного производства. К числу местных можно отнести

также портняжные и сапожные изделия. Более многочисленны деревянные предметы: поплавки от сетей, берестяные грузила, деревянные каблучки, дно ларца, заготовки футляров для печатей, ложки.

Крупными заведениями в торговой части посада являлись часто упоминаемые в документах кабак и зерновой двор, а также вторая торговая баня. Съезжая изба сдавала их на откуп. Для ведения этих дел в Мангазее из Тобольска направлялся откупщик, который отчитывался прямо перед Тобольским воеводой. Судя по размерам пошлины, игра в зернь приобрела исключительно большие размеры. Так, в 1638 г. с игроков намечено было взять 60 рублей 16 алтын 1 деньгу. Тогда же с квасного и пивного годового откупа с откупщиков было взято 60 рублей 16 алтын¹.

Сохранилось дело о продаже вина и меда в Мангазее². Хотя оно датировано 1621 г., в нем изданы материалы и последующих лет. Основателем игорного и питейного двора был присланный из Тобольска торговый человек Никита Чаплин, отчет которого и занял большую часть дела.

После приезда в Мангазее Чаплин принял у воевод Погожева и Танеева «под кабацкие запасы новую избу и амбар». Кроме того, они передали Чаплину другую «избу с сенями для того, что в одной избе государевы кабацкие запасы и ему, Никите, со служилыми людьми жить и питухом государя питья пить за теснотой не мочно».

В зерновой и литейной избах, стоявших на одном дворе, жили кабатчики, зерновой откупщик и служилые люди. Из-за больших размеров избы сдавались в наем торговым людям на неделю, как это было сказано в одном таможенном документе³.

Отсюда видно, что питейный и зерновой дворы отнюдь не пустовали. Но где они находились? Заранее можно было сказать, что где-то в центре мангазейского поселения, вблизи внутренних городских магистралей. Поиски привели на раскоп 18, где была зачищена большая пятикамерная постройка в двух строительных горизонтах. С юго-западной части один из срубов огорожен, но сплошной оградой не сохранилось. Датирована постройка нижнего горизонта по спилу с окладного бревна 1624 годом (спил 138). Но так как в спиле — модели не хватало 110—130 центральных колец, то датировку можно считать не совсем точной. Надо полагать, что постройка появилась на городище раньше указанной даты.

Никите Чаплину было передано две избы и один сени, всего пять срубов. На раскопе 18 действительно обнаружено пять срубов и один сени. Культурный слой, заключенный в них, небогат — керамические изделия, шарнирные ножницы, железное кресло, костяные детали упряжки, бронзовая бляха, фрагменты тигля, «зеркальное стекло», бисер.

В верхнем горизонте вместо пяти срубов осталось три, причем верхняя постройка стояла на песчаном основании и оказалась совершенно пустой.

¹ ЦГАДА, ф. 214, кн. 66, л. 434 об.

² Там же, стб. 1665, л. 61—89.

Здесь излагается та часть дела, которая относится к вопросам топонимики городища.

³ Там же, стб. 665, л. 61—62.

Таким образом, необычность обнаруженных на раскопе 18 построек двора, совпадение конструкций нижнего горизонта с данными письменных источников, дает основание отождествить их со знаменитым мангазейским зерновым и питейным заведением.

Что касается клеток с печью из раскопа 18 (квадраты АБ-1, 2, 3), то они прямого отношения к мангазейским поселениям XVII в. не имели. Взятые с обнаруженного здесь сруба спилы датировали постройку 1806—1807 гг. (спил 139).

Итоги изучения поселений на торговой стороне

В характеристике застройки торговой части Мангазеи надо отметить следующее: 1. Изучение характера построек позволило определить их принадлежность к разряду торгово-административных, таких, как таможня, заказчикова изба и обслуживавших нужды торговли.

Такие постройки в XVI—XVII вв. были и в других северных русских городах, таких, как Холмогоры и Архангельск.

2. В городе жили ремесленники-промысловики, занимавшиеся извозом, ежегодной рыбной ловлей, охотой на дичь, сапожники, косторезы и даже литейщики, изготовлявшие главным образом предметы из олова. Это подтверждено находками керамических и каменных форм для литья, находками болванок олова. Однако литейное дело на торговой стороне практиковалось в ограниченных размерах и по существу являлось домашним ремеслом.

3. Привлечение письменных источников позволило высказать ряд предположений о структуре и облике торговых и административных комплексов и даже назвать хозяев тех или иных построек. Это относится прежде всего к гостинному двору, таможене и двору таможенного головы, ко дворам ремесленников-промысловиков, кабаку и торговой бане.

4. Значительная часть торговой стороны была застроена помещениями амбарного типа. Десятки амбаров гостинного двора и таможни занимали не менее трети всей территории торговой части.

5. В процессе идентификации удалось установить характер и форму построек. На городище выявлены три формы построек — двор, изба, амбар. В состав двора входило две или три избы в зависимости от целей и условий строительства.

Ремесленный комплекс в центральной части посада

По площади (12457 м² см. картосхему) ремесленная часть посада превосходила торговую. Соотношение торговой и ремесленной частей городища было 1:1,2. Изученность ремесленной части немного уступает почти сплошному археологическому исследованию торговой стороны. Раскопками 1968—1969 гг. не была затронута восточная сторона посада.

Вместе с тем выполненные к тому времени работы надо признать удачными. Они дали обильный материал не только для характеристики построек, но и позволили проследить зарождение и развитие мангазейского ремесла, изучить дифференциацию

предметов, предложенных на рынок, смену направлений ремесленного производства.

В центре оказались постройки большого и сложного двора-усадьбы на раскопе 8. Следует подчеркнуть, что на дворе в различные годы работали ремесленники широкого профиля. По существу, именно здесь разместились главные мастерские по изготовлению предметов быта, охотничьих и рыболовных снастей, орудий пушного промысла и других изделий, а позднее — плавильное дело.

В 1604—1614 гг., когда в южной части двора была срублена двухкамерная изба, к которой с севера примыкал хлев (спилы 120, 119, 124, 125), основатель мастерской занялся резьбой по дереву и кости. Спустя четверть века размеры двора увеличились за счет пристройки к центральному зданию северной и восточной клетей и двухкамерной избы. После пожара запросы местного рынка изменились и соответственно изменился профиль ремесел.

Наиболее насыщены предметами ремесла бывшие сени центральной постройки. Здесь обнаружено 238 деревянных и 369 костяных изделий. Ремесленники изготавливали деревянные шахматные фигуры и, очевидно, шахматные доски, которые были найдены на раскопах гостиницы двора и таможни, футляры для печатей, тысячами использовавшиеся таможней и съезжей избой. Обнаружены две заготовки гладких футляров.

В раскопах найдены фрагменты деревянных изделий, предназначенных для рынка: клепки от кадушек, пробки и клепки от бочек и шаек, фрагменты братинок, миски, ложки, днища прялок, лыжи, модели для вязания чулок, всевозможные лопаточки для ловушек на соболя, распылки для шкур, вальки, топорича, туеса, ларчики, рамы, картушки из коры, пеналы и десятки других неизвестных предметов. Для канцелярии изготавливались счетные палочки, для съезжей избы — деревянные шарики для киянок, для промышленников — деревянные стрелы, деревянные ключи, найденные также в гостинице двора, деревянные долота, весла, поплавки. Сапожники могли купить сапожные колодки. Нельзя забывать, что материал, обнаруженный на раскопе — это лишь малая доля вырабатывавшейся продукции — то, что осталось в качестве образцов, в виде заготовок и, наконец, как брак.

Второе место по количеству представленных в коллекции вещей — изделия из кости. Косторезное ремесло базировалось на местном и привозном материале. В Мангазее доставлялись мамонтовые бивни и моржовые клыки. Находка мамонта в Березове указывает, откуда вывозилась мамонтовая кость в Мангазее. Березов являлся одним из главных опорных пунктов на Мангазейском морском пути. Что касается моржовых клыков, то этот материал завозился из русского поморья, где издавна процветало косторезное ремесло¹. Так что костяных материалов в Мангазее было достаточно.

На продажу шли красивые и разнообразные гребешки и гребни, весьма напоминающие по форме

гребни из косторезной мастерской Холмогор¹. Здесь же найдены наконечники стрел, детали оленьей упряжи сугубо мангазейского производства. Следует отметить детали костяных шахматных фигурок, лопаточек из бивня мамонта, пластину от седла, иглы для вязания сетей, которые довольно часто встречались на раскопах в торговой части, рукоятки ножей, и, наконец, куски бивня мамонта и моржовых клыков.

В 40-е годы в центральной дворце-усадьбе происходит кардинальная перестройка ремесленного производства — вместо косторезного и деревянного ремесла утверждается плавильное дело. В трех клетях и пристройке центральной усадьбы приступили к работе плавильные печи (горизонт III).

Законно поставить вопрос, на каком материале работали мангазейские плавильные печи, возникшие в 40-е годы XVII в. Анализ предметов плавления, обнаруженных на раскопе 8, показал, что они — норильского происхождения (акт экспертизы лаборатории объединения Севморгео, приложение № 4). Анализ лабораторной экспертизы провел открыватель норильских руд Н. Н. Урванцев. Надо полагать, что на р. Таз завозилось лишь небольшое количество норильской руды, известной еще издавна аборигенному населению.

Как раз в эти годы участились торгово-промышленные и служилые походы в район Таймыра². В то же время происходил упадок Мангазейского морского хода и, следовательно, резко сокращалось поступление цветных металлов извне³. Другого объяснения поступления плавильных материалов в Мангазее найти трудно (о возникновении медеплавения см. главу 5).

На раскопе 9, за оградой двора-усадьбы, располагалась еще одно здание — плавильная мастерская (квадраты ГД-1, 2). Так как строительной связи между двором-усадьбой и этой мастерской не обнаружено, наоборот, между ними найдены остатки мощной ограды, есть основание отнести мастерскую к раскопу 9.

Стратиграфически она расположена на более высокой площадке, чем в том же раскопе (квадраты А, Г, В-1, 2) трехкамерная постройка, датированная 1626—1628 гг. (спилы 37, 146, 36).

В отличие от верхней постройки, культурный слой нижних срубов трехчастной избы состоит из традиционных предметов мангазейского ремесленного производства. Это набор поплавок, топор,

¹ О. В. Овсянников. Заметки о северных косторезах. «Сов. этнография», 1969, № 4, с. 114—122.

² В 30-е годы XVII в. мангазейцы во время поисков новых, более близких путей с Енисеем на р. Хатангу, открыли новый маршрут по р. Дудинке, по ней в большое Пясинское Тидирское озеро (М. И. Белов, Ерофей Хабаров в Мангазее и на Таймыре. Летопись Севера, VII, М., 1975, с. 110). Первые сведения о Норильских горах, р. Норильке и Норильском озере находим на чертеже XVII в., включенном в «Хорографическую книгу» С. У. Ремезова (The Atlas of Siberia..., р. 119).

³ Вообще XVII в. не ознаменовался удачами в медеплавильном деле. Одно время медь добывали в Олонце, а затем пытались наладить медное дело на Урале и даже в Сибири, но, проработав несколько лет, медные промыслы прекратили свое существование (Крепостная мануфактура в России, ч. II. Олонские железные и медные заводы, М.—Л., 1930). Медно-бронзовые изделия Русь ввозила из-за границы.

нож, ножницы, фрагменты железного сверла, заготовка костяной лопаточки, выполненной из мамонтовой кости, костяные петли для упряжки. Эти предметы свидетельствуют, что ремесленник изготовлял рыболовные снасти и занимался косторезным делом, которое позднее он сменил на литейное ремесло, возникшее, надо полагать, не ранее послепожарных годов.

К северо-востоку от двора-усадьбы размещалась еще одна ремесленная постройка центрального комплекса посада (раскоп 10). Стратиграфически она не имела никакой связи не только с соседним раскопом 9, но и с двором-усадьбой (раскоп 8). В центре на мощном полу располагались остатки кузнечного горна, деревянный фундамент, на котором стоял сам горн, вымощенный на подходе к нему, а также столб и маленькие столбики для укрепления кузнечных мехов (квадраты БВ-4,5). Среди металлических изделий обнаружены фрагменты сковородки, подковка с отверстием в центре, ножницы, деталь замка. На полу найдены подделки из кости. Среди них — компасы-матки, маленькие гребешки.

Таким образом, на главном ремесленном комплексе в центре посада располагалось производство разнообразных ремесленных изделий. Отдельно следует отметить плавильное производство. В районе печей найдено свыше 20 тиглей, закомпонованных во внутренние части каменных кладок. Здесь найдены каменные формочки для фигурного литья.

У подножия возвышенности, где помещались плавильные мастерские, на раскопах 15 и 23 были зачищены постройки ремесленного характера. Они разместились на дальних подступах к центральному плавильному центру. На правом берегу р. Осетровки, под дерном, в суглинистой почве лежали остатки деревянных строительных конструкций, характер которых несмотря на все усилия, не удалось определить. В квадратах БВ-1, 2, 3 как будто была развернута клеть, под окладным венцом которой обнаружены три значительных валуна. В северо-западном углу стояла печь, к ней примыкала половая вымостка. От северо-западного угла на север шла ограда из двух прясел. Вероятно, это остатки сеней. Сени примыкали к юго-западному углу другой клетки, от которой не сохранилось ничего, кроме нижнего бревна, перерубленного с другим в обло с остатком. По всему видно, что когда-то здесь в верхнем строительном горизонте стояла трехкамерная постройка производственного характера.

Все деревянные конструкции были забросаны камнями и засыпаны гарью. К северу от сеней обнаружена значительная каменная кладка. По предположениям, найденная на раскопе 15 постройка — городская кузница, хотя полной уверенности в этом нет. Во всяком случае, она оказалась на крайнем выступе большой полосы построек производственного типа (с плавильными печами), развернутыми на север вдоль речки Мангазейки. Эта полоса шла до построек на раскопе 24.

Еще одна постройка ремесленного типа была обнаружена на раскопе 23. Здесь, на восточной границе торговой части посада, закономерно было искать постройки торгово-административного плана. Но все ожидания были опровергнуты, когда был

снят верхний дерновый слой. Большая часть раскопа не имела почти никаких следов деревянных сооружений. Кое-где попадались столбы, но строительных конструкций не было. Найдены кусочки шлака, топор и светло-синие бусины. В западной, более возвышенной части обнаружена постройка, внутри которой стоял столб, датированный 1590 г. (спил 159). Дальше от берега зачищены разобщенные деревянные конструкции и столбы, а за ними — однокамерное здание, занимавшее два горизонта. И хотя дата сруба 1621 г. (спил 227), его возникновение следует отнести к более раннему периоду, потому что стратиграфически нижний сруб относится к началу застройки города. Однокамерная постройка верхнего горизонта рубилась в 1628—1629 гг. Она была обнесена оградой и являлась жилым помещением.

По составу находившихся там предметов ее следует отнести к числу жилищ ремесленников. Найдены многочисленные керамические изделия: миски, чугунки, сковородки, горшки, а также предметы ремесла — ножи, топоры, судовые скобы, вязанные рукавицы, каблучки, туесок, деревянные лопатки, отлично выполненный амбарный замок и т. п. Семья ремесленника занималась рыболовством и выделкой кож. Это можно заключить из находок дощечки для обработки шкур, челнока для вязания сетей, рыболовной блесны (рис. 20), деревянных поплавок,

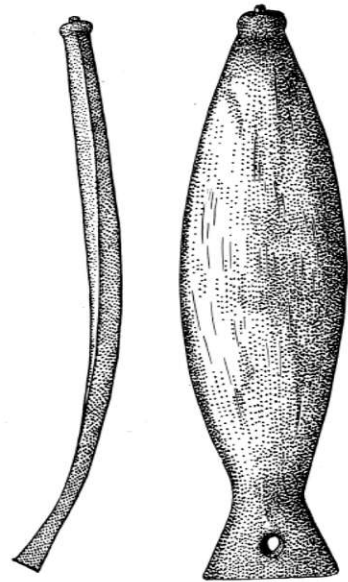

Рис. 20. Рыболовная медная блесна.

ков, один из которых имеет буквенное обозначение. Ремесленник занимался и домашним литьем. На это указывают находки глиняного тигля, куса свинцовой болванки, шлака и, наконец, красного камня. Анализ камня показал, что он мог быть использован в плавильном производстве и скорее всего является отходом процесса плавления. Занимался хозяин дома и косторезным делом. Кроме костяного гарпуна, детали оленьей упряжки, втулки и пластинок при раскопах обнаружена заготовка гребня. В доме имела стеклянная, деревянная и берестяная посуда — найдены фрагменты штофа,

¹ М. Рехаев. Холмогорская резьба по кости. Архангельск, 1949, 91 с.

изделия из синего стекла и искусно сделанное деревянное блюдо.

Сравнивая эту постройку с аналогичными, расположенными в верхней прибрежной полосе торговой части, следует подчеркнуть территориальную дифференциацию ремесленного производства. В верхней части посада наиболее распространены были — извоз, портняжное и обувное ремесло, тогда как в нижней — литейное и косторезное дело, ставшие ведущими в ремесленной части мангазейского посада.

Жилые, административные и культовые постройки на западной окраине посада

Своеобразная постройка на посаде, известная как воеводский двор Андрея Палицына, обнаружена в северо-восточной части городища, в березовой роще (раскоп 19). Вывел археологов на нее сам Палицын, определивший расстояние между своим двором и восточной стеной крепости. Воеводский двор на посаде ничем существенным не отличался от воеводского двора в кремле. В усадьбе господствовали те же порядки, тот же уклад жизни.

Воеводский двор Палицына точь-в-точь повторял в плане ранний мангазейский двор. В состав комплекса воеводских построек входило 5 клеток, симметрично расположенных по обе стороны широкого мощеного двора, развернутого по оси восток — запад. Позади построек находилась пятая клетка, которая, как и на кремлевском воеводском дворе, замыкала весь ансамбль, и, очевидно, являлась, также воеводской поварней. Весь комплекс построек был обнесен круговой оградой, игравшей не менее важную роль в обороне объекта, чем ранняя ограда кремлевского воеводского комплекса.

Требуется специального изучения заявление Палицына, что его двор отличался от кремлевского. Он назвал его «смоленским двором». Однако в сохранившихся нижних венцах постройки не удалось обнаружить каких-либо особенностей, отличающих его от русского воеводского двора и говоривших бы о его польском происхождении. Хотя несколько необычным было обнаружение внутридворовых навесных галерей.

Выбор Палицыным места для постройки двора объясняется тем, что в случае выпышки вражды с Кокоревым и захвата им главных городских коммуникаций, он оказался бы хозяином на посаде. Двор был расположен позади амбаров гостинного двора, на скрещении путей, ведущих к культовой постройке посада — Успенской церкви — и таможене, контролем над которыми воевода особенно дорожил.

Двор Палицына просуществовал недолго. Как показывают спилы с окладных венцов, он был заложен в 1629 г. (спил 180) и достраивался в 1637—1638 гг. (спил 179). Это видно также из стратиграфических наблюдений. Постройки обнаружены сразу же под вpletенными в дерн корневищами березы — на глубине не более 50 см. Культурный слой не очень богатый. Здесь найден серебряный мужской перстень без камня, топор, костяной гребешок, детали нартной упряжи.

Западная окраина мангазейского посада была застроена культовыми постройками. Это прежде всего двор сибирского и тобольского архиепископа Макария, о котором говорилось выше, управляемый приказчиком. В 30-е годы им был сын боярский Михаил Калинин. Об этой важной для города постройке в документах упоминалось редко и вскользь. Во время вооруженного столкновения воевод двор был упомянут в отписке А. Палицына потому, что в нем «засел...» (Кокорев — М. Б.) и учал стрелять по посаду»¹.

Роль архиепископского двора в жизни Мангазеи не совсем понятна: являлся ли он управленческим учреждением для трех мангазейских храмов или ограничивался сбором пожертвований с богомольцев.

Остатки двора были обнаружены на городище случайно, при осмотре пустыря. Тогда обратил на себя внимание ряд слегка задернованных столбов, датированных 1580 г. (спил 174). Здесь и был разбит раскоп 20. Столбы оказались частями древней ограды, стоявшей у здания XVI в., очевидно, скита. Судя по находкам в нижних слоях двух правых темных половин человеческих черепов, здесь находилось небольшое кладбище.

Находки на раскопе также необычны: склад сердоликов, белые бусы, доска с крестом, жернов из песчаника, берестяные тарелочки, разбросанные вокруг жернова, конусная палочка с делениями. Здание построено в плане посадских ремесленных сооружений. Дом состоял из 6 срубов, развернутых по двум осям — юг — север и восток — запад, которые образовывали крестообразное в плане сооружение, вытянутое в сторону крепости, судя по нескольким одиночным окладным бревнам. Следует заметить, что двор архиепископа оказался в центре — на близком расстоянии от храмов. Двор появился в 1601 г. (спилы 175, 177) — раннее мангазейских церквей.

При осмотре городища обратил на себя внимание сруб к северу от Успенской башни, части которого просматривались в разрывах дерна. Теперь, когда на раскопе 5, расположенном в районе показавшегося сруба, найдены руины храма Успения, стоит припомнить, что вначале никто не мог предполагать, что одна из важнейших культовых построек находится за пределами не только крепости, но и посада, по существу в тундре. Причиной такого решения, вероятно, было желание разместить вокруг этого храма мангазейский некрополь.

Церковь Успения занимала особое положение в Мангазее. Она являлась религиозным центром посада, средоточием формирующейся мирской общины. В церкви находился мирской староста, хранилась мирская казна и собирались общинные сходы².

До нас дошел не первый сруб церкви Успения, датированный 1626 г. (спилы 21, 21а). Дата подтверждена письменным источником: в отписке сибирского архиепископа Макария есть упоминание о том, что в 1626 г. храм Успения был построен

¹ ЦГАДА, ф. 141, стб. 40, л. 2 об.

² С. В. Бахрушин. Андрей Федорович Палицын. Научные труды, т. III, ч. I, с. 182, 316, 384.

инь»¹. Однако старая постройка, которая сгнила, совсем не исчезла — от внутренних конструкций сохранились лаги, подложенные под пол северной клетки. Одна из лаг датирована 1613 г. Однако назначенную дату вряд ли можно принять за год постройки раннего сруба: за тринадцать лет деревянная постройка не могла так сильно разрушиться, чтобы ее пришлось перестраивать. Можно предположить, что первый Успенский храм появился между 1603 и 1606 гг. Во всяком случае в 1607 г., когда строились городовые укрепления, одна из угловых башен получила название по имени церкви.

Теперь стало известно имя строителя церкви. Это был ярославский посадский человек Аникий Иванов Скрыпин. На деньги его и других торговых людей был возведен Успенский храм, что подтвердил воевода Игнатий Корсаков в своей отписке от 1652 г. о состоянии мангазейских церквей².

В документах до 1652 г. имя Аникия Скрыпина встречается не раз. Так, в 1634 г., спустя 8 лет после постройки церкви Успения, Аникий собирался ехать из Туруханского в Хантайское зимовье в качестве выборного целовальника, но был по навету торгового человека Афанасия Емельянова задержан. Доносчик сообщил воеводе Григорию Орлову, что Аникий Иванов Скрыпин, ярославский посадский человек, освобожден «от мирских служб»³ и не может исполнять роль целовальника.

По плану нижних частей храма видно, что церковный алтарь имел полусферическую форму. Сохранились бревна и разброс досок от придела и крыльца, юго-западная часть была занята глинобитной нечью. В документах есть упоминание о некоторых конструктивных особенностях церкви Успения, о ее плане. Из документов узнаем, что в церкви имелся придел Иоанна Предтечи. «Храм Успения — стены и потолок погнили, обломались, подперты многими подпоры. И престол и антимис и жертвенник в храму... И сверху земля на жертвенник (возвышенное место в алтаре — М. Б.) и престол (стол в алтаре перед царскими вратами — М. Б.) сыплется и подпоры потолочные все (виды) выпадают. Сверху кап беспристани бывает»⁴.

Храм Успения представлял собой просторную шатровую церковь с четырьмя делениями — приходом, двумя служебными помещениями и алтарем. И хотя она уступала по красоте и объему Троицкому собору, выглядела все же привлекательно и величественно (прилож. XXIX Реконструкция)⁵.

Построенная в 1626 г. она больше не возобновлялась. У города не нашлось, очевидно, средств на строительство, хотя в 1652 г. в решении Сибирского приказа и было сказано, что (в том числе и Успен-

скую церковь) «строить мирским сборы деньгами, как будет в приходе»¹.

Между храмом Успения и Успенской башней кремля, возможно, располагался некрополь.

На раскопе не было найдено сколько-нибудь ценных и важных находок. Это главным образом светло-синие бусы (фрагменты). Однако известны иконы внутренних помещений церкви Успения. По списку мангазейских икон, доставленных в Туруханск в 1680 г., за храмом Успения значилось всего два образа: один из них Успения с 27 золочеными венцами и 11 серебряными крестами и с золотым червонцем «на медной проволоки»².

В конце 20-х годов на западной окраине посада была возведена третья по счету церковь, названная в честь царя Михаила Федоровича церковью поморских чудотворцев — Михаила Маленина и Макария Желтоводского. Согласно дендрохронологическому анализу спилов с окладных бревен церкви (спилы 31, 33 а, 25), храм заложен в 1627—1628 гг. Во всяком случае к приезду воевод Григория Кокорева и Андрея Палицына, что произошло летом 1629 г., храм уже существовал. В дальнейшем он не раз упоминался как новый храм вблизи крепости.

Не вполне понятен смысл создания церкви по дороге из кремля на посад. Храм считался холодным, хотя позднее в нем появилась каменная печь, обнаруженная на раскопе (раскоп 14, квадрат А1А2—3, 4). О самой церкви в документах сохранились краткие сообщения. Например, Палицын писал в доносе на Кокорева, что он установил в церковных помещениях пищади, прорубив бойницы в стенах. Пищади затащили в маковницы³. Упоминается храм и в цитированной выше челобитной жителей города 1652 г. «На посаде, — говорилось в ней, — две церкви Успения пресвятой богородицы, а другой холодный храм Макария Желтоводского»⁴.

На раскопе 14 обнаружена трехчастная постройка. Церковь, вероятно, была срублена в обычной для того времени архитектурной манере — шатровой. В центре поднимался высокий шатер, как в церквях Успения и Троицы. Стены рубились уступами, что достигалось путем четырех перерубов основного центрального бревна. В отличие от двух других церквей Мангазеи, храм Макария Желтоводского был развернут строго с запада на восток. Рядом с алтарем находилась трапезная и жилые помещения для служителей культа.

Самое пространное известие о церкви и ее окружении имеется в отписке Андрея Палицына: «Новый храм, что за городом, у ворот, а церкви и в трапезе и под церковью бойницы испросек»⁵.

Анализ культурного слоя подтверждает, что в северо-западной части раскопа 14 находилась культовая постройка. Там найдены бронзовая храмовая тарелка для сбора церковных денег, бронзовые лампа, крышка от сосуда, крестик, одекуй, части кадила, фрагмент росписного штофа.

Итак, западные окраины Мангазеи, передняя часть посада были застроены зданиями культового

¹ В. А. Александров. Русское население Сибири XVII — начало XVIII в. М., 1964, с. 62.

² ЦГАДА, ф. 214, стб. 408, л. 356.

³ Там же, л. 482.

⁴ Там же. Челобитная жителей от 1626 г.

⁵ Реконструкция церкви Успения выполнена на основании: 1) рисунка, воспроизведенного на «Чертеже земли Туруханской» из «Чертежной книги» С. Я. Ремезова 1701 г., приложенном к Росписному списку Мангазеи от 1625 г.; 2) археологического плана церкви; 3) документальных сведений об интерьере храма.

¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 408, л. 357.

² Там же, стб. 708, л. 122 об.

³ ЦГАДА, ф. 141, стб. 46(1), л. 185.

⁴ ЦГАДА, ф. 214, стб. 408, л. 365 об.

⁵ ЦГАДА, ф. 141, стб. 79, л. 135.

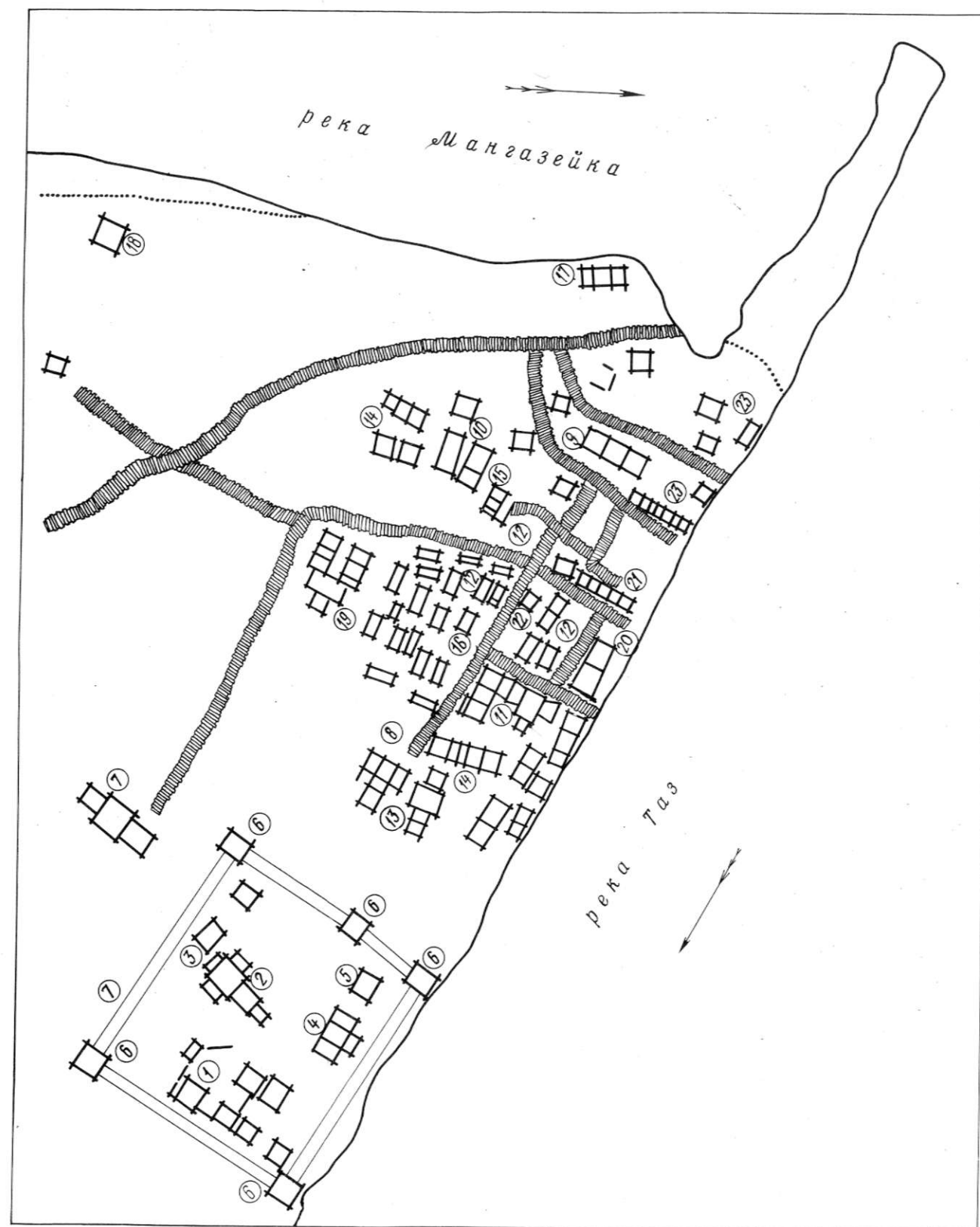

Рис. 21. Картограмма третьего этапа истории городища (1607—1629 гг.).
1 — воеводский двор 1617 г.; 2 — Троицкий собор; 3 — ограда; 4 — каменная изба 1617 г.; 5 — терем; 6 — башня 1607 г.; 7 — городище 1607 г.; 8 — архиепископский двор; 9 — таможня; 10 — двор Абрамимов (1625—1630 гг.); 11 — таинный двор; 12 — часовня; 13 — часовня; 14 — дом служителей культа; 15 — питейное заведение (каба); 16 — жилые дома ремесленников; 17 — жилища; 18 — жилища; 19 — жилища; 20 — казачья изба; 21 — двор таможенного головы; 22 — городская баня; 23 — жилые и ремесленные постройки.

назначения. Это несколько отличало мангазейское городище от таких, как тобольское, тюменское и березовское, где, кроме кремлей, храмы располагались по всей площади или сосредотачивались в тесных границах крепости. Мангазейский кремль был настолько мал, что смог вместить всего лишь одну соборную церковь. Когда позднее возник вопрос о строительстве в кремле часовни Василия Мангазейского, то пришлось ее разместить на пустыре, недалеко от восточной стены кремля, хотя в течение нескольких лет мощи этого святого находились внутри навесной постройки перед входом в Троицкий собор. В 1628 г. на пустыре перед Спасскими воротами расположился храм Михаила Маленна и Макария Желтоводского (рис. 21).

Так образовалось как бы полукольцо церковных зданий, охватившее крепость со стороны посада, в то же время отделившего кремль от городских посадских построек. Сказать трудно, было ли это случайностью или строители культовых построек

вкладывали в их создание определенный смысл. Но то, что церковные здания находились именно на пустыре раньше всего показали археологические раскопки. Здесь в районе церкви Михаила Маленна был найден культовый объект, датированный 80-ми годами XVI в. Именно на месте этой почти исчезнувшей постройки в 1601 г., в самом начале строительства города, появился двор тобольского архиепископа Макария. В 1603 г. в восточной части пустыря за острожной стеной был возведен храм Успения и здесь же располагалось городское кладбище.

И, наконец, рядом с храмом Михаила Маленна в 1628—1629 гг. строители возвели хоромы для служителей церкви. Отмечено лишь одно нарушение церковной традиции застройки пустыря. Это постройка в 1629 г. воеводского двора Андрея Палицына, впрочем, вскоре разрушившаяся. Передняя часть посада осталась за церковью.

ГЛАВА 5

НА ПУТИ К ЗАШТАТНОМУ ГОРОДУ

История раннего сибирского градостроительства богата примерами быстрого подъема и крутого падения городов. И это вполне естественно, потому что процессы градостроительства протекали в период географических открытий и первоначального освоения новых территорий. Мангазея пережила этапы начального строительства и подъема необычайно бурно. Не менее бурно развивалась и вся ее дальнейшая история, отмеченная восстановлением разрушенного, затем новым уничтожением целого района застройки пожаром и новым восстановлением, вплоть до оставления городища жителями.

В настоящей главе рассмотрены особенности и характер трех последних этапов жизни мангазейского поселения.

Четвертый этап истории городища (1630—1642)

Это было время создания новых построек амбарного типа на торговой стороне и расширения строений в ремесленной части посада. Благодаря деятельности постоянного населения города (служилых людей, оброчников и посадских), в сравнительно короткий срок удалось ликвидировать разрушения по всему посаду, произведенные в 1630—1631 гг., и укрепить подорванные позиции в области торговли и лесных промыслов.

К 40-м годам доходы Мангазеи достигли прежнего высокого уровня и ее жители приступили к строительству новых зданий (рис. 22). Высокий уровень доходов Мангазеи подтверждают данные таможенных сборов десятого соболя. Десятинная казна Мангазеи составляла:¹

1630 г.	1984	сороков соболей
1633 г.	1189	" "
1634 г.	1310	" "
1635 г.	1527	" "
1637 г.	1189	" "

Мангазейские торговые, промышленные и гулящие люди добывали в лесотундре и тайге ежегодно около полумиллиона сороков соболей. В Мангазею по морю прибывало с Руси много торговых и про-

мышленных людей. В 1630 г. прибыл 441 человек, в 1633 г. — 384 человека, в 1634 г. — 238 человек¹.

В 1630 г. таможня-зарегистрировала возвращение в Мангазею с пушных лесных промыслов 928 человек, а в 1634 г. — 982 человека².

Восстановление гостинных и складских помещений

После 1631 г. Мангазея жила без гостинного двора, совершенно разрушенного в ходе вооруженной борьбы воевод, причем из документов не видно, чтобы в течение последующих 20 лет серьезно ставился вопрос о его восстановлении. Наоборот, сразу же после прекращения воеводской смуты наблюдалось интенсивное строительство гостинных и складских помещений — амбаров. Раскопки и дендрохронологический анализ позволили установить, что подобные постройки создавались в основном в 1637—1638 гг.

К востоку от гостинного двора в верхнем строительном горизонте отмечено семь однокамерных срубов (квадраты АБВГДЕ-1, 2; А₁АБВГД-2, 3, 4). Анализ культурного слоя подтвердил их складской характер. Из 331 предмета, обнаруженного в раскопе 14, следует отметить игральные кости, комплекты шахматных фигур, наконечники стрел, детские игрушки, одекуй. Некоторые вещи — горшки, миски, кувшины, туеса, мутовки, корыта, лыжи, полозья от нарт, копылы и гребни, подтверждают вывод о том, что амбары использовались для сезонного поселения.

К востоку от разрушенного гостинного двора в квадратах ИК-4, 5 (комплекс А) и АБВГД-7, 8 (раскоп 22) найдены три здания амбарного типа, срубленные в 1637—1638 гг. Возможно, что к северу от бывшего гостинного двора в эти же годы было возведено еще около десяти подобных построек. Общее число амбаров в 30-х годах, вероятно, было 26, что приближалось к цифре, названной Иваном Обобуровым.

Обратило на себя внимание некоторое новшество в строительстве амбаров этого времени. Они стали обширнее. Например, в раскопе 22 новый амбар,

¹ ЦГАДА, ф. 214: по 1630 г. — стб. 55, л. 89; кн. 45, л. 195; по 1636—1637 гг. — стб. 650, л. 9; стб. 51, л. 16; по 1633 г. — стб. 51, л. 16; по 1634 г. — кн. 82, л. 213; по 1635 г. — стб. 51, л. 68.

² ЦГАДА, ф. 214: по 1630 г. — кн. 75, л. 191; по 1634 г. — кн. 75, л. 219 об.

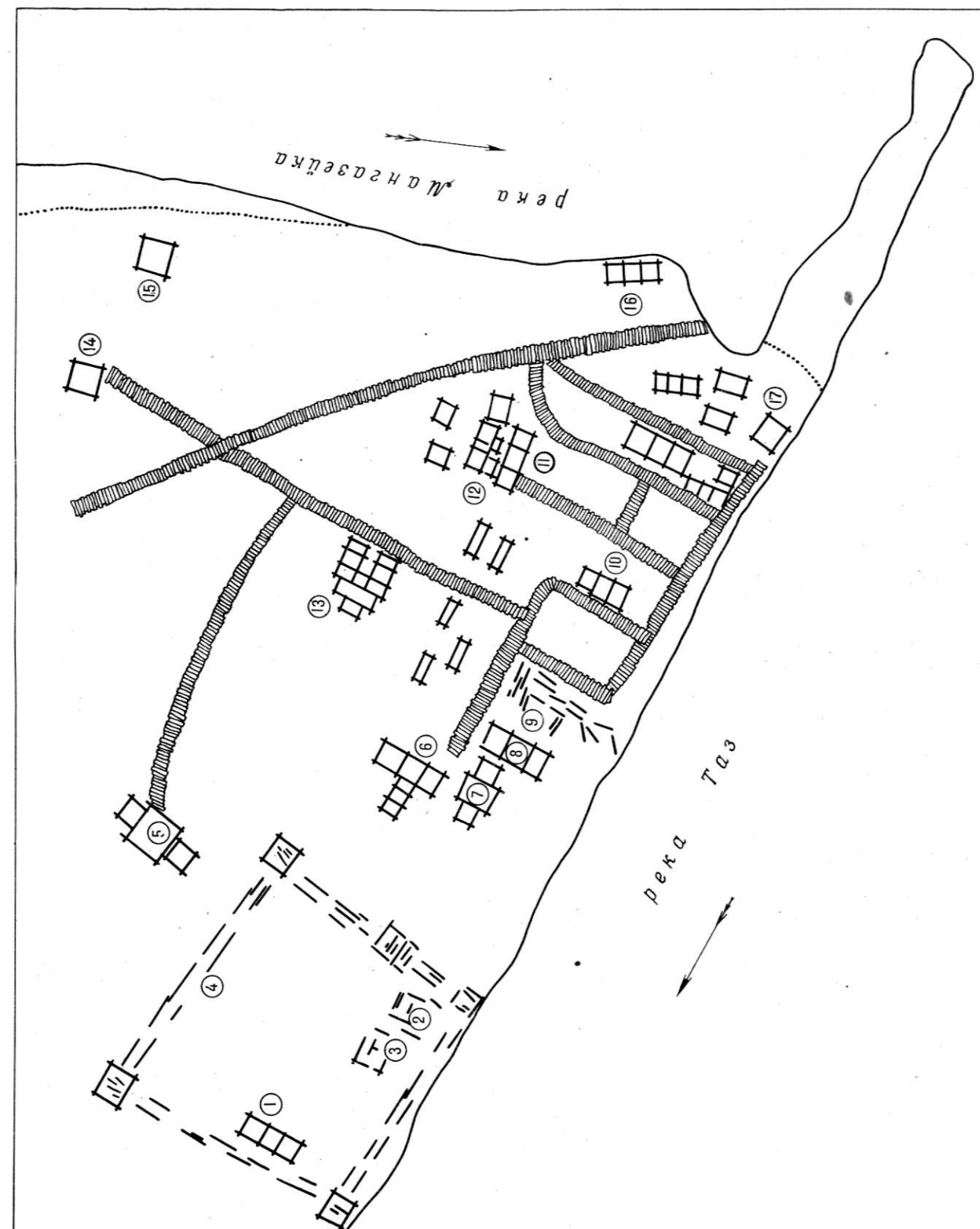

Рис. 22. Картограмма четвертого этапа истории городища (1630—1642 гг.).

1 — воеводский двор; 2 — торговля; 3 — складская изба; 4 — кремлевские укрепления; 5 — Успенская церковь; 6 — архангельский двор; 7 — церковь Михаила Малеина; 8 — дом служивого; 9 — дом служивого; 10 — дом служивого; 11 — таможня; 12 — таможня; 13 — двор воеводы; 14 — таможня; 15 — таможня; 16 — таможня; 17 — таможня.

поставленный на месте старого, был спланирован иначе, чем ранний. Он развернут по оси запад — восток, тогда как амбар 20-х годов развернут с юга на север.

В новом амбаре три части, он срублен в обло с остатком, по углам установлены столбы. У южной стены восточной клетки — конструкция крылечка, а у северной — ограды. Обратила на себя внимание разница в содержании культурных слоев ранних и поздних построек. Поздние постройки забиты строительной щепой, в нижнем же горизонте встретились интересные вещи — кокура от коча, мощный якорный канат, завязанный двумя морскими узлами, большой водоотливный черпак, тисненая береста, изделия из кости, фрагмент лука, звено от корабельной цепи. Вероятно, в амбаре хранились судовые части.

Амбары на раскопе комплекс А соединены наборной оградой — бревна вставлены заостренными концами в пазы вертикально стоящих столбов.

За пользование амбарами гостинного двора таможенные власти установили плату. Это видно из книги сборов. «С государевых амбаров, — читаем там, — и с амбаров же торговых и промышленных людей, которые амбары стоят на государевом гостинном дворе»¹ взимался налог. За этим сообщением шло еще более важное: оказывается после 1644 г. право на постройку амбаров получили не только промышленные и торговые люди, но и «служилые люди (стрелыцы — М. Б.), ружники (служители церкви — М. Б.) и всякие мангазейские жилецкие (посадские и оброчные — М. Б.) люди»². Строительство амбаров стало всеобщим явлением.

Расширение таможенного комплекса

Значительные изменения произошли в эти годы и в районе таможенной избы. Прежде всего следует отметить создание большой вымостки, расположенной вдоль северного фасада повалуши. Срубленная из кочевых килей и судовой обшивки, она соединила три новые постройки в квадратах А-7, 8, ГД-8, 9, Е-7, 8. Датированы они 30-и годами. Самая западная — однокамерная клеть без печи. Клеть к северу от вымостки, расположенная напротив амбара с повалушей, была жилой. В ней жил ремесленник, не лишенный художественного вкуса и таланта. Среди находок вырезанный на коре дерева силуэт осетра, причем рисунок выполнен одним движением режущего инструмента. Рядом лежали эмалевые краски. Эта однокамерная клеть появилась в составе таможни в 1634—1635 гг. (спил 212).

Третье здание было развернуто в восточном конце мостовой, за пределами узкой улицы № 6. Оно построено в 1636—1637 гг. (спил 213) и сохранилось в трех венцах. Пол лежал на уровне первого венца, а на нем — печная обводка и части глинобитной печи. Здесь печь, в отличие от других мангазейских печей, занимавших один из углов помещения, расположена в центре пола, выполненного из кочевых досок. У печи лежал комок судовых

скоб и металлический прут, из которого ремесленник гнул судовые скобы.

Коренным образом изменилась и дальняя периферия района таможенной избы. Прежде всего следует отметить прекращение уличной связи таможни с разрушенным гостинным двором. Хорошо вымощенная и поставленная на лаги-колодцы мостовая в этот период потеряла свое значение, была заброшена. На ней появилась новая трехчастная постройка (квадраты АБ-5, 6), в культурном слое которой обнаружены две основы прялки, сермяжная одежда, сапожные колодки, обувь, большой кожаный «портфель». К югу от этой постройки в среднем горизонте стоял трехкамерный сруб (квадраты АБ-1, 2, 3). Третий сруб находился в квадратах ГД-1, 2.

Все эти постройки принадлежали, безусловно, ремесленникам, о чем свидетельствует содержание культурного слоя. Здесь обнаружены детали оленьей упряжи, всякого рода накладки, гребни, пороховницы, топоры, ножи, рыболовная блесна, лот, чашка с гравировкой, ножницы, фрагменты фаянсовой посуды, синее и зеленое стекло, детские игрушки — фрагменты деревянного коня, свистулька.

Из всего сказанного ясно, что территория вокруг таможенной избы застраивалась домами ремесленников.

Строительство в центре посада

Еще больший размах строительства построек ремесленников наблюдался в 30-е годы в центральной части посада, и главным образом, в районе раскопа 8, где к центральному зданию с северной стороны были сделаны пристройки. В самой же центральной постройке перестраивались сени, настилался второй пол (спил 121). На северо-востоке (квадраты ДЕ-4, 5) в 1636—1637 гг. возведена клеть, разделенная на две половины. В одной из них стояла печь (спил 149). С юга к клетю была прирезана другая клеть. В 40-е годы, когда строилась новая восточная половина центрального здания, ее частично разобрали.

К северо-востоку от дома ремесленника, рядом со старой двухкамерной постройкой был возведен новый двухкамерный сруб в 1636—1637 гг. (спил 147 раскоп 9; квадраты ГД-1, 2). По своему характеру это обычный посадский двухкамерный дом ремесленника. Здесь обнаружены обломки железного копья, фрагменты деревянных мисок, железный топор, гребешок, железная дужка от ведра, костяная деталь от седла, рыболовные поплавки. Как большинство горожан, работавших на внутренний рынок, хозяин постройки жил и кормился рыбной ловлей.

Не совсем понятным осталось назначение сруба 1636—1637 гг. на раскопе 10 (спил 147), пододвинутого вплотную к двухкамерному зданию старого дома промышленника, построенного еще в 1602—1603 гг. (спил 148). Новый сруб выполнен в обычной технике — углы рублены в обло с остатком. Внутри сохранились лаги и часть перекрытия пола. Возможно, что это была вторая клеть, пристроенная к большому по размерам строению. Она примыкала к сеням (квадраты АА₁-4, 5). Если это так, то надо

признать, что здесь постройка была значительно расширена и превратилась, благодаря пристройке новой клетки, в большой ремесленный комплекс.

Краткий анализ строительства на четвертом этапе существования городища убедительно показывает, что после разрушений 1630—1631 гг., мангазейцам удалось не только восстановить постройки, но и развернуть новое строительство. Таким образом, дело шло к укреплению города Мангазеи. Но неожиданный пожар 1642 г. все изменил.

О пожаре Мангазеи

В литературе нет единого мнения о том, как возник пожар в мангазейском кремле. Большинство исследователей рассматривает этот факт как стихийное бедствие, обычное в русских деревянных городах. Еще В. И. Чернецов собрал интересный этнографический материал у проживавших вблизи городища Мангазеи самодийских племен. Селькупы рассказали ученому, что Мангазею подожгли тазовские ненцы, доведенные до отчаяния царскими сборщиками ясака и ростовщиками-купцами¹. Они рассказали Чернецову некоторые детали: во главе восстановления ненцев стоял храбрый воин Черемуховое Дерево. Он направил собранные им с большим трудом ненецкие войска к крепостным стенам русского города и в то же время заслал лазутчиков в город — на ярмарку. Совместными усилиями этих двух групп в июле 1642 г. и был подожжен город. Приблизительно такую же историю рассказал автору этих строк старожил тех краев селькуп А. А. Кунин. В русских документах о пожаре Мангазеи нет точного объяснения, как он возник и что было причиной его вызвавшей. Из приведенного ранее письма Матвея Бахтиярова видно, что пожар возник в кремле².

Вероятно, во всех этих сообщениях есть известная доля истины, но достоверных сведений очень мало. В частности, трудно поверить, что в охраняемый кремль можно было проникнуть заговорщикам и поджечь его. И совершенно неправдоподобно сообщение о пожаре всего города: сгорела только крепость, посад же остался цел.

Вместе с тем, при изучении документов Сибирского приказа в деле о злоупотреблениях мангазейского дьяка Богдана Обобунова встретилась отписка мангазейских жилецких людей в Москву с перечислением всех злоупотреблений этого человека. О Богдане Обобунове и его пребывании в Мангазее известно только, что этот дьяк был при мангазейском воеводе Никите Михайловиче Борятинском в 1641 г., а после смерти Борятинского, умершего в Мангазее, некоторое время возглавлял воеводство. По датам в розыскных делах он находился в городе еще несколько лет, причем правил с явным пристрастием и нарушением законопорядков.

Обо всем этом и сообщили мангазейцы царю Михаилу Федоровичу. Они обвинили Обобунова в том, что он не хотел строить новый гостинный двор, мучил и избивал ни в чем не повинных

людей «и сверх, государь, того в Мангазейском городе тот, государь, Богдан Обобунов тех же людей... службами тяготил, неведая срока съезду, всяких людей на ярмангу и в выборах волю отнимал и твой, государь, Мангазейский город згорел»¹. Из приведенной цитаты трудно сделать вывод, что Обобунов, желая замести следы своих преступлений, решил поджечь кремль. Мангазейцев следует понять по-другому, а именно, что Обобунов, оказавшись хозяином города, создал совершенно невыносимые условия жизни, конечно, не немцам, которые в городе бывали лишь наездами, а русским жилецким людям. Вот почему мангазейцы считали, что Обобунов виновен в пожаре кремля.

Пятый этап истории городища (1643—1652)

Характерной особенностью этого времени было то, что, пережив два страшных бедствия — разрушение почти всего посада в ходе вооруженной борьбы воевод и пожар кремля, город не только смог вскоре приступить к восстановлению оборонительных сооружений и кремлевских построек, но и продолжать строительство ремесленных зданий на посаде. Это свидетельствует о жизненной силе городского поселения.

Восстановление крепостных укреплений

Еще в 1643 г. Сибирский приказ направил мангазейским воеводам строгий указ о необходимости восстановить сгоревшие крепостные стены и башни: «А вам бы у мангазейского города порченые и разломанные и розрытые места в стенах городни и башни, — читаем в царской грамоте 1644 г. воеводе Петру Ухтомскому, — велеть покрыть и поделать. А которые места городовые стены згорели и вам бы по тому месту поставить острог и укрепить острожны всякими крепостями. И казенные твои государевы амбары поставить мангазейскими служилыми людьми и ружники и оброчными и всякими мангазейскими жилецкими и приездными всякими людьми. А в том бы мангазейском городе в городовом и острожном деле... напрасные налоги и убытков не навести. А которые будут места городовые стены от пожару уцелели и вам бы тех мест переделывать не велеть»².

Центральным пунктом восстановления являлось сооружение новой крепости. Сейчас ввиду отсутствия документов трудно определить, что конкретно было сделано. Раскопки также дали немного: на западе и востоке были поставлены тынообразные стены (раскопы 2 и 4), датированные 1649—1651 гг. (спилы 3, 4, 5, 19, 20).

К числу новых острожных укреплений следует отнести новую Ратилдовскую башню и стрелецкую сторожевую избу. Следовательно, были укреплены «острожны всякими крепостями» и поставлен острог по городской стене, «которая згорела».

Совершенно неизвестно состояние сгоревших башен и городней. Успенскую башню, которая, вероятно, сгорела полностью, заменил расположенный

¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 51, л. 120.

² Там же, стб. 40, л. 50.

¹ М. И. Белов. Мангазея, с. 93—94.

² Там же, с. 94.

¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 139, л. 166.

² ЦГАДА, ф. 214, стб. 139, л. 157.

к юго-западу от нее тынообразный прямоугольник (раскоп 4). Что касается Спасской башни, то она, очевидно, сгорела не целиком и впоследствии была восстановлена. Она упоминается в документах 1660-х годов. Так, в описании церковного инвентаря, вывезенного в Туруханск, числились иконы и деисусы, снятые со Спасской башни¹. Что касается городен, то, согласно царскому распоряжению 1644 г., их не следовало переделывать и восстанавливать. «Тех мест — читаем в царской грамоте — переделывать не велеть»².

Итак, в 1649—1651 гг. мангазейская крепость, в которой крайне нуждался город, была восстановлена в форме тынообразных стен, которые были включены в уцелевшие части городских стен. Крепость можно назвать городом и острогом, потому что в ней имелись элементы того и другого. Во всяком случае последний мангазейский воевода Данила Наумов принял у Родиона Павлова... в Мангазее, в съезжей избе е. в. г. печать Мангазейского города, и город, и острог, и городовые и острожные ключи, и на городе и на остроге наряд...»³.

Пятый этап застройки приходится также и на постройку новых сгоревших построек кремля. Были отстроены: воеводский двор, церковь Троицы, тюрьма и съезжая изба (рис. 23).

Воеводский двор надлежало «построить небольшим строением, без чего быть не уметь»⁴. В плане новая постройка по площади оказалась ничуть не меньше старой — 5 больших клеток (квадраты БВГДЕ-1—8). Срублен двор в 1648—1649 гг. (спилы 64, 84), но при строительстве использовались бревна 1636 и 1639 гг. (спилы 14, 106, 12).

В центре нового воеводского двора оказался трехчастный дом — две клетки (одна из них большая), соединенные сенями с задним коридором. По существу, в строительном плане ничего нового не было. К северу от центральной постройки, развернутой по оси запад — восток, расположились две вместительные клетки хозяйственного назначения. Они покрыли (и весьма точно) срубы нижнего горизонта. Южную половину двора заняла большая клеть, срубленная из массивных стволов лиственницы — она также перекрыла старую постройку.

Южная клеть была соединена с двумя северными наборной оградой. В послепожарный период такая оградительная стена не являлась лишней, так как возросла угроза воеводскому двору со стороны поля, откуда к стенам города не раз подступали восставшие племена. Поэтому был сохранен северный оградительный пояс⁵.

Что касается съезжей избы и тюрьмы, то их удалось подремонтировать и сохранить. В 1651 г. воевода Игнатий Корсаков писал, что «в Мангазее съезжая изба сгнила и никаких дел в ней делать нельзя». В данном случае речь шла не о старой избе, построенной при воеводе И. Биркине, а о восстановленной после пожара постройке. Корсаков назвал ее «малой и ветхой»⁶.

Тюрьма продолжала функционировать в 1643 г., как об этом свидетельствует «тюремный сиделец» Осип Елисеев. В 1652 г. он сидел в тюрьме «девятый год, скитался между двора з женишкою и з де-тишками — помирал голодной смертию»¹. В 1644 г. воеводу Петра Ухтомского обязали восстановить тюрьму, но, как сообщал воевода Сибирскому приказу, он не знал, где взять деньги на строительство².

Иную картину являл собой незатронутый пожаром посад. После долгих проводочек силами служилых и жилацких людей был отстроен новый гостинный двор, продолжалось расширение ремесленной стороны — дома ремесленников появлялись в нижней ее части и на северо-востоке городища.

Строительство нового гостинного двора и амбаров таможенного комплекса

В 1644 г., как уже отмечалось, дьяк Обообуров было приказано приступить к строительству нового гостинного двора и амбаров. Но Обообуров не выполнил распоряжение Сибирского приказа. Единственное, что он сделал, это собрал с мангазейцев деньги на покупку бревен. Всего по разверстке была выручена небольшая сумма — 31 рубль 20 алтын 4 деньги, на которую удалось приобрести 220 бревен, доставленных на городище. «Дьяк Обообуров — свидетельствовали жители города — твоего гостинного двора строить не стал неведомо для чего»³.

Через некоторое время последовало более строгое распоряжение, на этот раз таможенным головам Ивану Толстоухову и Савве Осолихину, которым было приказано «те старые 4 избы перебрать и покрыть, а тот лес, что куплен, сделать тутошним служилым людям амбаров столько, сколько положено, смотря по тамошнему, чтоб в тех амбарах можно было торговать и из товаров торговых людей таможенная всякая пошлина была, а мимо б гостинного двора торговых людей ни у кого не стояли и в том таможенная пошлина не пропала ж⁴. Несмотря на строгие напоминания, мангазейские власти так и не начали строить второй гостинный двор. Только при воеводе Федоре Байкове (1649—1651 гг.) на месте старого гостинного двора, вероятно, из завезенных при дьяке Обообурове бревен, мангазейцы срубили несколько взаимосвязанных построек, которые можно принять за второй гостинный двор. По спилам он датируется 1650—1651 г. (спил 108).

Новый гостинный двор состоял из двух крупных построек, срубленных в обло с остатком. Северная постройка по технике исполнения напоминала западную клеть нижнего горизонта. Однако отличие постройки верхнего горизонта заключалось в том, что внутри нее был поставлен второй сруб. Плохо сохранилась самая южная клеть. Между южной и средней клетями прослеживается конструкция узкого коридора: здесь стоят вертикальные столбы с лазами. При рубке восточной стены средней клетки использовались бревна 1633 г. (спил 107). К се-

Рис. 23. Картограмма исторического этапа истории городища (1643—1652 гг.).
1 — воеводский двор; 2 — крепость; 3 — Троицкая церковь; 4 — съезжая изба; 5 — тюрьма; 6 — Успенская церковь; 7 — Успенский двор; 8 — Успенский двор; 9 — Успенский двор; 10 — дом служителей культа; 11 — новый гостинный двор; 12 — амбары гостинного двора; 13 — амбары гостинного двора; 14 — ремесленные и плавильные центры; 15 — ремесленные постройки; 16 — амбары таможенного комплекса; 17 — амбары таможенного комплекса; 18 — амбары таможенного комплекса; 19 — торговая слобода.

¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 139, л. 157.
² Там же, стб. 708, л. 124.
³ Там же, стб. 635, л. 105.
⁴ Там же, стб. 139, л. 157.
⁵ Там же, ф. 214, стб. 408, л. 326.
⁶ Там же, л. 380.

¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 408, л. 326.
² Там же, стб. 149, л. 157.
³ Там же, стб. 139, л. 166 а.
⁴ Там же, л. 66—68.

верному срубу с двойным внутренним срубом при- мыкала вымостка из кочевых сосновых досок. Стра- тиграфически вымостка относится к нижнему гори- зонту и, по всей вероятности, служила мощным переулком. На северной стороне он соединялся с продольной улицей № 2, а на юге — с мощеной улицей № 1.

К югу от постройки в квадратах ЕЖ-4, 5 сохра- нились лишь фрагменты северной и западной стен третьего сруба, рубленного в обло с остатком. Сле- довательно, второй гостинный двор располагал вместительными помещениями и вполне мог обслужить немалое сократившееся количество торговцев. Нельзя забывать, что он располагал десятками амбаров и складских помещений, срубленных еще в 30-е годы. Удалось найти даже новое амбарное здание, построенное в 1653—1654 гг. (спил 60).

Основательной перестройке подверглась тамо- жня. Старое здание — жилой подклет, сени и амбар с повалушей — было переделано на иной лад. Ам- бар с повалушей исчезли. Вместо них было срубле- но однокамерное здание с двойными стенами (квад- раты ВГ-5, 6, 7) — внутренним срубом. Сени оста- лись в несколько уменьшенном виде (квадраты ВГ-5). К югу от них находилось жилое помещение, которое имело сложную конструкцию, большую по объему.

Таможня по-прежнему несла главную тяжесть сбора таможенных пошлин, осуществляя силами таможенных голов и целовальников таможенный контроль в Туруханске и Мангазее. За 1645—1653 гг. сохранилось несколько таможенных книг, введенных таможенными головами Максимом Шемя- киным и Иваном Саблинным¹. Из них явствует, что участие промышленных, гулящих, посадских и об- рочных людей, даже стрельцов в промыслах и тор- гах уменьшилось.

Возникновение литейного дела на посаде

Интенсивная строительная деятельность проис- ходила в 40-е и начале 50-х годов XVII в. в ремес- ленной части посада. Она коснулась старого ремес- ленного центра (раскоп 8), где в условиях произ- водственной переориентации происходило расшире- ние усадьбы. В 1648—1649 гг. хозяин усадьбы сру- бил три новых постройки. Одна из них двухкамер- ная (квадраты ЕЖ-1, 2) имела большую каменную печь на глине, предназначенную, как упоминалось в главе 4, для плавильного дела (спилы 127, 128). К северу от клеток центрального помещения, место клетки в 30-х годах занял сруб с плавильной печью. И, наконец, взамен восточной клетки с двумя воро- тами, хозяин решил построить просторную клеть с большой каменной печью, на целый метр углубив ее основание и укрепив его булыжниками.

Литейное производство шагнуло за пределы ограды ремесленной усадьбы на холме. К северо- западу от нее было срублено здание с плавильной печью (раскоп 9). Таким образом, за короткий пе- риод на усадьбе и вне ее появилось четыре произ- водственных помещения с плавильными печами.

План построек 40-х годов сохранился до послед-

ней четверти XVII в. После того как город был ос- тавлен и население переведено в Туруханск, на месте центральной постройки на холме было осно- вано Тазовское ясное зимовье. Оно существовало и в XVIII в. Именно тогда к северной стене цент- рального здания были пристроены галереи. По дендрохронологическому анализу постройка галерей относится к 1732—1733 гг. (спил 123). Вероятно, в это время происходила перестройка всего здания. Последние его бревна положены в 1774—1775 гг. (спилы 47, 121, 126, 35, 122, 34).

В 1738 г. Тазовское ясное зимовье посетил сухопутный отряд Великой Северной экспедиции¹. Зимнее путешествие на оленях совершил туда от- ряд геодезии ученика Федора Прянишникова. Отряд следовал с северной части Гыданского полу- острова вдоль правого берега р. Таз. Поход проте- кал в тяжелых условиях. По окончании путеше- ствия руководитель его 10 февраля 1738 г. записал в походном журнале следующие слова: «пришли... в Тазовский городок едва живы — спаслись и поми- рали было с голоду». Кстати в зимовье, или как его называет Прянишников, городке, они застали жал- кую картину полуголодного существования неболь- шого гарнизона. «В Тазовском городке, — писал гео- дезист, — у служивых не имеется продажного ни провианта, ни пороку, чем бы нам перейти до Ту- руханского». Выручил казак Торбов, который был направлен на север, в район, где Прянишников вы- нужден был бросить провиант из-за отказа немцев везти его в Мангазею. По возвращении Торбова отряд отправился в дальнейший путь и через пол- месяца прибыл в Туруханск². Путешествие Пря- нишникова на городище Мангазею было единствен- ным и последним в XVIII в.

В срубах верхнего (третьего) строительного горизонта удалось найти конструкции и предметы плавильного дела. Изучение техники мангазейского плавления — дело историков металлургии. И все же надо коротко сказать о существе находок и, прежде всего, о создании в Мангазее плавильных печей. Все они имели сравнительно небольшие раз- меры: площадь 3×4 м², высота 2—1,5 м. Выполне- ны они из песчаника, соединенного с глиной. В на- стоящее время очень трудно себе представить, как выглядели эти каменные сооружения. Не ясны кон- струкции аппаратов кислородного поддува — мехов, хотя в некоторых случаях на полу помещения, где стояли печи, встречено несколько столбов, на кото- рых, очевидно, и крепились аппараты. Тигли стави- лись прямо в верхнюю часть печи в промежутках между камнями, где они и были обнаружены. Не удалось определить место входного отверстия. Оно, конечно, было, но при развале печь осела на ниж- нюю часть, уничтожив представление о ее внутрен- нем виде.

Рядом с печью стояли ящики с белым песком, назначение которого в процессе плавки не вполне понятно. Подходы к печи выстилались массивными досками, поверхность которых покрыта гарью

¹ М. И. Белов. Арктическое мореплавание., с. 192.

² ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 107. Журнал похода геодезии ученика Федора Прянишникова на Гыданский полуостров, реку Таз и Туруханск.

и в нескольких местах прожжена. Приблизительно 2/3 помещения вообще не было выслано и там находился открытый грунт. Это было необходимо на случай пожара.

В коллекции собрано несколько десятков кусков шлака (среди них шлак с остатками плавления), тигли со следами плавки медной руды, но из них целы только пять. Они сделаны из пористого мате- риала керамического происхождения с глазирован- ной поверхностью. В нижней части тигель имел конусообразный вид с расширяющимися кверху стенками, в целом — небольшой горшочек.

По соседству с печами лежали каменные формы для литья. Одна из них была рассчитана на отлив- ку натальных крестов, другие — на производство отдельных деталей, которые, надо полагать, впоследствии собирались в единый предмет.

Наиболее интересным художественным произве- дением мангазейских кузнецов надо назвать най- денную на раскопе 8 икону — блху, изображаю- щую вознесение Александра Македонского. Она была отлита из сплава бронзы и серебра в форме круга, внутри которого находились фигуры цент- рального изображения, по бокам — фигуры львов. Другие бронзовые и медные изделия представлены в сильно деформированном виде. Здесь бронзовая петля для котла, бронзовая пластинка, куски спла- вившейся меди, бронзовая накладка, фрагменты бронзовой отливки.

В усадьбе ремесленников жили состоятельные люди. Среди предметов быта и украшений найдены светло-голубые и белые бусы, донца и ножки стек- лянных бокалов, фисованные штофы, серебряное кольцо с печаткой, костяные и деревянные шах- маты.

Обратили на себя внимание фрагменты фаян- совой амфоры с надписью по кругу «Balsam».

Появление амфоры из-под бальзама в Манга- зее — вещь совершенно необычная, тем более, что в те времена это было редкое лекарственное сред- ство. К одному из фрагментов амфоры приклеилась застывшая масса. Она и стала предметом экспе- ртизы Ленинградского химико-фармацевтического института. Результаты экспертизы были несколько неожиданными: химический и микроскопический анализы грубо плетеной ткани, из которой состояла застывшая масса, показали, что это вязкая жид- кость с резким специфическим запахом дегтя. Мас- са прямого отношения, как считали эксперты, к со- держимому амфоры не имела. Однако на поверхно- сти льняного волокнистого комка имелись волосики домашнего животного. Это доказывает, что ткань прикладывалась к стертým местам коровы или ло- шади. Тогда застывшая масса попала в амфору из-под бальзама не случайно.

К обычному реквизиту промышленника следует отнести лопаты с фигурной рукояткой, фрагменты железного серпа, ларчиков, костяной упряжи, лы- жи, ступы.

Литейное дело в ремесленной части посада раз- вертывалось и в другом ремесленном центре — на северо-востоке городища, всего в двух десятках метров от раскопов 8 и 9. Есть даже предположе- ние, что по времени северо-восточный литейный центр возник раньше центра на раскопе 8. К сожа-

лению, плохая сохранность древесины, с которой можно было взять спилы для дендрохронологи- ческого анализа, не позволила более основательно установить время зарождения плавильного дела на северо-востоке городища. Был взят всего лишь один спил с нижнего окладного бревна южной по- стройки. По нему установлена дата 1645 г. (спил 214).

Изучение срубов в раскопе 24 показало, что к западу от него располагались аналогичные произ- водственные постройки и, если бы раскоп был про- должен на запад вдоль северной полосы городища, он мог бы дать новые материалы по организации плавильного дела в Мангазее. Вероятнее всего, вся северная полоса городища, примыкающая к лес- о-тундре, была занята такими постройками с камен- ными печами.

В 1968 г. во время поисков мангазейского некро- поля в северо-западном углу случайно наткнулись на каменную кладку, развернутую полукругом у небольшого озера, к которому с юга подходили сильно разрушенные деревянные конструкции, окаймленные камнями. Наносить на план эти кон- струкции и каменную кладку не имело смысла. Однако, позднее, во время работы на раскопе 24 эта находка невольно припомнилась. Так удалось изучить два крайних участка застройки. Один (северо-восточный) на раскопе 24 и второй (северо- западный) — каменная кладка. Между ними на расстоянии 110 м, очевидно, находились еще поме- щения с плавильными печами. Кстати такая же картина наблюдалась и на раскопе 15 — на берегу реки Осетровки.

На раскопе 24 найдено три трехкамерных пост- ройки, в двух из которых имелись плавильные печи. Всего обнаружено три плавильных печи. Вокруг них заметен сильный разброс шлака, разбитые мел- кие части тиглей и гарь. В отличие от зданий юж- ной стороны городища на северо-востоке были большие постройки. В раскопе 8 площадь производ- ственных помещений колебалась от 4 до 5 м, а на раскопе 24 — от 6 до 10 м.

В квадратах АБ-4, 5, 6 обратило на себя внима- ние необычное состояние заполненной шлаком пло- щади. На всей площади шлак оказался не на полу, как следовало ожидать, а под полом, развернутым перед каменной печью. Это можно объяснить толь- ко тем, что полоса шлаков была использована в ка- честве лаг под новый пол, застланный после по- жара предыдущего. В северо-западных частях рас- копа обратили на себя внимание сильные разбро- сы камней, из которых были сложены печи. Радиус разбросов составлял 5 м, что указывает на значительную высоту печей.

Организация плавления во втором литейном центре Мангазеи ничем существенно не отличалась от первого. Здесь употреблена та же техника клад- ки печей, что и на раскопе 8. Камни обмазывались глиной и располагались рядами. К печам подведе- ны вымостки из кочевых досок. Вымостка в квад- ратах ДЕ-3, 4 заняла всего лишь 1/3 помещения. В нескольких местах она прожжена. В северо-за- падных печах мощные подходы проложены со всех сторон. В юго-восточной печи сохранились столбы, на которые, вероятно, опирался воздушный

¹ ЦГАДА, ф. 214, кн. 297, л. 54.

аппарат. Столбы отмечены также в районе печи в квадратах ДЕ-3, 4.

В отличие от раскопа 8 в плавке на раскопе 24 участвовал красящий минерал. Возможно он употреблялся как флюс.

На раскопе 24 кроме фрагментов тиглей и шлака обнаружена каменная наковальня. В инвентарь литейщиков входили топоры и ножи. В производственных помещениях найдены мелкие изделия из бронзы, самоцветные камни—сердолики красивого малинового цвета. Здесь же обнаружена женская подвеска из сплава серебра и бронзы с самоцветным камнем.

В центре промышленной усадьбы стоит большой трехкамерный сруб. В северной клетке с внутренним срубом находилась небольшая глинобитная печь, на полу которой была подобрана 21 заготовка из бивня мамонта. Здесь же лежали части бивней со следами обработки. По форме и размерам заготовки напоминают обнаруженные в косторезной мастерской Холмогор¹. Вокруг печи лежали и другие костяные предметы—срезы оленьих рогов, заготовки для гребней, игральные кости и орнаментированная накладка от рукоятки ножа. Бесспорно, что в центральной избе проживал ремесленник-косторез, который за двумя массивными стенами жилища, спасаясь от пронизывающего северного ветра, работал на мангазейский рынок. Большой ремесленный двор был огорожен с северной стороны от ложка Радужного, а с восточной—от речки Осетровки. Ограда выполнена из стволов ливневника техникой набора, торцы бревен вставлены в пазы вертикальных столбов.

В связи с обнаружением избы костореза в раскопе 24 нельзя не сопоставить этот факт с находкой подобной же избы на раскопе 13. Оказалось, что крайняя северо-восточная постройка имела продолжение на «пятачке», расположенном за пределами городища к северу от ложка Радужного, в 60 м от раскопа 24. Это важно подчеркнуть, чтобы четко представлять себе район распространения косторезного ремесла в ремесленной части посада.

Кто же были хозяева ремесленных центров? Известны ли их имена? К сожалению, надо признать, что в письменных источниках о Мангазее совершенно не содержится материалов о той части посада, где проживали ремесленники.

Делопроизводство съезжей избы, представлявшее во всех аспектах деятельность воеводы и его окружения, а также таможенной избы, занимавшейся подсчетом каждого соболя и строчившей отписки в Москву по поводу каждой недоданной царю деньги, молчит о ремесленниках посада. Даже в описке Андрея Палицына жители посада упоминаются изредка. Это двор его приятеля ссыльного поляка Алексея Шафрана, амбар близкого к нему купца Леонтия Толстоухова, большая загородная откупная торговая баня. Это и все постройки на посаде, отмеченные в его описке.

Для нас очень важной оказалась отписка Григория Кокорева, в которой он сообщил в Москву о «чуждествах» Палицына. Он писал, что Палицын

¹ О. В. Овсянников. Заметки о северных косторезах, с. 115.

поставил на видном месте где-то на посаде шайтана и «тот шайтан почал людей лужать, а маленьких робят давить. И промышленные и торговые люди того шайтана сожгли»¹. Из доноса выясняется, что этот шайтан стоял у «Тренькиной избы Самсонова», по всей вероятности хорошо известной в те годы. То, что шайтан стоял на высоком месте городища, вероятно, на холме, вряд ли вызывает сомнение. Поэтому вполне можно предположить, что Третьяк Самсонов являлся хозяином усадьбы на холме. Это предположение подтверждают и другие документы. В 1644 г. на двор посадского человека Третьяка Обросимова была выдана купчая². Остается предположить, что Третьяк Обросимов—это и есть Третьяк Самсонов. Полное его имя, отчество и фамилия—Третьяк Обросимов Самсонов. Но это, конечно, только предположение.

Шестой этап истории городища (1653—1672)

Последний этап в жизни города Мангазеи, завершившийся переселением жителей Мангазеи в Туруханское зимовье, слабо освещен документальными данными. Об этом 20-летнем периоде можно судить лишь по таможенным книгам и сбору пошлины как в самом городе, так и в Туруханском зимовье. Из таможенных материалов явствует, что Мангазея, отстроившаяся в 40—50-е годы, продолжала успешно осваивать природные ресурсы на огромной территории воеводства на север и северо-восток—в бассейны рек Таймыра и Нижней Тунгуски. Расширялась также осваиваемая территория низовьев и верховьев реки Таз, в особенности громадный бассейн Енисейского волока, богатый соболями. Значительным событием явилась постройка Хетских и Анабарского зимовьев³. Важную роль в этом сыграло расширение старого Хантайского зимовья, откуда в сторону Норильских гор были проложены сухопутные волоковые пути на р. Хету. Хантайское зимовье было превращено в небольшое городское поселение с посадом⁴.

Изучение таможенных книг этого 20-летия показывает, что Мангазея продолжала играть крупную роль в государственных доходах. Постоянное население все еще получало от своих лесных и рыбных промыслов значительную прибыль. Например, в 1653 г. Мангазейская таможня отпустила на двух кочах, отправлявшихся по Обской и Тазовской губам, и через Уральский хребет на Русь приказника гостя Василия Федотова—Сидора Веригина с богатой соболиной казной, оцененной в 1900 рублей⁵. Из Мангазеи и Туруханска по-прежнему уходили на промыслы сотни торговых и жилецких людей. Так, за сравнительно короткий зимне-весенний сезон 1652 г. Мангазейская таможня взяла оброчные деньги с 295 человек⁶, а в следующем году—с 345 человек⁷. И еще один пример: в 1669 г.

¹ ЦГАДА, ф. 141, стб. 40, л. 120.

² Там же, стб. 322, л. 20—21.

³ М. И. Белов. Первое русское поселение на Таймыре.—«Изв. Всесоюз. геогр. об-ва», 1977, т. 109, № 1, с. 56.

⁴ ЦГАДА, ф. 214, стб. 650, л. 7.

⁵ Там же, стб. 297, л. 283 об.

⁶ Там же, л. 54.

⁷ Там же, л. 214.

таможня собрала с тазовских промысловиков и Туруханских посадских людей громадную по тому времени сумму—2375 рублей 19 алтын 5 денег¹, что перекрыло все расходы городского бюджета. К тому же на прежнем уровне оставался сбор государственной пошлины—ясака.

Вопрос о причинах оставления города

Таким образом, из рассмотрения материалов четвертого, пятого и шестого этапов истории Мангазеи не следовал вывод о необходимости оставления города, а наоборот, подчеркивалась мысль о планомерном, если можно так сказать, развитии внутригородской жизни. Следовательно, чтобы правильно ответить на вопрос об истинных причинах такого необычного явления как оставление города,—следует обратиться к событиям внешнего порядка.

В главе 2 приводился письменный источник, из содержания которого явствовало, что Мангазея оставлена «из-за шатости юраккой самояди». Но это слишком общее определение нуждается в более развернутых документальных обоснованиях, тем более, что в литературе распространены различные точки зрения.

П. Н. Буцинский выдвигал в качестве главной причины оскудение промыслов пушных и трудности доставки хлебных запасов по морскому пути². Б. М. Житков ссылался в этом случае на запрещение Мангазейского морского хода³. С. В. Бахрушин предлагал обосновать причину упадка Мангазеи открытием более южных путей сообщения Сибири с рекой Леной⁴. Думается, что необходимо следовать за документами последних лет существования Мангазеи, которые освещали эту проблему. Здесь следует отметить то, что оставление Мангазеи осуществлялось в условиях резкого обострения классовой борьбы и национального гнета со стороны представителей царской администрации во главе с воеводами.

Бесспорно, что на прекращение жизни города повлияли трудности организации морских караванов с хлебом, т. е. снабжения города продовольствием, хотя, как теперь выяснено, поставка хлеба продолжалась вплоть до оставления города.

Надо полагать, что одной из причин было и похолодание, наступившее в Арктике в 50—80-х годах XVII в. Особенно сильное похолодание наблюдалось на морских путях в северо-восточной части Евразийского континента⁵.

Отмечен также и упадок пушных промыслов, например, в Якутском воеводстве, причиной чего явилось хищническое истребление соболя. В связи с открытием и освоением бассейна реки Лены, перестройка торговых путей происходила по всей Си-

бири. Эти факты, оказавшие влияние на оставление Мангазеи, бесспорны и не вызывают сомнений. И вместе с тем в литературе не существует определенного ответа на вопрос: почему была оставлена Мангазея именно в этот период—в 60—70-е годы XVII в., не раньше и не позже. Для выяснения этого вопроса необходимо обратиться к мангазейским документам того времени. Конечно, географическое положение города, односторонне связанного с центральными районами Сибири, сыграло весьма важную роль. Ведь снабжение Мангазеи и Енисейска или других южных районов было бы неудобно и невыгодно. Изучение такого варианта подвоза продовольствия в Мангазею, произведенное в те годы на месте, показало его нерентабельность. В то же время не исключалась возможность налаживания морского сообщения по Обской и Тазовской губам, так что систематическое снабжение города было возможно. Мангазея, как заштатный город, каким он к тому времени становился, при известных условиях мог бы существовать еще длительное время.

Изучение мангазейских документов 40—60-х годов XVII в. позволило выяснить сложную картину взаимоотношений, во-первых, между посадскими, жилецкими и служилыми людьми и воеводской властью, весьма ослабленной в эти годы посылкой на реку Таз корыстолюбивых знатных воевод, представителей господствующей династии, во-вторых, между воеводской администрацией и местным самодийским населением. Вот некоторые примеры, подтверждающие сказанное.

Видавшая виды Мангазея была поражена совершенно безудержным грабежом со стороны мангазейского воеводы князя Петра Михайловича Ухтомского, при котором горела Мангазея. Но Ухтомский ничем не отличался от других воевод, например, Никиты Михайловича Борятинского, Якова Тухачевского. Сохранилась жалоба на князя Ухтомского посадских людей—«портных швещов» Дмитрия Гаврилова, Ганьки Зыряна и Ортюшки Новокрещена в том, что «шили де они шуб с двадцать, в шубе по сту сороков соболей для провозу (незаконного беспрошльного вывоза на Русь), последняя де шуба ценою тысячи с полторы рублей князю Петру Ухтомскому. Да князь Петр Ухтомский посылает на службу в добрые зимовья для своей бездельной корысти, которые привозили ему добрые соболи. А которые, государь, радели в ясак, и тех де на службу не отпускал»¹. За все это князь «отплатил» посадским расправой и тюрьмой.

Отношения воеводы с местным аборигенным населением были еще более натянутыми. Их охарактеризовал князец Ледерейко, который писал царю Алексею Михайловичу: «нас, сирот, грабят и обидит всякою обидою, берет с нас сирот твоих,—насильством и грозя всякою грозою—со всей самоядью ясашной пять лет соболи и бобры, и постели и ровдуги, и веревки ременные, и камысы и пимы всякие, и гуси и утки, и мясо оленье—и всех нас, сирот, обижают. И нам, сиротам твоим, ни топора, ни ножа, ни котла, ни мережи купить и промыслить твоего государева ясаку стало нечем. И от

¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 302—303, л. 35.

того насилия и грабежу стали наги и босы и вко-
нец погибнем. А иная, государь, ясная сама-
ядь от насилия и изгони и продажи и грабежу разбе-
жалась». Под документом стоит знамя племенного
вождя — олень¹.

Результатом острых противоречий, включая
и крайне напряженные отношения с верхушкой
местных племен, явилось вооруженное выступление
некоторых тазовских племен. Племена, которыми
руководил Сироптойко, весной 1643 г. окружили
мангазейский город и «сидели» — писали мангазей-
ские жильцы — ... всю весну в Мангазее в осаде².
В 1645 г. асидский род, кочевавший на реке Таз,
вынужден был покинуть старое кочевье и пере-
браться в район Хантайского зимовья, где главную
роль играла «юрацкая самайя». Объединившись
с ними, асиды снова осадили город, а на реке Таз
и на промыслах убивали и брали в полон промыс-
ленников³.

Поход «юрацкой самайи» на город отмечен
также и летом 1648 г., что видно из выдачи пушек
и ядер, «для оберегания города от прихода юрацкой
самойи»⁴. В это время выступления отмечены на
Енисее и его правых притоках. Даже в сугубо фи-
нансовом документе — счетном списке Мангазеи за
1648 г. можно прочитать следующее: «Мангазея —
город украинный, а крепостей и у городу и у поса-
да никаких нет. А иноземцы многие — самайя,
около города кочуют поблизку и в город приходят
беспрестанно. И без зелья и без свинцу страшно,
что от иноземцев каково дурна не учинилось⁵. По-
ложение стало настолько опасным, что в 1649 г.
было выдано 1 пуд 23 гривенки зелья и 309 ядер
пушечных железных целовальникам Третьяку Ива-
нову Мозольке и Омельке Леонтьеву с целью воо-
ружения посада⁶.

В начале 50-х годов в западной кремлевской
части городища из остатков старой крепости была
возведена новая, но и ее для обороны оказалось
недостаточно. Поэтому систематически из Тоболь-
ска в дополнение к мангазейскому стрелецкому гар-
низону стали посылать новые воинские части. Сох-
ранилось несколько документов о прибытии
в 1644 г. в Мангазею 45 тобольских стрельцов и пе-
ших казаков, для которых еле-еле набрали продо-
вольствие — ржаную муку⁷.

Наиболее интересным является сообщение
о том, что в городе находился наемный отряд, кото-
рый в 1664 г. состоял из 24 человек. Их приезд,
вероятно, не планировался и поэтому пришлось
собрать еще 9 четвертей ржаной муки «чтобы
в Мангазее без хлеба не помереть голодной
смертью»⁸.

Прибывшие из Тобольска войска направлялись
против «воровской самайи». Возглавлял их тоболь-
ский сын боярский Влас Старков. Но очаги восста-
ния разгорались. Выступления местных племен

против воеводской власти были в 1666, 1667, 1668
и 1669 годах¹.

Тобольск непрерывно шлет в зеленной погреб
и амбары «для оберегания города» большое коли-
чество вооружения. Растет количество израсходи-
ванных боеприпасов. В 1669 г. было израсходовано
два пуда зелья, 15 гривенок свинцу, 11 мушкетов.
В этом же году тобольский воевода П. И. Годунов
послал в Мангазею «для оберегания города»
пушечных припасов 14 пудов 22 гривенки,
зелья с деревом, и веревками, 15 пудов 5 гривенок
свинцу². Все эти и другие факты говорят о том, что
борьба на подступах к городу не прекращалась
и что постепенно вокруг него сжималось кольцо
восставших племен.

Именно в эти годы усиливается нажим воевод
на Сибирский приказ с целью склонить его и царя
на решение оставить Мангазею и переехать в Туру-
ханское зимовье. Поразительно то, что сами воево-
ды нигде ни разу не упоминают об угрожавшем
городу нападении, ссылаются на трудности достав-
ки хлеба по морскому пути. И только воевода
Д. Наумов вынужден был открыть правду. Его
отписка царю Алексею Михайловичу не попала нам
в руки, содержание ее стало известно из отписки
1680 г. воеводы Беклемишева. Наумов без обиняков
писал: «служилые люди от шатости юрацкой само-
йи из Мангазеи выехали и город остался пуст»³.
Надо признать обоснованным такое заключение.
Действительно, дальнейшее пребывание людей
в полузащитном городе становилось опасным.

Причины оставления Мангазеи, кроме указан-
ных Буцинским, Житковым и Бахрушиным, кры-
лись в сложной обстановке, которая была чревата
всеобщим восстанием самодийских племен. Царская
администрация видела один выход из создавшегося
положения — оставить этот город и укрыться за
крепостными стенами другого, нового — Новой
Мангазеи, где можно было бы отсидеться до луч-
ших времен.

Спустя 8 лет после оставления Мангазеи в съез-
жей избе Новой Мангазеи было сделано словесное
заявление князцов «юрацкой самайи» о том, что
они желают возврата населения Мангазеи и хотят
видеть их «по-прежнему в старом городе». Князцы
обещали обратиться ко всем своим родственникам,
т. е. к другим князцам, с просьбой, чтобы они пла-
тили ясак в Старую Мангазею. Новомангазейская
администрация получила заверение, что «великого
государя людям мангазейским жителям и приезжим
всяким людям никакой тяготы не будет и что ясач-
ная самайя и юрацкая будет надежна» и что «от
ясачного сбора будет большая прибыль и та при-
быль будет прочна и стоятельна»⁴. Это чрезвычайно
важное заявление представителей местного насе-
ления свидетельствует о том, что местное население
Мангазейского уезда не питало ненависти к манга-
зейским посадским людям и промышленникам,
с которыми оно мирно жило в течение полустоле-
тия.

¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 650, л. 67, 78, 80, 81.

² Там же, л. 82.

³ Там же, стб. 731, л. 167.

⁴ Там же, л. 171—176.

Промысловые связи русских охотников с само-
дийскими племенами уходят в глубь XVI в. Разор-
ваны они были по вине царской администрации —
вследствие своеволия, корысти и мздоимства манга-
зейских воевод.

В связи с просьбой князцов для проформы были
сделаны попытки Новомангазейской съезжей
избы подсчитать стоимость и возможность прокорм-
ления людей на старом городище. Тем временем
посланные для сбора ясака 10 стрельцов были раз-
биты и отброшены назад, а их жен и детей, захва-
ченных в зимовье, утопили в прорубях реки Осет-
ровки. После такой кровавой расправы возврат
в старый город был исключен. История произнесла
над второй Мангазеей свой приговор.

В старом городе осталось два здания, которые
продолжали функционировать еще в XVIII в. Это
центральная постройка на раскопе 8. В следующем
столетии к ее северной стене, разместившийся там
урядник и казаки, пристроили галерею (квадрат
Е-1, 2, 4, 5), назначение которой не вполне понятно.
Здание с галереями существовало еще во второй
половине XVIII столетия. Спилены, взятые с конст-
рукции галереи, показали следующие даты: 1733 (спил
123), 1737 (спил 121), 1744 (спил 126), 1761 (спил
35) и 1775 (спил 34) годы.

Тазовское зимовье в 1735 г. посетил, как упоми-
налось, сухопутный отряд Великой Северной экс-
педиции геодезиста Федора Прянишникова¹,
а в 1737 г. — отряд Михаила Выходцева².

Второе здание возникло, очевидно, в 60-х годах
XVIII в. Это часовня Василия Мангазейского (рас-
коп 11). Плохо сохранившийся трехчастный сруб
часовни выполнен в технике культовой постройки —
на единственном окладном венце сделано четыре
переруба основного бревна. Под почти истлевшим
полом южной части часовни обнаружено сооруже-
ние из мелких бревен, прикрытых мелкими сосно-
выми кочевыми досками. Внутри этого не вполне
понятного сооружения лежали костные остатки
небольшого человека (кости рук и ног), позднее
под обрывом был найден череп. Согласно акту
медицинской экспертизы, в своеобразном гробу
был похоронен мальчик лет 11—12, умерший на-
силственной смертью (см. приложение). В куль-
турном слое часовни обнаружены разбросанные
бусинки одекуя. По спилам с бревен, лежавших
в основании захоронения, сруб датирован 1719 г.
(спил 18).

Надо полагать, что появление часовни вблизи
Спасских ворот относится к позднейшим годам
существования Мангазеи, во всяком случае после
«перенесения мошей» Василия Мангазейского
в туруханский Троицкий монастырь. «Явление» же
самых «мошей» в Мангазее относится к 40-м годам.
В те годы вблизи Троицкой церкви была постав-
лена небольшая часовня. Это видно из документов
1645 г., включенных в столбец 322. В одном из них
(таможенная перечневая запись доходов и расхо-
дов) сказано: «да собрано на гробнице, что объяви-
лась из земли на городе (кремле — М. Б.) у пре-
жней Троицкой церкви (в 1645 г. церковь еще не

была восстановлена) два рубля восемь алтын»¹.
Дальше следовал расход: «Плотнику за работу, что
делал над гробницей, которая из земли выходит —
голубец и попу на панихиду над тоей гробницею
пуд и за муку, что куплена к церкви на просвиры
дано 3 рубля 6 алтын 2 деньги»².

Первоначально часовня Василия Мангазейского
размещалась в кремле между Троицкой церковью
и съезжей избой³, где она находилась до перене-
сения «мошей» на Енисей. В связи с обнаружением
часовни в раскопе 11, находкой всего костяка «мо-
шей», якобы, перевезенных с пустыря в Троицкий
туруханский монастырь в XVII в., а также вскры-
тие «мошей» в 1926 г. общественной комиссией, об-
наружившей вместо «мошей» три различные кос-
ти — собаки, мужчины и женщины — церковной ле-
генде о Василии Мангазейском нанесен еще один
серьезный удар⁴.

Итоги историко-топографического изучения Мангазеи

В трех главах в плане динамического рассмотре-
ния основных моментов истории Мангазеи — от за-
рождения поселения в форме городка-фактории до
оставления сложившегося города жителями — на
материалах археологических и письменных источни-
ков сделана попытка восстановить ее историю,
определить этапы застройки, установить время
подъема и упадка города. В тех случаях, когда
представлялась возможность, мангазейская история
накладывалась на общерусскую и сибирскую исто-
рию. И все же общий фон динамического изучения
сибирских городов за пределами крепостей пред-
ставлен пока слабо из-за отсутствия необходимых
археологических материалов. Пока Мангазея оста-
ется единственным городским поселением, в кото-
ром с допустимой подробностью изучена застройка
посадской и торговой частей раннесибирских горо-
дов, их рост и значение.

В проделанном исследовании значительное место
заняло изучение материальной культуры тех, кто
населял Мангазею или приезжал туда на два-три
года. Проанализирован большой вещевой материал
археологических коллекций. Более подробно он
будет рассмотрен во второй части монографии. Но
уже сейчас имеются достаточно веские доказатель-
ства считать Мангазею не только торговым и про-
мышленным центром Сибири, что отчасти уже было
показано П. Н. Буцинским и С. В. Бахрушиным, но
и городом ремесленников, сумевших в крайне труд-
ных условиях жизни и работы поднять на относи-
тельно высокий уровень организации своего ремес-
ла, домашнего по своей сути, до уровня усадьбы,
а затем и до размеров ремесленных центров. В кон-
це существования Мангазеи на посаде отмечена
специализация ремесла, из которого выделилось
плавильное дело и обработка кости. Вдоль р. Ман-

¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 322, л. 144.

² Там же, л. 145.

³ С. В. Бахрушин. Легенда о Василии Мангазейском. Научные труды, т. III, ч. I, с. 334—337.

⁴ Эти сведения сообщил автору в 1970 г. житель Туру-
ханска П. Чалкин, бывший членом общественной комиссии
при вскрытии мошей Василия Мангазейского.

¹ М. И. Белов. Арктическое мореплавание..., с. 292.

² Там же, с. 295.

газейки и на северной окраине городища были размещены мастерские косторезов и литейщиков.

Там было заложено основание городского ремесленного конца литейщиков и косторезов.

Изучение комплексов административных и общественных зданий дает возможность высоко оценить строительную культуру мангазейцев, возникшую на основе русского градостроения. Размещение зданий на посаде как в торговой, так и ремесленной частях, было произведено по новейшим утверждавшимся на Руси принципам плановой застройки, во всяком случае на том уровне, который характеризует ее новый период. При размещении зданий, чтобы избежать хаотического нагромождения построек, планировались улицы и переулки, пропорционально определялся размер посада и крепости, а между ними — пустое противопожарное пространство.

Начисто опровергнуто неверное представление о самих зданиях города. Постройки Мангазеи — это, как правило, двухэтажные трехчастные дома, тогда как в археологической литературе (В. Н. Чернецов), допускалось наличие полуземлянок.

Мошние улиц и переулков — тоже одно из замечательных явлений в городской жизни на Севере. Оно примечательно еще и тем, что новые вымостки почти без всяких временных интервалов заменяли старые перекрытия, которые устраивались на прочных основаниях в форме лаг-колодцев. Это говорит о постоянстве мошнения улиц. Само по себе такое явление вообще не известно в русской археологии.

Мангазея — деревянный город, какими были и все города Сибири. Рубилась она из елей и лиственниц, а культовые здания из кедровых стволов. Считалось, что последние менее подвержены разрушению. Часто использовались сосновые части судов. Они встречаются во всех строительных конструкциях — потолках, полах, переборках, уличных вымостках.

Занимавший сравнительно небольшую площадку в годы своего подъема город испытывал некоторую перенаселенность и скученность, что вообще характерно для феодального городского поселения. Здания стояли сплошными рядами вдоль улиц, поэтому когда возникала необходимость перестройки или замены здания новыми срубами приходилось убирать старые постройки и на их место ставить новые, строго укладываясь в границы ранее занятой площадки. Как в центре, так и на окраинах городища не оставалось пустых пространств. Это создавало трудности в процессе отождествления конкретных построек и их комплексов. Решающим здесь было изучение оградительных сооружений — оград, что при возведении здания считалось обязательным.

Сплошной просмотр материалов и документов Фондов Сибирского и Казанского приказов позволил восстановить не только общую, но и частную картину заселения города Мангазеи, воссоздать его подлинный облик, строительный план на каждом из шести этапов его истории — истории возникновения, становления и развития русского феодального города Сибири (прилож. XXX).

ГЛАВА 6

ДАТИРОВКА ДЕРЕВЯННЫХ СООРУЖЕНИЙ МАНГАЗЕИ ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКИМ МЕТОДОМ

Согласно схеме природного районирования Западно-Сибирской равнины¹, Мангазея расположена в южной части Обско-Тазовской лесотундровой провинции. Основными лесообразующими породами в этом районе являются лиственница сибирская (*Larix sibirica*), ель сибирская (*Picea obovata*) и береза извилистая (*Betula tortuosa*). По широте расположения Мангазеи проходит северная граница произрастания кедра сибирского (*Pinus sibirica*). Около Мангазеи он встречается единично в пойме р. Таз, лишь изредка выходя на плакоры в непосредственной близости к долине реки. Южнее пос. Сидоровск уже начинают появляться небольшие рощи кедра. В настоящее время в окрестностях Мангазеи и в устье р. Панчи довольно часто встречается жизнеспособный подрост кедра высотой до 2 м в возрасте до 40—60 лет. Наличие подростка в местах, где взрослые деревья отсутствуют или встречаются очень редко, свидетельствует о том, что кедр активно осваивает новые территории и, по видимому, продвигается дальше на север.

Мангазею окружают березово-елово-лиственничные редколесья и редкостойные леса, перемежающиеся с участками ерниковых тундр и болот. Заболоченность заметно возрастает по мере движения от долины р. Таз к водораздельным пологим пространствам. Массивы лесов подступают непосредственно к территории городища. В пониженных и увлажненных местообитаниях преобладают еловые древостой, а на повышенных — лиственничные. На развитие древесной растительности в этом районе влияют пожары: значительные массивы лесов выгорели примерно 50—60 лет назад. На образовавшихся гарях хорошо возобновились лиственница и ель, которые сформировали очень густые молодые древостой.

Территория Мангазейского городища сейчас занята редким березовым лесом и разнотравно-вейниковым лугом. Древесный ярус представлен березой извилистой несколькими экземплярами лиственницы сибирской и древовидной ивой корзиночной (*Salix viminalis*). Наиболее густой березовый древостой (сомкнутость крон 0,2—0,3) находится на возвышенной части территории городища, где береза

достигает высоты 12 м и толщины 22 см, а лиственница — соответственно 16 м и 20 см. Возраст наиболее старых берез достигает 150 лет. В подлеске изредка встречаются кусты ивы сизой (*Salix glauca*), жимолости (*Lonicera Pallasii*) и смородины щетинистой (*Ribes hispidulum*).

Пониженная часть территории городища, прилегающая к р. Мангазейке, занята в основном луговой растительностью, характерной для пойменных местообитаний в этом районе. Но в отличие от пойменных лугов, разнотравно-вейниковая ассоциация на городище отличается значительной ролью сорных растений. Травостой разнотравно-вейникового луга очень густой (сомкнутость 90—100%) и высокий (до 1,3—1,5 м). Повсеместно преобладает (Сор³) вейник Лангсдорфа (*Calamagrostis Langsdorffii*), много (Сор¹) пижмы (*Tanacetum vulgare*) и иван-чая (*Chamaenerion angustifolium*). Часто (Sp) встречаются крапива двудомная (*Urtica dioica*), яснотка белая (*Lamium album*), вероника (*Veronica septentrionalis*), княженика (*Rubus arcticus*). Кроме того, изредка (Sol) растут подмаренник северный (*Galium boreale*), чемерица Лобеля (*Veratrum Lobelianum*), полынь обыкновенная (*Artemisia vulgaris*), аконит (*Aconitum napellus*), горошек тонколистный (*Vicia tenuifolia*), тысячелистник (*Achillea Ptarmica*), дудник лесной (*Angelica silvestris*). В местах, где травостой несколько изрежен, встречаются дерновинки зеленых мхов и кукушкина льна (*Polytrichum commune*)¹.

Раскопки, проведенные экспедицией в первый год работы, показали, что от прежних построек сохранились лишь самые нижние венцы, погребенные в земле и слое вечной мерзлоты, что способствовало сохранности строительных бревен и подкоровых колец прироста.

На тех участках городища, где мощность культурного слоя невелика или же он отсутствует, древесина сохранилась плохо, поскольку она ежегодно оттаивает и подвергается гниению.

Образцы древесины (спилы) для дендрохронологического анализа брались в течение всех четырех полевых сезонов работы экспедиции, по мере вскрытия и изучения новых сооружений и строи-

¹ В. С. Говорухин. Схема природного районирования Западно-Сибирской равнины (зона лесотундры). — В кн.: Западная Сибирь. Изд-во АН СССР. М., 1963, с. 324—331.

¹ Автор выражает благодарность научному сотруднику Института экологии растений и животных УНЦ АН СССР Е. А. Шуровой за помощь в определении растений.

тельных горизонтов. Спилов были взяты с наиболее хорошо сохранившихся бревен, содержащих значительное количество годовичных колец. Основное внимание уделялось тому, чтобы на спиле имелся участок поверхности с сохранившимся подкоровым годовичным кольцом. Наличие последнего устанавливалось в результате тщательного осмотра поверхности бревна. Участок древесины с сохранившимся подкоровым кольцом имеет более гладкую поверхность, а также побуревшие от времени остатки луба и коры.

Участок бревна, намеченный к выпиливанию, сначала стягивался алюминиевой проволокой, а затем поперечной пилой делался спил. В зависимости от степени сохранности древесины ширина спилов колебалась от 3 до 10 см.

Только что взятые образцы древесины были очень тяжелыми, так как содержали большое количество влаги. Чтобы облегчить транспортировку, их постепенно высушивали и время от времени стягивали проволокой. Окончательное высушивание до воздушно-сухого состояния производилось уже в лабораторных условиях.

В течение первого полевого сезона брались полные (или круговые) спилов, чтобы легче выявить выпадающие годовичные кольца. В последующие годы, когда уже была построена абсолютная дендрохронологическая шкала, из кругового спила выкалывался лишь наиболее хорошо сохранившийся сектор для измерения годовичных колец по одному радиусу.

С каждого сооружения или строительного горизонта стремились взять не менее двух-трех спилов, чтобы исключить ошибки, связанные с повторным использованием древесины. Лишь в тех случаях, когда нельзя было взять несколько образцов, ограничивались одним-двумя спилами. В первую очередь, спилов брались с окладных венцов, которые показывают год начала строительства сооружения.

Каждому спилу присваивался порядковый номер независимо от того, на каком раскопе он брался. Место взятия образца древесины отмечалось на планах и зарисовках раскопов (см. номера спилов на планах раскопов в приложениях). С археологической древесины было взято 240 спилов, из них в 1968 г. — 52 шт. (№ 1—50, 21а, 33а), в 1969 г. — 110 шт. (№ 51—160), в 1970 г. — 35 шт. (№ 161—195), в 1973 г. — 39 шт. (№ 195а, 196—233). Кроме того, в 1970 г. было взято четыре спила с бревен из Новой Мангазеи (№ 234—1, 235—2, 236—3, 237—4). Поскольку спилов 191, 192, 195 были утеряны, а спил 145 взят с ныне живущей старой лиственницы, то в общей сложности обработке подверглось 236 спилов археологической древесины. Краткая их характеристика приведена в табл. 4.

Наибольшее количество спилов взято на раскопах 2, 6—56 шт., раскопе 14—31 шт., раскопе 1 «гостиный двор»—22 шт., раскопе 21—21 шт. Вне территории мангазейского городища спилов были сделаны при рекогносцировочном обследовании Новой Мангазеи (4 шт.) и Енисейского волока (3 шт.), а также с пятистенной избы, находящейся в пос. Сидоровск (6 шт.).

Абсолютное большинство спилов взято с лиственничных (109 шт.) и еловых (103 шт.) бревен.

Кедровых спилов оказалось 13 шт., сосновых — 7 шт., ивовых — 3 шт., березовых — 1 шт. Диаметр изученных спилов колебался от 7 до 44 см (без коры), а в среднем оказался равным 22 см. Среднее количество годовичных колец в одном спиле составило 166 шт. (от 22 до 537 шт. у отдельных образцов).

Учитывая, что на полярной границе леса деревья доживают до 300—400 лет, т. е. наиболее старые из ныне живущих деревьев начали расти еще в период существования Мангазеи, была поставлена задача сопоставить современную и археологическую древесно-кольцевую хронологию и тем самым абсолютно датировать годовичные кольца образцов археологической древесины. В связи с этим большая работа была проделана по отысканию старых деревьев и построению дендрохронологических шкал по разным видам древесных растений, произрастающих в различных условиях местообитания. На основе изучения изменчивости ширины годовичных колец у живых деревьев было получено девять шкал.

С живых деревьев брались керны древесины при помощи шведского возрастного бурава (по одному радиусу). Несколько деревьев было срублено и с них взяты круговые спилов или сектора. В общей сложности для построения шкал по современной древесине (табл. 5) было использовано 160 модельных деревьев. Количество годовичных колец прироста у отдельных моделей колебалось от 90 до 365, а в среднем составило 216 на одно дерево. Наиболее длинная шкала (с 1604 г.) получена по ели, произрастающей в сухих местах. Кроме того, для датировки годовичных колец у археологической древесины использовались длительные шкалы, полученные нами ранее для южной части п-ова Ямал (с 1535 по 1964 г.) и Полярного Урала (с 1594 по 1962 г.).

Датировка годовичных колец на месте и во время проведения раскопок имеет ряд преимуществ по сравнению с камеральной обработкой, так как всегда можно заменить неудачный образец, в случае необходимости сделать дополнительные спилов, а также более целенаправленно планировать раскопки на основе уже полученных данных. К сожалению, такой возможности мы не имели. Абсолютное большинство спилов было обработано и датировано в лабораторных условиях, после окончания полевого сезона. Лишь в 1973 г. нам удалось датировать около 15 спилов непосредственно на месте.

Подсчет количества годовичных колец и их измерение производились на зачищенной поверхности спилов и буровых образцов. Ширина каждого годовичного кольца измерялась под микроскопом МБС-2 с точностью 0,025 мм. У спилов, взятых в первый полевой сезон, замер производился по двум радиусам. После того как была построена длительная абсолютная дендрохронологическая шкала и можно было определить местонахождение выпадающих колец, оказалось возможным производить датировку на основе измерения ширины колец по одному радиусу. Всего было изучено, измерено и обработано 73 606 годовичных колец, в том числе на образцах археологической древесины — 39 135, а на образцах современной древесины — 34 470.

Таблица 4

Характеристика спилов археологической древесины и результаты ее датировки

№ спила	Место взятия спила	Древесное растение	Диаметр спила без коры, см	Количество колец на спиле, шт.	Латы формирования колец		Год и сезон рубки дерева	Примечания
					сердцевинного	подкорового		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Раскоп 2/6								
11	Клеть южного комплекса, второй венец	Ель	22	204	1397	1600	Зима 1600/01 г.	Много кривево-древесины
48	Старая ограда	„	17	183	1418	1600	Зима 1600/01 г.	
65	Круговая ограда, второй венец	„	14	133	1468	1600	Зима 1600/01 г.	
66	Круговая ограда, окладной венец	„	19	118	1483	1600	Зима 1600/01 г.	
67	Круговая ограда в северо-восточной части раскопа 6	„	19	110	1491	1600	Зима 1600/01 г.	
80	Внутренняя ограда двора	„	19	164	1437	1600	Зима 1600/01 г.	
85	Внутренняя ограда в северной части раскопа 6	„	17	192	1409	1600	Зима 1600/01 г.	
97	Южный комплекс, юго-западный угол клетки	„	22	183	1418	1600	Зима 1600/01 г.	
98	То же	„	19	146	1455	1600	Зима 1600/01 г.	
99	Вертикально забранное бревно между северным и южным комплексами	„	21	180	1421	1600	Зима 1600/01 г.	
100	Вертикально забранное бревно между северным и южным комплексами	„	20	128	1473	1600	Зима 1600/01 г.	Повторное использование в 1614 г. (см. № 84)
101	Северный комплекс, западная клеть, юго-восточный угол, второй венец	Лист-венница	22	167	1434	1600	Зима 1600/01 г.	
102	То же	Ель	24	242	1359	1600	Зима 1600/01 г.	
105	Южный комплекс, столб у юго-восточного угла клетки	Лист-венница	30	182	1419	1600	Зима 1600/01 г.	
144	Восточный сруб, круговая ограда	Ель	20	154	1447	1600	Зима 1600/01 г.	
151	Южный комплекс, первая клеть, восточная стена	„	17	213	1388	1600	Зима 1600/01 г.	
153	То же	„	25	206	1397	1600	Зима 1600/01 г.	
154	„	„	23	194	1407	1600	Зима 1600/01 г.	
155	Внутренняя клеть, бревно сруба	„	25	160	1441	1600	Зима 1600/01 г.	
156	То же	Лист-венница	15	169	1432	1600	Зима 1600/01 г.	
159	Круговая ограда, нижняя часть западной стены	Ель	31	160	1441*	1600	Зима 1600/01 г.	Повторное использование бревна в 1614 г. (см. № 170)
167	Северная часть внутренней постройки, бревно из слоя под полом	Лист-венница	8	182	1419	1600	Зима 1600/01 г.	
171	Внутренняя ограда, забранное в паз бревно	Ель	19	164	1437	1600	Зима 1600/01 г.	
195	Столб с пазом, в который вставлены бревна сеней	Лист-венница	24	241	1360	1600	Зима 1600/01 г.	

Продолжение таблицы 4

№ спилов	Место взятия спилов	Древесное растение	Диаметр спила без коры, см	Количество колец на спиле, шт.	Даты формирования колец		Год и сезон рубки дерева	Примечания
					сердце-винного	подкоро-вого		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
218	Бревно с клетки	Лист-венни-ца	21	157	1444	1600	Зима 1600/01 г.	
1	Лага под клетью, сваливаю-щейся в обрыв	Ель	13	129	1473	1601	Июль 1601 г.	
152	Внутренний сруб	"	15	127	1477	1603	Зима 1603/04 г.	
81	Северная часть постройки, западная стенка большого сруба, второй венец	Лист-венни-ца	20	153	1452	1604	1604—1606 гг.	Периферийные кольца очень узкие
84	Восточный сруб, круговая ограда	Ель	24	176	1430	1605	Зима 1605/06 г.	
173	Северный комплекс, запад-ная клеть, бревно пола	"	14	102	1504	1605	Зима 1605/06 г.	
160	Круговая ограда, западная стена	"	14	140	1467	1606	Зима 1606/07 г.	
172	Северный комплекс, запад-ная клеть, внутренний сруб	"	14	92	1515	1606	Зима 1606/07 г.	
216	Бревно под лестницей	Лист-венни-ца	35	182	1425	1606	Зима 1606/07 г.	
217	Северная вымостка, столб под лестницей	Ель	22	202	1405	1606	Зима 1606/07 г.	
103	Столб у юго-восточного угла клетки В	"	23	207	1407	1613	Зима 1613/14 г.	На поверхности брев-на следы короедов
170	Вертикальный столб с пазом нижнего горизонта	"	21	201	1412	1612	1612—1614 гг.	Периферийные кольца очень узкие
78	Внутренняя ограда	Лист-венни-ца	19	256	1361	1616	1616—1617 гг.	
79	Столб с пазом, в который загнана ограда	То же	26	301	1316	1616	Зима 1616/17 г.	
82	Северный комплекс, восточ-ная клеть, южная стена, второй венец	"	21	86	1532	1617	Зима 1617/18 г.	
69	Верхний венец постройки	"	24	103	1516	1618	Зима 1618/19 г.	
83	Северный комплекс, восточ-ная клеть, восточная сте-на, окладной венец	"	25	304	1315	1618	Зима 1618/19 г.	
10	Третий венец сруба	"	27	161	1459*	1619	Зима 1619/20 г.	Сгнило 4—5 центровых колец
9	Второй венец клетки	"	36	236	1385	1620	Зима 1620/21 г.	
68	Северный комплекс, восточ-ная клеть, бревно в зава-ле постройки	Ель	18	138	1483	1620	Зима 1620/21 г.	
96	Клеть А (восточная полови-на), второй венец	Лист-венни-ца	28	218	1403	1620	Зима 1620/21 г.	
95	Верхний горизонт, столб с пазом и забранным в него бревном	То же	22	268	1354	1621	1621/22 г.	
157	Верхняя ограда	"	26	217	1406	1622	Июнь 1622 г.	
13	Верхний горизонт, западная клеть, восточная стена, окладной венец	Ель	30	255	1370	1624	Зима 1624/25 г.	Повторное использова-ние бревна в 1637 г. (см. спил № 14)

Продолжение таблицы 4

№ спилов	Место взятия спилов	Древесное растение	Диаметр спила без коры, см	Количество колец на спиле, шт.	Даты формирования колец		Год и сезон рубки дерева	Примечания
					сердце-винного	подко-рового		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
15	Окладной венец сеней верх-него горизонта	Лист-венни-ца	31	263	1362*	1624	Зима 1624/25 г.	Периферийные кольца очень узкие, сгнило 3 центровых кольца
14	Верхний горизонт, окладной венец	Кедр	23	331	1306*	1636	Зима 1636/37 г.	Сгнило 3—4 центровых кольца
106	Южный комплекс, северная стена клетки	Ель	36	139	1498	1636	Зима 1636/37 г.	
12	Вертикальный столб около клетки	Лист-венни-ца	44	537	1103	1639	Зима 1639/40 г.	
64	Верхний горизонт	Ель	27	159	1490	1648	Зима 1648/49 г.	
86	То же	"	25	188	1461	1648	Зима 1648/49 г.	
63	"	"	36	142	—	—	—	Не датируется
158	Ограда	Береза	15	—	—	—	—	"
Раскоп 2 (крепостные стены)								
6	Западная стена, окладной венец	Ель	24	162	1445	1606	Зима 1606/07 г.	
7	То же	Кедр	21	164	1443	1606	Зима 1606/07 г.	
8	"	Лист-венни-ца	18	156	1451	1606	Зима 1606/07 г.	
Раскопы 2 и 4 (тынообразные стены)								
3	Основание вертикального столба	Ель	26	178	1472	1649	Зима 1649/50 г.	
4	То же	"	21	280	1370	1649	Зима 1649/50 г.	
5	"	"	29	436	1514	1649	Зима 1649/50 г.	
19	"	"	22	143	1508*	1650	Июль 1650 г.	Сгнило 15—20 центро-вых колец
20	"	"	31	51	1600*	1650	Зима 1650/51 г.	Сгнило более 100 цен-тровых колец
Раскоп комплекс А								
130	Нижний горизонт, южная стена постройки с дверя-ми, верхний венец	Лист-венни-ца	18	151	1467	1617	Зима 1617/18 г.	
184	Торговое помещение, север-ная стена	То же	20	155	1463	1617	Зима 1617/18 г.	
131	Нижний горизонт, западная стена постройки с дверями, верхний венец	"	22	134	1485*	1618	Зима 1618/19 г.	Сгнило 80—100 цент-ровых колец
135	Лага под вымосткой	"	16	440	1479	1618	Зима 1618/19 г.	
134	Южная стена постройки	"	25	276	1344*	1619	Зима 1619/20 г.	Сгнило 2—3 центровых кольца
132	Верхний горизонт, столб около дверей	Ель	20	210	1427*	1636	Зима 1636/37 г.	Сгнило 15—18 центро-вых колец

Продолжение таблицы 4

№ спилов	Место взятия спилов	Древесное растение	Диаметр спила без коры, см	Количество колец на спиле, шт.	Даты формирования колец		Год и сезон рубки дерева	Примечания
					сердце-винного	подкоро-вого		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
133	Западная постройка, южная стена	Лист-венница	25	158	1480	1637	Зима 1637/38 г.	
2	Лага из постройки	Ель	12	70	—	—	—	Не датируется
Раскоп гостинный двор								
182	Бревно в районе северной вымостки	Ель	23	188	1391	1578	Зима 1578/79 г.	Имеются ходы короедов
162	Восточная стенка амбара, забранное в пазы нижнее бревно	"	17	248	1358	1605	После 1605 г.	Имеются ходы короедов; дерево, возможно, усохло на корню
165	Столб в районе северной вымостки	"	7	94	1513	1606	Зима 1606/07 г.	
166	То же	"	7	61	1547	1607	Зима 1607/08 г.	
163	Восточная стенка амбара, забранное в пазы нижнее бревно	"	29	192	1419	1610	Зима 1610/11 г.	
51	Центр двора, западная малая клеть	Лист-венница	13	150	1463	1612	Зима 1612/13 г.	
61	Верхний горизонт, западная стена сруба	Кедр	29	248	1366	1613	1613—1614 гг.	Повторное использование древесины в 1633 г. (см. спил № 107)
53	Северная клеть, лага из-под пола	Ель	22	88	1528	1615	Зима 1615/16 г.	
58	Лага сеней (под настилом)	Лист-венница	18	186	1431	1616	Июнь—июль 1616 г.	
56	Восточная стена средней клетки, лага	Ель	15	78	1539	1616	Зима 1616/17 г.	
57	Подкладка средней клетки	"	9	161	1456	1616	Зима 1616/17 г.	
59	Западная стена средней клетки, окладное бревно	"	21	166	1451	1616	Зима 1616/17 г.	
72	Северная стена клетки, второй венец	Лист-венница	29	95	1522	1616	Зима 1616/17 г.	
73	Западная стена амбара, вставленное в столбы с пазами бревно	То же	22	193	1424	1616	Зима 1616/17 г.	
74	То же	"	17	176	1441	1616	Зима 1616/17 г.	
164	Северное крыло, столб с пазом у южного окладного венца	Лист-венница	25	219	1398	1616	Зима 1616/17 г.	
75	Северная клеть, южная стена, третий венец	Ель	18	123	1495	1617	Зима 1617/18 г.	
76	Лага под полом	Лист-венница	17	291	1327	1617	Зима 1617/18 г.	
161	Северная клеть, южная стена, второй венец	Ель	20	215	1403	1617	Зима 1617/18 г.	
77	Вертикальный столб около маленькой клетки	Лист-венница	20	296	1324	1619	Зима 1619/20 г.	

Продолжение таблицы 4

№ спилов	Место взятия спилов	Древесное растение	Диаметр спила без коры, см	Количество колец на спиле, шт.	Даты формирования колец		Год и сезон рубки дерева	Примечания
					сердце-винного	подкоро-вого		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
107	Верхний горизонт, восточная стена, окладной венец	Лист-венница	39	298	1335	1632	Зима 1632/33 г.	
108	Верхний горизонт, северная постройка, южная стена, окладной венец	Ель	28	179	1472	1650	Зима 1650/51 г.	
Раскоп 5								
21	Северо-восточный переруб, окладной венец	Ель	39	117	1509	1625	Зима 1625/26 г.	
21a	Крупная щепка, взятая из-под окладного венца	"	—	53	1573*	1625	Зима 1625/26 г.	Стесано топором около 100 центровых колец
22	Полусгнившая продольная вымостка	Лист-венница	—	113	1501*	1613	—	Свыше 10 периферийных и 20 центровых колец сгнило
Раскоп 7								
17	Западная стена, окладное бревно у двойного переруба	Кедр	38	333	1322	1654	Зима 1654/55 г.	
16	Детский гробик	Лист-венница	22	269	1399*	1667	Зима 1667/68 г.	Сгнило 2—3 центровых кольца
Раскоп 8								
120	Северная стена сеней, второй венец	Ель	19	360	1244	1603	1604/05 г.	Сгнило 2—3 периферийных кольца
119	Северная стена сеней, верхний венец	Лист-венница	22	217	1391	1607	Зима 1607/08 г.	
125	Западная стена постройки, второй венец	То же	17	252	1357	1608	Зима 1608/09 г.	
124	Северная стена постройки, верхний венец	"	16	184	1430	1613	Зима 1613/14 г.	
149	Верхний строительный горизонт, северная клеть, северная стена	"	19	239	1398	1636	Зима 1636/37 г.	
150	То же	Ель	22	121	1516	1636	Зима 1636/37 г.	
128	Постройка с дверью, северный угол	Лист-венница	28	177	1469	1646	Зима 1646/47 г.	
127	Северные сени, западная стена	Ель	15	62	1587	1648	Зима 1648/49 г.	
181	Верхний горизонт, стена сруба	"	26	171	1488	1658	Зима 1658/59 г.	
123	Бревно галереи	"	14	81	1652	1732	Зима 1732/33 г.	
47	Деревянная конструкция галереи, пристроенная к северной части основной постройки	Лист-венница	15	68	1669	1736	Зима 1736/37 г.	
121	Столб у южной стены сеней	То же	26	156	1581	1736	Зима 1736/37 г.	
126	Ограда, западная стенка	Ель	16	54	1691	1744	Июнь 1744 г.	

Продолжение таблицы 4

№ спилов	Место взятия спилов	Древесное растение	Диаметр спила без коры, см	Количество колец на спиле, шт.	Даты формирования колец		Год и сезон рубки дерева	Примечания
					сердце-винного	подкоро-вого		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
35	Бревно галереи	Лист-венница	17	103	1659	1761	Зима 1761/62 г.	
122	Восточная стена пристройки	То же	22	95	1667	1761	Зима 1761/62 г.	
34	Жилой дом, окладной венец	"	20	58	1717	1774	Зима 1774/75 г.	
Раскоп 9								
37	Северная клеть, северная стена, окладной венец	Лист-венница	17	139	1488	1626	1626—1627 гг.	Очень узкие периферийные кольца
146	Нижний горизонт, средняя клеть	Ель	18	155	1474	1628	Зима 1628/29 г.	
36	Верхний горизонт, северная стена	"	30	146	1495	1640	Зима 1640/41 г.	
Раскоп 10								
148	Западная клеть, западная стена, окладной венец	Лист-венница	18	163	1440	1602	Зима 1602/03 г.	
143	Восточный угол сруба, окладной венец	То же	29	132	1494	1625	1626—1628 гг.	Очень узкие периферийные кольца
142	Южная сторона сруба, второй венец	"	29	114	1514	1627	1627—1628 гг.	То же
147	Западный сруб, южная стена, окладной венец	Ель	19	242	1395	1636	Зима 1636/37 г.	
Раскоп 11								
18	Вымостка погребения	Лист-венница	7	127	1592	1718	1719—1722 гг.	Очень узкие периферийные кольца
Раскоп 12								
168	Вертикально забранное бревно	Лист-венница	16	143	1331*	1473	После 1473 г.	Большое количество периферийных колец стесано топором; сгнило 5—6 центральных колец
38	Тюремная постройка, окладной венец	То же	27	217	1384	1600	Зима 1600/01 г.	
39	Тонкое бревно между тыном и восточной стеной постройки	"	10	149	1452	1600	Зима 1600/01 г.	
46	Угол сруба нижнего горизонта	"	23	236	1365	1600	Зима 1600/01 г.	
62	Нижний горизонт, окладной венец	Ель	26	177	1424	1600	Зима 1600/01 г.	
71	Деревянная колотушка из нижнего горизонта	Лист-венница	12	167	1434	1600	Зима 1600/01 г.	
87	Столб из-под бревна нижнего горизонта	То же	30	272	1329	1600	Зима 1600/01 г.	
70	Верхний горизонт, северное бревно	"	42	113	1504	1616	Зима 1616/17 г.	

Продолжение таблицы 4

№ спилов	Место взятия спилов	Древесное растение	Диаметр спила без коры, см	Количество колец на спиле, шт.	Даты формирования колец		Год и сезон рубки дерева	Примечания
					сердце-винного	подкоро-вого		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Раскоп 14								
52	Отдельное бревно в стене раскопа	Лист-венница	17	221	1355	1375	1575—1580 гг.	Периферийные кольца очень узкие с патологическими смоляными ходами
23	Ранняя постройка, верхний венец	То же	12	165	1436	1600	Зима 1600/01 г.	
24	То же	"	16	145	1456	1600	Зима 1600/01 г.	
27	Пень на месте произрастания дерева, рядом со срубом	"	20	204	1397	1600	Зима 1600/01 г.	
45	Бревно, находившееся рядом с толстым бревном	Ель	21	164	1437	1600	Зима 1600/01 г.	
141	Нижний горизонт, западная сторона постройки	Ель	21	140	1468	1607	Зима 1607/08 г.	
169	Нижний горизонт в восточной части раскопа, окладной венец	Кедр	18	128	1480	1607	Зима 1607/08 г.	
137	Бревно в постройке	Ель	21	257	1354*	1610	1611/12 г.	Имеются ходы коро-едов; дерево, возможно, усохло на корню; сгнило около 50 центральных колец
94	Окладной фронтальный венец	"	20	184	1428	1611	1612 г.	Дерево, возможно, усохло на корню; имеются следы коро-едов
111	Нижний горизонт, западная часть раскопа, разброс бревен	"	22	144	1473	1616	Зима 1616/17 г.	
113	Столб в западной части раскопа	Лист-венница	27	310	1305	1614	1615—1618 гг.	Периферийные кольца очень узкие
32	Хозяйственная постройка, окладной венец	Ель	22	140	1478	1617	Зима 1617/18 г.	
33	Хозяйственная постройка, второй венец	"	21	135	1483	1617	Зима 1617/18 г.	
117	Постройка промышленника, западная стена, окладной венец	Лист-венница	24	122	1496	1617	Зима 1617/18 г.	
136	Постройка промышленника, восточная стена, окладной венец	Ель	29	167	1451	1617	Зима 1617/18 г.	
31	Поздняя хозяйственная постройка, третий (верхний) венец	Кедр	15	136	1492*	1627	Зима 1627/28 г.	Сгнило 9—10 центральных колец
33а	Короткое бревно, извлеченное при раскопках	"	19	166	1462	1627	Зима 1627/28 г.	Сгнило 10—15 центральных колец
25	Фасад поздней постройки	Ель	20	84	1545	1628	Июль 1628 г.	Повторное использование древесины в 1638 г. (см. спил № 26)
30	Хозяйственная постройка, второй венец	"	17	158	1471?	1628?	Зима 1628/29 г.	Не вполне уверенная датировка
112	Западная часть раскопа, разброс бревен	Лист-венница	24	215	1416	1630	Зима 1630/31 г.	

№ спилов	Место взятия спилов	Древесное растение	Диаметр спила без коры, см	Количество колец на спиле, шт.	Даты формирования колец		Год и сезон рубки дерева	Примечания
					сердце-винного	подкорового		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
29	Третий (верхний) венец постройки	Ель	18	81	1586	1636	Зима 1636/37 г.	Сгнило 3—4 центральных кольца
55	Северная клеть трёхчастной постройки, южная стена, окладной венец	Кедр	33	135	1502	1636	Зима 1636/37 г.	
26	Фасад поздней постройки	Ель	24	142	1496	1637	Зима 1637/38 г.	
28	Второй венец постройки, угол сруба	„	27	128	1510	1637	Зима 1637/38 г.	
54	Южная клеть трёхчастной постройки, восточная стена, верхний горизонт	„	21	101	1537*	1637	Зима 1637/38 г.	
92	Окладной торцовый венец	Лист-венница	33	147	1491	1637	Зима 1637/38 г.	
93	Окладной фронтальный венец	То же	27	146	1492	1637	Зима 1637/38 г.	
109	Средний горизонт, отдельный сруб, бревно внутреннего переруба	Кедр	23	126	1512	1637	Зима 1637/38 г.	
110	Средний горизонт, отдельный сруб, западная стена	Лист-венница	24	146	1492	1637	Зима 1637/38 г.	
118	Поздняя постройка, южная стена	То же	29	106	1532	1637	Зима 1637/38 г.	
60	Верхний горизонт, восточная стена, окладной венец	„	28	117	1537	1653	Зима 1653/54 г.	
Раскоп 16								
11 6	Южная стена постройки, верхний венец	Ель	25	202	1445*	1646	1646/47 г.	Дерево, возможно, усохло на корню; сгнило 50—60 центральных колец
129	Восточная стена, окладной венец	„	44	361	1289	1649	Зима 1649/50 г.	
Раскоп 17								
114	Настил перед северной стеной постройки	Ель	10	120	1481	1600	Зима 1600/01 г.	Сгнило 110—130 центральных колец
115	То же	Лист-венница	12	90	1511*	1600	Зима 1600/01 г.	
Раскоп 18								
138	Восточная стена строения, второй венец	Ель	22	195	1430*	1624	Зима 1624/25 г.	Сгнило 2—3 центральных кольца
139	Лага под полом	Лист-венница	16	121	1686*	1806	Зима 1806/07 г.	
Раскоп 19								
180	Внутренний двор, горизонтально лежащее бревно	Лист-венница	18	181	1447	1627	Зима 1627/28 г.	Сгнило 150—180 центральных колец
179	Стена северных сеней	Ель	15	91	1547	1637	Зима 1637/38 г.	

Продолжение таблицы 4

№ спилов	Место взятия спилов	Древесное растение	Диаметр спила без коры, см	Количество колец на спиле, шт.	Даты формирования колец		Год и сезон рубки дерева	Примечания
					сердце-винного	подкорового		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Раскоп 20								
174	Вертикально забранный столб	Кедр	24	244	1273	1530	После 1580 г.	Имеется 40—50 очень узких периферийных колец; дерево, возможно, усохло на корню
175	Пол восточной клетки	Лист-венница	16	161	1440	1600	Зима 1600/01 г.	
177	Южная клеть, северная стена	Ель	19	153	1448	1600	Зима 1600/01 г.	
176	Западная клеть, восточная стена	„	22	167	1437	1603	Зима 1603/04 г.	
178	Наружная вымостка	Лист-венница	19	207	1397	1603	Зима 1603/04 г.	
Раскоп 21								
188	Нижний горизонт, северный окладной венец	Лист-венница	29	108	1486	1593	Зима 1593/94 г.	Периферийное кольцо почти полностью разрушилось, сгнило 2—3 центральных кольца
195a	Прибрежная клеть, левое окладное бревно	Ель	20	130	1471*	1600	1600/01 г.	
197	Нижний горизонт, коридор, отдельное перерубленное бревно	„	18	117	1481*	1607	Зима 1607/08 г.	
209	Южная клеть, восточная стена	Лист-венница	21	199	1412	1610	Зима 1610/11 г.	
219	Нижний горизонт, западная часть раскопа, бревно клетки	Ель	24	222	1398	1619	Зима 1619/20 г.	
228	Нижний горизонт, лага вымостки	Лист-венница	16	161	1461	1621	Зима 1621/22 г.	
211	Лага	То же	16	214	1412	1625	Зима 1625/26 г.	
193	Нижний ярус, лага мостовой	„	20	404	1225	1628	После 1628 г.	
187	Южная клеть в западной части раскопа, восточная стена, окладной венец	Ель	24	147	1481	1627	1627—1629 гг.	
194	Южная стена, окладной венец	Лист-венница	28	102	1528*	1629	Зима 1629/30 г.	
196	Средний горизонт, южная клеть, северная стена	То же	26	289	1341	1629	Зима 1629/30 г.	Сгнило 150—180 центральных колец
210	Восточная клеть, примыкающая к вымостке, западная стена	Лист-венница	20	132	1500*	1631	1631/32 г.	
189	Ограда	То же	23	129	1506	1634	Зима 1634/35 г.	
198	Средний горизонт (на мостовой), крыльцо южного комплекса	„	17	115	1520	1634	Зима 1634/35 г.	

Продолжение таблицы 4

№ спил	Место взятия спилов	Древесное растение	Диаметр спила без коры, см	Количество колец на спиле, шт.	Даты формирования колец		Год и сезон рубки дерева	Примечания
					сердцевидного	подкоровного		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
212	Столб северной клетки	Ель	13	209	1426*	1634	Зима 1634/35 г.	Сгнило 2—3 центральных кольца
190	Восточная половина раскопа, сруб южной клетки	Лист-венница	25	214	1423	1636	Зима 1636/37 г.	
213	Ограда восточной клетки, примыкающей к вымостке, западное бревно	Ель	16	133	1504*	1636	Зима 1636/37 г.	Сгнило 3—4 центральных кольца
229	Нижний горизонт, лага северной пристройки	"	14	152	1487*	1638	Зима 1638/39 г.	Сгнило 40—50 центральных колец
200	Лага	Лист-венница	13	180	1469	1648	Зима 1648/49 г.	
199	Средний горизонт, центральная клетка, северная стена	То же	27	120	1530	1649	Зима 1649/50 г.	
222	Нижний горизонт, подкладка под верхнюю лагу	Ива	22	89	—	—	—	Не датируется

Раскоп 22

201	Восточная клетка набережной, восточная стена	Лист-венница	11	84	1529*	1612	Зима 1612/13 г.	Имеется еще 40—50 очень узких колец в центре спила
208	Нижний горизонт, южный комплекс; клетка с сенями, южная стена	То же	30	162	1456	1617	Зима 1617/18 г.	
206	Верхний горизонт, клетка на границе двух раскопов, западная стена, окладное бревно	"	25	140	1481	1620	Зима 1620/21 г.	
204	Сени северного комплекса, восточная стена	"	23	216	1412*	1627	Зима 1627/28 г.	Сгнило 2—3 центральных кольца
207	Верхний горизонт, клетка на границе двух раскопов, западная стена, верхний венец	"	23	192	1436	1627	Зима 1627/28 г.	
202	Верхний горизонт, центральное здание, восточная стена	"	33	166	1472*	1637	Зима 1637/38 г.	Сгнило 5—6 центральных колец
203	Главное здание северного комплекса, южная стена, второй венец	"	31	239	1399	1637	Зима 1637/38 г.	
205	Нижний горизонт южного комплекса, восточная стена	Ель	26	89	—	—	—	Не датируется

Раскоп 23

221	Вертикальный столб около прибрежной вымостки	Ель	17	128	1463*	1590	1590/91 г.	Имеется ходы коро-едов, сгнило 80—100 центральных колец
227	Бревно длиной около 1 м под основанием фундамента	"	28	126	1496*	1621	Зима 1621/22 г.	Сгнило 6—7 центральных колец
220	Верхний горизонт, окладной венец	Кедр	20	229	1398*	1626	Зима 1626/27 г.	Сгнило 2—3 центральных кольца
223	Нижний горизонт, окладной венец	Ель	23	79	1549	1627	Зима 1627/28 г.	

Продолжение таблицы 4

№ спил	Место взятия спилов	Древесное растение	Диаметр спила без коры, см	Количество колец на спиле, шт.	Даты формирования колец		Год и сезон рубки дерева	Примечания
					сердцевидного	подкоровного		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
225	Ограда нижнего горизонта	Ель	21	184	1444	1627	Зима 1627/28 г.	
224	Ограда нижнего горизонта	Ива	16	37	—	—	—	Не датируется
226	Нижний горизонт, лага под западной клетью	Ель	10	32	—	—	—	" "

Раскоп 24

214	Верхний горизонт, западный комплекс, южная клетка, западная стена	Лист-венница	25	158	1488	1645	1645 г.	
-----	---	--------------	----	-----	------	------	---------	--

Траншея

185	Бревно нижнего горизонта	Лист-венница	17	261	1340	1600	1600/01 г.	
186	Бревно верхнего горизонта	Ель	12	197	1433	1629	Зима 1629/30 г.	

Развал бревен у городской стены

43	Бревно на поверхности земли	Лист-венница	19	160	1729	1888	1889—1900 гг.	Сгнило 5—10 периферийных колец
----	-----------------------------	--------------	----	-----	------	------	---------------	--------------------------------

Развал бревен между раскопами 11 и 14

42	Бревно на поверхности земли	Кедр	28	213	1631	1843	После 1860 г.	Сгнило 10—20 периферийных колец
----	-----------------------------	------	----	-----	------	------	---------------	---------------------------------

Территория около угловой башни

44	Фигурное бревно на поверхности земли	Кедр	18	105	1717*	1821	1822—1832 гг.	Сгнило около 10 периферийных и 3 центральных кольца
----	--------------------------------------	------	----	-----	-------	------	---------------	---

Спилы с мачты, марша и досок кочей

40	Раскоп 14, доска с коча	Сосна	29	84	—	—	—	Не датируется
41	То же	"	36	85	—	—	—	" "
50	"	"	35	118	—	—	—	" "
104	Раскоп 6, марш коча	"	28	102	—	—	—	Не датируется
183	Раскоп 14, кильевая доска	"	35	45	—	—	—	" "
230	Раскоп 21, мачта коча	"	39	39	—	—	—	" "

Примечание: Звездочкой отмечены спилы, у которых отсутствует сердцевидное кольцо.

Для каждой модели по результатам замеров строился график изменения ширины годовых колец. По этим графикам в дальнейшем производилась перекрестная датировка: выявлялись выпадающие кольца, определялись относительные и абсолютные даты формирования годовых колец.

Относительная и абсолютная датировка годовых колец древесины производилась визуально на основе принципа перекрестного датирования, который был разработан А. Е. Дугласом в 1911 г.¹

¹ Douglass A. E. Climatic cycles and tree-growth. Carnegie Institution Washington, Publ. № 289, Vol. I, 1919, 127 p., ill. 12 pl.

Этот принцип является важнейшим в дендрохронологии. Основные его положения сводятся к следующему.

Древесные растения, произрастающие в пределах какого-либо района, величиной прироста древесины сходно реагируют на изменение внешних условий. В благоприятные по климатическим условиям годы формируются широкие кольца, а в неблагоприятные — узкие. В связи с этим у большей части деревьев наблюдается синхронное изменение ширины годовых колец как во времени, так и в пространстве (в пределах однородного по климатическим условиям района). Особенно показательно узкие кольца, формирующиеся в неблаго-

Таблица 5

Характеристика дендрохронологических шкал, полученных на основе изучения годовичных колец у ныне живущих деревьев (окрестности Мангазеи)

Вид древесного растения	Тип условий местообитания	Код-но модели, шт.	Код-но изученных годовичных колец, шт.	Протяженность шкалы		Коэффициент чувствительности
				года	Код-но лет	
Лиственница сибирская	Сухие	22	4804	1683—1969	287	0,31
Лиственница сибирская	Свежие	22	5092	1624—1969	346	0,34
Лиственница сибирская	Обильно и проточно увлажненные	29	6090	1633—1969	337	0,34
Лиственница сибирская	Избыточно и застойно увлажненные	8	1128	1723—1969	247	0,35
Ель сибирская	Сухие	22	5769	1604—1969	366	0,26
Ель сибирская	Свежие	15	2846	1675—1969	295	0,28
Ель сибирская	Обильно и проточно увлажненные	21	4183	1671—1969	299	0,30
Ель сибирская	Избыточно и застойно увлажненные	4	937	1659—1969	311	0,28
Кедр сибирский	Обильно и проточно увлажненные	17	3621	1642—1969	328	0,24
Итого:	—	160	34470		—	—

приятные годы (засуха, холодное лето), т. е. тогда, когда в наибольшей степени проявляется действие лимитирующих факторов. Широкие кольца обычно менее показательны, так как они формируются в благоприятные годы не у всех деревьев в связи с воздействием различного рода местных и второстепенных факторов¹.

Чередуемость узких и широких колец неповторимо по времени, поэтому совместить графики изменения ширины колец у сравниваемых деревьев можно лишь в пределах того интервала времени, в течение которого они росли совместно. Синхронность рисунков колец у сравниваемых деревьев сразу же исчезает, если мы сдвинем перекрестно датированные кольцевые серии по отношению друг к другу даже на один год. Таким образом, перекрестная датировка — это сравнение синхронности хода величины годовичного прироста у различных деревьев и выбор точного места, где соответствие между ними найдено.

Примеры перекрестной датировки между отдельными моделями, взятыми на территории Мангазейского городища, приведены в прилож. XXXI, XXXII. Метод перекрестной датировки позволяет выявлять ложные и выпадающие годовичные кольца. Для этой цели изучается и сопоставляется изменчивость ширины годовичных колец у многих образцов. В случае появления ложного или выпадающего кольца синхронность на отдельных отрезках древесно-кольцевых серий нарушается.

При помощи метода перекрестной датировки устанавливается относительное и абсолютное время формирования годовичных колец прироста древесины.

¹ McGinnies W. G. Dendrochronology. J. Forestry, Vol. 61, № 1, 1963. Б. А. Колчин. Дендрохронология Новгорода. — В кн.: Новые методы в археологии. М., Изд-во АН СССР, 1963. Труды Новгородской археологической экспедиции, т. III. Материалы и исследования по археологии СССР, вып. 117, с. 5—103.

Относительная датировка заключается в определении пар колец у сравниваемых образцов, которые сформировались в один и тот же год, но календарные даты их неизвестны. Относительная датировка позволяет, например, определить, на сколько лет позднее или раньше было срублено дерево по отношению к другому, т. е. определить разницу в годах формирования подкорковых колец. Так, если мы сопоставим графики изменения ширины годовичных колец моделей № 223 и № 91, не привязывая их к календарной шкале, то увидим, что модель № 223 была срублена на 20 лет позднее, чем модель № 91 (см. прилож. XXXI).

Абсолютная датировка включает точное определение календарной даты формирования каждого годовичного кольца у исследуемых образцов древесины. Она может быть осуществлена только в том случае, если известна календарная дата рубки дерева (или взятия бурового образца) хотя бы у одной из перекрестно датированных серий. Зная дату формирования подкоркового кольца прироста, можно при помощи обратного расчета абсолютно датировать все кольца данной серии. После этого при помощи метода перекрестной датировки можно легко определить календарные даты формирования колец у других образцов. Примеры абсолютной датировки годовичных колец у образцов археологической древесины приведены в прилож. XXXI, XXXII. При этом привязка к календарной шкале была осуществлена при помощи шкалы, полученной на основе изучения годовичных колец у ныне живущих старых деревьев.

Благодаря методу перекрестной датировки представляется возможным расширить древесно-кольцевые хронологии за пределы возраста наиболее старых из ныне живущих деревьев. Для этих целей используется ископаемая и археологическая древесина. Считается, что для надежной датировки необходимо, чтобы сравниваемые кольцевые серии пере-

крещивались между собой не менее чем на 50 лет¹. Величина минимального промежутка перекрещивания зависит в основном от чувствительности и синхронности сравниваемых кольцевых серий. Чем сильнее изменяется величина годовичного прироста от года к году и чем синхроннее эти изменения, тем надежнее перекрестная датировка. Вопросы перекрестной датировки применительно к археологическим объектам в последнее время детально обсуждены в работе Стоукса и Смайли².

Датировка археологической древесины заключается в определении относительной и абсолютной даты формирования подкоркового кольца прироста древесины, а в случае его отсутствия — сохранившегося периферийного кольца. Иначе говоря, определяется дата рубки дерева, которая является исходной при определении времени сооружения той или другой постройки. Так как дата формирования подкоркового кольца определяется с точностью до года (и даже сезона), а древесина срубленного дерева обычно сразу идет в дело, то точность определения времени возведения постройки в большинстве случаев составляет 1—2 года. Столь высокую точность датировки древесины не обеспечивает ни один из существующих методов.

При датировке годовичных колец мангазейской древесины мы пользовались сравнительно простыми приемами, поскольку здесь наблюдаются резкие и синхронные колебания ширины годовичных колец деревьев и слабая выраженность кривой «большого периода роста»³. Это видно как из графиков, при-

веденных в прилож. XXXI, XXXII, так и из данных табл. 5, где приведены значения коэффициента чувствительности шкал, полученных по современной древесине (от 0,24 до 0,35). В качестве примера, иллюстрирующего слабую выраженность изменения ширины годовичных колец с возрастом дерева, приведен график изменения абсолютной величины прироста у модели № 233 (см. прилож. XXXI, XXXII). В связи с этим датировку годовичных колец у мангазейской древесины оказалось возможным производить при помощи графиков, построенных на пропорциональной шкале. Датировку облегчало также наличие на взятых спилах значительного количества годовичных колец (в среднем 166 на модель) и знание промежутка времени существования Мангазеи (с 1601 по 1672 гг.).

Определенные затруднения возникали при датировке тех спилов, у которых периферийные кольца были очень узкими, трудно различимыми даже при 40—60-кратном увеличении. По всей вероятности такие спилы были взяты с деревьев, которые в момент рубки были в угнетенном состоянии или уже усохли на корню. Таких моделей оказалось 17. Все они отмечены в примечании к табл. 4. У некоторых из них не удалось точно установить дату формирования подкоркового кольца, поэтому год рубки или гибели дерева установлен с меньшей степенью точности (до 2—5 лет).

У лиственничных спилов довольно часто наблюдались случаи выпадения годовичных колец (примерно на каждую сотню изученных колец приходилось одно выпавшее кольцо). У еловых и кедровых образцов выпадающие кольца встречались очень редко. Поскольку в нашем распоряжении имелось большое количество образцов, то выявление выпадающих колец особых затруднений не вызывало. Что касается ложных колец, то они встречались чрезвычайно редко (всего несколько случаев) и легко выявлялись при рассматривании их под микроскопом.

¹ Schulman E. Dendroclimatic changes in semiarid America. University of Arizona Press, Tucson, Arizona, 1956, 142 p. ill.

² Stokes M. A., Smiley T. L. An introduction to tree-ring dating. University of Chicago Press, Chicago, 1968, XIV, 73 p., ill.

³ С. Г. Шиятов. О некоторых особенностях роста древесных растений на верхнем и полярном пределах лесов. — В кн.: Вопросы лесного прироста в лесоустройстве. Каунас, 1967, с. 107—111.

ГЛАВА 7

МАНГАЗЕЙСКИЙ МОРСКОЙ ХОД. КОЛЛЕКЦИЯ СУДОВЫХ ЧАСТЕЙ И ГРАФИЧЕСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЙ

Находки древних судов и наскальных рисунков — редкое явление. На территории нашей страны петроглифы с изображениями лодок и судов обнаружены на Кольском полуострове и побережье Белого моря¹, а также на Чукотке, где найдены наскальные изображения лодок².

Значительно реже суда встречаются в самих раскопках. Судовые части обнаружены при раскопках Великого Новгорода. Даже произведена попытка реконструкции новгородской ладьи X—XI вв.³

В свете сказанного находка морских судов на городище Мангазеи представляется особенно важной. Речь идет о богато представленной коллекции основных частей полярных кораблей — килей, фор- и ахтерштевней, мачт, шпангоутов, бортовых и палубных досок, пера руля и др. деталей полярных судов XVI—XVII вв. Находки этих вещей позволяют приступить к восстановлению самого древнего русского полярного корабля. К этому надо добавить находку графических изображений мангазейских судов, выполненных на кочевых досках древними мастерами.

В исторической литературе известны исследования морских и речных путей. Среди этих работ следует отметить монографию Н. П. Загоскина «Русские водные пути и судовое дело в допетровской России» (Казань, 1910), а также выдающуюся работу С. В. Бахрушина «Вопрос о присоединении Сибири в исторической литературе. Очерк второй. Пути в Сибирь в XVI—XVII вв.»⁴. Если первый из названных исследователей рассмотрел характер и типы древнерусских судов и передвижение их по речной системе Европейской части России, то второй — пути движения землепроходцев от Урала до Тихого океана, в особенности по северной части Западной и Восточной Сибири.

Автор этих строк посвятил свое исследование арктическому плаванию и устройству русских мор-

ских судов¹, а также полярному судостроению в XV—VII вв., отметив особенности создания плотниц, т. е. верфей на Европейском Севере и на речных системах Сибири, а также документальному описанию судов, ходивших как в устьях сибирских рек, так и в Белом и Баренцевом морях².

Настоящая глава посвящена двум разделам проблемы: 1) развитию полярного мореплавания между Русским Поморьем и севером Западной Сибири по Мангазейскому морскому ходу XVI—XVII вв.; 2) анализу коллекций судов и их графических изображений, обнаруженных на городище Мангазеи.

Развитие полярного мореплавания в Обской и Тазовской губах. Мангазейский морской ход

О Мангазейском морском ходе — одной из крупнейших арктических магистралей, идущей по параллели между 66 и 70° с. ш. и связавшей Европу с Азией удобным транспортным путем, писали в XVII в. И. Балак, Д. Логан, В. Преслоу³, Ричард Джеймс⁴, в XVIII в. — Г. Ф. Миллер⁵, во второй половине XIX в. — П. Н. Буцинский⁶, в начале XX в. — Д. Н. Анучин⁷, Б. М. Житков⁸, А. М. Филиппов⁹, в советское время — С. Ф. Платонов¹⁰,

¹ Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на островах Фаддея и на берегу залива Симса. Сб. статей. Л.—М., Изд-во Главсевморпути, 1951, с. 63—80.

² М. И. Белов. Арктическое мореплавание..., с. 188—215.

³ М. П. Алексеев. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1941, с. 182—188, 190—196, 218—228, 231—235.

⁴ Б. А. Ларин. Русско-английский словарь Ричарда Джеймса (1618—1619 гг.). Л., 1959, 423 с.

⁵ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I, М.—Л., 1937, 607 с.

⁶ П. Н. Буцинский. К истории Сибири. Мангазея и Мангазейский уезд (1601—1645), с. 33—98.

⁷ Д. Н. Анучин. Город Мангазея и мангазейская земля. — «Землеведение», 1903, кн. 4, с. 35—46.

⁸ Б. М. Житков. Город Мангазея и торговый путь через Ямал. — «Естествознание и география», М., 1903, кн. 5, с. 1—15.

⁹ А. М. Филиппов. Еще о Мангазее и торговом пути через Ямал. — «Естествознание и география», М., 1903, кн. 8, с. 74—80.

¹⁰ С. Ф. Платонов, Строгановы, Ермак и Мангазея. — Сб.: «Русское прошлое». Ист. сб., т. III, М., 1923, с. 3—8.

С. В. Бахрушин¹, М. И. Белов² и В. А. Александров³. Было опубликовано в различных изданиях несколько важных документов о Мангазейском морском ходе⁴.

Несмотря на обстоятельность работ в литературе до сих пор не опубликовано исследование, подводящее итог изучению вопроса. В настоящей главе содержатся новые данные, почерпнутые из материалов рекогносцировочных работ и новых картографических источников. Результаты исследования показаны в конце главы в таблицах 6 и 7 «Плавание с Холмогор на реку Обь и в Мангазею в XVI — начале XVII в.» и «Плавание кочей из Тобольска и Березова в Мангазею и обратно в XVII в. (1601—1670 г.)».

Первые пути в Мангазейскую землю проложены в конце XV — начале XVI в. В свое время были обнаружены сведения об «Югорском походе» 1517 г., предпринятом крестьянами Антоньево-Сийского монастыря⁵. Примечательно в них то, что поход, вероятно, в числе многих других, предпринимался по морю — мореходы шли из устья Двины на восток, в земли восточнее Урала — в Югрю.

В последней четверти XVI в. плавание в Мангазейскую землю развернулось широко. Благодаря им была налажена связь Поморья с бассейном реки Таз, где возник городок-фактория, а позднее вырос город Мангазея⁶. В 1597 г. в Мангазею совершилиординарное плавание черносошные крестьяне Двинского уезда Кузьмины. Плавание завершилось тем, что как сказано в документе, «побило их (Кузьминых — М. Б.) море»⁷.

Из иностранных сочинений о Сибири известно, что в XVI в. существовал еще один вариант Мангазейского морского хода. Он проходил через пролив Маточкин Шар, Карское море и оттуда в Обскую губу⁸. Но эти данные не подтвердились. Более того, нашлись письменные источники, опровергающие их. Оказалось, что под морем-океаном и Нарзямским морем, о которых писали иностранные путешественники, поморы имели в виду тот же самый Мангазейский морской ход, о котором говорилось выше.

Из уже упомянутого неоднократно архивного дела о ссоре воевод Григория Кокорева и Андрея Палицына стало ясно, что в 1631 г. воевода Григорий Кокорев пытался организовать морскую экспедицию, по выражению Палицына, «на Большое

океанское море — обским или енисейским устьем»¹. В эту экспедицию подбирались поморы, ходившие по северным путям — такие как Матвей Кириллов и его брат мезенец Табанька Кульмин. В документе они названы «морскими знатцами».

Экспедиции предстояло отправиться на кочах «к Нарзямскому морю и к Карской губе, к Большой океанской проливе». Экспедиция не состоялась или не удалась потому, что Кириллов «в такой безмерной широкой пучине не узнал своей воровской дороги — не пропустили его мели», — пояснил Палицын. Что касается Табаньки Кульмина, то он «с ним (с Кирилловым — М. Б.) не пошел по запрещению отца своего духовного, хотя морским путем по Мангазейскому морю к Большому океану (раньше — М. Б.) ходил». Палицын считал Табаньку Кульмина «старым ходоком с Мангазейского моря на Большую океанскую пучину».

При изучении этой документальной истории, у нас, как и у иностранных путешественников, сложилось впечатление, что русские поморы ходили в Мангазейское море не только через волоки Ямала, по рекам Мутной и Зеленой, но и через «Большую океанскую пучину», т. е. Северный Ледовитый океан. Сам Палицын, приведший все эти данные, разъяснил это так: «та государева дорога по Вашему государеву указу от давних лет в крепкой заповедью смертной казнью надлежит, чтоб никакой человек тем заповедным путем ни с Большого моря-океана на Мангазейское море и из Мангазейского моря в Большой океан никто не ходил (речь идет здесь о запрещении Мангазейского морского хода в 1619 г. — М. Б.). И для государевой заповеди по Вашему государеву указу велено было на Карской губе город или острог поставить, чтобы отнюдь не дать немецким людям тово морского пути ведать. И посылают, государь, из Тобольска за море и на тое Зеленую реку по 50 человек служилых людей»².

Следовательно, воевода Андрей Палицын имел в виду под Нарзямским морем и Большой океанской пучиной — Мангазейский морской ход через Ямальский волок, запрещенный царским указом. Путь этот во всех подробностях был изложен одним из поморов-пинжеган Леонтием Шубиным Плеханом и теперь из рассказа Плехана хорошо известны³.

Неожиданно судьба ямальского варианта Мангазейского морского хода решилась не в его пользу. Указом царя Михаила Федоровича он был запрещен, причем указ поддержал тобольский воевода Куракин, рассчитывавший взять под полный контроль весь Мангазейский морской ход, окружив его сильными стрелецкими заставами.

Известно, что мангазейский воевода Иван Биркин пытался организовать выступление против Куракина, для чего собрал веские доказательства о том, что иностранные корабли не проходят в устье Оби и Енисея⁴.

И все же северный вариант Мангазейского морского хода был закрыт для поморов и иностранных

¹ С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и в XVII вв. Научные труды, т. III, ч. I, с. 15—160.

² М. И. Белов. Арктическое мореплавание..., с. 106—127.

³ В. А. Александров. Русское население Сибири XVII — начало XVIII в. М. «Наука», 1964, с. 24—32.

⁴ РИБ, т. II, СПб, 1875, с. 1051—1052; т. VIII, СПб, 1884, с. 366—371; Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на северо-востоке Азии. М., 1951, с. 51—89.

⁵ М. И. Белов. Арктическое мореплавание..., с. 110.

⁶ Впервые о Тазовском городке писал в 1584 г. Антон Марш (М. П. Алексеев. Указ. соч., с. 19). Он назвал его в числе пяти городков, расположенных на реке Оби в устье реки Пяды. Речь же в заметках А. Марша шла действительно о городке на реке Таз.

⁷ М. И. Белов. Арктическое мореплавание..., с. 110.

⁸ М. П. Алексеев. Указ. соч., с. 192, 196.

¹ ЦГАДА, ф. 141, стб. 79, л. 76.

² ЦГАДА, ф. 141, стб. 79, л. 77.

³ РИБ, II, с. 1068.

⁴ М. И. Белов. Мангазея, с. 63.

кораблей. Московского царя Михаила Федоровича смущала бесцеремонность поведения иностранных торговых компаний на Русском Севере. Еще во времена Ивана Грозного им было запрещено переходить через Урал в Сибирь. Такой же политики держался и Борис Годунов.

Известны были неограниченные претензии иностранных купцов на русские северные земли. Особенно агрессивно вели себя голландские торговцы. В конце XVI в. они действительно не один раз пытались попасть в устье р. Оби, считая, что по Оби можно пройти в Китайское озеро, расположенное в центре Азиатского материка. На берегах этого озера, как полагали, находится столица Китая Кумбалик (Пекин). Это была географическая ошибка.

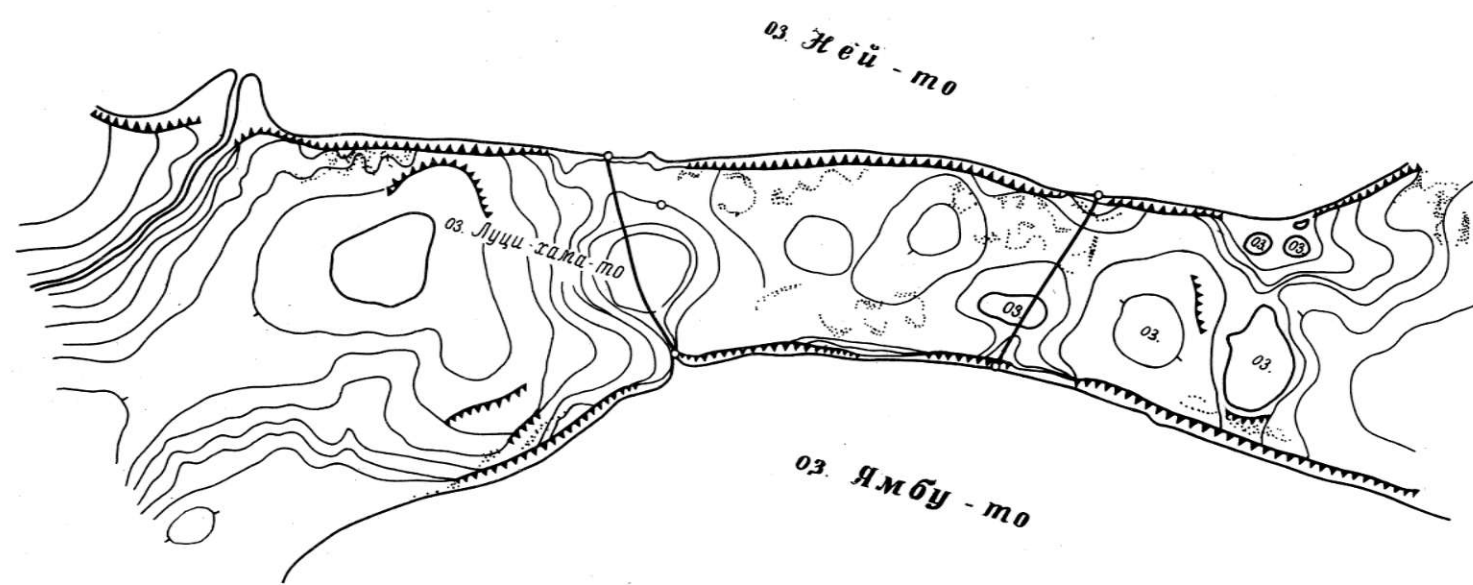

Рис. 24. Картограмма Ямалского волока между озерами Мутными (Ней-то) и Зеленым (Ямбу-то) по съемке Омской экспедиции 1936 г.

Но московский двор беспокоили не столько плаванья в Китай, сколько воинственность морских компаний, разрабатывавших проекты захвата, например, о. Вайгач, где предполагалось воздвигнуть крепость для перехвата английской и датской торговли на пути в Китай¹.

Конечно, обо всех этих делах вряд ли знал мангазейский воевода Иван Биркин, выступавший в защиту Мангазейского морского хода. По своему он был прав в том отношении, что запрещение морской магистрали вызвало ослабление Мангазеи, и захирение Пустозерского края, жившего морской торговлей. Используя статистический материал, С. В. Бахрушин доказал, что после запрещения

¹ В. А. Кордт. Очерки сношения Московского государства с республикой Соединенных Нидерландов до 1631 г. РИБ, т. 116, СПб., 1902, с. XCVI.

Мангазейского морского хода, расположенные на его маршрутах и ранее процветавшие города — Усть-Цильма и Пустозерск — пришли в запустение¹.

Ямалский волоковый путь

В задачу мангазейской историко-археологической экспедиции входило обследование волоковых систем, включенных в Мангазейский морской ход. Для исследования древнего ямалского волока автор этих строк совместно со студентами Ленинградского государственного университета В. П. Цветковым и Л. С. Тарасовым в 1971 г. предпринял поездку в район рек Се-Яха (Мутная и Зеленая), озер Ней-то (Мутные) и Ямбу-то (Зеленое).

карстовое озерко размером 50×50 м и глубиной 8 м, соединенное неглубокой протокой с озером Зеленым. На картосхеме показан наиболее вероятный волок, которым воспользовались Д. А. Буторин и М. Е. Скороходов в 1967 г. для перетаскивания карбаса «Щелья».

Западная часть волока тщательно обследовалась с помощью шурфов (50—55 шт.), заложенных как вдоль высокого берега озера Ней-то, так и вокруг озерка, которое по местным преданиям называлось озером Погибших Русских (Луци-хам-то). Глубина шурфов 1 м, ширина 3 м. Такие же шурфы были взяты на окраинах других озер перешейки. Результаты оказались одинаковыми — деревянных сооружений обнаружено не было, как и вообще не было найдено каких-либо деревянных частей. Более того, на перешейке, сложенном из песчаных пластов, не удалось найти даже маленьких кусочков дерева. Волок был абсолютно пуст. Не наблюдались и следов оленьих пастбищ.

И все же, в районе озера Луци-хам-то и протоки были найдены предметы, представленные затем на экспертизу. При впадении протоки в озеро Зеленое на глубине 1 м в иле и тростниковых наносах обнаружены куски какого-то смолянистого происхождения, черного цвета и напоминали затвердевшую смолу или обугленную древесину.

Анализ, произведенный Ленинградским институтом высокомолекулярных соединений АН СССР, показал, что представленные для анализа образцы современного вара и окаменевших остатков, найденных в протоке на Ямалском волоке «по своей химической структуре, элементарному составу могут быть продуктом превращения (окисления) вара». (См. прилож. «Акт анализа окаменевших остатков с п-ова Ямал от 5 марта 1975 г.»). Следовательно, обнаруженные куски вара указывают, что здесь производился ремонт деревянных судов. После 1619 г., когда по царскому указу был запрещен Мангазейский морской ход, суда у перешейки, надо полагать, больше не появлялись. И только в 1936 г. здесь побывало судно Омской гидрографической экспедиции, стоянка которого зафиксирована оставленной на озерке Луци-хам-то стальной лебедкой и деревянным навигационным знаком.

Если предположить, что советская гидрографическая экспедиция занималась здесь починкой такелажа и остатки этой смолы были обнаружены нами в протоке, то уж никак нельзя предположить, что их засосало в илстую почву столь глубоко. А ведь вар, найденный в 1971 г., был обнаружен на метровой глубине, под совершенно не тронутым 20—30-сантиметровым песчаным слоем. Из этого следует, что обнаруженные в протоке на глубине 1 м куски вара появились здесь не в 1936 г., а значительно раньше и относятся к тому времени, когда по Мангазейскому морскому ходу осуществлялось передвижение судов, т. е. к XVI—XVII вв.

И это вполне объяснимо. Во время перетаскивания деревянных судов по тяжелому и трудному волоку у мореходов возникала необходимость в их ремонте. Единственным средством починки судов являлся вар. Он употреблялся для смоления швов бортовой обшивки, а главным образом, при выделке и ремонте всевозможных судовых веревок.

В описаниях судов довольно часто упоминается о «варовых веревках», из которых состоял весь такелаж кочей. Поэтому нет ничего удивительного, что здесь, на Мангазейском ямалском волоке, удалось обнаружить скопление бывшего в употреблении вара. Кстати, по данным экспертизы, химический состав современного вара ничем не отличается от употреблявшегося в XVI—XVII вв.

В ходе рекогносцировочной поездки были обследованы и волоки между Мутными озерами, которые приходилось преодолевать мореходам. Леонтий Плехан писал об этом так: «А дошел до озера, до вершины Мутной реки, учили меж озерцами волочить запасы в павозках, а в павозок клали четвертей до десяти и больше, в четыре пуда четверть, а проводили павозки от озера до озера паточинами, тянули по воде бродячи, один павозок тянут два человека, а те между озерцами паточины тож в двух местах от озера до озера по версте и меньше, аючи тянули канаты после запасов порожние по тем паточинам всеми людьми»¹.

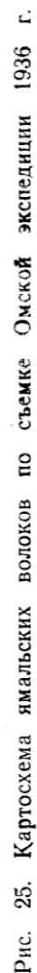
Показания Плехана следовало проверить. Плавание и осмотр Мутных озер производились на единственной у нас резиновой лодке. Осмотр песчаного перешейка между первым и вторым Мутными озерами, где теперь образовался в результате эрозии почв узкий и неглубокий пролив, дал следующие результаты. В западной части перешейки расположено несколько безымянных карстовых озерков (рис. 25). Размещение их таково, что они пересекают перешеек с запада на восток. Кромки их подходят прямо к берегу, оставляя перемышку в 6—7 м. Такое расположение карстовых озерков облегчало перевозаживание кочей, вместе с тем сейчас, если это расположение сохранилось до наших дней, ограничивало площадь поиска предметов, возможно, брошенных на этой перемышке.

Обследование дна озерков не производилось, потому что не было аквалангов, но на бровке берега было встречено несколько предметов — сильно разрушенные части небольших плоскодонных лодок, очевидно, «павозков», о которых упоминал Леонтий Плехан. Они настолько истлели, что трудно было определить, какие это части. Правда, встретились и менее разрушенные деревянные фрагменты. Поодаль от перешейки на берегу было найдено три коры — шпангоуты полуметровой высоты. Принадлежность их к судовым частям не вызвала сомнения. Встретились также предметы ремесла и торговли — значительный обломок моржовой кости темного цвета, вероятнее всего, часть моржового клыка, которые встречались и при раскопках Мангазеи. Здесь же обнаружены плоские деревянные предметы, очень похожие на сапожные колодки (заготовки) большого размера.

Появление на берегах озер редких в этом районе деревянных частей и вообще дерева, позволяет отнести их к очень давнему времени. К сожалению, сохранились лишь сильно разрушенные части речных судов. Нигде не удалось найти ни одного ствола дерева, изучение которого могло пролить свет на самое раннее освоение Ямалского волокового системы — Мангазейского морского хода.

¹ РИБ, т. II, с. 1089—1090.

Осталась археологически необследованной другая речная воловокая система Мангазейского морского хода — Казымо-Надымская. Правда, в 1972 г. студенты архитектурного факультета Академии художеств Э. А. Тяхт, В. А. Меньшугин и И. А. Шахов предприняли поездку из Березова по р. Казым к месту расположения Казымского городка. Они обнаружили там небольшой укрепленный островок, вероятно всего, Казымскую заставу. Доставленные в Ленинград снимки с нижних венцов острога показали, что на месте Казымской заставы XVII в. позже, в 80-х годах XVIII в., стоял маленький городок.

Еще более загадочным представляется местонахождение Надымского городка, о существовании которого в XVI в. упомянуто в Мезенской летописи¹. Впервые местоположение Надымского городка было указано в чертеже «Море Мангазейско с урочищ»² (прилож. XXXIII). Надымский городок располагался на левом берегу Надыма. Рядом на чертеже сделана надпись: «От устья губы (Надымской — М. Б.) вверх до городка ход под парусом 8 дней, до низу — три дня». Есть и другие пояснения на полях: «Вышел Надым вершиною (истоками — М. Б.) с Красного яру, который концем понижее Сургута». Расстояние между Сургутом и Надымом на чертеже не указано, так же как не показан город Сургут. Приходится гадать, где же располагался городок Надым. Однако, учитывая, что сухопутные Мангазейские пути проходили до среднего течения р. Надым, до впадения в нее р. Танловы, истоки которой расположены на том плоскогорье, откуда берут свое начало левые притоки Пура, надо считать, что именно здесь, на этом разветвлении и стоял городок Надым. От устья Надыма до устья р. Танловы 180 км. Это расстояние мангазейские кочи вполне могли пройти за 8 дней, идя против течения.

С другой стороны, истоки Казыма лежат на плоскогорье, в районе многочисленных озер, откуда берет свое начало Надым. Кто шел по Казыму на восток, легко мог перейти на Надым и двигаться на север до впадения в Надым р. Танловы, где и располагался Надымский городок.

В документах XVIII в. упоминаются остатки русского городка Надыма. Их зафиксировал в своем журнале лейтенант Д. Л. Овцын, который на дубль-шлюпке «Тобол» 21 июня 1734 г., следуя с юга на север по Обской губе, записал: «Следовали губую вместе с тремя дощаниками с морским провиантом и конвоем. Прошли прежний городок Надым, который разорен самоедами»³. Городок находился на морском берегу или вблизи него, но не в глубине материка. По данным XVI в., старый

¹ М. И. Белов. Пинежский летописец о разведочном походе поморов в Мангазею.— В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. Л., «Наука», 1973, с. 92.

² The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov. Mauton and Co, Gravenhage, 1958, p. 115.

л. 17—20. ³ ЦГАВМФ, ф. Капитан-командор Беринг, д. 7,

8 371

Все пути, которые вели через Северный Урал в Мангазейскую землю, сходились в Мангазейском море. Не говоря о северном варианте Мангазейского морского хода, его южную часть пересекали речные и волоковые дороги, проходившие от устья Надыма через Пур на р. Таз. Что же понимали древние под Мангазейским морем?

Сейчас обнаружена карта-чертеж «Море Мангазейско с урочищи» (см. прилож. XXXIII), на которой видны его географические границы. Обнаруженная карта не датирована, не определен ее автор и место создания.

Так как новый источник впервые вводится в научный оборот, о нем необходимо сказать несколько слов. Чертеж издан в 1958 г. в Голландии, в составе так называемой «Хорографической книги» С. У. Ремезова². Издатель ее Л. С. Багров — известный историк русской картографии, основатель всемирно известного картографического издания «Imago Mundi», не совсем убедительно объяснил приобретение в 1923 г. в личную собственность старинной русской карты. Ссылка его на московского букиниста весьма сомнительна, потому что Л. С. Багров эмигрировал из Советской России в 1919 г., увезя с собой, как потом выяснилось, большое количество ценных русских карт. До своего отъезда из России Л. С. Багров являлся сотрудником Переселенческого управления по колонизации Сибири, имел доступ к картографическим коллекциям России. В конце концов Багров продал американскому миллионеру Руго Стиннесу «Хорографическую книгу» С. У. Ремезова. Ныне подлинник книги хранится в библиотеке Гарвардского университета США.

Не совсем ясно, как оказался в «Хорографической книге» С. У. Ремезова древний Мангазейский чертеж. По определению А. И. Андреева³ и Л. А. Гольденберга⁴, свою «Хорографическую книгу» тобольский картограф составлял в самом конце XVII в. Правда, сейчас появилась возможность

¹ В летние месяцы 1976 г. группа сотрудников Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством Л. П. Хлобыстина произвела в низовьях Надымы по поиску старинного городка. Городок был обнаружен в 25 км от устья Надымы, в подавляющем реконгисированном состоянии. Археологический и дендрохронологический анализ обнаруженных на городище древесных и вещей показал, на местное происхождение городка: он датируется не XVII, а, как полагают вначале (см. «Водный транспорт» от 30 октября 1976 г.), а, к концу XVII в. По характеру найденного оружия (свыше 10 небольших размеров сабель, имевших ритуальное значение), предметов охоты и быта городок можно определить как хантыйское поселение. В 1979 г. при дополнительном просмотре Атласа С. У. Ремезова (лист 116) «Надымская Обь» (территория современной Надымской протоки р. Оби) значком крупного поселения с храмом показан городок, расположенный напротив о. Лиственнический. Вероятно, это и есть Надымский городок.

³ А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири XVII в. Л., 1960, с. 106.

⁴ Л. А. Гольденберг. С. У. Ремезов. М., 1965, с. 84—87.

сузить хронологические рамки составления Мангазейского «чертежа».

Как отмечалось в предыдущей главе, в Сибири в 1626—1634 гг. был составлен и отослан в Москву громадный чертеж Сибири из отдельных листов-чертежей с росписью. Во время монтажа чертежа выяснилось, что ни в его составе, ни в росписи чертежей нет указания на Мангазейский чертеж. Он оказался в составе чертежа Сибири 1634 г., но в роспись не попал. Более того, он не стыкован с последним северным чертежным листом р. Оби. К тому же мангазейский лист и обские листы совпадают друг с другом лишь по размерам рамки, но не по существу.

Известно, что в годы составления Большого Чертежа Русь, погибшего при пожаре Москвы в мае 1626 г., в его составе была карта, на которой показаны Обь, Таз и Пур. Из этого можно заключить, что в Большом Чертеже имелись картографические материалы о севере Западной Сибири, в том числе и о Мангазейском море. По мнению А. И. Андреева, Большой Чертеж был выполнен в начале XVII в.¹ Возникло предположение, не является ли чертеж «Море Мангазейско с урочищи» частью Большого Чертежа.

Основанием для датировки Мангазейского чертежа являются сделанные на нем записи событий 1600 г. о неудачном походе в устье р. Таз первых мангазейских воевод Мирона Шаховского и Даниила Хрипунова (см. прилож. XXXIII).

Первая запись на чертеже сделана у Черной Косы, в виду Черных гор, где написано: «Розбило кочи». В документах сохранились известия об этом событии: 50 березовских казаков, включенных в состав экспедиции Шаховского и Хрипунова, участвовали в плавании к устью Таза и кочи, на которых они шли, попали в бурю и их разбило². В письменных источниках, к сожалению, нет сведений о том, где все это произошло. Чертеж дает ответ на этот вопрос.

Вторая надпись помещена в Пуровской губе, в районе впадения р. Пур. Надпись расположена так, что оказалась восточнее этих географических объектов. Она гласит: «Стреча воеводам». Понять это можно не как указание на место, где встречались воеводы или где их обычно встречали, а, применительно к событиям экспедиции 1600 г., как на то место, где продвижение войск было остановлено.

Третья надпись гласит: «Седе(ли) в осаде от самоеды». В сохранившейся отписке М. Шаховского имеется упоминание о том, что во время похода русского отряда на реку Таз самоеды задержали продвижение войск и осадили их. Теперь по чертежу можно точно определить место, где это происходило.

Четвертая надпись развернута на противоположном, восточном, берегу Тазовской губы, в низовьях р. Кровавой. Здесь написано: «Побойще казаков. Убито 8 человек». Все четыре надписи передают подробности о событиях экспедиции Шаховского и Хрипунова, но, кто их мог положить на чертеж — непонятно.

В наказной памяти князю Василию Мосальскому и Савлуку Пушкину, отправлявшимся в мангазейский поход вслед за Шаховским, содержатся подробности о плавании их предшественников, полученные в Березове и Тобольске в виде каких-то неясных слухов. Наказ начинается с неполной фразы: «...а оленями Нилиными при нужде убили 30 человека казаков, а князь МIRON де ушел ранен, а с ним 60 человек казаков, падши на оленев душей да телом, а про Данила не ведают, ранен ли или не ранен»¹. Имелись еще неясные и неточные данные, поэтому Мосальскому приказано собрать побольше данных «про князя Мирона, про Шеховского и про Данила Хрипунова подлинно, что князь МIRON и Данило до Мангазеи и до Енисея не дошли, и Енисейская будет самоедь своровали и князя Мирона и Данила за рекою Пурою в днице их розгромили, и наряд, и зелье, и свинец, и запасы поимали, а князь МIRON и Данило с казаками отошел»².

Нет сомнений, что такие данные были собраны во время плавания 1601 г. и доставлены в Тобольск и Москву не раньше 1602—1603 гг. Поэтому на основании уточненных данных на чертеже показано место встречи русских войск с войсками самодийских племен. Оказалось, что «стреча воевод» произошла почти в устье р. Таз. Из этого следует, что МIRON Шаховский и Данила Хрипунов летом 1600 г. прибыли к месту назначения, где намеревались построить острог, но были отброшены отрядами ненцев.

Следовательно, автор чертежа хорошо знал о событиях и, вероятно, был участником их. Он являлся весьма осведомленным человеком не только относительно экспедиции Шаховского и Хрипунова, но и географии района. Судя по нагрузке карты, при ее составлении, вероятно, были использованы более ранние чертежи, потому что за один-два сезона работы невозможно собрать такое огромное количество географических сведений. На это потребовались бы годы.

Итак, первая из известных географических карт Мангазейского моря появилась в 1601—1603 гг. В дальнейшем ею пользовались все.

Чертеж «Моря Мангазейско с урочищи» как и вообще все русские чертежи того времени, развернут с юга на север. Представленные на нем часть Обской губы и вся Тазовская губа не совпадают с их изображениями на современных картах. В этом отношении карта условна. На севере показана Новая Земля и остров, под которым нетрудно узнать о. Белый. П-ов Ямал развернут с запада на восток, но сама конфигурация более или менее точна. С большими искажениями показана Тазовская губа, в особенности ее восточный берег.

Несмотря на недостатки в картосоставлении, первая русская карта Северо-Западной Сибири оказала значительное влияние на русскую картографию XVII и начала XVIII в. Нетрудно проследить ее влияние на составление известного чертежа Сибири 1667 г. Петра Годунова, где очертания Мангазейского моря и в особенности Новой Земли

почти скопированы. Конфигурация Ямальского п-ова использована на карте Исаака Массы. У него много общего и с чертежом «Расселение народов Северной Азии» Петра Миллера¹.

Что касается географических границ чертежа Мангазейского моря, то они определяются крайними его объектами. На севере, как уже упоминалось, показан о. Белый, оконечность Гыданского п-ова и северные районы Ямала, на западе — восточный берег п-ова Ямал от устья Оби до северных предель. Самая восточная граница проходит по Гыданской тундре, на юге в него включены устья Таза, Пура и Оби.

В центре чертежа изображено Мангазейское море, а на полях написано: «Губа моря Мангазейско». Так как Обская и Тазовская губы не разделены, то надо полагать, что составитель чертежа не различал их. Обская и Тазовская губы в качестве отдельных водных бассейнов появились только в XVIII в. Кстати, на чертеже Петра Миллера название «Мангазейское море» заменено новым «Тазовское море».

Из-за сложности дешифровки чертежа необходимо воспроизвести легенду. В западной его части, где показан п-ов Ямал, сделана надпись: «Земля Самоедская» (трижды вычерчены группы самоедских чумов) и показан извилистый берег юго-западной части Карского моря. На восточном берегу Обской губы (с севера на юг) написано: рр. Мангазея, Соломна, Кунава, Сопка Каменка, река Безымянная, губа Каменка. На побережье Карского моря сделаны надписи: «Разбой, п-ов Красный Яр». Отмечен поворот Обской в Тазовскую губу — надпись: «Земля подается к Русскому Завороту. Ветром сукки из устья Обского в устье Тазовское».

На восточном берегу Обской губы (с юга на север) надписи: «мыс Идемский, Надым губа и река Надым, река Русский Заворот, река Гусиная, река Столбовая, река Соколий Горы, река Отстойная, Сопки Седловатые». На изображении губы пространное изложение — «От Солошной через Заворотной через голоме парусом ход день или сукки гребут». Продолжение этой надписи в нижней части чертежа: «От Солошной через Обскую губу впрямь от земли берега не видать. А поперек парусом ровным басом часа с 4 или 2. Не видно — обход обоих краев. Тут наперед спускали шейму, Якорем 20 саж. не достали».

За р. Отстойной показана: р. Крестовка, Черные горы. В губе надпись: «Розбило кочи». Выступ, который образует Обская губа при впадении в Тазовскую, показан глубоким острокопечным полуостровом. Здесь в Мангазейское море впадает р. Черная, а выступ завершается Черной Косой с надписью: «Поворот к востоку». На полуострове надпись: «Снасти лежат». Это место можно найти и на современной карте Обско-Тазовской губы. Это мыс Поворотный.

На западном берегу Обской губы отмечены: Губа Епанчин Шар с впадающей в нее р. Танчиной, очевидно, современной Танлово, вытянутой в сторо-

ну р. Пур. Дальше идет Пурский полуостров с надписью «Пурские горы». Еще дальше к юго-востоку надпись: «Стреча воеводам». На материке написано: «Боярская виска». На небольшом расстоянии от впадения Пура и Таза в губу показан п-ов Караульный Яр, мыс Захребетный, р. Большая Захребетная и, наконец, Тазовское устье.

На восточном берегу Тазовской губы и Гыданского п-ова (с юга на север) указаны: р. Сениха (устье Таза), р. Облога, р. Кровавая и сделана надпись: «Побойще казаков. Убито 8 человек». Затем указаны река и губа Блудные с надписью: «Промышляют рыбою», о. Ершов, р. Мангазея, впадающая в Ершовую губу, река и губы Зеленые с надписями: «Песцов ловят», «Каменная гора на 10 верст. Тундра. Самоеды. Непроходимое место». Обская губа в этом районе завершается надписью «Льды».

Древняя карта Обско-Тазовской губы содержала не только физико-географические данные, но и необходимые этнографические и биологические сведения. На чертеже указаны не только льды, глубины, цвет и характер воды, но и расселение ненецких племен и животный мир. В центре губы сделана такая надпись: «Вода пресна. Отдыхают трижды днем. Рыба в ней — кит и белуга и нерпа». Современные ихтиологические исследования подтверждают данную характеристику — в 1950 г. наблюдался заход в Обскую губу зубатых и усатых китов, нерп и белух¹.

На чертеже своеобразно показан северный вариант Мангазейского морского хода. Он изображен на Ямале в виде большой реки Мангазеи, которая под тем же названием продолжается на Гыдане. Несколько севернее показана р. Зеленая, действительно входившая в состав волоковой системы Мангазейского морского хода.

В «Хорографической книге» С. У. Ремезова к некоторым старинным чертежам сделаны приклейки, своего рода врезки, основанные, как это установил Л. А. Гольденберг², на вновь полученных данных. Возможно, что это было действительно так. Но врезка С. У. Ремезова к чертежу «Море Мангазейско с урочищи» вряд ли выполнялась на основе новых картографических материалов. Врезка указывает скорее на то, что в ней использованы еще более древние сведения о районе рек Оби и Пура. Например, здесь есть упоминаемые на «Большом чертеже» реки Пур и Таз. В верховьях Пура расположены истоки рек Казым, Полуй и Надым. Этот путь использовался в XVI в.

Весьма неточно показаны впадающие в р. Таз реки, непонятным значком, напоминающим значок Тазовского города с карты Исаака Массы, изображен город Мангазея.

Карта И. Массы, по мнению А. И. Андреева, — часть «Большого чертежа»³. На слабую изученность р. Таз показывает и отнесение некоторых ее притоков к тем районам, где они не должны быть. Например, р. Осетровка, на которой в XVII в. стояло

¹ А. И. Андреев. I, с. 27—28.

² ЦГАДА, ф. 21, кн. 2, л. 31 об.

¹ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I, с. 395.

² Там же, с. 400.

¹ М. И. Белов. Подвиг Семени Дежнева. М., «Мысль», 1973, 222 с.; Вопросы географии петровского времени. Л., Гидрометеоиздат, 1975, с. 12.

¹ По данным ихтиологической экспедиции ААНИИ 1950 г.

² Л. А. Гольденберг. С. У. Ремезов, с. 88.

³ А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири XVII века, с. 28.

Мангазейское городище, р. Ратилиха, оконтуривавшая это городище с севера, показаны в нижней части р. Таз, в нескольких днях плавания вниз по реке. Известная сейчас рч. Кедровка, левый приток Таза, почему-то помещена на правом берегу.

Все это можно объяснить тем, что в момент составления чертежа-врезки р. Таз была исследована очень слабо, что нельзя сказать о позднейшем времени, когда русские торговые и промышленные люди расселились по всему ее бассейну. Отсюда можно заключить, что врезка С. У. Ремезова основана не на позднейших картографических материалах, а на тех, которыми располагал автор чертежа «Море Мангазейско с урочищи» и что она вполне уместна при нем, расширяя круг сведений этого чертежа.

Этапы развития мангазейского судоходства

Обнаружение двух важных картографических источников — чертежа Сибири 1634 г. с добавлением к нему чертежа «Море Мангазейско с урочищи» дает графическое представление о районах, где совершалось мангазейское судоходство по арктической трассе, связавшей южные районы Сибири и северные поселения Европейской части Руси с севером Западной Сибири.

Эта связь прослеживается на протяжении более столетия. Однако было бы неверным представлять ее в непрерывном и равномерном развитии — мангазейское судоходство имело свои спады и подъемы.

Первый этап продолжался с 70-х годов XVI в. до запрещения плавания северным вариантом Мангазейского морского хода, т. е. до 1619 г. На протяжении этих 40 лет простые крестьяне поморья совершали массовые поездки через волоки п-ова Ямал (табл. 6).

Второй этап ознаменовался подъемом плаваний южным вариантом Мангазейского морского хода — между Тобольском и Мангазеей. К сожалению, почти полное отсутствие письменных источников затрудняет определение характера мангазейского судоходства. И все же сохранившиеся источники дают основание считать второй этап самым интенсивным. По трассе передвигались большие караваны судов, состоявшие иногда из 20—30 кочей (табл. 7). Можно привести несколько примеров. В 1629 г. из Мангазеи в Обдор совершили плавание 136 человек во главе с Андреем Казанцем, Кириллом Ружниковым и Матвеем Шепоткиным¹. В 1629 г. из Мангазеи на Русь отправился караван из 12 кочей²; в 1630 г. туда же из Тобольска прибыло 28 кочей, на которых пришло 325 человек³.

Известны некоторые подробности о плавании воевод Григория Кокорева и Андрея Палицына по Мангазейскому морю. В июне 1629 г. из-за ветров кочи укрылись в бухте «под Черными горами», т. е. еще до поворота в Тазовскую губу. На берегу воеводы нашли обетный крест, причем Кокорев со-

вершил молебен «для утишения волн», а Палицын «начал вокруг креста скакать и из пищалей стрелять»⁴. Из челобитной Палицына явствует, что кочи, пришедшие в Мангазею, затем направились в устья Пура и Таза для ловли и засолки рыбы⁵.

Известно указание Палицына на то, что плавание по Мангазейскому морю происходило в короткое летнее время, «потому что рано замерзает море»⁶.

В 1633 г. артель из 387 человек на 19 кочах совершила плавание из Тобольска в Мангазею. В 1635 г. в Мангазею прибыл караван (11 кочей) во главе с воеводой Борисом Пушкиным⁴.

Третий этап совпал с ухудшением ледовой обстановки в Обской и Тазовской губах. Почти на целое десятилетие судоходство приостановилось. Попытки пробиться в Мангазею заканчивались чаще всего неудачей и повлекли за собой многочисленные жертвы. Наиболее яркий пример гибели судов и людей — это плавание мангазейского воеводы дьяка Григория Теряева в 1643/44 г.

В литературе почти совершенно исключен четвертый этап⁵, который начался на исходе 50-х годов и продолжался до прекращения судоходства, т. е. до начала 70-х годов XVII в. (см. табл. 7).

Характер, конструктивные особенности и грузоподъемность морских судов XVI—XVII вв.

Единственным типом судов, плававших по Мангазейскому морскому ходу, были кочи, появившиеся на Руси, на побережье Белого и Баренцева морей в XVI в. Как удалось установить, название этого судна происходит от понятия «коца», которое закрепилось в Новгородской земле за любой ледовой защитой, в том числе саней, лыж и судов⁶. «Коца» на судах новгородско-поморского происхождения — это «шуба ледяная», как назвал ее холмогорский промышленник Пантелей Орлов в челобитной по случаю разрушения «коцы — шубы ледяной» его судна, прибывшего на Новую Землю⁷. Без «шубы ледяной» Пантелей Орлов не представлял себе, как будет возвращаться в Холмогоры.

Следовательно, название поморского корабля — коча — генетически связано с его важнейшим конструктивным приспособлением — «шубой ледяной», т. е. второй ледовой обшивкой, расположенной в районе ватерлинии. Это важнейшая особенность судна. Второй его особенностью был корпус яйцеобразной формы, наиболее удобной для выжимания на поверхность при ледовом сжатии. За эту особенность голландский географ и этнограф XVII в. Николай Витсен назвал мангазейские кочи «круглыми судами»⁸.

Реконструкция бортового набора, произведенная на основании материалов раскопок Мангазейского городища, вполне согласуется именно с таким ха-

¹ ЦГАДА, ф. 141, стб. 28, л. 182.

² Там же, л. 356.

³ Там же, стб. 71(1), л. 14.

⁴ ЦГАДА, ф. 214, кн. 82, л. 28, об. — 85.

⁵ В. А. Александров. Указ. соч., с. 27.

⁶ М. И. Белов. Подвиг Семена Дежнева, с. 15—16.

⁷ Архангельский областной архив, ф. 1025, свиток, л. 43.

⁸ N. Witsen. Noord en Oost Tartaryen..., p. 272—273.

Таблица 6
Плавания из Холмогор на р. Обь и в Мангазею, а также сухопутные походы туда в XVI — начале XVII в.

Год	Мореходы	Маршрут	Условия плавания или перехода через Урал	Документы	Примечание
1	2	3	4	5	6
1517 лето	Леонтий и Григорий Цивилевы, крестьяне Антоныевы - Сийского монастыря	Югорский поход		ЛОИИ, ф. Антоныевы-Сийского монастыря, № 30, л. 1	
1597 лето	Афанасий Кузмин с сыном	Двина — Тазовский городок	На обратном пути «побило их море»	ЛОИИ, ф. Акты до 1613 года, № п/л	
1597—1599	Юрий Долгушин Усть-Цылемец, Смирной Пинежанин, Лавелец — пан литовский	Печора — Урал — Надым (зимовка) — Пура — речка Кедровка — Тазовский городок		Рукописное отделение Института русской литературы АН СССР	
1498	Поход войск Ивана III по р. Оби во главе с воеводой Федором Курбским	Печора — Урал — Березов — Ямаловы Оби	Олени и собаки упряжки, коломенки	Устюжский летописный свод, с. 100	
1598—1600	Дьяк Федор Дьяков, проводник Василий Тарабукин	Тобольск — Обдор — Тазовский городок	4—5 кочей	Архив Академии наук (ААН), ф. 21, оп. 4, № 2; Г. Ф. Миллер. История Сибири, I, с. 1062	на кочах
1601—1602	Леонтий Шубин — Плехан, Семен Исаков, Серебряник, Михаил Дурасов, Архип Боженик — 40 человек	Холмогоры — Каннин волок — Пустозерск — Ямалский волок — Обская и Тазовская губы — Мангазея	Кочи	РИБ, П, СПб, 1875, № 254, с. 1062	
1609	Ермей Савин с товарищами	Холмогоры — Мангазея — Ямалский волок	..	РИБ, П, с. 1054	
1612	Шестак и Артемий Ивановы, мезенцы	Мангазея — Ямалский волок — Колгуй — Архангельск	..	РИБ, П, с. 1064	
1610-е	Кондратий Квурочкин и Кондратий Корела	Холмогоры — Каннин волок — Печора — Ямалский волок — Мангазея	..	РИБ, П, с. 1067	
1610-е	Табанька Кульмин, мезенец Матвей Кирилов	Устье Мезени — Каннин — Печоро-Ямалский волок — Мангазея	..	ЦГАДА, ф. 141, стб. 79, л. 64, 76, 77	

рактером обводов судна. Корпус коча, резко отличался от лоды, каюка, дощаника и коломенки, ходивших по р. Оби. У этих судов борта были прямостенные.

Свойства кочей выжиматься на поверхность льда отмечалось самими создателями корабля — поморами. В первой половине XVIII в., уже после того как по приказу Петра I все старые русские народные суда были уничтожены, на архангельской верфи деревянного судостроения для отряда Великой Северной экспедиции было построено два коча. Строителями их являлись поморы, заявившие, что кочи по обводам корпуса значительно приспособленнее для плавания во льдах, чем боты и дублюшки западноевропейского типа¹.

Кочевое дело поморов продолжали те, кто перешел через Урал в Сибирь. В конце XVI в. одной из крупных верфей речного и морского судостроения

¹ М. И. Белов. Арктическое мореплавание..., с. 272—273.

было Верхотурье. Только для казенных нужд там заготавливалось ежегодно от 8 до 10 мангазейских кочей¹. Уже в начале следующего столетия Верхотурский острог производил от 10 до 15 морских судов, причем в это число входили суда частных владельцев — торговых и промышленных людей. Верхотурские суда поднимали до 20 тыс. пудов хлеба (32 т).

На каждом судне в качестве пассажиров и команды шло от 35 до 42 человек. Например, на каждом из 11 кочей, прибывших в сентябре 1636 г. в Мангазею, находилось по 38—42 человека². Эти цифры подтверждаются подсчетами тобольского воеводы Андрея Хованского³ и таможенной ведомостью о прибытии кочей в Мангазею в 1633 г. в караване Леонтия Толстоухова⁴. В первом случае

¹ М. И. Белов. Арктическое мореплавание..., с. 176—178.

² ЦГАДА, ф. 214, кн. 84, л. 3, об. — 10.

³ Там же, стб. 13, л. 201—218.

⁴ Там же, кн. 45, л. 45—50.

Таблица 7

Плавание кочей из Тобольска — Березова в Мангазею и обратно в XVII в.

Год похода	Мореходы	Маршрут	Условия плавания	Количество судов	Грузы	Документы
1	2	3	4	5	6	7
1600	Поход первых мангазейских воевод князя Мирона Шаховского и Даниила Хрипунова	Тобольск — Тазовский городок	Бурей кочи разби- ло. От Березова шли на лыжах. Казым — На- дым — Пур — Кедровка — Та- зовский городок	Лыжи 5 ко- чей	Вооружение и продовольствие для гарнизона	ЦГАДА, ф. 214, кн. 2, л. 27 об.
1601	Поход воевод Василия Мосальского и Савлука Пупкина	Тобольск — Мангазея		Кочи	Вооружение и продовольствие для гарнизона	ЦГАДА, ф. 214, кн. 2.
1620	Купец Никита Чаплин, подьячий Потап Васильев	Тобольск — Мангазея			Бочки с вином	ЦГАДА, ф. 214, стб. 1615, л. 4
1622	Иван Танесев, Тихон Лалетин		Часть судов разби- ло «меж ост- ровов на заво- ротной реке»	13 ко- чей	—	ЦГАДА, ф. 214, стб. 1665
1625	Сын боярский Павел Хмелевский со стрельцами	Тобольск — Мангазея		1 коч	—	ЦГАДА, ф. 214, стб. 12, л. 78.
1625	Семен Серебряник с 19 промышленными людьми		Часть кочей «на море разбило»	Кочи	—	ЦГАДА, ф. 214, стб. 4(2), л. 468
1626	Андрей Яковлев Казанец, Яков Третьяков, Андрей Иванов, Кирилл Ружников и с ними 136 человек	Мангазея — Обдорск	—	5 кочей	Товары	ЦГАДА, ф. 214, стб. 13, л. 79—80
1626	Купец Андрей Акимов Казанец и 104 торговых и промышлен- ных человека	Мангазея — Обдорск — Тобольск	—	5 кочей	Пушнина	ЦГАДА, ф. 214, стб. 13, л. 76
1626	Сын боярский Михаил Балкашин с 11 стрельцами	Тобольск — Мангазея	—	1 коч	Порох, свинец	ЦГАДА, ф. 214, стб. 25, л. 33—34
1626	Атаман Березовский с 26 казаками	Березов — Мангазея	—	2 коча		ЦГАДА, ф. 214, стб. 4(2), л. 472
1627	Торговые люди — Григорий Ларионов, Никита Леонтьев, Фома Евсеев с товарищами	Тобольск — Мангазея	—	1 коч	Продажные то- вары и про- мысловое осна- щение	ЦГАДА, ф. 214, стб. 51, л. 110
1628	Сын боярский Михаил Балкашин	Тобольск — Мангазея	—	1 коч		ЦГАДА, ф. 214, стб. 25, л. 157; стб. 16, л. 216
1628 (прибыли 10 октября)	136 торговых и про- мышленных людей — Яков Третьяков, Ва- женин, Кирилл Руж- ников, Савва Забо- рец и др.	Тобольск — Мангазея	—	5 кочей	Товары на про- дажу и про- мысловые «за- возы»	М. И. Белов. Ман- газея, с. 77
1628	Семен Иванов Галеев	Тобольск — Мангазея	Прибыли 12 де- кабря	1 коч	—	ЦГАДА, ф. 214, стб. 51, л. 124
1629	Воевода Григорий Кокорев с челядью	Тобольск — Мангазея	Остановки на пу- ти между Об- ской и Тазов- ской губами	2 коча	Личный скарб	ЦГАДА, ф. 141, стб. 79, л. 76
1629	Воевода Андрей Палицын	Тобольск — Мангазея	Остановки по пу- ти следования	2 коча	То же	ЦГАДА, ф. 141, стб. 28, л. 8
1629	Тарас Юрьев, Артемий Игнатов	Мангазея — устье Оби — Мангазея	Возврат	2 коча	Пушнина	ЦГАДА, ф. 141, стб. 28, л. 12
1629	Тимофей Бобарыкин и 100 торговых и про- мышленных людей	Мангазея — Тобольск	—	12 ко- чей	Скарб, пушнина	ЦГАДА, ф. 141, стб. 55, л. 21

Продолжение таблицы 7

Год похода	Мореходы	Маршрут	Условия плавания	Количество судов	Грузы	Документы
1	2	3	4	5	6	7
1630 (прибыли 10 октября)	Сын боярский Самсон Навашкин	Мангазея — Тобольск	—	1 коч	Скарб, пушнина	ЦГАДА, ф. 141, стб. 55, л. 373
1630	Лучка Васильев, Семен Афанасьев, ме- зеньцы	Тобольск — Мангазея	—	1 коч	Товары и про- мысловое обо- рудование	ЦГАДА, ф. 214, стб. 51, л. 124
1630	Сын боярский Андрей Фомин, томич	Тобольск — Мангазея	—	1 коч	Хлебные запасы	ЦГАДА, ф. 214, стб. 115, л. 249
1631	Даниил Балниев и 212 торговых и промыш- ленных людей, 50 стрельцов	Тобольск — Мангазея	Встреча с коча- ми Андрея Па- лицына	12 кочей	Пушнина	ЦГАДА, ф. 141, стб. 46(1), л. 95
1631	Андрей Палицын с тор- говыми и промыш- ленными людьми — 170 человек	Мангазея — Тобольск	Стояли «за Чер- ными горами»	12 кочей	Пушнина	ЦГАДА, ф. 214, стб. 139(4), л. 66; стб. 46(1), л. 95
1631	Григорий Юрьев	Тобольск — Мангазея	—	1 коч	—	ЦГАДА, ф. 214, стб. 51, л. 126—128
1631 (до 1 сентября)	Меркурий Самсонов, устюжанец	Тобольск — Мангазея	—	—	—	ЦГАДА, ф. 214, стб. 115, л. 179
1632	Воевода Григорий Кокорев	Мангазея — Тобольск	—	—	—	ЦГАДА, ф. 141, стб. 71(2), л. 927
1632	Атаман Тугарин-По- нохин	Тобольск — Мангазея	—	—	Хлеб	ЦГАДА, ф. 214, кн. 46, л. 8 об.
1633	Леонтий Толстоухов, Незговор Марков, Лазарь Савин — все- го 387 человек	Тобольск — Мангазея	—	19 кочей	Торговые товары и промышленное оснащение	ЦГАДА, кн. 45, л. 385—550
1634	Проконий Агафонов	Мангазея — Тобольск	—	1 коч	Пушнина	ЦГАДА, ф. 214, кн. 75, л. 213
1634	Торговые люди Гурий Федотов и др.	Тобольск — Мангазея	Оставили ста- рый коч на Заворумине	2 коча	—	ЦГАДА, ф. 214, кн. 75, л. 213 об.
1635	Воевода Борис Пуш- кин с торговыми и промышленными людьми	Тобольск — Мангазея	—	11 кочей	Товары	ЦГАДА, ф. 214, кн. 82, л. 28 об., 85
1636 (прибыли 3 сентября)	Мороз Борисов, Кузь- ма Константинов и с ними 285 человек	Тобольск — Мангазея	—	11 кочей	Товары	ЦГАДА, ф. 214, кн. 84, л. 109—111
1638	Сын боярский Томил Петров	Тобольск — Мангазея	—	Кочи	Хлеб	ЦГАДА, ф. 214, стб. 115, л. 336
1640	Сухан Ермолин, Ан- дрей Кузмин с лен- скими отписками	Мангазея — Обдорск	«Погода задер- жала»	Коч	—	ЦГАДА, ф. 214, стб. 115, л. 179
1640	Торговые люди Степан Кошницев, Илья Та- расов, Сергей Каза- нец	Мангазея — Тобольск	На море в ост- ровах стояли до 15 сентяб- ря, от Обдора до Тобольска	7 кочей	Товары	ЦГАДА, ф. 214, стб. 115, л. 179—210
1641	Сухан Ермолин	Лена — Манга- зея — То- больск	На море задер- жала погода	1 коч	Товары	Отписка Ленского вое- воды П. П. Головина
1642	Стрелец Пётр Перея- славец с промыш- ленными людьми	Тобольск — Черные горы — Мангазея	До Пура шли нартами; 70 человек умер- ло от стужи	—	—	ЦГАДА, ф. 214, стб. 134, л. 437

Продолжение таблицы 7

Год похода	Мореходы	Маршрут	Условия плавания	Количество судов	Грузы	Документы
1	2	3	4	5	6	7
1644	Сын боярский Меньшой Ремезов и торговые люди	Тобольск — Мангазея	Шли 4,5 недели, разбило у «Кривкова» разбоку; вернулись с Березова	5 кочей	Товарная казна	ЦГАДА, ф. 214, стб. 139, л. 352
1644	Дьяк Богдан Обоуров	Мангазея — Тобольск		1 коч	Пушнина	ЦГАДА, ф. 214, стб. 139, л. 353
1644	Пис. голова Александр Коковницкий	Тобольск — Мангазея		4 коч		ЦГАДА, ф. 214, стб. 139, л. 354
1645	П/д Иван Федоров, ярославец	Тобольск — Мангазея		1 коч	Хлеб	ЦГАДА, ф. 214, стб. 139, л. 354
1646	Воевода Яков Тухачевский			4 коча	..	ЦГАДА, ф. 214, стб. 320, л. 137—138
1647	Сб. Павел Шульгин с товарищами	Мангазея — Тобольск		2 коча	..	ЦГАДА, ф. 214, стб. 322, л. 139
1649	Воевода Федор Байков с торговыми и промышленными людьми	Тобольск — Мангазея		—	..	ЦГАДА, ф. 214, стб. 408, л. 389
1651	Воевода Игнатий Корсаков с торговыми и промышленными людьми	Тобольск — Мангазея		5 кочей	..	ЦГАДА, ф. 214, стб. 408, л. 389
1652	Торговый человек Сергей Кубасов, Леонтий Конншев, — 26 человек	Мангазея — Камень		1 коч	Пушнина	ЦГАДА, ф. 214, стб. 297, л. 118—125
1656	Воевода Семен Ларионов	Тобольск — Мангазея	Разбило кочи на плохой погоде	4 коча	Хлеб	ЦГАДА, ф. 214, стб. 635, л. 92
1653 20/VIII	Торговый человек Гавриил Захаров с товарищами	Березов — Камень — Мангазея		2 коча	Товары	ЦГАДА, ф. 214, стб. 297, л. 192 об.—193
1653 5/VIII	Торговый человек Филимон Артамонов с товарищами; торговый человек Сидор Фоминых — 6 человек	Мангазея — Веригин — Камень		2 коча	Пушнина	ЦГАДА, ф. 214, стб. 297, л. 283 об.
1663 (прибытие 29 октября)	Сын боярский Василий Быковский	Тобольск — Мангазея	1 коч попал в морскую погоду и вернулся	8 кочей	Хлеб, соль	ЦГАДА, ф. 214, стб. 650, л. 24—25
1663	Сын боярский Фиктин Обольянинов	Тобольск — Мангазея	Встречные ветры, морская погода, 6 кочей разбило, 1 коч на кошку выкинуло, еле поплыли	7 кочей	Хлеб	ЦГАДА, ф. 214, стб. 650, л. 27—29; стб. 367, л. 655
1664	Сын боярский Петр Грузинцев с торговыми и промышленными людьми	Тобольск — Мангазея		8 кочей	..	ЦГАДА, ф. 214, стб. 650, л. 40—41
1665	Сын боярский Василий Старков, торговые и промышленные люди	Тобольск — Мангазея		8 кочей	..	ЦГАДА, ф. 214, стб. 650, л. 48
1666	Тобольский атаман Иван Федоров, п/д Иван Тарасов, торговые и промышленные люди	Тобольск — Мангазея		7 кочей	..	ЦГАДА, ф. 214, стб. 650, л. 51—52

Продолжение таблицы 7

Год похода	Мореходы	Маршрут	Условия плавания	Количество судов	Грузы	Документы
1	2	3	4	5	6	7
1668	Атаман Иван Емельянов с казаками	Тобольск — Мангазея	Из 5 кочей выбросило на берег 209 мехов хлеба и соли	8 кочей	Хлеб	ЦГАДА, ф. 214, стб. 650, л. 57—58
1668	Сын боярский Христофор Дайнаров, казак Левка Малофеев с товарищами	Тобольск — Мангазея		7 кочей	..	ЦГАДА, ф. 214, стб. 650, л. 59—60
1669	Атаман Иван Емельянов и с ним 12 казаков	Мангазея — Тобольск	1 коч на море погиб, другой вернулся в Мангазею	3 коча	Пушнина	ЦГАДА, ф. 214, стб. 367, л. 740
1669	Василий Переладцев с товарищами	Мангазея — Березов	1 коч вернулся в Мангазею	2 коча	Хлеб	ЦГАДА, ф. 214, стб. 367, л. 165
1669	Стрелецкий десятник Тимофей Петухов	Тобольск — Мангазея		1 коч	..	ЦГАДА, ф. 214, стб. 367, л. 171
1670	Стрелец Иван Семенов	Тобольск — Мангазея		1 коч	..	ЦГАДА, ф. 214, стб. 367, л. 171

речь шла о перевозке из Тобольска в Мангазею 5 тыс. четвертей ржаной муки, круп и толокна. Андрей Хованский считал, что для этого потребуются 10 «самых больших кочей» грузоподъемностью по 2 тыс. пудов каждый. Стоимость постройки и оснащения судов выразилась бы в 1405 руб. На каждый коч приходилось: по несколько тысяч железных скоб, один парус, 600 аршин холста, 2 якоря — каждый по 4 с половиной пуда, 845 сажень веревок и 2 павозка.

Отличались ли мангазейские кочи от других сибирских морских судов? На этот вопрос сейчас можно ответить отрицательно. В Русском Поморье, где впервые, если не считать строительства древнеславянских кораблей, зародилось морское судостроение, перекочевавшее в Сибирь, создавались те же самые кочи и лоды, что и на Европейском Севере. Строителями их были поморы. Возможно, разнообразие в производстве морских судов существовало, потому что в письменных источниках, а они до недавнего времени являлись главными, коч представлялся собирательным типом судна. И все же его отличали от «лоды онежского дела», «корелянки» и морского судна «холмогорской выделки». Это были суда большой грузоподъемности и дальнего плавания.

Но строились и «малые кочи», выходившие в море. Они использовались в тех околбереговых плаваниях, когда приходилось преодолевать волоки. Их грузоподъемность не превышала 7—8 т. Они имели три киля, два из них по нижней части днища, что сообщало им остойчивость, особенно ценную при прохождении волоков по Канину п-ову и Ямальскому волоку. Именно о «малых кочах» речь шла в рассказе Леонтия Плехана.

Отмечается и прямая преемственная связь поморских судостроителей с сибирскими. Пример этому — погоня людей для плотбища Верхотурья «в уставщи-

ки», которые бы были «плотниками добрыми — морские (кочи — М. Б.) делать уметь». Один такой человек в 1610 г. объявился на Усть-Пинеге, откуда был препровожден в Сибирь¹.

Обнаруженные автором в делах Якутской приказной избы документы — обмеры ленских кочей — показывают, что полученный поморами опыт строительства кочей был перенесен на далекий северо-восток. По Лене и между устьями восточносибирских рек ходили суда мангазейско-поморского типа. Они поднимали до 2 тыс. пудов грузов, направлявшихся, как сказано об этом в товарной описи, на реки Яну и Индигирку. Один из них — коч Алексея Норицына — поднял 1600 пудов муки, другой — Прокония Минеева — 1090 пудов муки, кроме этого на кочах были и другие товары.

Не отличались ленские кочи от мангазейских и количеством перевозимых людей. В 1653 г. на коче Булгакова, совершившего плавание с Лены на Колыму, поместилось 50 человек².

Однотипность морских судов Сибири, их одинаковые параметры позволяют считать мангазейские кочи типичными для всех северо-русских кораблей, ходивших в XVI—XVII вв. в водах арктических и субарктических районов Евразии. А следовательно, изучение найденных на городище Мангазеи кочей — это первый опыт исследования по археологическим остаткам продукции северного судостроения, т. е. судов морского класса, появившихся еще до Петра I, т. е. до того, как со ступеней Холмогор и Архангельска сошли первые «новоманерные» корабли регулярного русского флота.

По подсчетам, опубликованным в 1956 г.³ в северном бассейне ежегодно выходило в плавание до

¹ М. И. Белов. Арктическое мореплавание..., с. 192—196.

² Там же, с. 209.

³ Там же, с. 202—203.

65 морских судов, в том числе 20 казенных и 45 торговых. К этому числу следует прибавить 250 людей, кочей и морских карбасов в Беломорье, не считая судов, плававших в устье Печоры и Мезени, отправлявшихся на Новую Землю и в Карское море. Сибирские кочи обеспечивали перевозку 130 тыс. пудов (20 800 т). Тоннаж речного флота Сибири в середине XVII в. превышал морской в 8—10 раз. Только из Верхотурья в Тобольск перевозилось в год до 200 тыс. пудов хлеба и соли. Из Верхотурска в Якутск ежегодные перевозки составляли 25—30 тыс. пудов хлеба. Из самого Якутска в 28 зимовий и острожков отправлялось до 60 тыс. пудов хлеба и соли¹. Таким образом, в северном бассейне плавали целые флотилии морских судов. Создание их потребовало организации не только верфей, но и кадров судостроителей. На Севере были построены более совершенные верфи и создан совершенный русский флот XVIII в.

Представляет известный интерес и вопрос о зимовке прибывавших в Мангазею судов. Пристаней или затонов в Мангазее не было. Летом кочи использовались на рыбной ловле, для доставки грузов и людей в устье р. Худосеи, откуда начинался путь на Енисейский волок. Однако в зимнее время кочи сосредотачивались в районе городища. Они стояли прямо на р. Таз, вмерзали в лед и использовались как жилые дома. Вероятно, существовала охрана зимующих судов, наблюдение за их состоянием. С наступлением весны лед вокруг судов обкалывали и при вскрытии реки вводили их в р. Осетровку.

Вот как описывает воевода Андрей Палицын зимовку десятков мангазейских кочей. «И велел я, холоп твой,— писал Палицын,— того коча беречь, чтоб такое кровопролитственное дело ему, Григорию, не дать. И как, государь, лед учал на Тазу вскрываться и твои государевы торговые и промышленные люди учали свои кочи откалывать из льду и в Осетровку речку проводить, и он, Григорий, государь, Кокорев, привороты все затинные на одну речную сторону и из всех затинных и из ручного оружия учал стрелять беспрестанно с утра до вечера без перемолку по твоим государевым людям. И едва, государь, могли твои государевы люди ухватить только пять кочей в устье осетровское. А то все кинули под городом во льдах и ледом их переломало»².

Графические изображения мангазейских судов

Своеобразным путеводителем по коллекции мангазейских судовых частей являются их графические изображения. В коллекции представлено шесть графических рисунков, выполненных режущим инструментом на девяти сосновых корабельных досках. На трех досках показано пять различных типов судов, приходивших в Мангазею, на трех других — их фрагменты. Наиболее интересным является изобра-

жение на большой корабельной доске, которая сама представляет собой фрагмент кочевой обшивки (прилож. XXXIV). На ней показана флотилия, состоящая из трех судов. На оборотной стороне обнаружена надпись, выполненная режущим инструментом, содержание которой из-за плохой сохранности разгадать трудно.

На лицевой стороне доски вырезано три судна. На одном из них — коче, довольно четко видны две мачты (грот и фок), два паруса, а также двухлапчатый якорь, опущенный на канате и закрепленный на бушприте в верхней половине носовой части. Паруса изображены в двух планах: на заднем прослеживается большой прямоугольный парус, на переднем — малый. Форштеньев овалной формы, а корма с большим рулем, явно трансвая. Со стороны кормы и носа к мачтам протянуты крепящие их канаты или веревки, которые, по древнерусской терминологии, назывались «возжами» (шкотами), «дрогами» (фалами) и «ногами» (вантами). Для удержания судна в определенном положении на период стоянки позади судна на большом канате устанавливалось толстое бревно — плавучий якорь. Борт судна невысокий.

Вероятнее всего, автор рисунка ставил перед собой цель показать суда, их устройство и такелаж в различных положениях. На рисунке двухмачтового судна он изобразил рангоут, который доказал, что картина оснащения древнерусского морского корабля была совсем иной, чем представлялось раньше.

По письменным источникам, коч считался одномачтовым судном, а те, кто плавал на нем, людьми, лишенными самых элементарных навыков управления парусами. Вообще, как выразился Н. П. Загоскин, коч — это корабль, для создания которого требовалось немного — «тяя да ляп и — вышел корабль». Теперь давать такую характеристику невозможно. Во всяком случае на мангазейских кочах имелось две мачты — грот и фок, — была разработана система управления парусами с помощью «ног» (вантов) и «возжей» (шкотов).

В 1671 г. мангазейский воевода Данил Наумов о парусах писал: «И в Мангазее по всякие годы (хранятся — М. Б.) кочевые запасы — парусы и воровые веревки — по парусу и по два (— М. Б.), а в парусе по 600 аршин холсту»³. В других документах Сибирского приказа также есть упоминание о двух парусах, точнее, по номенклатуре описаний, они скрываются под термином «полпаруса».

На другом рисунке коча главное внимание уделено изображению трансвой кормы, сложного рулевого устройства, главного паруса и грот-мачты, на оконечности которой показан широкий флаг-вымпел.

Обращает на себя внимание громоздкое рулевое управление. Мастер-художник уделил этому много места, так как для мелкосидящего судна, каким

был коч (осадка 2—1,5 м)⁴, успешное проведение морских операций могло гарантировать только мощное рулевое управление. Размещение руля на трансвой корме требовало серьезных креплений. Расположение рулевого управления было различным: на первом рисунке оно размещалось на верху кормы, на втором — вынесено за пределы трансвой кормы. Сам руль располагался на раме, вмонтированной в судно. Вообще рулевое устройство коча — главное в строительстве. Оно изображено в центре графической схемы (показана схема управления рулем).

Громоздкий руль (найден промоздкий фрагмент руля (см. прилож. XXXIV), который в те времена носил название сопца, был найден на городище в конструкциях жилой постройки. Он был так велик, что требовалась мускульная сила пяти мужчин, чтобы с трудом перенести его на 50 м по городищу.

Завершает изображение флотилии мангазейских судов рисунок судна относительно малых размеров. Оно играло вспомогательную роль, было одномачтовым с еще более низкими бортами, высокой мачтой и простым парусом. В нем нетрудно признать палубное судно.

Для плавания в морских условиях кочу придавалось два карбаса или струга. Это было правило, действовавшее повсеместно в Сибири, в частности на верхотурских и ленских плотбищах⁵. Вспомогательные мелкие суда использовались на участках плавания, невозможных для прохода коча, например, на волоках.

На других досках кочи представлены в иных планах: на днищах бочек вырезаны контуры одиночных судов или суда изображены попарно. На длинной корабельной доске толщиной до 5 см видны два коча (см. прилож. XXIV); один из них — с внутренними помещениями. К сожалению, доска раскололась пополам, причем вторая половина не найдена и обо всем рисунке судить трудно. На сохранившемся фрагменте изображено жилевое устройство, наклоненный вперед форштеньев и руль особой конструкции, который вынесен далеко за пределы кормы. Румпель показан внутри судна, т. е. им пользовались в закрытом помещении и рулевой мог смотреть лишь через отверстие, проделанное в корме. Не вполне понятно преимущество такого устройства перед тем, когда румпель размещается прямо на палубе, как это показано на рисунке других кочей. На втором рисунке коча изображен бортовой набор и обшивка.

В целом графические изображения судов из раскопок Мангазеи — это не столько рисунки, сколько своеобразные строительные чертежи того времени. Думается, что, пользуясь ими, опытный плотник мог определить нужные ему пропорции главных частей судна, получить сведения о бортовом наборе, расположить мачты, укрепить такелаж, разобраться в тонкостях рулевого устройства. Нам же эти чертежи-рисунки помогли в анализе вещевого материала.

Кроме рисунков-чертежей, на раскопах найдена

доска небольшого размера с графическим рисунком одиночного коча. На лицевой стороне показано все судно, а на оборотной — его отдельные части: бортовой набор и овальная линия обвода. На лицевой стороне выделены руль и такелаж (рис. 26).

Нельзя не обратить внимания на манеру изображения русского морского судна. Она напоминает западноевропейскую. Подобные рисунки можно найти в красочных книгах голландских и английских путешественников, посетивших в XVI в. Россию. Например, в роскошно изданной книге Геритса де-Фера, участника экспедиции Баренца. В ней есть несколько рисунков северных русских судов, встреченных им в районе Новой Земли и у берегов Печоры⁶. По манере изображения рисунки русских судов де-Фера ничем не отличаются от рисунка русского корабля, который мангазейский мастер вырезал на кочевой доске, хотя, кажется, заимствование исключено.

Детали мангазейских судов

На Мангазейском городище найдено несколько сот судовых частей различного назначения. Они обнаружены в конструкциях общественных и жилых зданий, в уличных вымостках. Эти детали встречались во всех раскопах. Сначала судовые доски узнавали с трудом, потому что ранее никто из членов экспедиции никогда не видел их. Не встречались они и на старинных гравюрах. А вместе с тем уже в слоях верхних горизонтов встречались сосновые доски хорошей сохранности, отличительной особенностью которых были уложенные в ряд пазы и просверленные отверстия, через которые пропускались крученые ивовые и лозовые прутья (см. прилож. XXXIV). Предполагалось, что это упавшие потолочные доски двойного ряда. И только тогда, когда на раскопе воеводского двора встретился первый фрагмент бортового набора, все стало ясно.

Многочисленные доски интерьеров и уличных вымосток — это доски судовых бортовых наборов и палубных конструкций. С тех пор кочевые доски фиксировались и наносились на план. Наиболее интересные экземпляры зарисовывались в масштабе. В результате четырехлетних раскопок скопилось до 300 кочевых досок, доставка которых на Большую Землю была просто невозможна. Поэтому было принято решение — доски засыпать землей, а для более крупных судовых частей в северо-восточной части раскопа 21 устроено кладбище. Самые интересные экземпляры доставлены в Музей Арктики и Антарктики, часть была в 1976—1977 гг. показана на выставке коллекций Мангазейской экспедиции ААНИИ.

Что касается досок обшивки и палубы, то пущенные в дело они не сохранили подлинных размеров, а были подогнаны к размерам строительных конструкций. Чаще всего их средняя длина не превышала 5—6 м при средней ширине 20—30 см и толщине 75 мм.

При тщательном изучении системы крепления досок бортовой обшивки оказалось, что с помощью

¹ М. И. Белов. Арктическое мореплавание..., с. 208—209.

² ЦГАДА, ф. 214, стб. 13, л. 201—218.

³ Н. П. Загоскин. Русские водные пути и судовое дело в допетровской Руси. Казань, 1910, с. 460.

⁴ ЦГАДА, ф. 214, стб. 635, л. 113.

⁵ М. И. Белов. Арктическое мореплавание..., с. 208.

⁶ Там же, с. 209.

⁷ Г. де-Фер. Плавание Баренца. Л., 1936, с. 265 и др.

особых креплений опытный мастер мог придать корпусу коча желательную форму. Чаще всего это был овал, поскольку это позволяло судну с помощью небольших рычагов в случае ледовых сжатий выбираться на поверхность льда. Реконструкция такого корпуса представлена в прилож. XXXIV, а детали судна и система креплений досок на том же рисунке (1, 2, 3, 4, 5, 8).

Лучшим способом расположения досок для придания корпусу заданной овальной формы был набор внахлест. Это давало возможность образования па-

в виде шпунтов и нагелей. Такая система хорошо представлена на шпангоуте, обнаруженном в гостинном дворе и на кокоре из раскопа 22 (см. прилож. XXXIV). Для крепления поперечной доски, на которую накладывался палубный настил, использовались обнаруженные на городище железные гвозди полуаршинной и четвертьаршинной длины. Экспертиза показала, что они были выполнены из кричного железа.

Весьма оригинальную форму имели килевые балки, фор- и ахтерштевни.

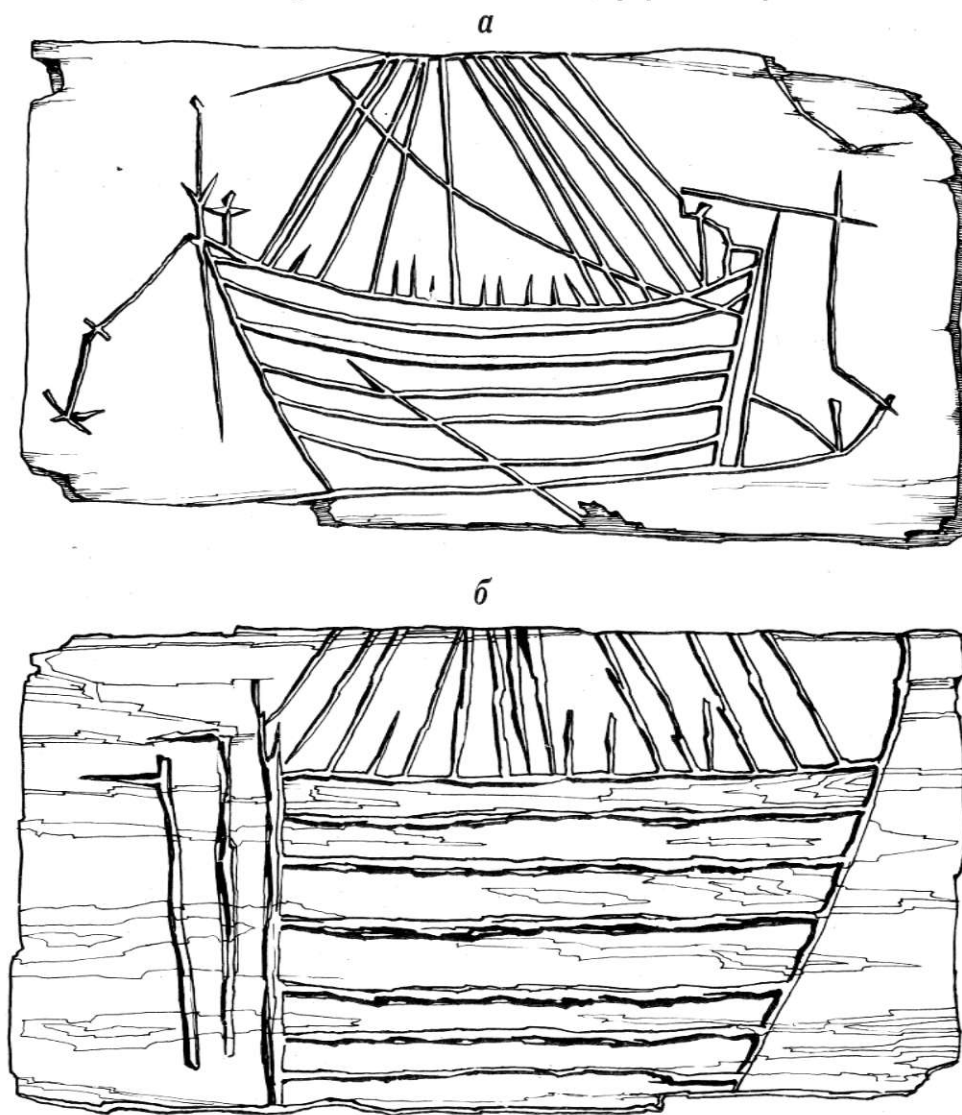

Рис. 26. Доска (сосна) с изображением морского судна:
а — лицевая сторона; б — оборотная сторона.

зов и швов, которые затем прокладывались просмоленным пеньковым жгутом. Поверх жгута крепились тонкая рейка, которая прошивалась железными судовыми скобами. Как видно из перечневых росписей, на каждый коч уходило до 10 тысяч оков. Они встречались и в районе пляжа и непосредственно на досках.

Значительно сложнее оказалось понять крепление набора к кокора, килевой балке, ахтерштевню, палубной конструкции. Оказалось, что и в этом случае в дело пускались деревянные крепления

Обнаружено несколько килей, изучение которых показывает, что они, во-первых, имели для вставления концов кокоров специальные выемки, которые располагались в два продольных ряда; во-вторых, в местах стыковок шпангоута с килем существовала система закрепления их в нижней части шпангоута (см. прилож. XXXIV).

Еще более сложным являлось крепление бортового набора к форштевню (прилож. XXXIV). Длина форштевня, найденного на городище, составляла 5,5 м. Это довольно мощный ствол соснового дере-

ва (сохранился фрагментарно), на конце которого, т. е. в верхней части был вытесан роостр для укрепления носового оперения. В передней части находилась приставная деталь. В случае протирания, ее легко можно было убрать, заменив новой. Она играла значительную роль, располагаясь впереди судна. При движении корабля принимала на себя удар льдов или воды. Поэтому деталь являлась сменной. На ее поверхности обнаружены следы потертости и ударов о камни и коряги.

Доски носовой обшивки располагались на форштевне по двум расходящимся под углом 40° плоскостям, чем создавалась острая форма носа, удобная для продвижения судна в разреженных льдах.

Что касается ахтерштевня, то он единственный в коллекции (см. прилож. XXXIV). Это громоздкое деревянное сооружение, оказавшееся под окладным бревном северо-восточной постройки на раскопе 21. Размеры его: длина 3 м, ширина — 40 см, высота — 1 м (обмер фрагмента). В разрезе ахтерштевень имеет форму конуса, в центре вырублен продольный паз для установки досок обшивки. Паз развернут под углом 60°. Сравнение параметров носовой и кормовой частей свидетельствует о том, что корма шире носовой части судна (40°). В пазах сохранились доски обшивки, прибитые к корпусу деревянными нагелями. В верхней части форштевень стыковался со своим продолжением. От стыковки сохранилось 10 нагелей и уступчатая форма.

В корпусе ахтерштевня в 2 м от края сделаны квадратные углубления для установки вертикальных бревен. Вероятно, ими были столбы поддержки палубного сооружения, а, может быть, каюты. Следует отметить, что при осмотре ахтерштевня не обнаружено следов рулевого крепления, которые на графических изображениях трансовой кормы показаны отделенными от нее, т. е. вынесены за пределы корпуса на специальной раме.

Рядом с ахтерштевнем лежали мачта (длина — 10,55 м, ширина — 105 мм) и рей. Конец мачты обрублен на 2—3 м. В средней ее части сохранились фрагменты двух рей (см. прилож. XXXIV). Они были перерублены перед положением на бровку уличной вымостки. Здесь же оказалась третья рей, сохранившаяся почти целиком — ее длина 6 м, сечение — 78 мм.

Среди найденных деталей коча интерес представляют многочисленные кокоры (шпангоуты). Обращает на себя внимание система крепления шпангоутов к обшивке и к килевой балке — колоде. Упомянувшееся выше перо руля состояло из трех частей, скрепленных деревянными нагелями и скобами. В руле заметны сверленные дыры (19 шт.). Через отверстия пропускались ивовые крученые прутья для сшивания пера с корпусом руля.

Итак, нами обнаружены все основные части коча и есть возможность вычислить их параметры. Это бортовые крепления, судовой набор, ахтер- и форштевни, кили, мачта, рей, перо руля, якоря, а также рисунки-чертежи. На основании изучения письменных источников устанавливается длина и ширина коча.

Но раньше чем приступить к реконструкции древнего русского морского корабля, в историю

принял участие кандидат технических наук, инженер-кораблестроитель И. И. Позняк, следует привести выдержку из акта приемки нового коча поморской постройки, составленного в Холмогорах в 1695 г. Коч строился для поездки на Новую Землю крестьянами Волокопинежского села Тимофеем и Игнатием Федоровыми Кулаковыми.

Вот что читаем в этом акте: «В нынешнем в 204 (1695) году ноября 27 числа по указу преосвященного архиепископа, Волокопинежского Николаевского приходу крестьяне Тимошка да Игнашка Федоровы дети Кулаковы по подряду своему сделали в дом ево архиерейской новоземельский промышленный коч из своего сухого соснового лесу по уговещью и приприводили в дом его архиерейской на Холмогоры. А мерою тот коч в длину по колоде 10 сажений, поперек 3 сажени, а в высоту от колоды до 30 набоев на сторону матерых. А в том кочи кладено упругов в 13 местах, да два коряника в носу, да копыты в коргу, да десятеры курицы. Да он же, Тимошка з братом, добыли к тому кочу две десницы на перешвы, да собцовый корень, да бревно на дерево. А конопать и смола и скобы и на кровлю скалы и рогожи к тому кочу — все кладено домовое»¹.

Приведенную цитату следует дешифровать. Пинежский коч по килю имел длину 21,6 м, ширину — 6,4 м, его борта возвышались из расчета 30 досок обшивки, он имел 13 шпангоутов. Такое измерение дает основание вычислить высоту носовой и кормовой частей коча. Она не превышала 5,5 м. Именно такой длины форштевень был обнаружен в раскопе комплекса А.

Мангазейские рисунки-чертежи показывают, что нос коча несколько поднимался над высокой кормой, а следовательно, высота формы была в пределах 5 м. Борт был значительно ниже носа и кормы. Его высоту также можно вычислить. На раскопках средняя ширина досок обшивки составляла 25 см. В пинежский коч было положено 30 набоев. Следовательно, высота борта не превышала 3,5 м. Вычислить можно и осадку коча. Установлено, что при полной нагрузке 40 т коч погружался на глубину 1,50—1,75 м. На поверхности оставалась лишь незначительная его часть. Он выглядел низкосидящим судном, с несколько задранной овальной формы носом, с высокой трансовой кормой, с палубными надстройками из теса, которые по терминологии того времени, носили название кровель (см. прилож. XXXV)². В центральной части в разрезе и сверху коч имел выпуклые формы сужавшиеся к носу.

Поморско-верхотурский тип коча был эталоном для всех морских судов Сибири XVI—XVII вв. Реконструкция его подтвердила высказанное еще в 1951 и в 1956 гг. мнение о характере и особенностях такого типа судов³.

Несколько слов о создании модели коча. В 1951 г. для сборника «Исторический памятник

¹ ЛОИИ, ф. Рукописи Археологической комиссии, кн. 108, л. 108 об.

² Реконструкция коча, по рисункам и частям его, выполнена автором совместно с корабельным инженером ААНИИ И. И. Позняком и художником Н. Г. Раковым.

³ М. И. Белов, Арктическое мореплавание..., с. 203—213.

русского полярного мореплавания XVII века» при участии и консультации М. И. Белова сотрудник Музея Арктики Н. Д. Травин воспроизвел графическую модель коча¹. Модель имела, как потом выяснилось, ряд недостатков, но превосходила известную в то время музейную модель. Графическая модель Н. Д. Травина с некоторыми дополнениями и изменениями в 1967 г. была воплощена в музейную модель коча, выполненную С. А. Леонтьевым под руководством М. И. Белова. Ныне она выставлена в историческом разделе Музея Арктики и Антарктики.

Окончание работы над моделью почти совпало с началом раскопок городища Мангазеи, давших новый и обильный материал для реконструкции коча. К сожалению, он не был учтен. Следовательно, в ближайшее время стоит задача создания третьей и более совершенной модели коча — знаменитого полярного корабля, в течение многих столетий успешно бороздившего арктические воды. Эта работа будет облегчена предлагаемой в данной главе разработкой графической модели (см. прилож. XXXV).

Навигационные приборы. Солнечные часы-компасы

На раскопках городища Мангазеи было обнаружено два экземпляра солнечных часов-компасов. Это небольших размеров и овальной формы костяные предметы, на поверхности которых имеется циферблат с двенадцатью делениями (рис. 27).

Рис. 27. Компас-солнечные часы в костяной оправе.

В центре овала расположено круглое гнездо (диаметр 20—25 мм), за которое эти часы в поморье получили название маток. Кроме костяных солнечных часов обнаружен медный диск указателя фаз луны.

Одна небольшая подробность: солнечные часы в костяной оправе обнаружены на окраине городища возле печки на полу жилого дома, где работал ремесленник. Сама постройка датирована началом XVII в. Медный же диск с указателем фаз луны найден в районе церковных зданий на торговой половине посада. Это более чем случайные находки.

¹ Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века, с. 75.

Единственно, о чем они свидетельствуют — о распространенности навигационных и практически нужных предметов по всему мангазейскому городищу.

Подтверждением этого является находка в кремле-детинце, в районе съезжей избы, нескольких футляров от корабельных компасов. По форме это небольшие (10×15 см) кожаные кошельки, на лицевой поверхности которых оттиснут растительный или геометрический орнамент (рис. 28). Фут-

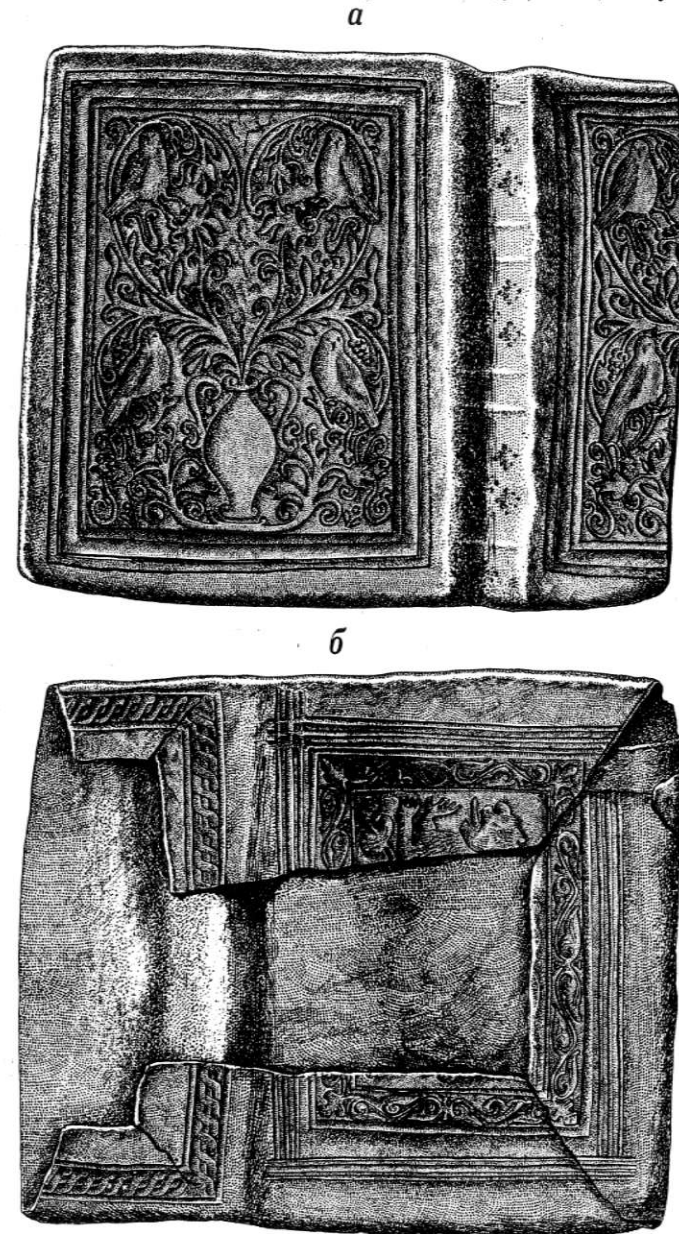

Рис. 28. Кожаный футляр от компасов: а — лицевая сторона; б — обратная сторона.

ляр закрывался на железные застёжки, через которые продевался металлический прут. Рисунки растительного орнамента представлены на футлярах, обнаруженных в съезжей избе. Там же лежали футляры с оттиском замысловатой геометрической фигуры. К сожалению, внутри футляров компасов не оказалось. Единственное, что удалось найти, — это четырехугольные рамки, в которые были заключены корпуса солнечных часов.

Принцип работы солнечных часов-компасов теперь установлен. Механизм состоял из магнитной стрелки малых размеров, овальной формы костяного или деревянного корпуса, в котором находился диск или гнездо. По краям были установлены 32 шпильки, что соответствовало 32 румбам. Кормщик, пользующийся такими компасами-матками, должен был ориентировать диск с помощью магнитной стрелки по странам света. Он вставлял в отверстия задаваемого мореходной лощей румба шпильку и в показываемом ею направлении вел корабль¹. В тех случаях, когда в распоряжении мореплавателя не было магнитной стрелки, он вставлял в центр диска солнечные часы, снабженные также магнитной стрелкой. Это давало ему возможность определить с помощью матки не только румб, но и местное время.

Среди других навигационных инструментов мангазейские мореходы использовали свинцовый лот, один экземпляр которого был обнаружен на городище. Иногда вместо лота использовались якоря (шеймы).

Упомянутая выше карта-чертеж Губа море Мангазейско содержала в себе довольно значительный лощинный материал. Она ориентировала кормщиков, вооруженных компасами-солнечными часами, в лабиринте многочисленных осушенных банок Обской и Тазовской губ. На чертеже показаны не только места поворотов, но и наземные береговые и отдаленные от берега ориентиры, помеченные условными знаками в форме буквы «В» (вид), как и на современной навигационной карте. Пользуясь картой, мореход, следующий на своем судне в Мангазею и обратно, мог отлично ориентироваться и вести свой корабль по Мангазейскому морскому ходу.

¹ В. Л. Ченокал. Практическая астрономия в России допетровского и петровского времени. — В кн.: География петровского времени, с. 42.

В заключение хотелось бы отметить основные положения, рассмотренные в главе:

1. На основе документальных материалов и письменных источников, а также результатов рекогносцировочных археологических работ был заново рассмотрен вопрос о Мангазейском морском ходе. Установлено, что в это понятие входили не только известный по литературе морской путь из Поморья в Обскую и Тазовскую губы, но и сухопутный и речной путь, идущий по притокам Печоры через Урал на Березов и Обдор, откуда по казымскому и надымскому речным трактам, через опорные пункты — Казымский и Надымский городки — и затем по притокам р. Пура поморы выходили к Тазовскому городку, возникшему в нижнем течении р. Таз в начале 70-х гг. XVI в.

Изучался и сам морской и волоковой Мангазейский морской ход. На Ямале рекогносцировкой был охвачен волоковой путь, проходивший через озера Мутное и Зеленое, где обнаружены остатки древних мелких судов.

В связи с находкой и опубликованием чертежа Мангазейского моря сделан вывод о его причастности к Большому Чертежу, созданному на Руси в начале XVII в., установлена дата его создания — 1601—1603 гг., изучена его легенда и определена навигационная ценность.

2. Детально рассмотрены обнаруженные на городище графические изображения мангазейских судов, причем установлено, что, по существу, они являлись рисунками-строительными чертежами, предназначенными для руководства судовыми работами. Анализу подвергнуты обнаруженные на городище детали судов. Все это дало возможность произвести графическую реконструкцию древнерусского полярного корабля-коча.

3. Изучены обнаруженные на городище навигационные приборы, в частности компасы-солнечные часы, свидетельствующие о распространенности их среди мангазейских мореплавателей, о высоком уровне русской мореплавательной культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплексное изучение раскопок мангазейского городища, а также сплошной просмотр архивных фондов позволили сделать ряд важных выводов, имеющих принципиальное значение для истории русских городов XVI—XVII вв. В научный оборот вошли новые, неиспользованные пласты исторических источников, осветившие те стороны русской городской культуры, развившейся на далекой сибирской окраине, которые раньше оставались в тени.

Мангазея — это пока первый «раскопанный» сибирский город эпохи великих русских географических открытий и первоначального освоения гигантских пространств «зауральской земли»: раскопки охватили почти всю селитбенную территорию городища. В истории научного изучения Сибири это единственный пример, но, надо надеяться, не последний.

В первой части монографии приведен богатый материал, который позволяет сделать следующие выводы.

1. Мангазея в период своего расцвета — это сравнительно крупное городское поселение Сибири, а не торговая фактория, как считалось ранее. Она рисуется настоящим северным городом со всеми присущими ему чертежами — сравнительно обширной торговой стороной и небольшой, но компактно застроенной ремесленной частью, могущей удовлетворить повседневные нужды развивающихся рыбных и пушных промыслов, работающих не только на местный и всероссийский, но и внешний рынок.

2. В основание исследования положены, как важнейший источник, результаты археологических раскопок. По некоторым вопросам он явился единственным и достаточно надежным. Раскопки позволили произвести датировку дендрохронологическим методом практически всех архитектурных остатков города, определить общую его планировку и характер материальной культуры, особенно в части массового материала по архитектуре жилых трехчастных построек на посаде, различных находок и изделий из тканей, кожи, кости, стекла, глины, камня и металлов, выраженных в многочисленных образцах домашней утвари, предметах ремесла, торговли, охоты, рыбной ловли и судоходства.

3. Надо считать большой удачей обнаружение в нижних культурных слоях и последующее изучение построек Тазовского городка поморья XVI в. В связи с этим были предприняты поиски документов конца XVI — начала XVII вв., которые подтвер-

дили оставшийся без должного внимания факт о том, что задолго до постройки Мангазеи торгово-промышленный люд Поморья создал на Мангазейской земле, в междуречье Оби и Енисея, целую группу городков-факторий. В документах, в том числе чертежах-картах, названы такие городки как Обдорский (в устье р. Оби), Надымский и Казымский (на одноименных реках — притоках Оби), Пантуев (на р. Пур). Тазовский городок оказался восточнее остальных и как бы замкнул собой цепь первых русских поселений за Уралом.

В связи с находкой Тазовского городка на целые столетия назад пришлось отодвинуть появление первого русского торгово-промышленного поселения на р. Таз.

4. Изучение ранней застройки Мангазейского городища привело к необходимости уделить особое внимание созданию первого мангазейского острога, сыгравшего важную роль в ходе дальнейшего развертывания строительства. В нашей литературе отмечено опережающее по времени место раннего острога в плане последующего развертывания городских поселений: сначала возводился острог, затем закладывалась городская крепость и формировался посад. Так случилось и в Мангазее. Важно было, естественно, определить точное время создания острога, его планировку, возникновение оборонительных сооружений, административно-жилых и культовых построек, а также начавшееся уже тогда формирование посада.

Мангазейский пример хорошо вписался в историческую канву застройки сибирских городов XVII в., как правило, располагавших рубленой крепостью и острогом. Это правило подтверждает таблица сибирских городов с острогами, составленная на основании обнаруженных и проанализированных данных архивных документов.

5. Особое внимание уделялось созданию в кремле первой рубленой крепости, развертыванию городского посадочного поселения. Здесь наиболее важным являлось изучение планировки посадского поселения. Правильному и успешному решению способствовало два обстоятельства. Первое — обнаружение остатков мощеных улиц, в разных направлениях прорезывавших жилые и административные комплексы построек. Уличные настилы Мангазеи, как удалось выяснить, были развернуты на необычных опорах — клетях-колодцах, приподнятых над рельефом оттаявшей почвы на один-два венца во избежание провалов настилов. Такие конструкции встречались на основных магистралях, в частности

таких, которые связывали две крупнейшие общественные постройки: гостинный двор и таможенную.

Второе обстоятельство — это архивные находки документов, содержащих сведения о расстояниях построек в отсчете от восточной стены кремля, а также данные о владельцах домов, что позволило существенно уточнить топонимику городища и географию строительных комплексов, размещенных по входившему в те годы на Руси принципу регулярной планировки.

6. Было признано полезным, несмотря на условность и относительную достоверность, произвести и предложить реконструкцию некоторых культовых зданий и оборонительных сооружений Мангазеи. Реконструкции базировались на полученных в ходе раскопок результатах и на архивных документах и материалах.

Реконструктивные работы коснулись нескольких объектов: Спасской проезжей башни и одной из угловых глухих башен, а также посадской церкви Успения и соборной церкви Троицы в кремле.

Для реконструкции оборонительных сооружений Мангазеи — башен и городен — использовались данные, содержащиеся в Росписном списке города Мангазеи 1625 г., археологический план крепости, обмеры нижних венцов башен и городен.

При реконструкции оборонительных сооружений учитывались имеющиеся в специальных трудах историков архитектуры сведения о приемах и технике возведения оборонительных сооружений русских и сибирских городов XVI—XVII вв.

При реконструкции культовых зданий Мангазеи принимались во внимание: а) археологические данные о планах и обмерах нижних венцов храмов; б) документальные сведения о их внутренних и внешних частях; в) графические изображения мангазейских церквей на картах-чертежах XVII в., в частности, на Чертеже земли Туруханского города С. У. Ремезова из его «Чертежной книги» 1701 г.; г) при реконструкции учитывались также бытовавшие на Руси XVI—XVII вв. пропорции главных частей храмов и, прежде всего, его главного здания, пристроек к нему, восьмерика и шатров.

7. Собранные в ходе раскопок и архивных розысканий материалы подсказали необходимость применения в ходе изучения застройки двух дополнявших друг друга методик — статистической, весьма эффективной в процессе идентификации и динамической, позволившей расчлнить ее историю на шесть этапов. Применение динамического метода дало возможность определить наиболее важные периоды в жизни города: зарождение, становление, расцвет и упадок. На каждый из этих периодов были разработаны и составлены картосхемы заселения, использованные в общей реконструкции города.

8. Архивные документы дали возможность по-новому осветить вопрос о причинах падения Мангазеи. Наряду с ранее отмеченными — перемещение торговых путей Сибири середины XVII в., оскудение природных пушных богатств бассейна р. Таз, захирение Мангазейского морского хода, что неизбежно привело к поискам новых путей завоза продовольствия — теперь названа и непосредствен-

ная причина оставления Мангазеи: это возрастание в 50—60-х годах сопротивления местных племен растущему своеволию и насилию со стороны царской администрации в лице воевод и сборщиков ясака. Документы подтвердили факт оставления Мангазеи «из-за шатости юрацкой самояди». Стрелецкий гарнизон и жители Мангазеи оказались в кольце восстаний. Это и решило вопрос о переводе города в более безопасное место.

9. Одну из центральных глав монографии, посвященную Мангазейскому морскому ходу, удалось существенно пополнить новыми, еще не привлекавшимися ранее к исследованию материалами. Это данные рекогносцировочного обследования Ямальского волока; карта-чертеж «Губа море Мангавейско» начала XVII в., очевидно, один из листов Большого чертежа; новые документы Сибирского приказа, позволившие составить несколько таблиц мангазейского мореплавания; и, наконец, находки на раскопах судовых частей и графических изображений судов, ходивших в Мангазею. Последние позволили положить их в основание графической реконструкции первого русского полярного корабля-коча.

Документы убедительно показали, что Мангазейский морской ход, связавший на исходе XVI в. Европейский Север и Западную Сибирь, как можно было предполагать, не был ликвидирован в 1619 г. Он лишь изменил направление: с северного, проходившего по Баренцеву, Печорскому и Карскому морям, на более южное — плавание по бурным Обской и Тазовской губам. Обосновано положение, что Мангазейский морской ход являлся одним из решающих условий существования большого городского поселения на р. Таз.

Заметное влияние раннего мореплавания на западном участке Русской Арктики — мангазейском — можно показать на примере судоходства XVII в. вдоль всего Евразийского побережья. Это морские походы в нижней части Енисейского залива и вдоль северо-западного побережья Таймыра, плавание по Хатангскому заливу к Анабару и Лене. Опыт мангазейского мореплавания был воспринят и существенно дополнен в процессе организации караванных морских сообщений второй половины XVII в., на участке между устьями Лены и Колымы. Наиболее выдающийся морской поход в Берингов пролив совершил в 1648 г. казак Семен Дежнев с товарищами, среди которых, несомненно, были и те, кто до этого ходил в Мангазею.

10. Тщательному исследованию подвергся и получил убедительное подтверждение факт существования Мангазейского посада. Установлено, что основными массовыми видами мангазейского ремесла являлись резьба по кости и по дереву. По ряду важных причин в конце существования города в центре и на его северо-восточной окраине получило развитие литейное ремесло, предположительно медно-никелевое литье, связанное с открытием в 40—50-х гг. XVII в. медно-никелевых руд Норильских гор.

11. Необходимо отметить несомненные успехи дендрохронологического изучения археологической древесины с мангазейского городища. Отмечено почти полное совпадение данных стратиграфии

и дендрохронологического анализа. Надо признать, что методика дендрохронологической датировки, разработанная свердловским ученым С. Г. Шиятовым, в наше время является наиболее надежной.

В заключение следует отметить, что рассмотренные в монографии вопросы убедительно подтверждают, что русское феодальное государство XVII века для решения жизненно важных задач основало и всеми мерами поддерживало на далекой сибирской окраине значительное по тому времени го-

родское поселение — Мангазею, сыгравшую значительную роль как центр торговли и промыслов. В течение долгого времени государство поддерживало и направляло безостановочное продвижение крестьянских масс в северной полосе Сибири, предопределив успех первоначального освоения «зауральской земли».

Во второй части монографии будут рассмотрены вопросы материальной культуры русских землепроходцев и мореходов XVI—XVII вв.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПОЯСНЕНИЯ К ПРИЛОЖЕНИЯМ

Приложение I. Топографо-археологический план городища Мангазеи.

1 — редколесье; 2 — лесные полосы; 3 — кусты с лишайниковой растительностью; 4 — песчаная коса; 5 — высота над урезом реки; 6 — заболоченный кустарник; 7 — луг с кустами; 8 — граница контуров растительного покрова; 9 — береговой обрыв; 10 — моховая тундра; 11 — задернованные контуры построек; 12 — оленья тропа.

Приложение II. Раскоп 3.

Приложение III. Раскоп 4.

1 — гумус; 2 — песок; 3 — уголь; 4 — материк.

Приложение IV. Раскоп 2/6.

Приложение V. Раскоп 7.

1 — гумус; 2 — песок; 3 — материк; 4 — уголь; 5 — оползень; 6 — прогибы почвы.

Приложение VII. Раскоп 16.

Приложение VIII. Раскоп 17.

1 — гумус; 2 — песок; 3 — материк.

Приложение IX. Раскоп 5.

1 — гумус; 2 — песок; 3 — уголь; 4 — горелый слой.

Приложение X. Раскоп 11.

1 — гумус; 2 — песок; 3 — материк.

Приложение XI. Раскоп 14.

1 — гумус; 2 — песок; 3 — материк.

Приложение XII. Раскоп 1 (гостинный двор).

1 — гумус; 2 — песок; 3 — материк.

Приложение XIII. Комплекс А.

Приложение XIV. Раскоп 22.

1 — гумус; 2 — щепа; 3 — строительный мусор; 4 — культурный слой; 5 — материк.

Приложение XV. Раскоп 23.

1 — гумус; 2 — песок; 3 — культурный слой; 4 — каменная кладка; 5 — материк.

Приложение XVI. Раскоп 23.

1 — гумус; 2 — культурный слой; 3 — каменная кладка; 4 — материк.

Приложение XVII. Раскопы 8, 9, 10.

1 — гумус; 2 — песок; 3 — материк.

Приложение XVIII. Раскоп 18.

1 — гумус; 2 — песок; 3 — уголь; 4 — материк.

Приложение XIX. Раскоп 13.

1 — II — гумус, уголь, материк.

Приложение XX. Раскоп 15.

1 — гумус; 2 — песок; 3 — уголь; 4 — материк.

Приложение XXI. Раскоп 24.

1 — гумус; 2 — песок; 3 — щепа; 4 — культурный слой; 5 — каменная кладка; 6 — материк.

Приложение XXII. Раскоп 19.

1 — гумус; 2 — песок; 3 — уголь; 4 — материк.

Приложение XXIII. Раскоп 20.

1 — гумус; 2 — песок; 3 — уголь; 4 — материк.

Приложение XXIV. Общий план раскопов.

1 — контуры раскопов; 2 — угловые башни и городни; 3 — опушка леса; 4 — местоположение бывших стен и башен;

5 — 8 — номера раскопов; 6 — песчаная коса; 7 — бровка обрыва берега; 8 — пляж; 9 — редколесье; 10 — кустарник;

11 — заливные береговые участки реки Мангазейки; 12 — моховая тундра; 13 — луг.

Приложение XXV. План крепости.

1 — предполагаемые острожные стены; 2 — обнаруженные участки городских стен (городни); 3 — местоположение предполагаемых стен, башен и городен.

Приложение XXVI. Соборная церковь Троицы (реконструкция). Авторы: М. И. Белов, Н. Г. Раков.

Приложение XXVII. Спасская проезжая башня (реконструкция). Автор М. И. Белов.

Приложение XXVIII. Успенская угловая башня (реконструкция). Автор М. И. Белов.

Приложение XXIX. Успенская церковь (реконструкция). Авторы: М. И. Белов, Н. Г. Раков.

Приложение XXX. План-реконструкция Мангазеи. Авторы: М. И. Белов, Н. Г. Раков.

Врезка 1 (кремль): 1 — Спасская воротная башня; 2 — Давыдовская угловая башня; 3 — Зубцовская угловая башня; 4 — Успенская угловая башня; 5 — Ратилдовская угловая башня; 6 — воеводский двор; 7 — Троицкая соборная церковь; 8 — съезжая изба; 9 — тюрьма; 10 — стрелецкая сторожка.

Врезка 2 (крепость и посад): 1 — крепость и внутрикремлевские постройки; 2 — Успенская церковь; 3 — церковь Михаила Маленна и Макария Желтоводского; 4 — часовня Василия Мангазейского; 5 — двор тобольского архиепископа Макария; 6 — воеводский двор А. Палицына; 7 — часовая башня гостинного двора; 8 — гостинный двор; 9 — торговая баня; 10 — двор таможенного головы; 11 — таможня; 12 — посад; 13 — ремесленные постройки; 14 — кабак.

Приложение XXXI. График абсолютной датировки годичных колец.

Приложение XXXII. График абсолютной датировки годичных колец.

Приложение XXXIII. Чертеж начала XVII в. «Море Мангазейско с урочищи».

Приложение XXXIV. I. Доска (сосна) с изображением мангазейских судов и фрагментов деталей коча, обнаруженная на городище.

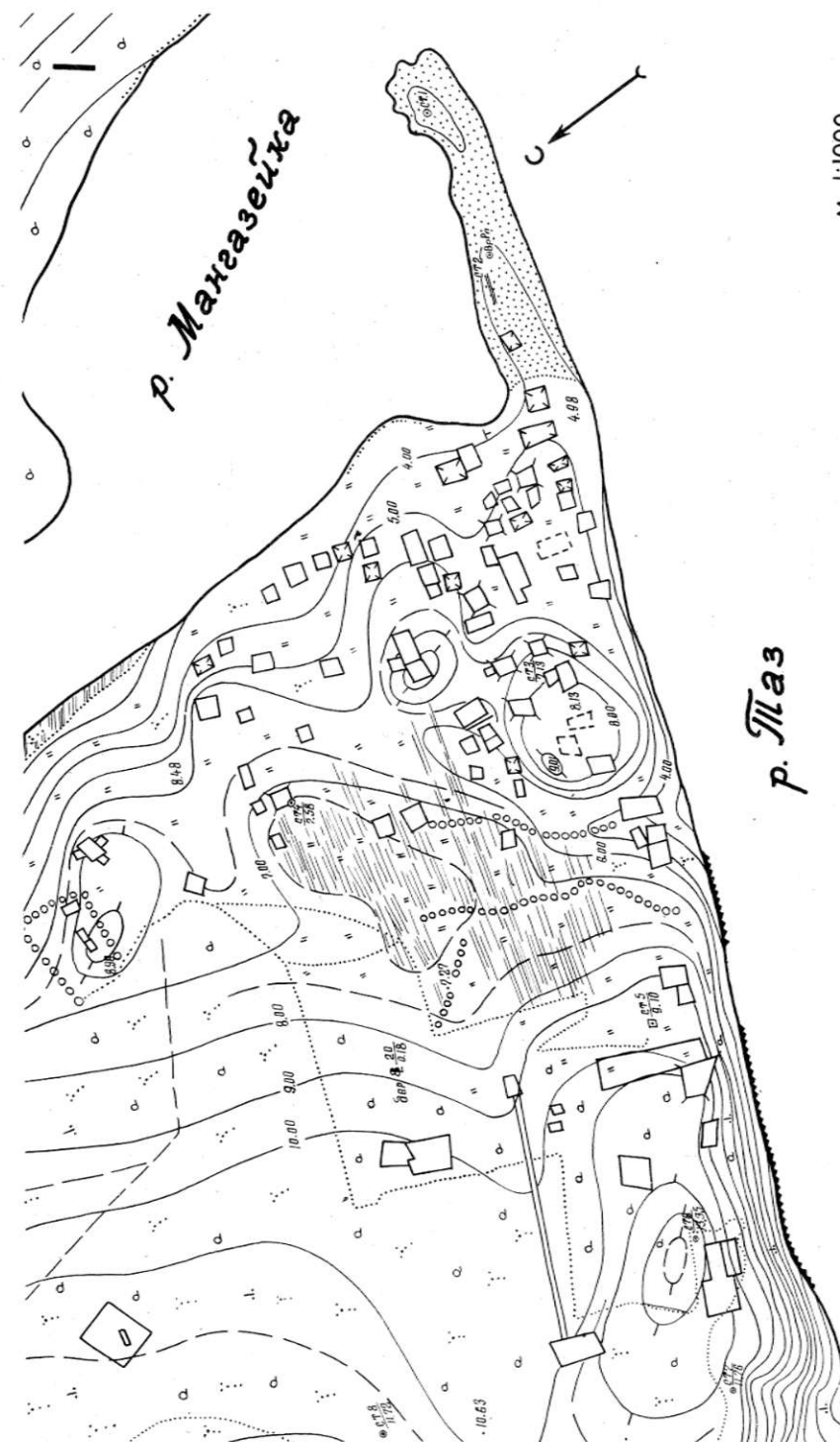
Справа — изображение двухмачтового судна: корпус с транцевой кормой, стоячий и бегучий такелаж — ноги (ванты) и дроги (фалы), управление парусами, а также наружные поручни (привальные бруссы) и плавучий якорь за кормой (не показан); слева — изображение морского судна с одним парусом и вымпелом, адмиралтейским якорем, транцевой кормой, каютой, а также малое судно типа карбаса, между двух- и одномачтовых судов показана система рулевого управления.

II. Фрагменты деталей коча, найденные на городище и использованные для реконструкции коча:

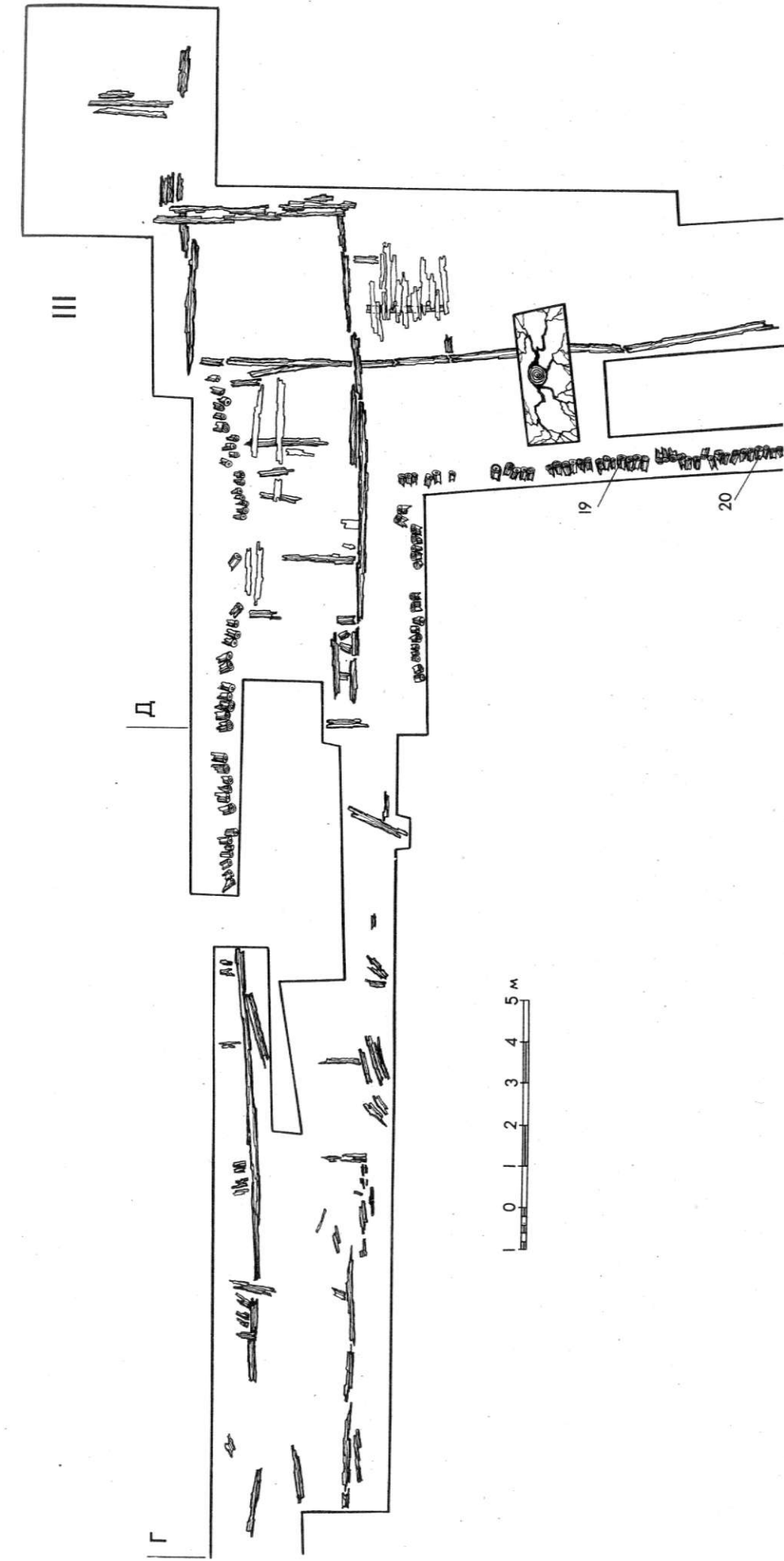
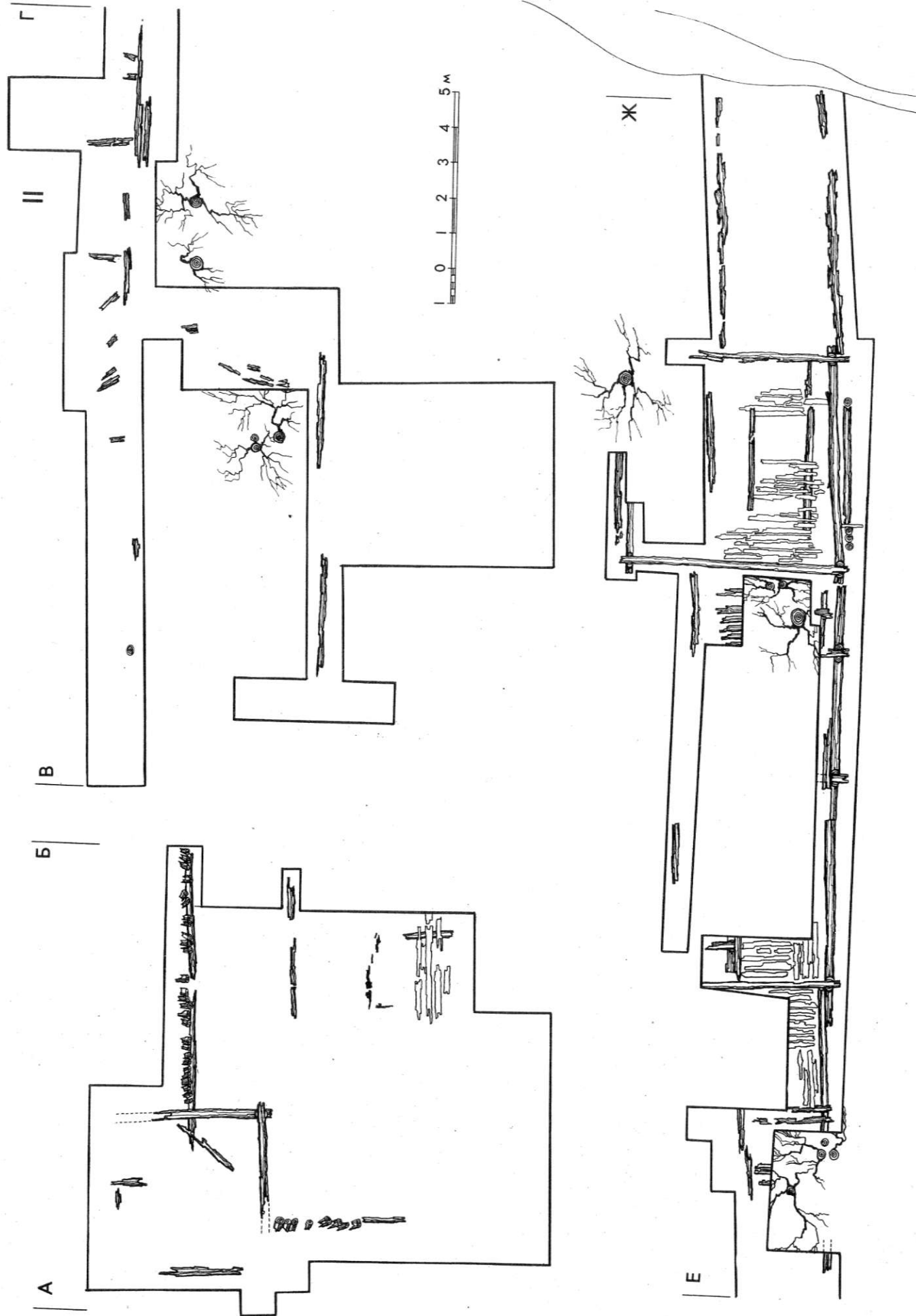
1 — форштевень (А, Б, В); 2 — киль (А, Б, В); 3 — бортовая обшивка (А, Б, В); доски, вязанные вицей, пазы просмолены и забиты рейкой, присоединенной к корпусу скобами; 4 — ахтерштевень с элементами бортовой обшивки. Видны деревянные нагели для соединения с килем. Показано сечение форштевня с вырубками для крепления обшивки корпуса; 5 — кокора шпангоута (вид сбоку и сзади); видны вырубку для заделки подкосов; 6 — схема сечения конструкции корпуса; 7 — фрагмент пера руля; 8 — матча с сечениями.

III. Непрочтенная надпись на оборотной стороне кочевой (сосновой) доски.

Приложение XXXV. Реконструкция мангазейского коча. Выполнена автором по рисункам и частям судов, обнаруженным на городище (см. прилож. XXX). В реконструкции участвовали: корабельный инженер ААНИИ И. И. Позняк и художник Ленинградского комбината графического искусства ЛОХФ РСФСР Н. Г. Раков.

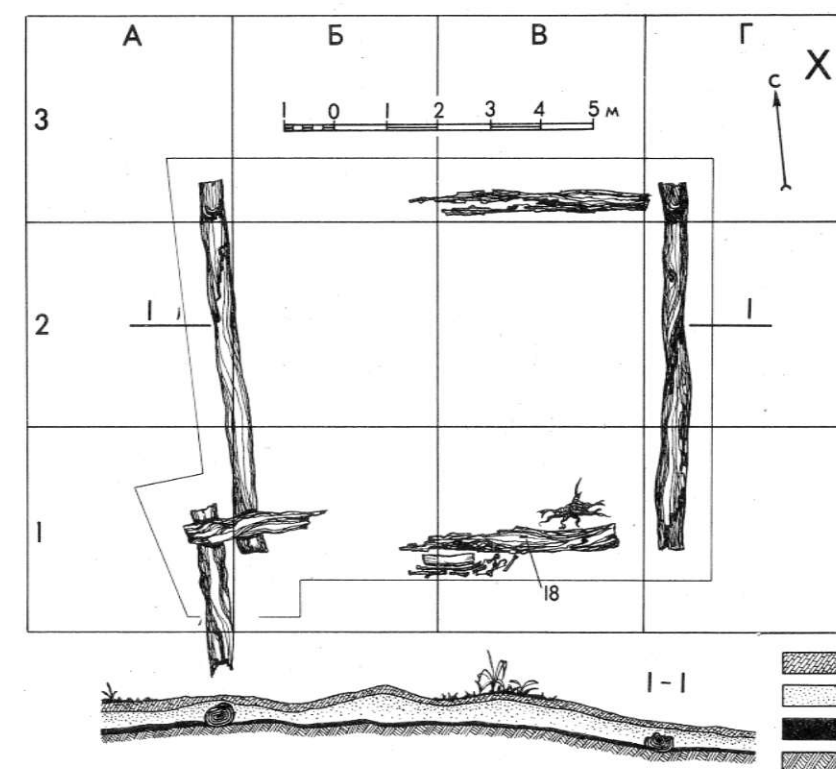
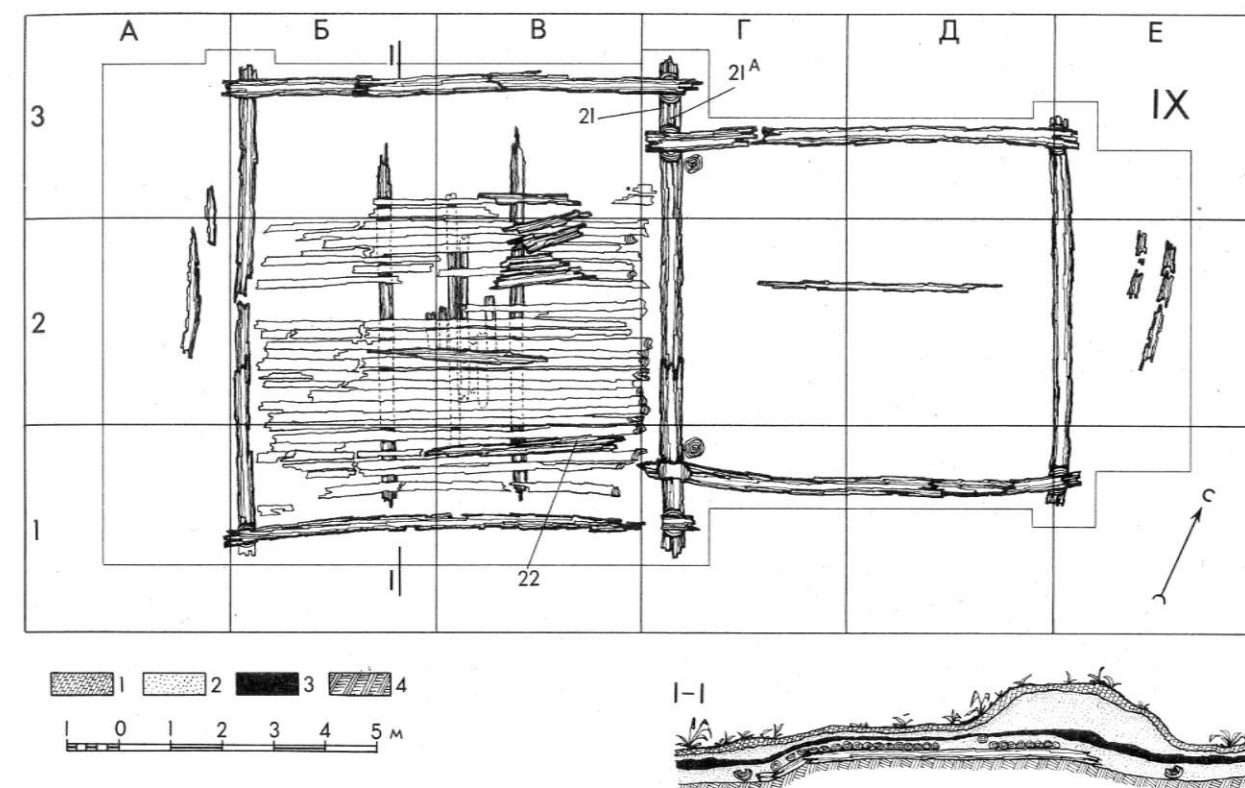
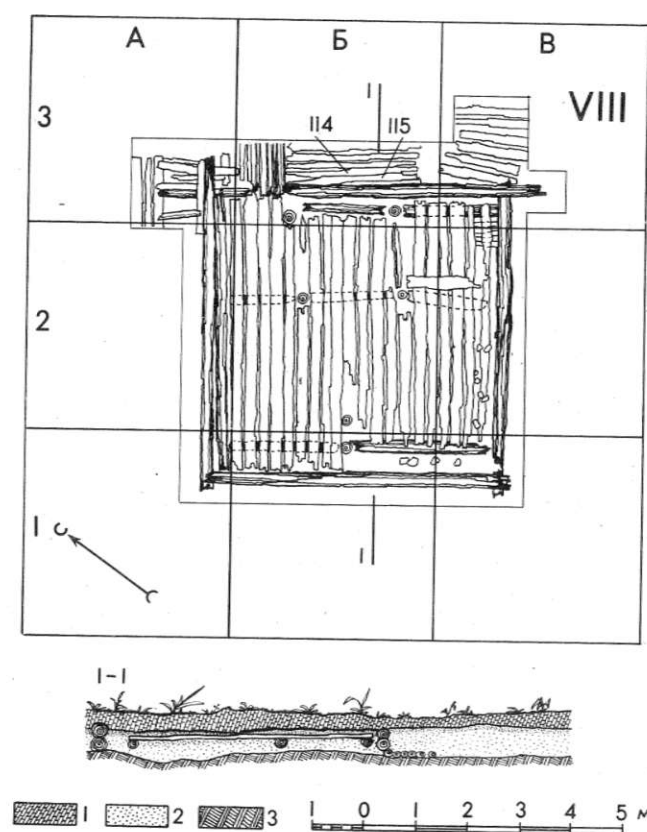
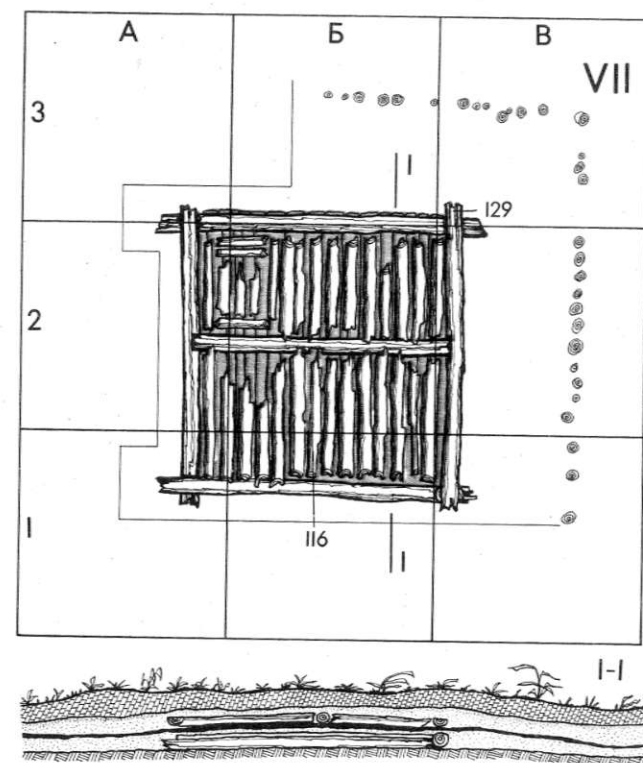

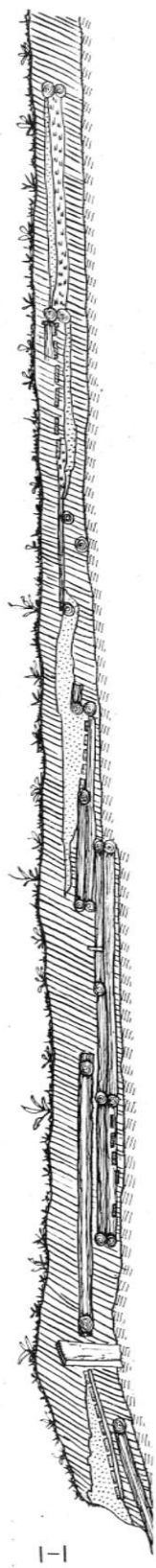
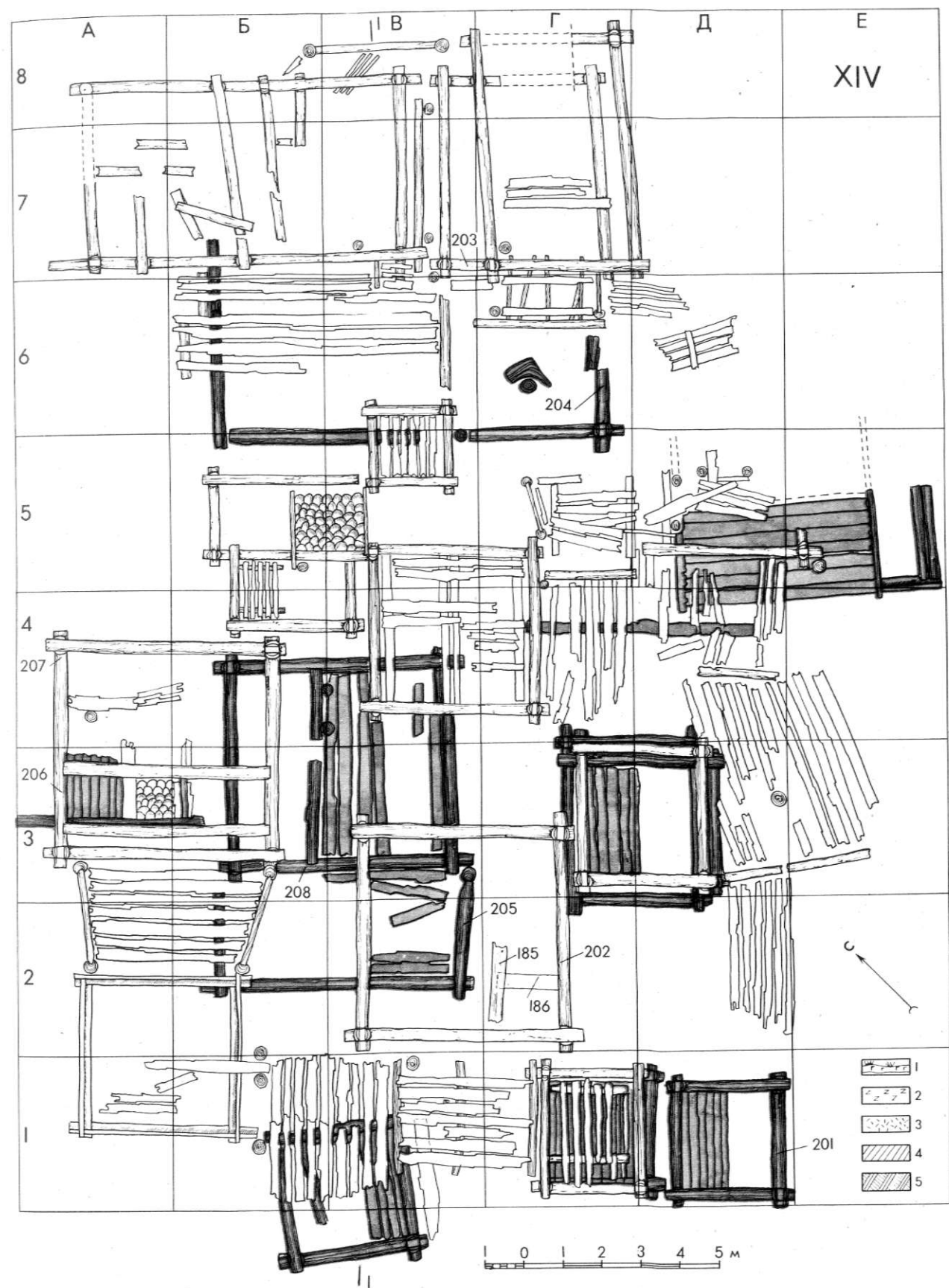
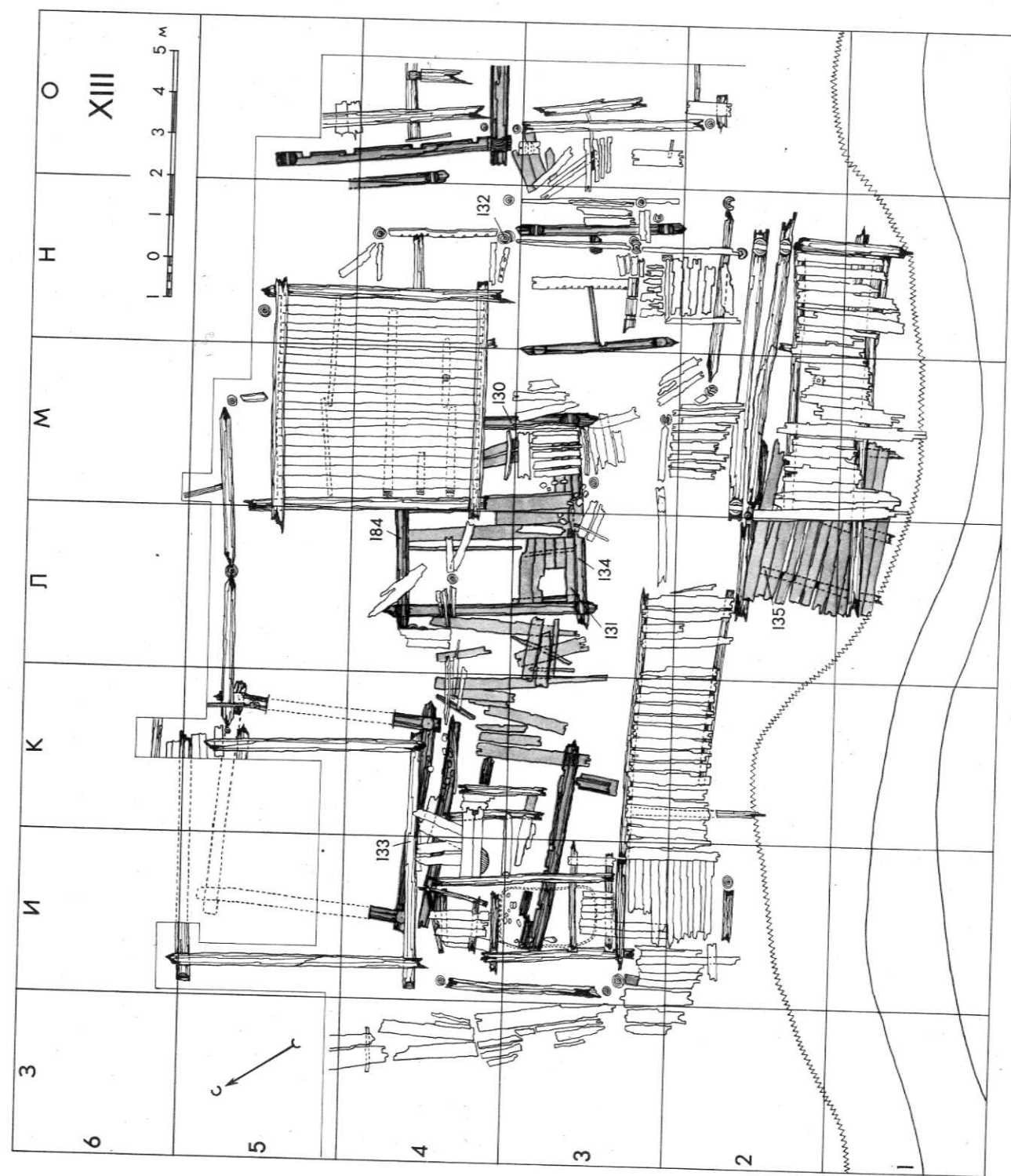

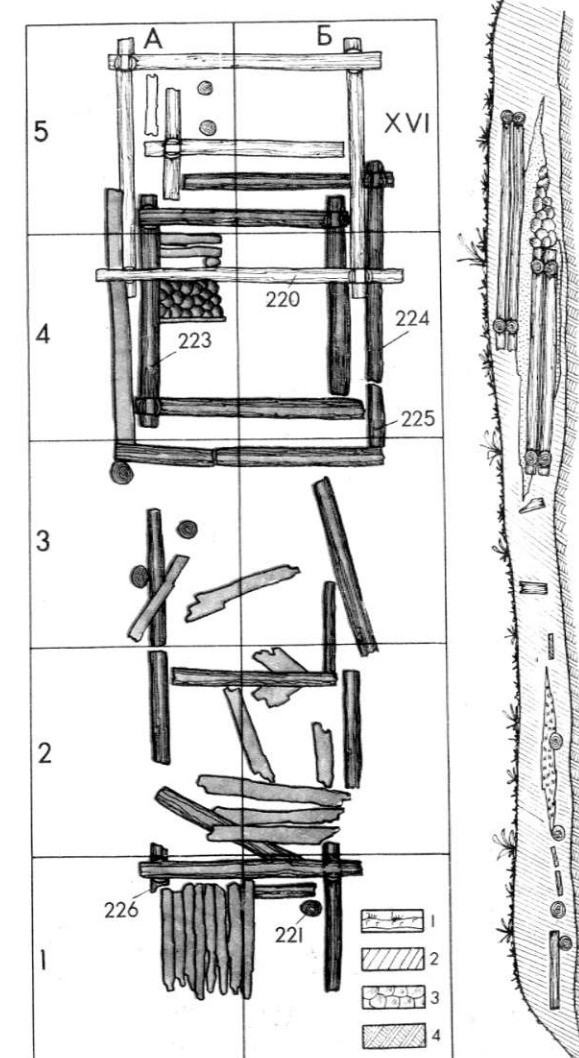
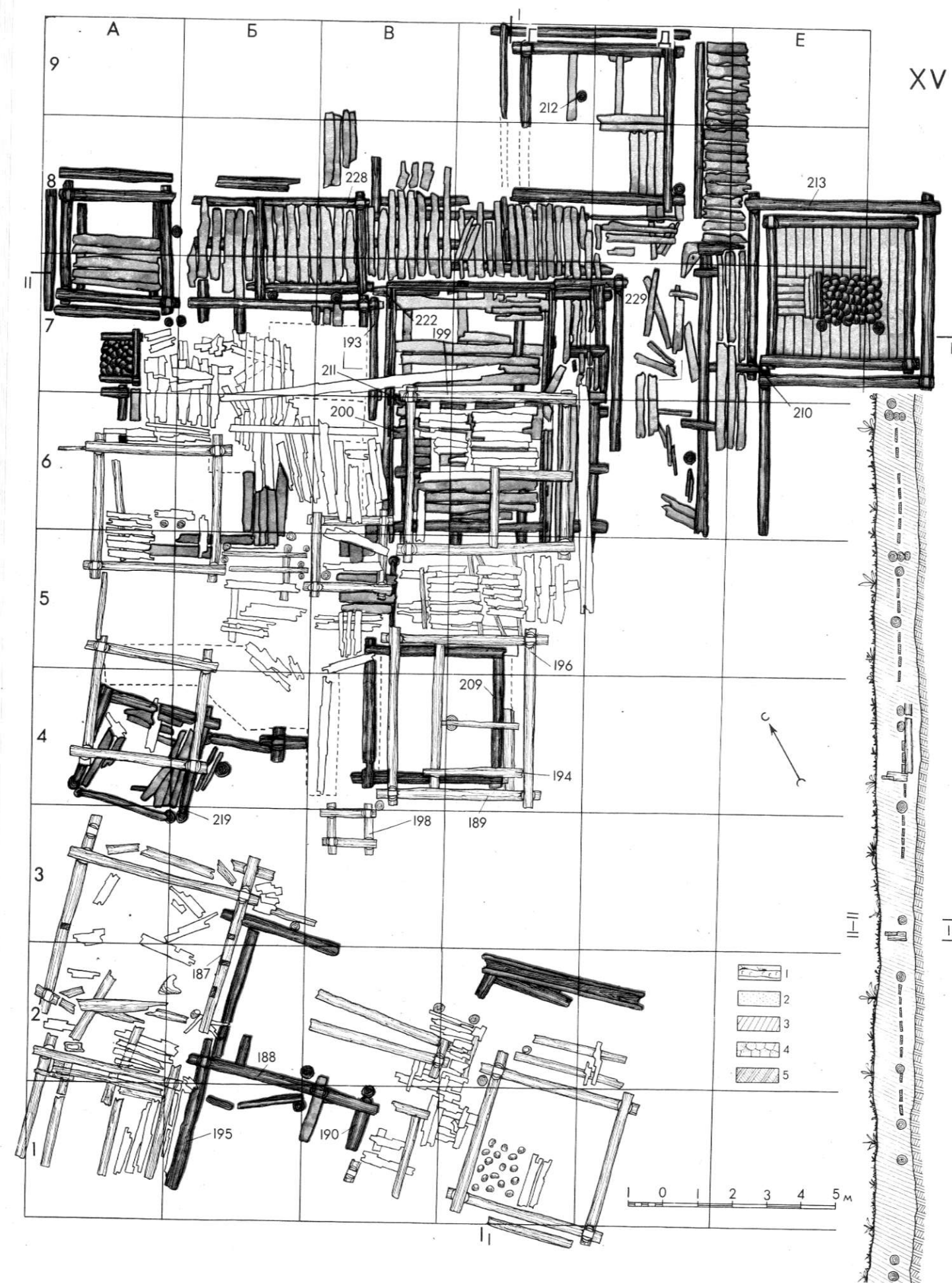

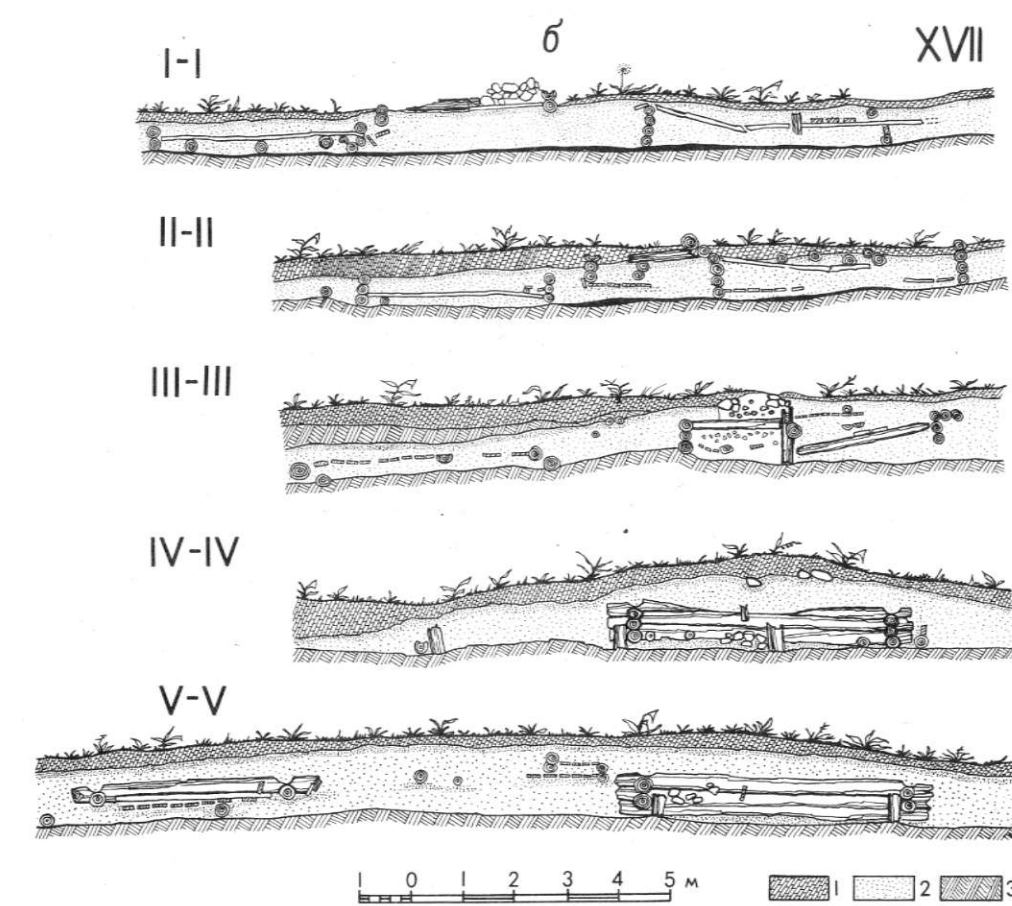
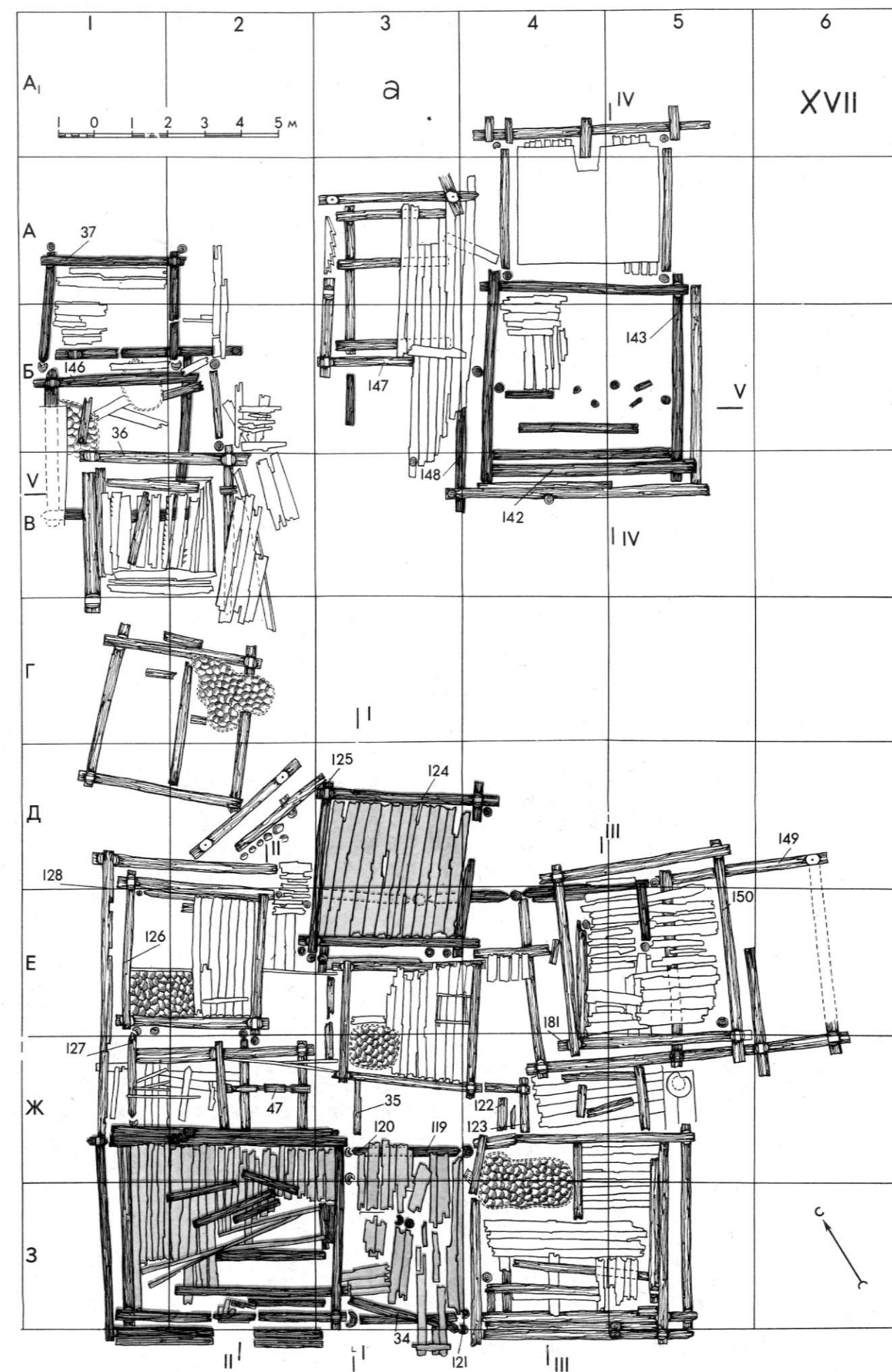

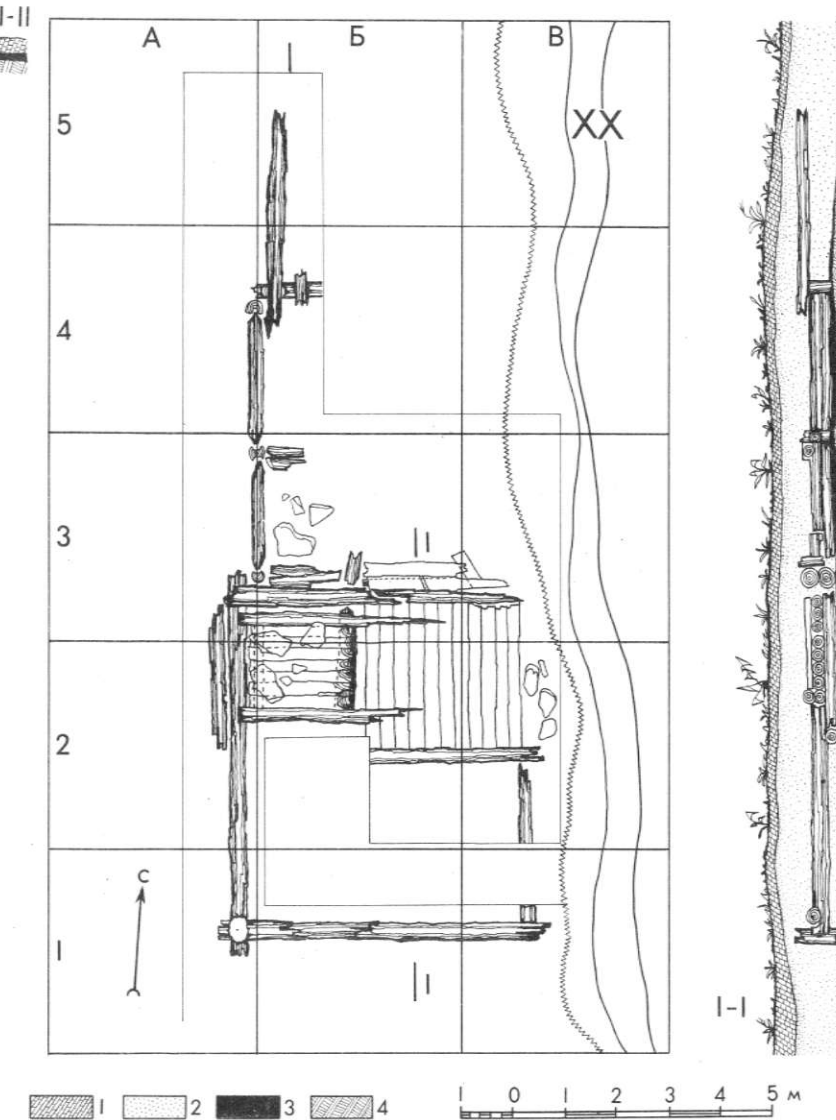
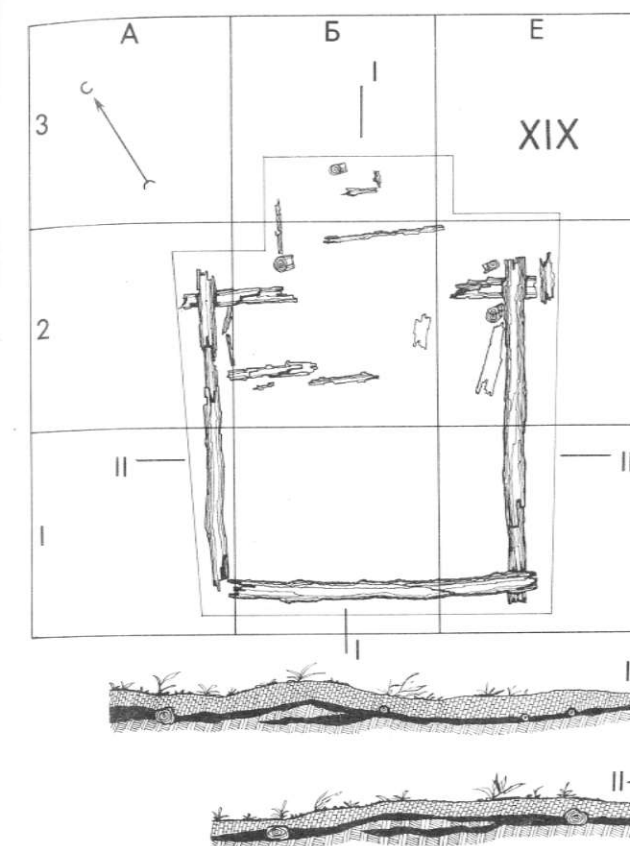
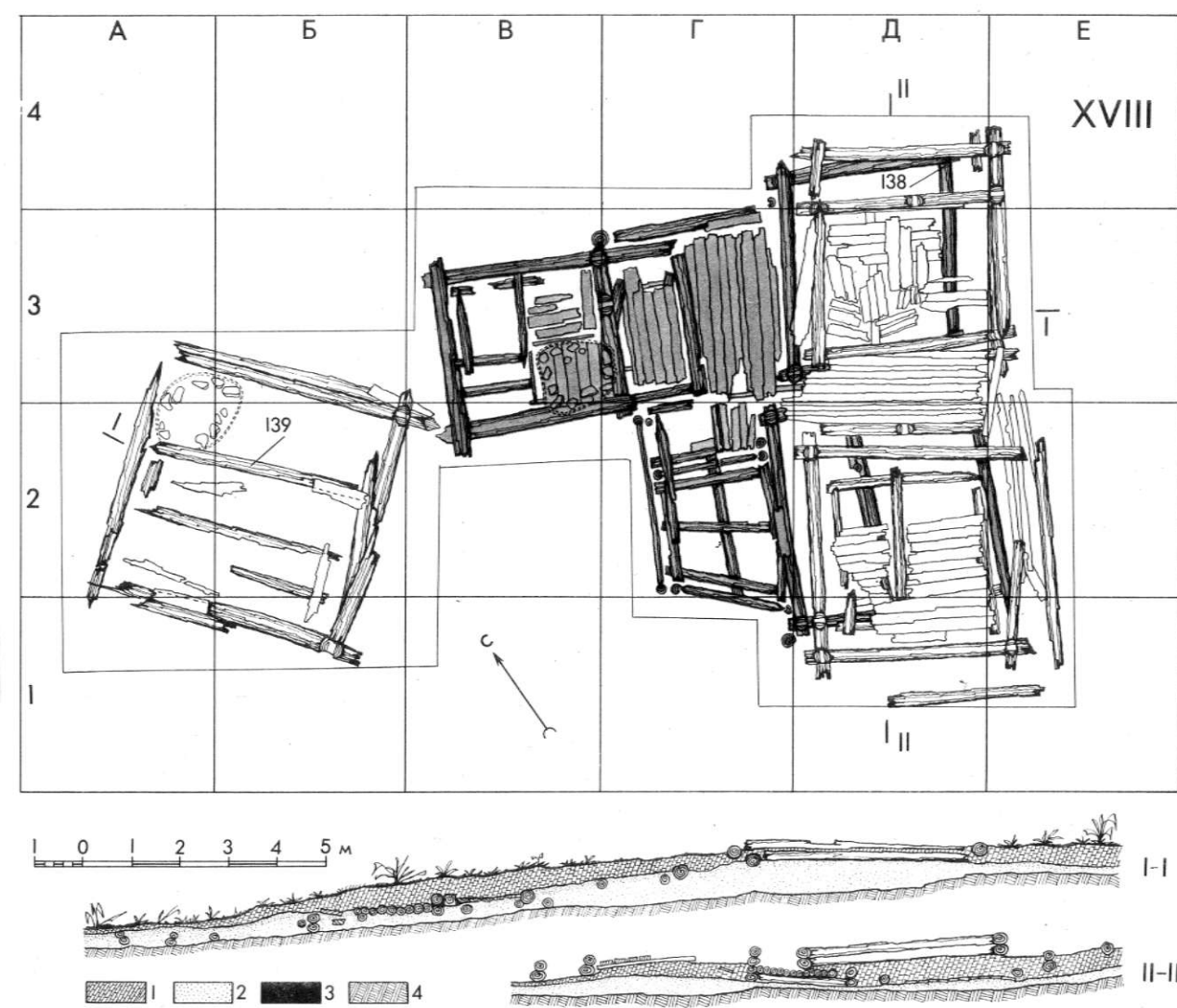

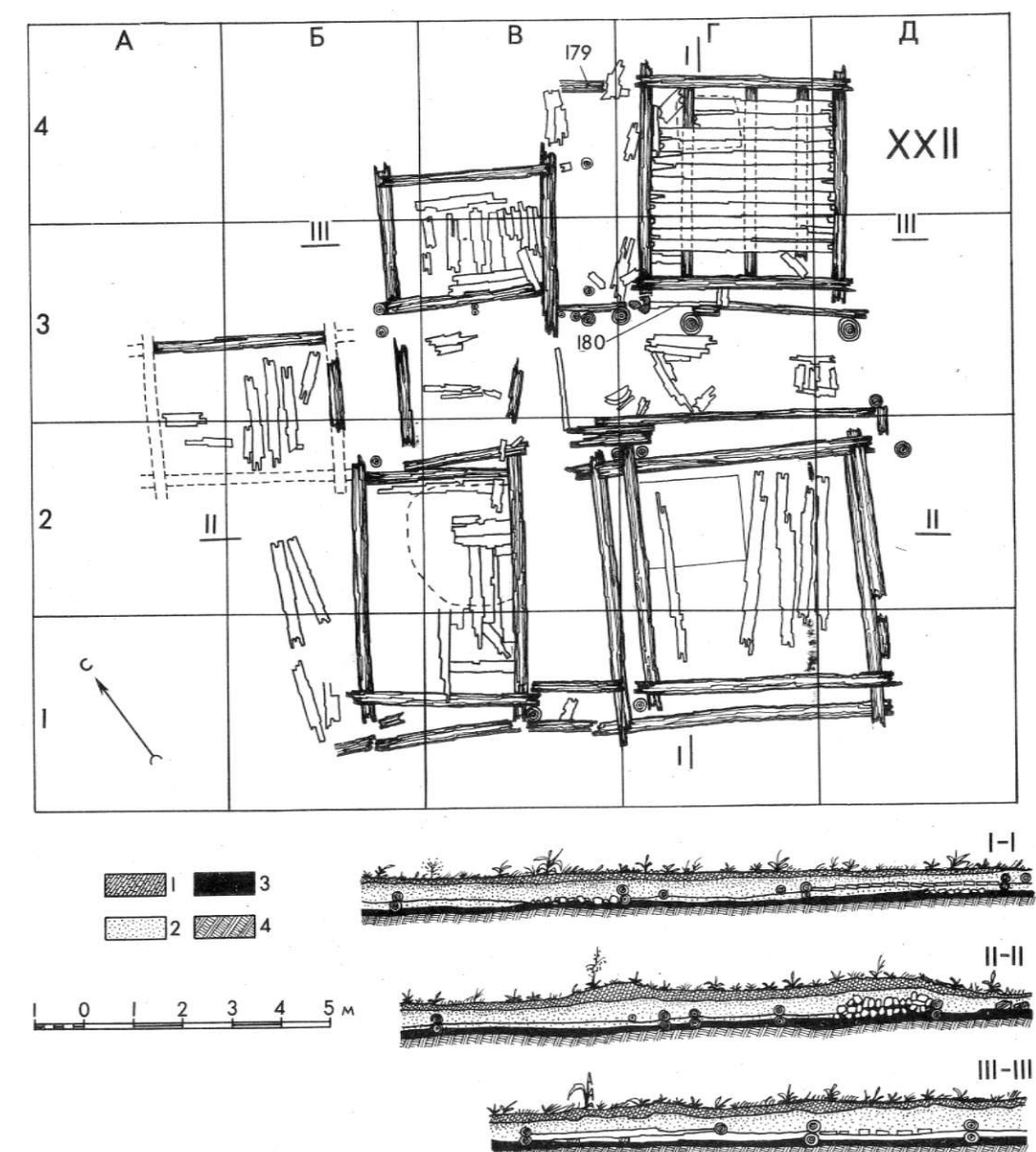
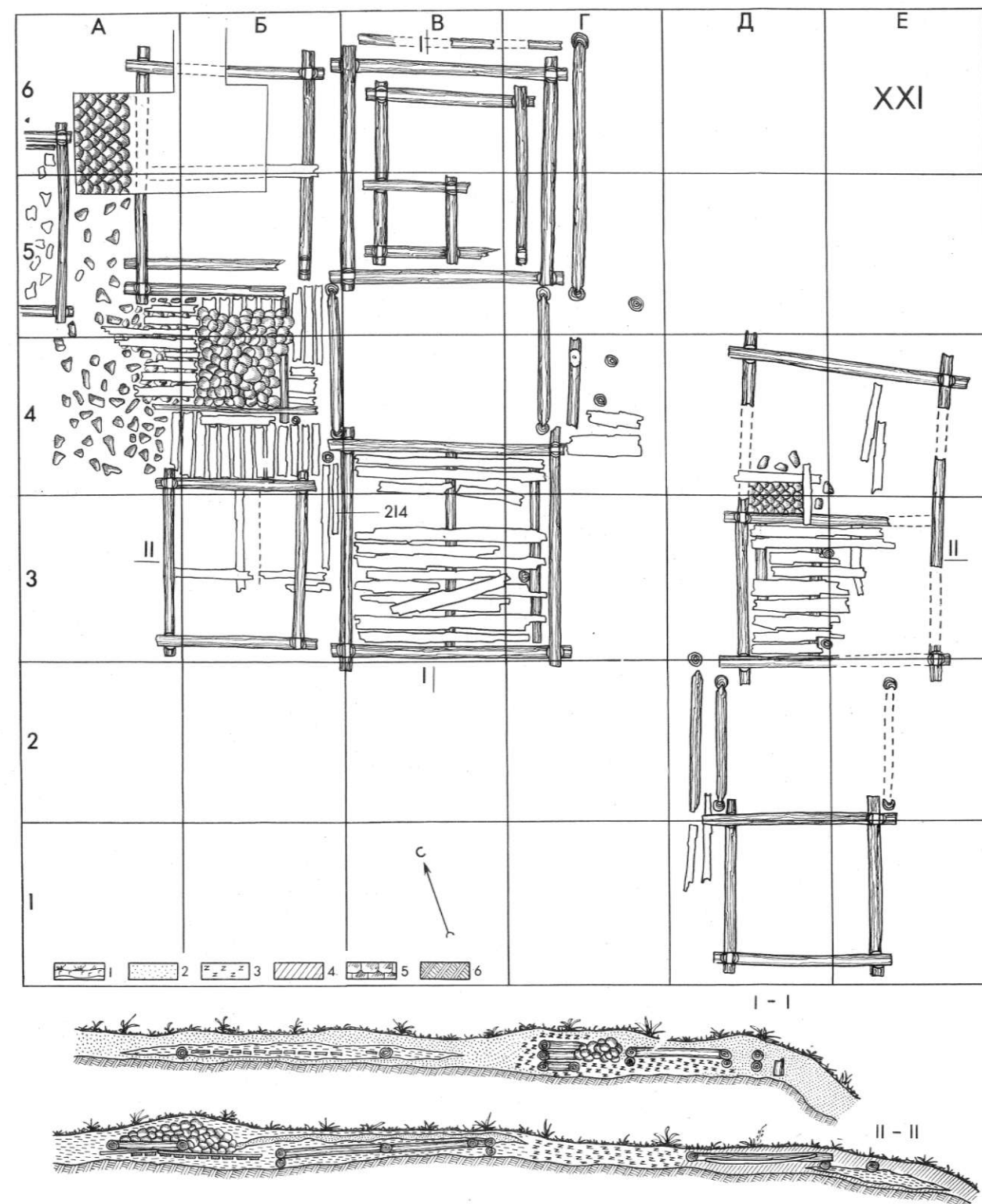

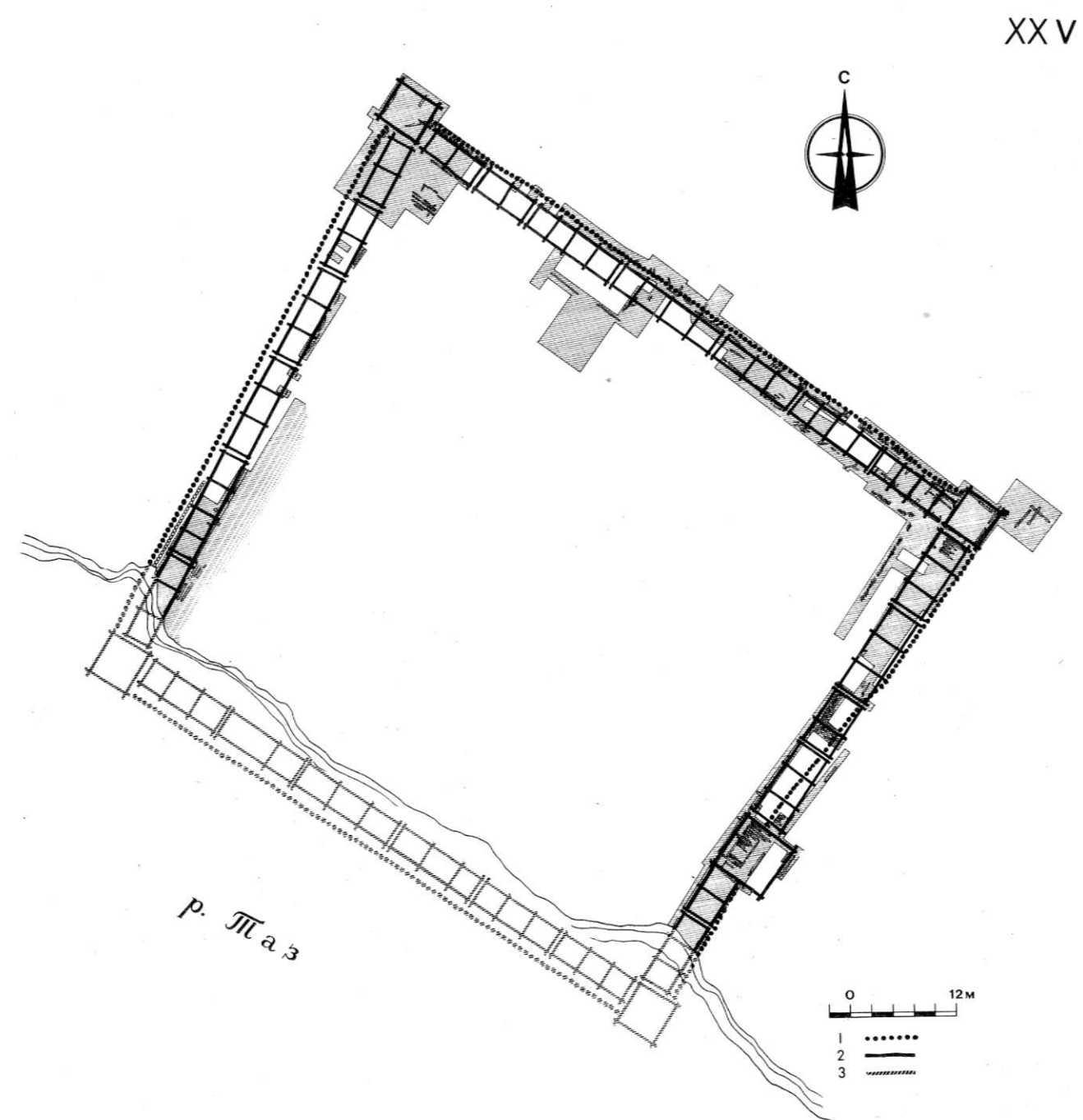
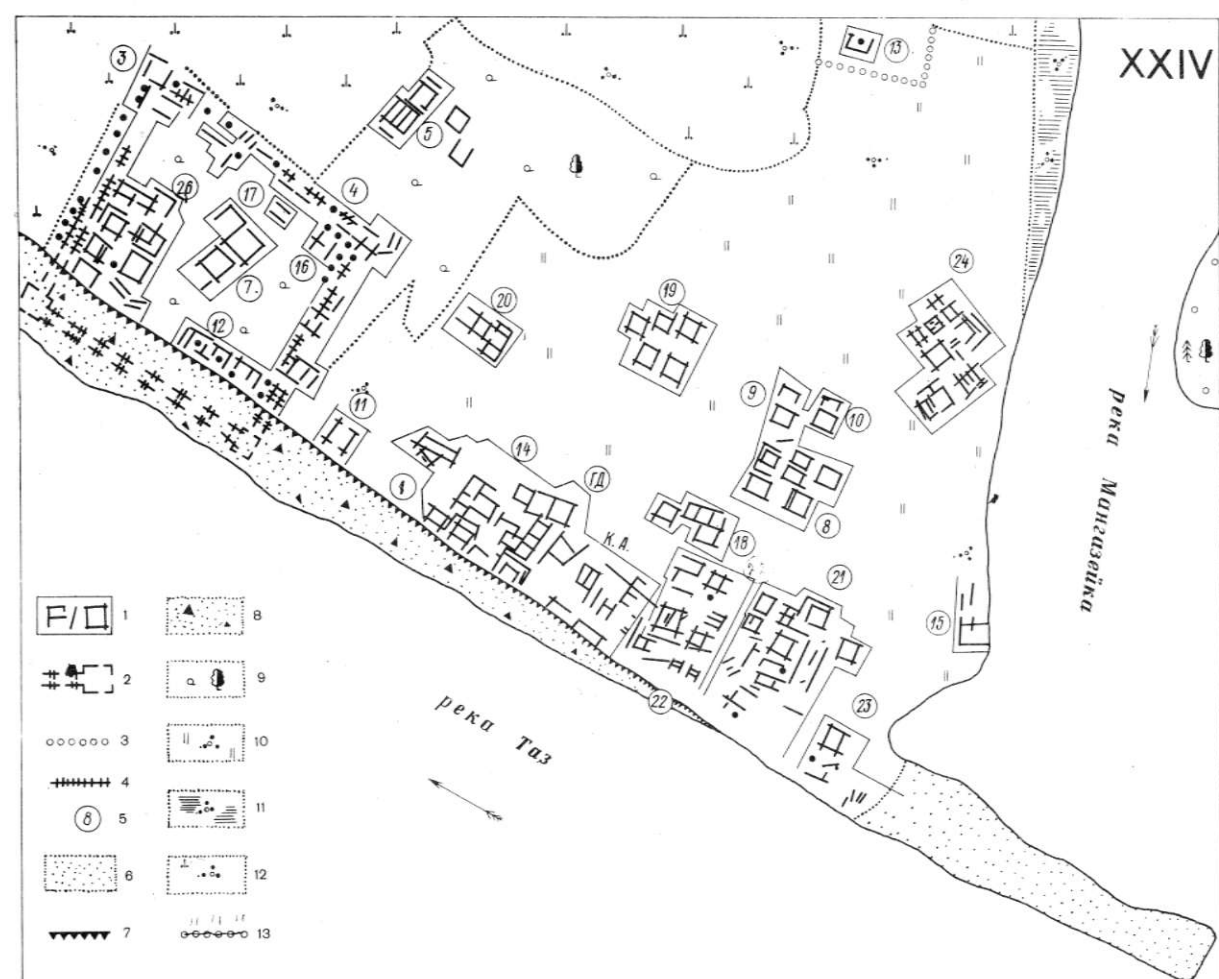
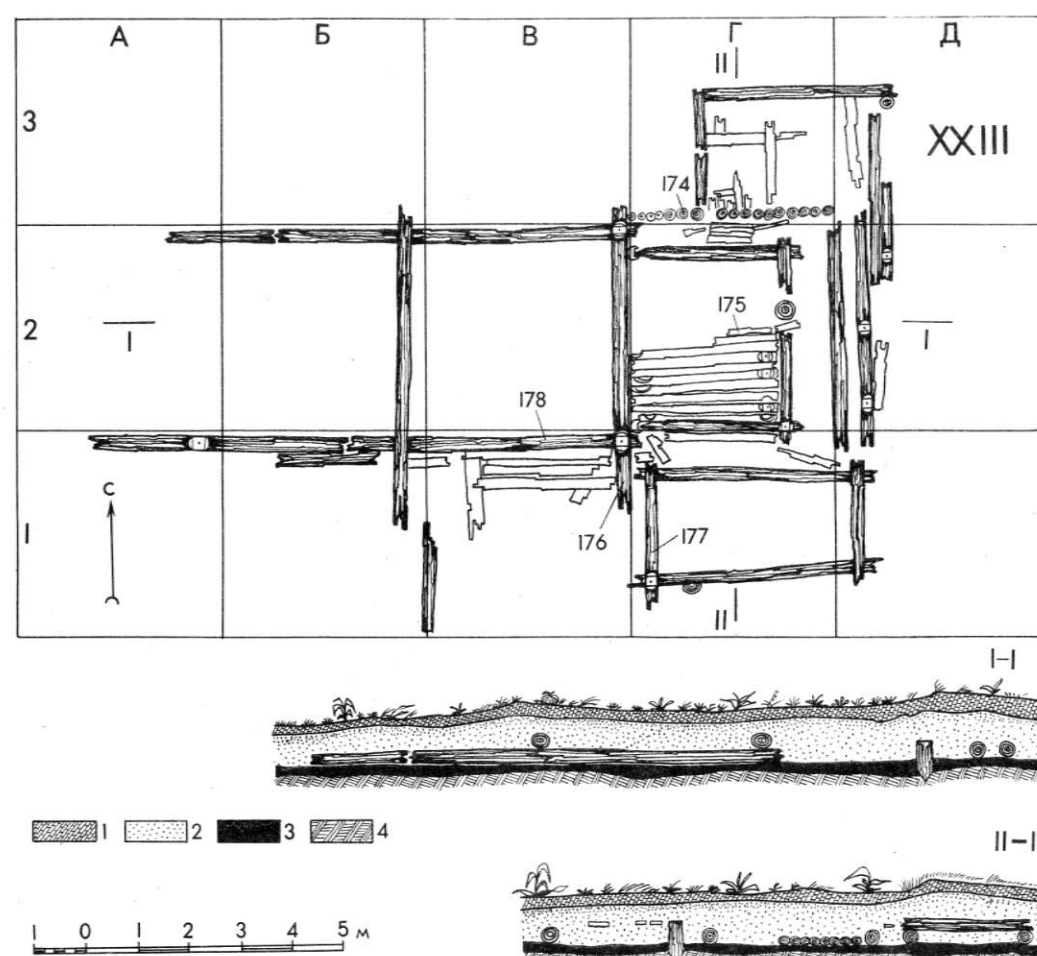

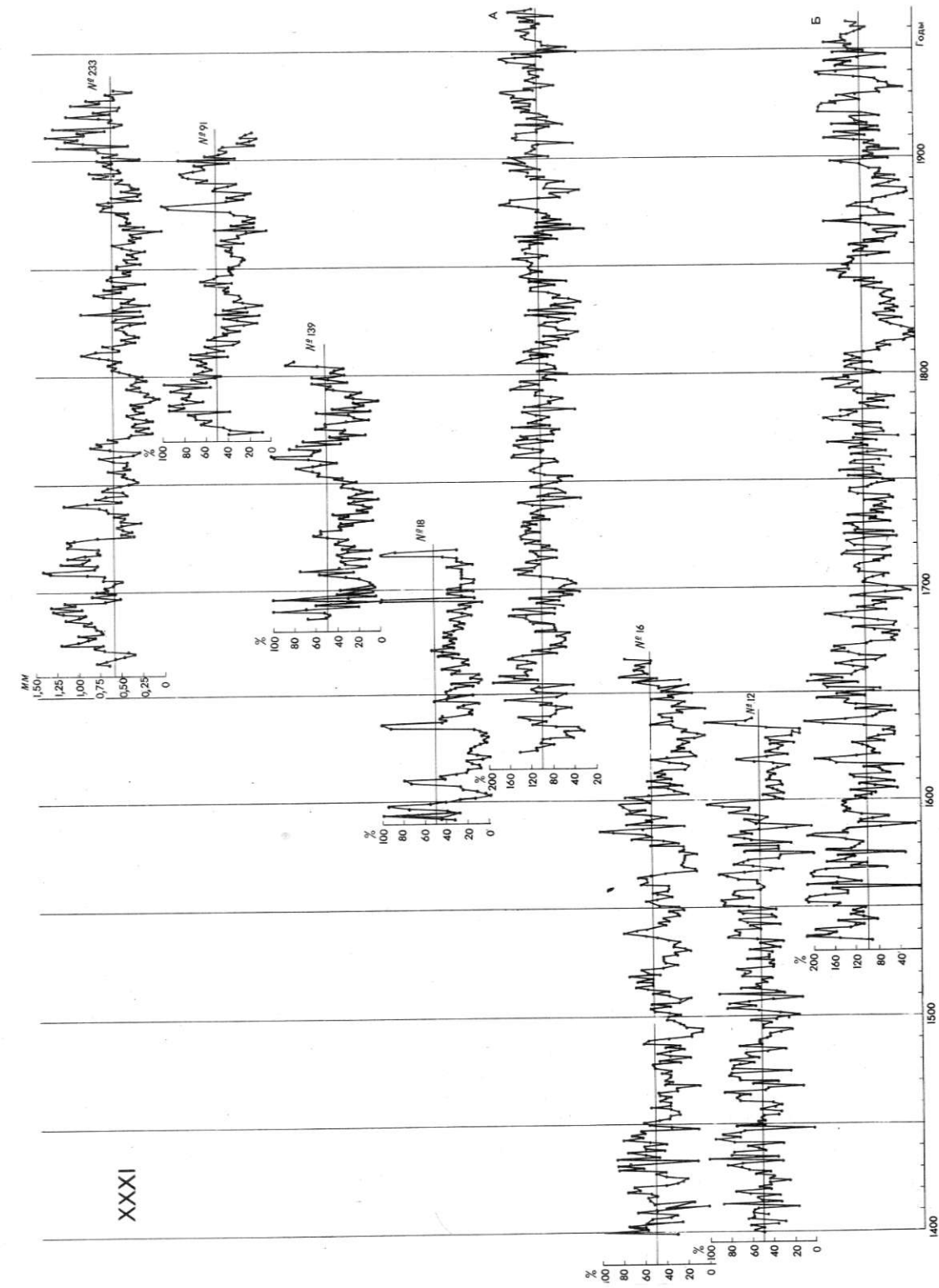
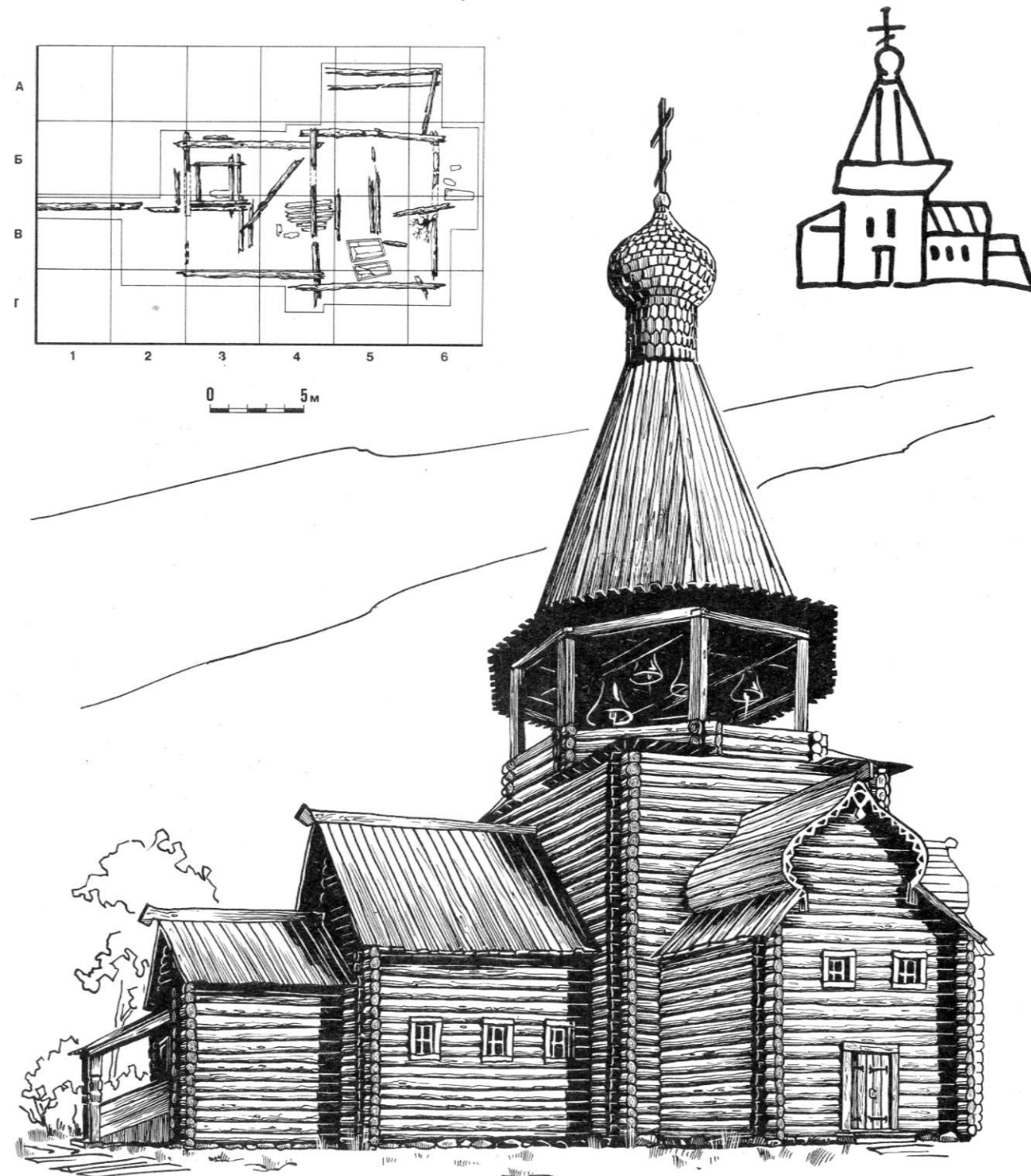

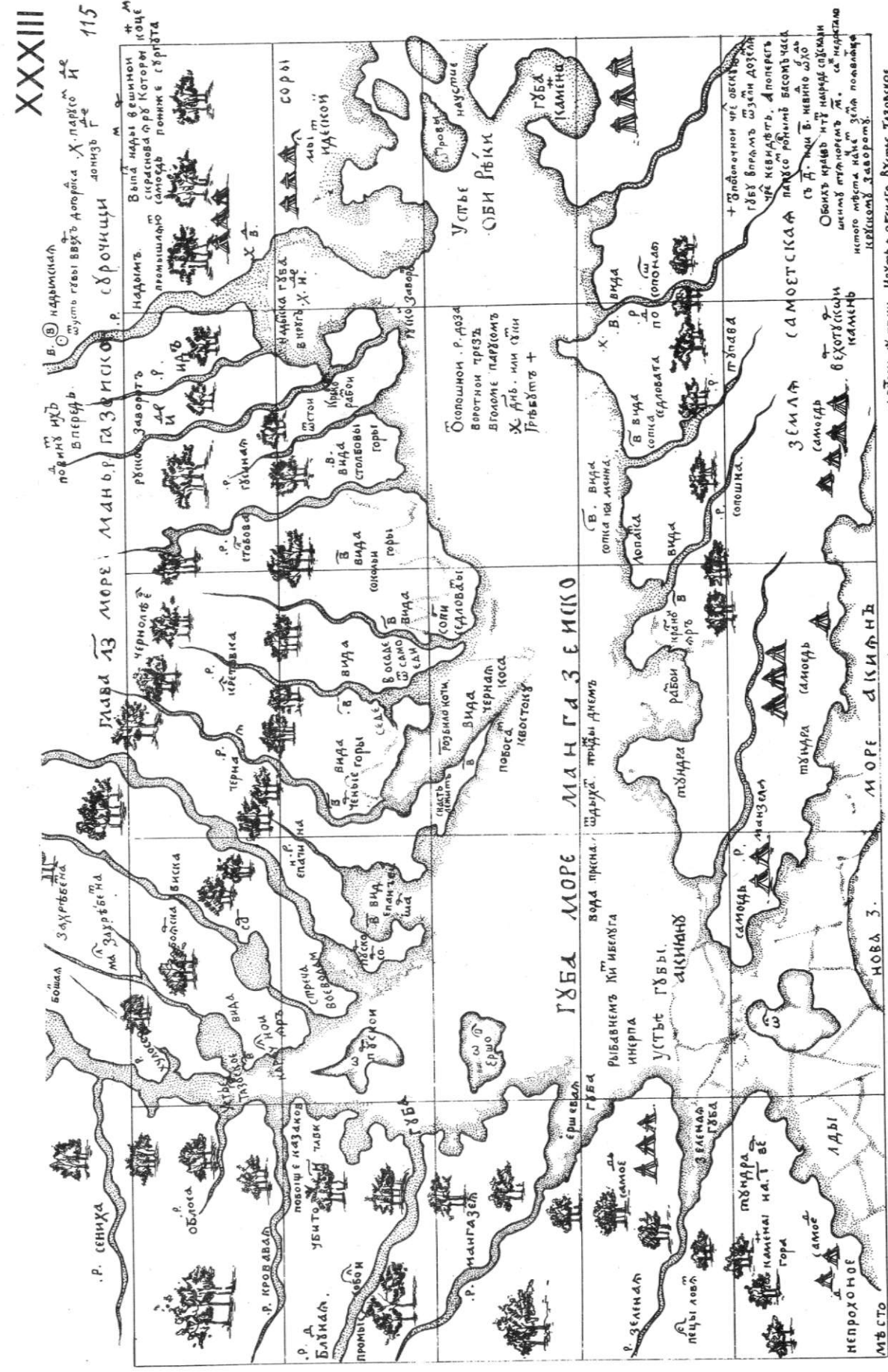
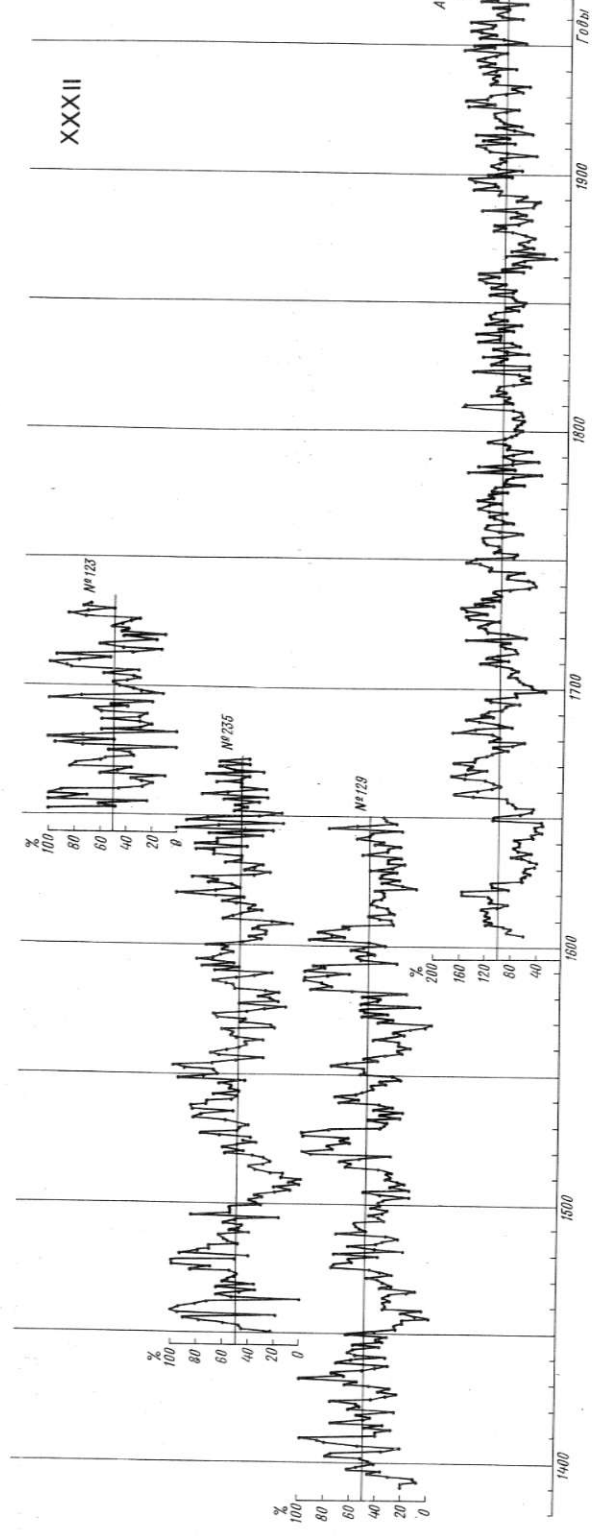

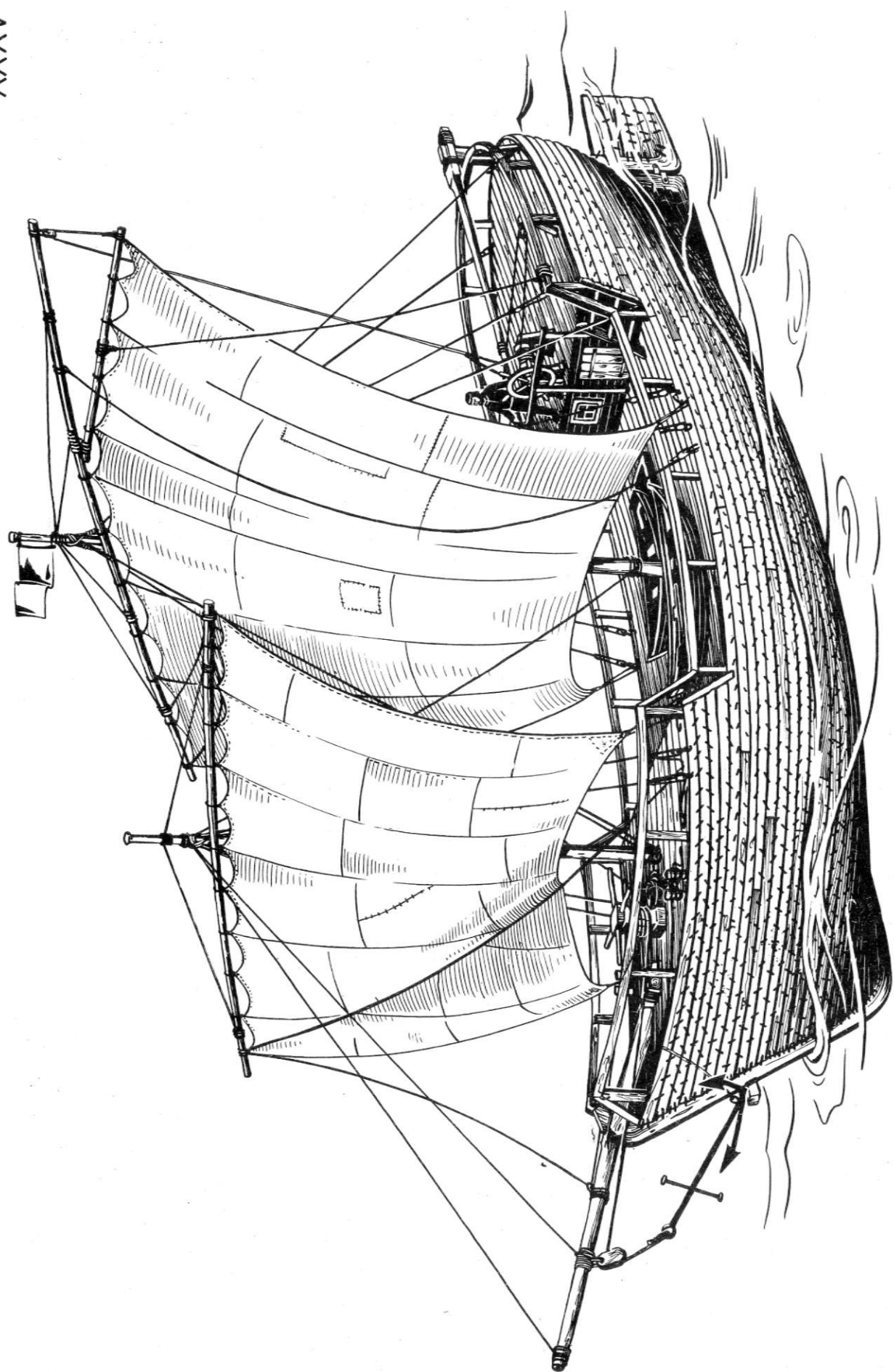

XXXIII

115

XXXV

АКТЫ ЭКСПЕРТИЗ

АКТ 1

Экспертиза застывшей массы с фрагмента амфоры из-под бальзама

В результате анализа застывшей массы, обнаруженной на фрагменте амфоры из-под бальзама при раскопках древнего городища Мангазеи, нами было выяснено следующее:

1. Это вещество не относится к природным бальзамам.
2. Не является однородным и представлено грубоплетеной тканью, пропитанной темной вязкой жидкостью с резким специфическим запахом дегтя.
3. Дальнейший химический анализ подтвердил, что жидкость, пропитывающая ткань, — деготь.
4. Микроскопический анализ ткани, отмойтой абсолютным этанолом от дегтя, показал, что ткань является льняным волокном без примеси других волокон, т. е. представленное на анализ «вещество» не может, вероятно, являться содержимым амфоры, а внесено в нее случайно.

1/VIII 1969 г.

А. Г. Егоров, ректор Ленинградского химико-фармацевтического института, доцент.

АКТ 2

Анатомическое и рентгенологическое исследование костных материалов из захоронений на городище Мангазеи

1. Фрагменты костей из захоронений в северо-восточной части Троицкой церкви (рис. 29).

Исследованные костные материалы принадлежат людям различного возраста.

1. Части черепа, нижняя челюсть, часть правой тазовой кости, правая плечевая кость и правое предплечье. Указанные кости характерны для мужчины 25—30 лет.

В области левой теменной кости имеется два небольших плоских выступа, предположительно, сифилитического происхождения. В лобной кости над левым лобным бугром прослеживаются следы прижизненной травмы, полученной за большой промежуток времени до смерти.

В затылочной кости слева сквозная трещина. Имеется расхождение затылочно-сосцевидного шва с той же стороны. Это указывает на свежее повреждение, полученное после смерти или послужившее ее причиной.

2. Череп и нижняя челюсть, часть тазовой кости, два поясничных позвонка, несколько длинных трубчатых костей. Это кости взрослого, физически крепкого человека, очевидно, мужчины лет 30. Патологических изменений на этих костях нет. Череп представлен фрагментарно. Имеющиеся в нижней челюсти зубы слегка стерты.

3. Череп в обломках и нижняя челюсть. Швы черепа не синостозировали. Это наблюдается у людей не старше 22—25 лет. В нижней челюсти коронки 6-го и 7-го левых зубов значительно стерты. На месте некоторых отсутствующих зубов нет луночек, т. е. зубы были потеряны, вероятно, за несколько лет до смерти. Значительная стертость зубов свидетельствует о большой нагрузке, которую испытывала челюсть.

Помимо черепа, имеется несколько длинных трубчатых костей, часть таза, несколько позвонков. На четвертом поясничном позвонке видны едва заметные проявления окостенения передней продольной связки, что появляется после 35 лет. Вероятно, этот отдел был значительно нагружен. Можно предполагать, что кости принадлежат женщине 30—35 лет.

4. Несколько длинных трубчатых костей конечностей, части таза, несколько позвонков и череп. Они принадлежат подростку — девочке лет 12-ти. Патологических изменений в них не обнаружено. Ноябрь 1970.

II. Кости из раскопа часовни Василия Мангазейского (раскоп 11).

1. Череп и несколько трубчатых длинных костей. На черепе все швы зияют, расстояние между ними широкое, слияния затылочной и основной костей нет. Ширина этого синхондроза такова, какой обычно бывает у ребенка в 10—11 лет.

На представленном черепе полностью прорезались постоянные резцы как верхние, так и нижние. Имеются полностью сформированные коронки ретинированных, т. е. расположенных в ткани челюсти клыков, еще не прорезавшихся. Имеются молочные 4-й и 5-й прорезавшиеся зубы, а также сформированные ретинированные постоянные зубы на соответствующих местах и челюстях.

На исследуемом черепе 6-е — 1-е коренные зубы прорезались почти полностью, но верхушки их корней еще не оформлены. 7-е зубы ретинированы. Они достаточно оформлены (как верхние, так и нижние). Коронки их чуть-чуть выступают над краем луночки челюсти. Можно сказать, что при жизни эти зубы были покрыты тонким слоем слизистой полости рта. Такое состояние называют положением зубов «под капюшоном». Подобная фаза развития зубов наблюдается в возрасте 10—12 лет.

Угол между ветвью и телом нижней челюсти у ребенка тупой. Постепенно величина этого угла уменьшается и к 12—13-ти годам угол составляет примерно 90°, т. е. такой же, как у взрослого человека. На черепе положение ветви и тела челюсти таково, как у ребенка 10—11 лет.

Таким образом, имеющиеся анатомо-рентгенологические данные о состоянии черепа позволяют определить возраст данного человека — это ребенок 10—11 лет.

Кроме черепа, были представлены следующие кости: диафизы двух бедренных костей, правый и левый, один эпифиз (суставной конец) левого бедра; диафизы костей левой голени (больше-берцовая и мало-берцовая кости) и один эпифиз (верхний) больше-берцовой кости. Имелись диафизы правой и левой плечевых костей, кости левого предплечья (диафизы лучевой и локтевой кости).

По состоянию трубчатых костей можно сказать следующее: слияния (синостоза) эпифизов с метафизом нет. Поверхности смежных отделов метафиза и эпифиза бугристы, как

это бывает в период роста костей. На верхних концах бедренных костей имеется небольшой выступ для малого вертела. На верхнем (единственно имеющемся) эпифизе большеберцовой кости отчетливо выступает межмыщелковое возвышение. На передней поверхности эпифиза имеется небольшой выступ, направленный вниз, что является началом образования бугристости большеберцовой кости. Эти признаки обычно появляются у детей к 9—11 годам.

На рентгенограммах трубчатых костей в области метафизов видны полосы более плотной костной ткани, расположенные перпендикулярно к длинику кости — это «поперечные тяжи» — проявление неравномерного роста костей — «толчками» (по Д. Г. Рохлину). Неравномерный рост костей в длину может быть следствием перенесенного тяжелого длительного заболевания, приведшего к рахиту.

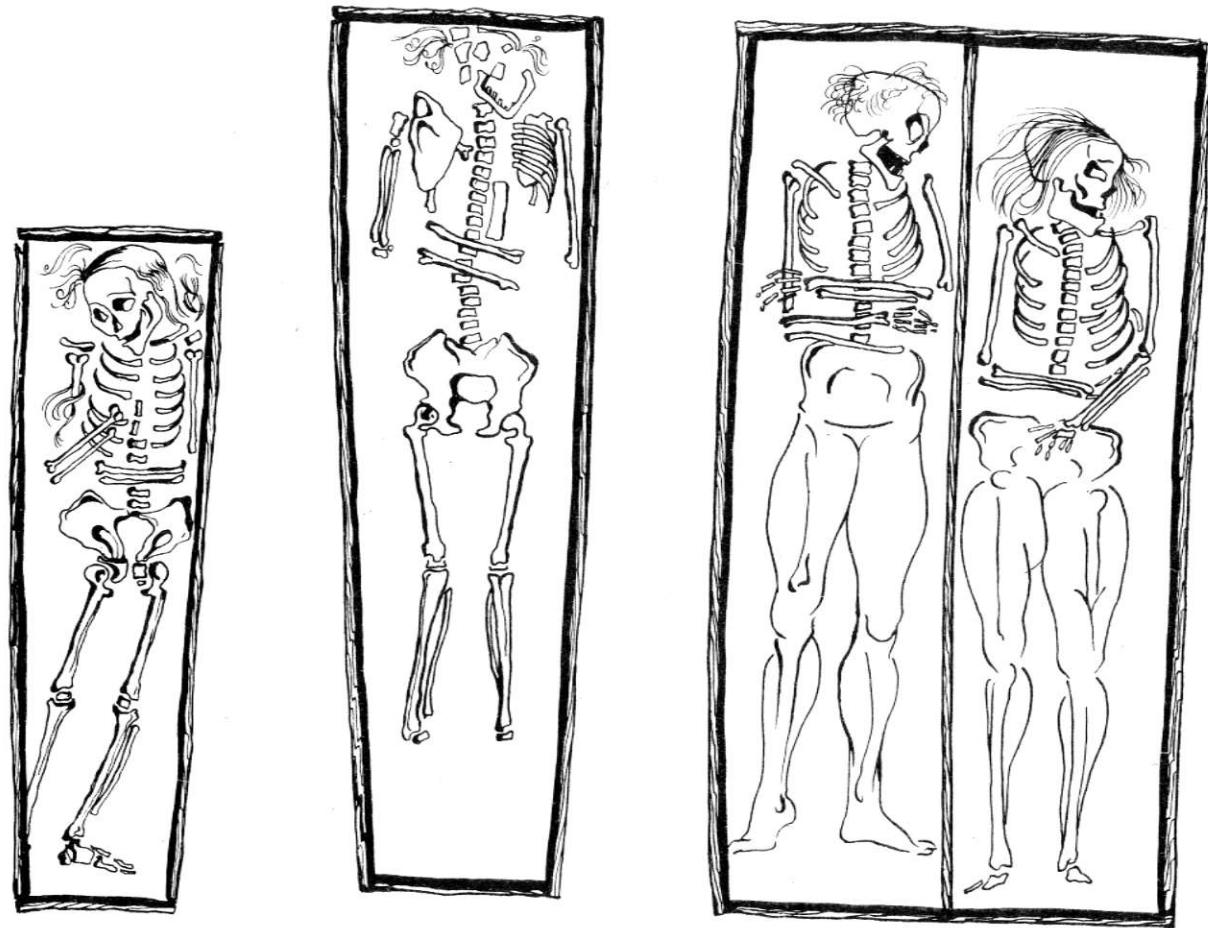

Рис. 29. Захоронение под полом Троицкой церкви (раскоп 7).

На основании полученных данных анатомо-рентгенологического исследования костей можно сказать, что они принадлежат подростку, костный возраст которого соответствует 10—11 годам. Вполне вероятно, что череп и длинные кости принадлежали одному и тому же человеку.

Следует отметить, что в некоторых случаях могут наблюдаться определенные расхождения костного и паспортного возраста. У ребенка или подростка отставание костного возраста от паспортного может быть связано с длительным плохим питанием, недостатком витаминов, тяжелыми условиями жизни, неблагоприятными климатическими условиями. Отставание костного возраста от паспортного в таких случаях составляет 1—3 года.

10 сентября 1975 г.

М. А. Фикельштейн, кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник кафедры рентгенологии и радиологии Первого ленинградского медицинского института.

АКТ 3

Анализ окаменевших остатков с полуострова Ямал

Всего изучено 4 образца:
Образец 1. Вар современный.
Образец 2. Дерево окаменевшее.
Образец 3. Образец под названием «Мангазея».
Образец 4. Окаменевший остаток.

На основе анализа инфракрасных спектров (область 600—4000 см⁻¹) и элементарного состава (CH₂O, NaI, зола) сделаны следующие выводы:

АКТ 4

Экспертиза медной руды, обнаруженной в раскопах плавильных центров Мангазеи

Геологические исследования Норильска, проведенные мною в 1920 г., показали, что норильские руды залегают в глинистых сланцах и по типу относятся к инфильтрационным медно-карбонатным. Возникли они в результате окисления и выщелачивания меди при выветривании какого-то близлежащего сульфидного (сернистого) месторождения, которое удалось обнаружить выше медистых сланцев, на склоне той же горы, где находились два крупных гнезда сульфидных руд. С поверхности они выветрили и перешли в бурые железняки, образовав «железную шляпу». Под ней шурфами было открыто сульфидное месторождение, названное Норильск. Изучение этих руд в Геологическом комитете Томска показало, что они содержат медь, никель, платиноиды и другие важные элементы.

При выветривании медь выносилась в виде карбонатных соединений, захватывая и часть платиноидов. Поэтому, если мангазейцы плавил карбонатные руды Норильска, их медь непременно должна была содержать платиноиды, хотя бы в небольшом количестве.

Анализ образцов меди, произведенный в спектральной лаборатории НИИГА, показал следующее:

- 1) фрагмент медного изделия: Pt 0,013 г/г; Pd 0,08 г/г
- 2) кусок листа меди: Pt 0,023 г/г; Pd 0,13 г/г
- 3) шлак: не обнаружено.

Следовательно, мангазейцы плавил норильскую руду, конечно, карбонатную, а не сульфидную. Карбонатные руды легкоплавки, легко заметны благодаря ярко-зеленому или синему цвету. Ими пользовались еще люди бронзового века. Сульфидные руды на поверхности переходят в бурые железняки и потому плохо заметны и в примитивных печах плавки не поддаются.

31/I 78 г.

Н. Н. Урванцев, профессор, доктор геолого-минералогических наук.

АКТ 5

Результаты экспертизы костей из раскопа 11 (часовня Василия Мангазейского)

Для экспертизы поступили: череп с нижней челюстью, две бедренные кости, левая большая берцовая, две плечевые, левые кости предплечья (локтевая и лучевая). Эпифизы на всех трубчатых костях не срослись с диафизами. Сохранились

лишь нижний эпифиз левой бедренной кости и верхний эпифиз правой большой берцовой.

Размеры черепа, нижней челюсти и костей, открытые черепные швы, отсутствие слияния затылочноосновного синхондроза, отсутствие слияния эпифизов с диафизами трубчатых костей, состояние зубной системы указывают, что кости принадлежали ребенку.

Возраст ребенка можно определить довольно точно. Рассмотрим с этой целью прежде всего зубную систему.

У ребенка прорезались все постоянные резцы в верхней и нижней челюстях и 1-е коренные зубы. В верхней челюсти сохранились 2-е коренные молочные зубы, а в нижней 1-й и 2-й коренные молочные. В верхней челюсти отчетливо видны закладки постоянных клыков: 1-го предкоренного и 2-го коренного. Сопоставление по схемам порядка прорезания зубов, роста корней постоянных зубов и рассасывания молочных, с учетом возможных индивидуальных колебаний в зависимости от условий питания и среды, позволяют сделать вывод, что возраст ребенка варьирует от 9 до 11 лет.

Размеры черепа, относительно развитый костный рельеф, как и большая величина коронок постоянных зубов дают уверенное определение мужского пола ребенка. Величина продольного диаметра черепа (170 мм) соответствует возрасту мальчиков 9—11 лет. Поперечный диаметр большой — 137 мм. Черепной указатель 80,0 указывает на умеренно брахикранную форму черепа. Размеры трубчатых костей из-за отсутствия эпифизов могут быть измерены с некоторым приближением. Все же, опираясь на эти размеры, можно получить представление о росте ребенка. Наиболее точно определяется длина бедренной кости. Она равна 300 мм, что соответствует росту в 119,0 см. Большая берцовая кость приблизительно равна 235 мм. Соответствующий рост — 116,7 см. Наименее точным является измерение плечевой кости — 210 мм, что соответствует росту 121,95 см.

Строго говоря, кости нижних конечностей дают более точные результаты, но в данном случае, вероятно, правильное будет использовать показатели всех костей. Вычисленная средняя величина дает размер 119,2 см. В свою очередь, такая длина тела соответствует возрасту мальчиков, по данным разных авторов, на конец XIX — начало XX вв., около 9 лет, что близко к полученным цифрам по состоянию зубной системы. Относительно расовой характеристики черепа сказать можно немного. Но отсутствие уплощенности лица и довольно высокие носовые кости указывают на европеоидный облик черепа.

Заключение. Костные останки принадлежали мальчику европеоидной расы, возраст которого был около 10 лет, рост около 120 см.

И. И. Гофман, старший научный сотрудник отделения антропологии Института этнографии АН СССР, кандидат наук;
А. Б. Радзюн, младший научный сотрудник.

Михаил Иванович Белов, Олег Владимирович Овсянников,
Вадим Федорович Старков

МАНГАЗЕЯ. МАНГАЗЕПСКИЙ МОРСКОЙ ХОД

Редактор Е. И. Оксенова. Оформление В. В. Быкова

Технический редактор М. И. Брагина.

Корректор Г. С. Макарова

ИБ № 854

Слано в набор 27.11.78. Подписано в печать 15.01.80. М-23210. Формат 60×90^{1/8}.
Бум. тип. № 1. Лит. гарн. Печать высокая. Печ. л. 21,5 (в т. ч. вклейки). Уч.-изд. л. 23,43.
Тираж 3360 экз. Индекс ГЛ-86. Заказ 371. Цена 2 руб. 20 коп.
Гидрометеиздат, 199053. Ленинград, 2-я линия, д. 23.

Типография им. Анохина

Управления по делам издательства, полиграфии и книжной торговли
Совета Министров Карельской АССР
Петрозаводск, ул. «Правды», 4.